

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Войтех Замаровский

ИХ ВЕЛИЧЕСТВА ПИРАМИДЫ

2-е издание

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1986

Редакционная коллегия

К. З. АШРАФЯН, Г. М. БАУЭР, Г. М. БОНГАРД-ЛЕВИН (*председатель*), Р. В. ВЯТКИН, Э. А. ГРАНТОВСКИЙ,
И. М. ДЬЯКОНОВ, И. С. КЛЮЧКОВ (*ответственный секретарь*), С. С. ЦЕЛЬНИКЕР

Перевод со словацкого О. М. МАЛЕВИЧА

Ответственный редактор 2-го издания И. А. СТУЧЕВСКИЙ

Послесловие Н. С. ПЕТРОВСКОГО и И. А. СТУЧЕВСКОГО

Замаровский В.

3-26 Их величества пирамиды. 2-е изд. Пер. со словацкого О. М. Малевича. Послесл. Н. С. Петровского, И. А. Стучевского. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986.

432 с. с ил. («По следам исчезнувших культур Востока»).

Книга известного чехословацкого популяризатора Войтеха Замаровского, написанная на основе существующей литературы по египтологии и личных наблюдений автора, представляет собой увлекательный рассказ об истории «открытия» пирамид и их научного изучения.

© Перевод, послесловие и комментарии: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1981; 1986 с изменениями.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

I. Каменные дрова на Ниле

Глава I. Европа узнает о пирамидах

Глава II. Халиф аль-Мамун и арабские историки

Глава III. Авантюристы, солдаты и кладоискатели

Глава IV. Приход египтологов

II. Вопросы и ответы из Царства мертвых

Глава V. Беглый взгляд на историю Египта

Глава VI. Религия, мумии и гробницы

Глава VII. Как родилась пирамида

III. Пирамиды в свете науки

Глава VIII. Ступенчатые пирамиды начала Древнего царства

Глава IX. «Горы фараонов» IV династии в Гизе

Глава X. Пирамиды V и VI династий

Глава XI. Возрождение и гибель: пирамиды Среднего царства

IV. Приложение

Глава XII. Последние загадки

Я. С. Петровский. Источники сведений о Древнем Египте в России в XI—XVIII веках

И. А. Стучевский. Фиванский город мертвых

Примечания

Литература

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга приглашает вас в чудесную страну на берегах Нила. К самым древним и самым крупным на свете монументальным постройкам, что возносятся к небу между серебристо-желтой пустыней и оливково-коричневой величественной рекой. К фантастическим и вместе с тем геометрически строгим постройкам, которые арабы на своем цветистом языке называют «горами фараонов». К пирамидам.

Тысячи лет высятся эти каменные дива на равнине, которая тянется от Абу-Роаша через Гизе к Иллахуну; миллионы людей, не жалея ни времени, ни денег, приезжали сюда со всего света, чтобы увидеть их: путешественники античной Греции, римские императоры и багдадские халифы, миссионеры, астрономы, кладоискатели, авантюристы в военной форме и в джинсах, ученые, знакомые с египетским иероглифическим письмом, и просто любезнательные туристы. Все они стояли перед пирамидами в изумлении качая головами и задавая себе бесконечные вопросы Кому пришло в голову громоздить такие горы камня? Какой это имело смысл и какую преследовало цель? И как, собственно, люди сумели это осуществить? Да притом столько тысяч лет назад?

При виде пирамид невольно возникают эти вопросы как возникали они много лет назад и, вероятно, будут возникать и впредь. Они подсказаны не только обыкновенным любопытством, но и восхищением. Общеизвестно, что пирамиды - гробницы египетских фараонов воздвигнутые для сохранения их мумифицированных тел и погребальной утвари; известно, что возводили их подданные фараонов, и даже известно, как они это делали. Все это установил еще Геродот. От него Европа получила первые подробные сведения о пирамидах, и современные ученые их подтвердили. Однако для этого потребовалось немало времени, ибо средневековые окутало пирамиды покрывалом загадочности и фантастики. Так, например, существовали предположения, что это сейфы для сокровищ фараонов или житницы, построенные еще библейским Иосифом (в венецианском храме св. Марка они так и изображены — даже с оконцами), допотопные архивы египетских жрецов или древние обсерватории, заграждения против наступающих с пустыни песков, пограничные крепости, тайные пристанища для безнравственных языческих оргий и так далее в том же роде. Кое-кто вообще сомневался, что пирамиды — дело рук человеческих, есть люди, которые сомневаются в этом и по сей день.

На множество вопросов, связанных с пирамидами, все еще не найдены ответы. Так, точно не установлено их количество, хотя, казалось бы, что может быть проще — взять и сосчитать! И тем более нам неизвестно, сколько их было прежде. Ведь не все они сохранились, подобно прославленным пирамидам в Гизе. От некоторых остались лишь бесформенные груды камня и глины, так что многие ученые вообще отказываются признать их пирамидами. Другие совсем исчезли или погребены под песчаными барханами (одну такую пирамиду в 1952 году, то есть совсем недавно, открыл в Саккара, километрах в двадцати от Каира, египетский археолог Гонейм). Кроме того, не все они имеют правильную пирамидальную форму, какими мы привыкли их себе представлять. Есть среди них и ступенчатые. А у одной — необычные ломаные грани. Многие пирамиды остались недостроенными. Так что, если нам предложат назвать общее число пирамид, мы будем вынуждены ответить приблизительно — от семидесяти до восьмидесяти. Из них около половины — настоящие «фараоновы пирамиды», т. е. гробницы египетских властителей, прочие — «пирамиды сателлитов», гробницы жен и других членов семьи этих владык, а также постройки особого религиозного назначения. В большинстве случаев мы уже знаем имена тех, по чьему приказу была построена та или иная пирамида, иногда же мы можем лишь предполагать имя хозяина пирамиды, а некоторые так и остались анонимными. Иногда мы знаем не только нынешний облик пирамиды, но и ее первоначальный замысел и изменения, внесенные в него во время строительства, а кроме того, подземные коридоры и помещения, окруженные некогда строжайшей государственной тайной. Однако есть пирамиды, у которых невозможно определить ни размеры основания, ни высоту. О «точности до миллиметра» здесь вообще не может быть и речи. Но, несмотря на еще имеющиеся пробелы в наших знаниях о пирамидах, о большинстве из них мы могли бы теперь сообщить Геродоту более точные сведения (особенности об их возрасте и «владельцах»), чем те, которые он получил от древних египтян 2500 лет назад.

Помимо вопросов, на которые мы можем или пока еще не можем ответить, у подножия пирамид люди задаются и другими: «Как могли древние египтяне знать точное расстояние от Земли до Солнца? Ведь высота самой высокой из пирамид в метрах, если ее умножить на миллиард,

примерно равна расстоянию от Земли до Солнца!»; «Если сторону основания этой пирамиды разделить на удвоенную высоту, мы получим лудольфово число. Откуда такое совпадение?»; «Чем объяснить тот факт, что, исходя из параметров самой высокой пирамиды, можно вычислить даты всех войн и стихийных бедствий? Кто вложил в нее многовековой план божественного провидения?». Иные, стоя перед пирамидой, вопрошали: «Какой чудак поверит, будто она была всего лишь могилой какого-то царя?» Египтологи отказываются тратить попусту время на решение подобных псевдопроблем, им не хватает его и на споры «о вещах, не лишенных смысла». Это, однако, вовсе не значит, что и мы должны оставить эти вопросы без внимания. На них следует остановиться хотя бы потому, что ими интересуются многие, а взгляды, высказанные по этому поводу, получили достаточно широкое распространение. Но мы не будем задерживаться на них слишком долго. С пирамидами связано значительно больше подлинных, и притом более интересных, проблем.

В древности пирамиды считались первым из семи чудес света. И для этого (скажем мы, полагаясь на наши знания остальных шести чудес) есть основания — они и поныне остаются чудом из чудес! Правда, мы возводим телевизионные башни более высокие, чем самая высокая из пирамид, и стадионы, превосходящие по размерам любую из них, но по величине компактно застроенной площади и по массивности их не превзошло еще ни одно современное сооружение. Из материала, пошедшего на самую высокую пирамиду, можно, к примеру, выстроить вдоль всего Средиземноморского побережья Египта от Эс-Саллума до Газы каменную плотину шириной один метр и высотой два с половиной. Для одной лишь доставки всего этого строительного материала египетским железным дорогам потребовалось бы почти в четыре раза больше вагонов, чем у них имеется. Если из камня шести самых крупных пирамид изготовить брусчатку, ею можно было бы вымостить дорогу шириной 6 метров и длиной 12 тысяч километров, т. е. расстояние большее, чем от Вашингтона до Москвы.

Столь же фантастичен возраст пирамид. Фундамент первой из них заложен в начале XXVII века до н. э., строительство последней было завершено примерно в конце XVIII века до и. э. К тому времени, когда в Афинах обосновались первые греки, нынешняя самая высокая пирамида простояла почти тысячу лет, ко времени легендарного основания Рима ей было почти две тысячи лет, а когда в Египет пришли арабы, она достигла более чем трехтысячелетнего возраста. «Солдаты! На вас смотрят сорок веков!» — патетически воскликнул Наполеон, обращаясь к своему войску перед «битвой у пирамид», воскресившей Египет в сознании европейцев. При этом он «украл» у пирамид самое малое пятьсот лет.

Но дело не только в величии и древности этих построек. Если спуститься в большую пирамиду Хуфу (Хеопса), мы обнаружим там погребальный склеп площадью более пятидесяти квадратных метров и высотой около шести метров; гигантские гранитные плиты, которыми он выложен, так хорошо отшлифованы и так плотно пригнаны друг к другу, что между ними не просунешь и булавку. В небольшой пирамиде Униса стены подземных помещений украшены иероглифическими надписями, которые занимают несколько десятков квадратных метров; их краски — синяя и золотая — до сих пор не потускнели. А если мы поднимемся над пирамидами на вертолете, то воочию убедимся, что некогда они были обнесены оградой и окружены просторными храмами; стена вокруг пирамиды Джосера, открытая часть которой сверкает белизной, а донныне не откопанная смутно вырисовывается в наносах песка, огораживала пространство площадью в пятнадцать тысяч квадратных метров. Знакомство с геодезическим планом пирамид в Гизе показывает, что они, вне всякого сомнения, имеют единое направление осей и строго сориентированы по сторонам света; самое значительное отклонение от истинного севера не превышает и десятой доли градуса. А ведь известно, что в эпоху пирамид египтяне не знали компаса. Не знали ни полиспастов, ни подъемных кранов, ни даже железных инструментов...

Все это поражает, поражает и человека той поры, когда верили, что Луна — это божество, и человека, который с помощью телевидения наблюдал за высадкой своего собрата на Луну. У подножия пирамид ощущаешь присутствие теней древних египтян: приказавших их построить, проектировавших и возводивших их. И разве не увлекательно проследить судьбы тех, кто открыл для нас эти пирамиды, кто изучил их, пользуясь средствами современной науки, кто разгадал их тайны?!

В наши дни наверняка выходят более нужные и актуальные сочинения, чем книга о египетских пирамидах, одна из многих сотен, написанных на эту тему. И все же, как я смею надеяться, эта книга окажется небезынтересной для читателя, хотя она не затрагивает актуальных проблем

современности и полету фантазии предпочитает факты.

I. КАМЕННЫЕ ДИВА НА НИЛЕ

Глава I ЕВРОПА УЗНАЕТ О ПИРАМИДАХ

Разумеется, египтяне давно привыкли к своим пирамидам, так же как китайцы к Великой стене или ацтеки к теокалли. Но европейцам предстояло их открыть. Подобно тому как Марко Поло открыл для них Китай а Кортес— Мексику, Геродот открыл для них Египет.

Всякое сравнение несовершенно: в отличие от Марко Поло Геродот не занимался торговлей (а если и занимался, то недолго и неохотно) и в отличие от Кортеса не завоевывал чужих земель. Он был историком, первым историком в Греции и во всем мире, «отцом истории», как назвал его Цицерон и как мы называем его поныне. Родом из малоазиатского Галикарнаса, в ту пору значительного греческого полиса, теперь - турецкого селения Бодрума. Примерная дата его рождения — 484 год до н. э. (возможно, несколько позже), умер в Фурии на юге Апеннинского полуострова около 425 года до н. э. В молодости притязал на видную политическую роль и, хотя по происхождению был аристократ, участвовал в заговоре против местного тирана Лигдамида, державшегося у власти с помощью персов. Заговорщиков постигла неудача. После казни вождей заговора (среди них был и дядя Геродота Паниасид, довольно известный поэт) Геродоту пришлось отправиться в изгнание на остров Самос. Когда же наконец тираниям Галикарнасе пала, он вернулся домой, но к политической деятельности уже не возвратился, а посвятил себя занятию, которому, насколько известно до него никто себя не посвящал. «...Чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров не остались в безвестности...»², он решил их записать. Так возникли девять книг его «Истории».

Хотя Геродот был всего лишь первым историком он понимал, что исторические события нельзя описывать без знания страны, где они разыгрывались. Кроме того он придерживался мнения, что историю необходимо писать живо и занимательно. Многие его последователи об этом забывали (и забывают поныне), но не это главное. Гораздо важнее, что он считал нужным не только пересказывать исторические события, но и размышлять о них, пытаться их понять и истолковать, найти в прошлом объяснение настоящего и грядущего. В своем труде Геродот основывался на том, что греки называли теорией и что в изначальном смысле значило «наблюдение», «познание». Он старался использовать все доступные ему источники, начиная с древних легенд и мифов и кончая официальными документами и рассказами очевидцев, причем отделял действительные события от забавных историй, истинные факты от фикций, хотя все записывал с равным усердием. Особенно критически относился он к рассказам местных информаторов, с которыми разговаривал с помощью переводчиков. Следуя совету Гераклита из Милета, он более доверял своим глазам, нежели ушам. «Я обязан передать, что об этом говорят, но не обязан всему верить,— неоднократно повторяет он в разных формулировках,— и это относится ко всему моему повествованию». Тем не менее многие страницы его книг современный историк прочтет со снисходительной улыбкой и предложит включить их в антологию старинных легенд и анекдотов — с тех давних времен историческая наука все же несколько ушла вперед.

В поисках источников Геродот, можно сказать, обошел (именно обошел, а не объехал) полсвета, оставив позади огромные расстояния, даже по нашим масштабам. Прежде всего — Малую Азию от Эгейского моря до Евфрата и от Черного моря до Левантинского³, прибрежные города нынешней Сирии, весьма вероятно, Крым, древнюю Вавилонию, включая сам Вавилон и часть Ассирии, греческие полисы в теперешней Ливии и Южной Италии, разумеется, и саму Грецию, где довольно долго жил в Афинах. Около 450 года до н. э., то есть еще до появления в Афинах, он посетил Египет. Прошел от устья Нила, где тогда не было и следов нынешних Александрии и Порт-Саида, до острова Элефантины близ Асуана. В ту пору там находилась последняя египетская пограничная крепость, точнее сказать, самая южная база персидской армии, поскольку в 525 году до н. э. Египет был насильственно присоединен к державе персов.

На Геродота Египет произвел огромное впечатление, более чем любая другая из виденных им

стран. Историк восхищался проявлявшейся буквально во всем древней культурой, тщательно возделанными полями со множеством оросительных каналов, большим нильским флотом, обилием животных и рыб, климатом, пристрастием населения к чистоте. По кое-что его изумляло, и более всего — обожествление животных и мумифицирование мертвых. Ни разу Геродот не назвал египтян варварами; он отзывался о них так: «Египтяне — самые богобоязненные люди из всех... Что до самих египтян, то жители пригодной для земледелия части страны больше всех сохраняют память [о прошлом своей земли] и потому разбираются в истории своей страны лучше всех людей, с которыми мне приходилось общаться в моих странствиях»⁴. Однако это не мешало ему не соглашаться с некоторыми полученными от них сведениями. «Что до истоков Нила, то никто из египтян, ливийцев или эллинов, с которыми мне приходилось иметь дело, не мог ничего мне сообщить об этом, кроме храмового писца и управителя храмовым имуществом Афины (так он перевел на греческий название храма египетской богини Хатор.— В. З.) в египетском городе Саисе. Но, как мне кажется, он шутил...»⁵.

Более всего восхищался Геродот египетскими постройками, и в первую очередь, разумеется, пирамидами. Но выше их он почитал гигантский дворец с 1500 подземными и столькими же наземными помещениями, который он назвал лабиринтом (в нынешнем Фаюмском оазисе). «Я видел этот лабиринт: он выше всякого описания. Ведь если бы собрать все стены и великие сооружения, воздвигнутые эллинами, то в общем оказалось бы, что на них затрачено меньше труда и денежных средств, чем на один этот лабиринт. А между тем храмы в Эфесе и на Самосе — весьма замечательны. Конечно, пирамиды — это огромные сооружения, и каждая из них по величине стоит многих творений [эллинского строительного искусства], вместе взятых, хотя и они также велики. Однако лабиринт превосходит [размерами] и эти пирамиды»⁶. И это еще не все.

«Как ни поразителен этот лабиринт своей грандиозностью, но еще большее удивление вызывает так называемое Меридово озеро, на берегу которого он стоит. Окружность этого Меридова озера составляет 3600 стадий, или 60 схинов, т. е. как раз равняется длине всей прибрежной полосы Египта [...] А то, что оно — произведение рук человеческих и вырыто искусственно, это ясно видно. Почти что посередине озера стоят две пирамиды, возвышающиеся на 50 оргий над водой; такой же глубины и их подводная часть. Рядом с каждой пирамидой поставлена колоссальная каменная статуя, восседающая на троне»⁷.

В существовании этих двух произведений рук человеческих мы уже не можем убедиться — другие человеческие руки их уничтожили. Но при всем своем восхищении этими творениями Геродот посвятил каждому из них лишь одну главу, тогда как пирамидам — семь. Эти главы из второй книги «Истории» содержат первые сведения о пирамидах для тех, кто не знает египетских иероглифов.

С тех пор не появлялось ни одной книги о пирамидах, где не было бы ссылок на Геродота, по крайней мере ни одной стоящей. И все-таки Геродот, конечно же, не был первым греком и тем более первым чужеземцем в Египте. Согласно греческим мифам, там побывал еще Геракл, который не поладил с царем Бусиридом и убил его; в Египте якобы останавливался и Менелай с Еленой после завоевания Трои и даже пробыл там несколько лет. Побывали там и сами греки, в первую очередь философы и политики — Фалес, Анаксимандр, Демокрит и Солон. Они приезжали ознакомиться с государственным аппаратом Египта, позаимствовать мудрость у его жрецов. С конца VII века до н. э. у греческих торговцев было даже в дельте Нила собственное поселение Навкратис. Фараон Яхмос II (по-гречески Амасис) пожаловал ему самоуправление и ряд привилегий. По библейскому преданию, задолго до греков в Египте побывали иудеи — сначала Иосиф, сын Иакова, попавший туда в качестве раба и после известных злоключений с женой Потифара получивший должность наместника фараона, затем его братья и многочисленные единоверцы и, наконец, все (или почти все) иудеи во время знаменитого «египетского пленения», из которого их вывел Моисей. Бывали в Египте и критские и финикийские купцы, ассирийские и персидские воины-завоеватели, бывали и представители других народов, не только умевшие торговать и воевать, но и знавшие грамоту. Многие из них наверняка видели пирамиды и описали их. Однако первые неегипетские письменные сведения, дошедшие до нас, принадлежат Геродоту.

Уже по самой манере рассказа Геродота можно судить о том, что пирамиды были широко известны. Он не считает нужным каким-либо образом знакомить с ними читателя или что-либо ему объяснять и уже при первом упоминании пишет о них так: «Когда Нил затопляет страну, только одни лишь города возвышаются над водой, почти как острова в нашем Эгейском море. Ведь вся остальная египетская страна, кроме городов, превращается в море. Тогда плавают на судах уже не по руслу реки, а напрямик по равнине. Так, например, на пути из Навкратпса в

Мемфис проезжают мимо самих пирамид...»⁸.

И лишь после этого следует знаменитое Геродотово описание пирамид, их размеров и истории их строительства: «Так вот, до времени царя Рампсиита, рассказывали далее жрецы, при хороших законах Египет достиг великого процветания. Однако его преемник Хеопс вверг страну в пучину бедствий. Прежде всего он повелел закрыть все святилища и запретил совершать жертвоприношения. Затем заставил всех египтян работать на него. Так, одни были обязаны перетаскивать к Нилу огромные глыбы камней из каменоломен в Аравийских горах (через реку камни перевозили на кораблях), а другим было приказано тащить их дальше до так называемых Ливийских гор. Сто тысяч людей выполняло эту работу непрерывно, сменяясь каждые три месяца. Десять лет пришлось измученному народу строить дорогу, по которой тащили эти каменные глыбы,— работа, по-моему, едва ли не столь же огромная, как и постройка самой пирамиды. Ведь дорога была 5 стадий длины, а шириной 10 оргий, в самом высоком месте 8 оргий высоты, построена из тесаных камней с высеченными на них фигурами. Десять лет продолжалось строительство этой дороги и подземных покоев на холме, где стоят пирамиды. В этих покаях Хеопс устроил свою усыпальницу на острове, проведя рга гору нильский канал. Сооружение же самой пирамиды продолжалось 20 лет. Она четырехсторонняя, каждая сторона ее шириной 8 плефров и такой яге высоты, и сложена из тесаных, тщательно прилаженных друг к другу камней. Каждый камень длиной по крайней мере 30 футов»⁹.

Мы специально оставили меры длины, приводимые Геродотом, поскольку их пересчет не всегда однозначен. Греческие меры при одинаковом наименовании в разные времена и в различных городах были неодинаковы: расхождения достигают 10 процентов и более. Однако мы можем предположить, что Геродот пользовался преобладавшей тогда аттичско-эвбейской системой, в которой стадий равен 177,6 метра, плефр — 29,6 метра, а оргия — 1,8 метра. Таким образом, дорога была почти 900 метров длиной и почти 18 метров шириной. Проверить эти данные мы не можем, ибо она не сохранилась. Сторона основания пирамиды, по Геродоту, составляла 236,8 метра, что довольно точно соответствует истине, поскольку, по современным подсчетам, первоначально сторона основания составляла 232,4 метра, а ныне она имеет 230,4 метра. Что же касается высоты, то данные Геродота спорны. Если он подразумевал высоту каждой из граней (от середины основания до вершины), то ошибся примерно на 46 метров; если же речь шла об истинной высоте пирамиды, что более вероятно, то добавил лишних почти 85 метров. Сейчас высота этой пирамиды 137,3 метра; однако у нее отсечена вершина, на месте которой осталась примерно десятиметровая площадка, так что, согласно нынешним подсчетам, ее первоначальная высота равнялась приблизительно 146,7 метра. Геродот явно положился на своих информаторов, хотя более точные данные мог получить из (ныне утраченного) сочинения Фалеса Милетского, который посетил Египет лет на пятьдесят раньше и «вычислил высоту пирамиды по величине ее тени». На счет недобросовестности информаторов мы можем отнести и ошибки в хронологической последовательности правителей, которую, впрочем, сам Геродот проверить не мог.

Воздержимся пока от дальнейших замечаний и ознакомимся с Геродотовым описанием технической стороны постройки пирамиды: «Построена же эта пирамида вот как. Сначала она идет в виде лестницы уступами, которые иные называют площадками или ступенями. После того как заложили первые камни (основания), остальные (для заполнения площадок) поднимали при помощи помостов, сколоченных из коротких балок... Так поднимали с земли камни на первую ступень лестницы. Там клали камень на другой помост; с первой ступени втаскивали на второй помост, при помощи которого поднимали на вторую ступень. Сколько было рядов ступеней, столько было и подъемных приспособлений. Быть может, однако, было только одно подъемное приспособление, которое после подъема камня без труда переносилось на следующую ступень. Мне ведь сообщали об обоих способах — почему я и привожу их. Таким образом, сначала была окончена верхняя часть пирамиды, затем соорудили среднюю и напоследок самые нижние ступени на земле»¹⁰. Как истый грек, всегда интересующийся, сколько что стоит, Геродот не преминул спросить своих провожатых и о расходах на пирамиду: «На пирамиде египетскими письменами было обозначено, сколько редьки, лука, чеснока съели рабочие. И, как я очень хорошо помню, переводчик, который читал мне надпись, объяснил, что на все это было израсходовано 1600 талантов серебра. Если это верно, то сколько же денег пошло на железные орудия, на хлеб и одежду для рабочих, так как строительство всех этих сооружений продолжалось 20 лет и, кроме того, немало времени понадобилось на ломку и перевозку камней и сооружение подземных покоев [для усыпальницы]»¹¹.

Талант в самых распространенных тогда системах, т. е. аттичской и эгинской, весил от 35,9 до

37,6 килограмма. 1600 талантов серебра — это значит от 40 300 до 60 100 наших килограммов, что при тогдашней стоимости драгоценных металлов представляло собой 4000—6000 килограммов золота. Эту сумму можно довольно просто пересчитать на доллары, рубли или чехословацкие кроны в зависимости от их золотого обеспечения. Но покупательная способность серебра и золота с тех пор настолько изменилась, что такой пересчет не имеет практического смысла. Во времена Геродота за талант серебра можно было купить в Афинах 3000 поросят или 36 000 литров ячменя или же построить военный корабль.

Строительство Парфенона обошлось в 700 талантов, причем надо было покупать мрамор, оплачивать доставку материалов, платить рабочим и художникам (всего лишь треть строителей составляли рабы), не считая прочих затрат. Здесь же только редька, чеснок и лук, съеденные строителями пирамиды, стоили вдвое дороже, чем весь Парфенон!

Мы еще вернемся к этим сведениям, поскольку современным исследователям есть что к ним добавить. Однако дадим опять слово Геродоту: «Царствовал же этот Хеопс, по словам египтян, 50 лет, а после его кончины престол наследовал его брат Хефрен. Он поступал во всем подобно брату и также построил пирамиду, которая, впрочем, не достигает величины Хеопсовой. Я сам ведь ее измерил. Под ней пет подземных покоев и не проведен из Нила канал, как в той, другой пирамиде, где вода по искусственному руслу образует остров, на котором, как говорят, погребен Хеопс. Самый нижний ряд ступеней он велел вывести из многоцветного эфиопского камня и построил пирамиду на 40 футов ниже первой, при таких же, впрочем, размерах. Обе пирамиды стоят на том же самом холме высотой около 100 футов. Царствовал же Хефрен по словам жрецов, 56 лет»¹².

Что касается длины каждой из сторон основашш этой пирамиды, приведенные Геродотом данные опять-таки довольно точны; как он утверждает, она равнялась 224,8 метра, т. е. он ошибся всего лишь на неполных 5% по сравнению с современными расчетами. Если говорить о высоте пирамиды, его расчеты почти верны; при первоначальной высоте 143,7 метра она была всего на 3 метра ниже, чем пирамида Хеопса, или Хуфу, которую уже тогда называли «Великой». Эта разница в высоте была не различима глазом; кроме того, пирамида Хефрена (Хафра) стояла на самой высокой точке здешнего нагорья. Сейчас со смотровой террасы в Гизе пирамида Хефрепа кажется даже выше пирамиды Хуфу; этой оптической иллюзии способствует и то обстоятельство, что вершина ее сохранилась.

«Затем царем Египта, по словам жрецов, стал Мике-рин, сын Хеопса...— продолжает Геродот.— И этот царь также оставил пирамиду, хотя и значительно меньше отцовской: каждая ее сторона на 20 футов короче 3 плеч-ров. Она также четырехугольная и наполовину построена из эфиопского камня»¹³. Здесь Геродот преуменьшил длину стороны основания пирамиды более чем на 20 метров, зато обосновал ее царское происхождение, ибо кое-кто из греков утверждал, что это пирамида некой гетеры. Далее он упоминает еще только одну царскую пирамиду, которую приказал построить сын Микерина (Менкаура) Асихис (Шепсескаф). «Чтобы превзойти прежних египетских царей, Асихис воздвиг в память о себе пирамиду из глиняных кирпичей с надписью, вырезанной на камне и гласящей: „Не ставь меня ниже каменных пирамид. Как Зевс над прочими богами, стою я над ними. Шест погружали в озеро и из грязи, которая приставала к шести, изготовляли кирпичи. И таким образом меня воздвигли!“»¹⁴. Это поведали Геродоту жрецы.

Тщетно мы стали бы искать у Геродота сообщений о пирамидах в нынешних Саккара, Дашуре, Медуме и других местах; по всей вероятности, он их не видел. Впрочем, не видел он и Большого сфинкса: должно быть, в то время он почти весь был засыпан песком. Геродот обратил внимание лишь на центральную из трех пирамид, стоящих перед Великой пирамидой, и то скорее всего благодаря одной истории, рассказанной ему египетскими жрецами. «...Хеопс в конце концов дошел до такого нечестия, по рассказам жрецов, что, нуждаясь в деньгах, отправил собственную дочь в публичный дом и приказал ей добыть некоторое количество денег — сколько именно, жрецы, впрочем, не говорили. Дочь же выполнила отцовское повеление, но задумала и себе самой оставить памятник: у каждого своего посетителя она просила подарить ей по крайней мере один камень для сооружения гробницы. Из этих-то камней, по словам жрецов, и построена средняя из трех пирамид, что стоит перед Великой пирамидой...»¹⁵.

Это сообщение относится к категории тех, о которых Геродот писал: «Кто может верить этому сказанию египтян, это его дело».¹⁶

Прошло более четырехсот лет после Геродота, прежде чем у подножия пирамид появился другой европеец, сообщения которого дошли до нас. Побывали там многие (мы знаем по именам с полдюжины таких путешественников, даже если упоминать только самых значительных), но сочинения их утрачены. Нам известно лишь то, что написал о пирамидах Диодор Сицилийский, автор

сорока книг «Исторической библиотеки», из которых сохранилось только пятнадцать.

Диодор был грек из сицилийского города Агирия; он родился примерно в 80 году до н. э. и примерно в 29 году до н. э. умер. В отличие от Геродота он больше читал, чем путешествовал; однако мы благодарны ему, потому что в своих книгах он сохранил для нас множество пересказов и цитат из произведений, о которых мы без него ничего бы не знали. Египет он все же посетил. Ведь это не так уж далеко от Сицилии. Не было и языкового барьера, поскольку государственным языком в Египте был тогда его родной язык — греческий. Со времен Геродота в этой стране многое изменилось. Персы были изгнаны, и властителем Египта в 332 году до н. э. стал Александр Великий; после смерти Александра в 323 году до н. э. власть перешла к одному из его полководцев — Птолемею (поначалу правившему от имени наследников Александра, а с 305 года — суверенно); затем там сменили друг друга на престоле еще тринадцать представителей династии Птолемеев, в 48 году до н. э. сюда пришел Цезарь (и распорядился египетским тронном в интересах Римской империи), а в 30 году до н. э. Август после победы над Антонием и Клеопатрой включил Египет в состав Римской империи. Но что в Египте не изменилось — так это пирамиды.

«...Сторона самой большой из них [с четырехгранным основанием] имеет в длину семь плэфров, а высота ее более шести», — начинает свое описание Диодор. Данные его неточны, и длину он уменьшил на 22 метра, зато к высоте прибавил примерно 33 лишних метра. Однако Диодор замечает и кое-что новое: на месте разрушившейся остроконечной вершины теперь была небольшая площадка. «...Постепенно она сужается к вершине, где каждая из сторон имеет шесть локтей, и вся сделана из твердого камня, сколь трудно обрабатываемого, столь же и долговечного. Потому что не меньше 1000 лет прошло до сего времени [некоторые же более 3400 лет насчитывают], а камни прежнюю смазку и все строение сохраняют невредимо. Говорят, что этот камень привозили из далекой Аравии и возводили это строение с помощью насыпей, ибо приспособления в ту пору еще не были изобретены».

Здесь Диодор по сравнению с Геродотом продвигается на шаг, а то и на целый шаг вперед. Впервые, хоть и весьма неточно, он упоминает о возрасте пирамид; Геродот приводил лишь имена властителей, отдавших распоряжение о постройке, по времени их правления не указывал. Другая информация Диодора еще интереснее; он говорит о насыпях, или платформах, по которым камни доставлялись наверх. Для их обозначения он пользуется греческим словом *хбма*; обычно его переводят как «плотина», «вал», «холм», «рампа». Многие его читатели, в том числе и археологи, не поняли это место и не обратили на него внимания. Только в нашем столетии обнаружилось, что в его словах «кое-что кроется», но об этом позднее. Что же касается «приспособлений», то тут между ним и Геродотом, скорее всего, нет противоречия; он, вероятно, имеет в виду сложные полиспасты, широко применявшиеся в его время, между тем как Геродот говорит об относительно простых вспомогательных средствах.

«Но более всего удивительно, что столь безмерное строение стоит в таком месте, вокруг которого повсюду одни пески, так что ни следов не видно, ни остатков насыпей, ни ломаного или обработанного камня. Поэтому кажется, что не исподволь та громада людьми построена, но как бы вдруг неким божеством на тех обширных песках воздвигнута. Иные из египтян рассказывают об этом поразительные истории и легенды. Поскольку насыпи те состояли из соли и селитры, то-де пущенная из реки вода растворила их так, что, кроме самого здания, ничего не осталось. Однако на самом деле это неправда — то же множество рук, которое их делало, возя землю, возвращало ее на прежние места. Ибо, как говорят, 360 000 человек было занято на строительстве, едва за двадцать лет приведенном к окончанию». Диодор кратко упоминает и о двух других больших пирамидах в Гизе и приводит их названия, только вместо «Хеопс» он пишет «Хеммис». Повторяет он и рассказ о тирании Хеопса и добродетелях и справедливости Микерина, приведенный еще Геродотом. Однако приводит любопытное высказывание: «Полагают, что должно больше удивляться архитекторам, нежели самим царям, позаботившимся о том строительстве. Потому что первые проявили в них собственный разум и старание, а вторые вложили всего лишь богатство, унаследованное от предков и отнятое у подданных».

Диодор стремился узнать о пирамидах конкретные подробности, но слышал всякие досужие вымыслы, которые за скромный бакшиш и по сей день рассказывают драгоманы. «Впрочем, ни среди историков, ни среди самих египтян нет единодушия в вопросе о происхождении пирамид, — констатирует он положение вещей, которое не изменяется уже два тысячелетия. — Кое-кто считает их творцами вышеупомянутых царей, кое-кто — других; например, говорят, что самую большую пирамиду воздвиг Армей, вторую — Амасис, третью — Инар. Некоторые уверяют, будто последняя послужила гробницей гетере Родопис». В отличие от сведений, которые мы находим у Геродота,

по Диодору, Родопис была «возлюбленной одного из наместников царя, из любви к ней повелевшего построить эту пирамиду на средства казны».

Но не всегда мужские разговоры сводятся к женщине. По крайней мере это не так в нашем конкретном случае, в разговоре о пирамидах, что доказал Страбон из Понта (около 65 года до и. э.— 25 год до и. э.) — последний европеец, посетивший пирамиды еще до начала нашей эры и оставивший об этом поныне сохранившееся свидетельство. Он тоже был грек, и, подобно Геродоту, великий путешественник. Дошедшие до нас семнадцать книг его «Географии» вполне оправдывают присвоенный ему в древности титул — «отец географии». О пирамидах он упомянул лишь кратко и в основном повторил то, что мы знаем из произведений его предшественников. И все же он добавил кое-что новое.

«...Одна из них только немного больше другой,— пишет он в семнадцатой книге.— Наверху, примерно посередине между сторонами, находится камень, который можно вынимать. Если камень поднять, то открывается извилистый проход к гробнице»¹⁷. Такой проход там действительно существует и ведет к внутренним помещениям, но не на уровне середины высоты пирамиды, а всего в нескольких метрах над фундаментом. На уровне же середины высоты пирамиды есть два наклонных вентиляционных канала, или шахты, одна — на северной, другая — на южной стороне, и обе ведут к погребальной камере.

Некоторые авторы допускают, что по одному из коридоров Страбон спускался в пирамиду; однако нам это не представляется правдоподобным. Что касается шахт на уровне середины высоты пирамиды, это вообще исключено, ибо они слишком узки. Если бы Страбон спустился внутрь пирамиды, то наверняка не преминул бы описать усыпальницы с саркофагом. Такую возможность человек его склада, естественно, не упустил бы.

Итак, следует предположить, что до 776 года (считая с первой олимпиады) или 753 года (с основания Рима) — если мы не хотим сказать «до нулевого года нашей эры» — никто из неегиптян в пирамиды не спускался и не поднимался на них. И путешественники эти, по всей вероятности, видели только пирамиды в Гизе.

Первым неегиптянином, первым европейцем, спустившимся в глубь пирамиды, был, судя по всему, римлянин Плиний (Гай Плиний Цецилий Старший, 23/24 — 79 годы н. э.), человек замечательный и разносторонний. Он интересовался политикой, минералогией, живописью, ботаникой и зоологией, военным делом, медициной, поэзией и не в последнюю очередь географией и историей. Сохранилось его произведение «Естественная история» в 37 книгах, о содержании которого лучше, чем заглавие, говорит возникшее еще в античности определение — «истинный склад человеческих знаний». В эту книгу включено свыше 20 000 выписок из почти 2000 сочинений 475 разных авторов. Жизненную и литературную карьеру Плиний начал в Галлии как автор руководства по обучению конницы, при императоре Веспасиане он был наместником в Испании и Африке, при императоре Тите командовал римским флотом. Плиний пользовался каждой свободной минутой для пополнения своих знаний; даже на пути в сенат или во время купания в банях за ним следовал раб, который что-нибудь читал ему вслух. В конце концов эта страсть к знаниям оказалась для него роковой. 24 августа 79 года, когда его корабль стоял на якоре близ Неаполя, он пошел посмотреть поближе извергающийся Везувий, отравился серными испарениями и вскоре умер.

Нам точно неизвестно, когда Плиний спускался в пирамиду, однако о том, что он был в ней, мимоходом упоминается в шестой книге «Естественной истории». Ученые обратили внимание на это замечание только спустя столетия. «Внутри Великой пирамиды есть шахта восьмидесяти локтей в глубину, ведущая, как полагают, в реку». Тысячи современных посетителей не обнаружили бы этой шахты, если бы проводник не показал им ее, хотя над отверстием горит неоновая лампа. Плиний, следовательно, был очень наблюдателен. Кроме того, он первым упомянул и о Большом сфинксе. «Это удивительное художественное творение, но, как можно заметить, оно окружено молчанием, ибо местные жители почитают его божеством. Они верят, что под сфинксом погребен царь Хармаис, и полагают, что этот сфинкс доставлен сюда издалека. На самом же деле он вытесан из массивного камня, а лик у этого чудовища, несмотря на его обожествление, красный».

Чудовища? Плиний не испытывает богобоязненного почтения ни к Сфинксу, ни к пирамидам. Восхищается ими как творением человеческих рук, но в остальном... «Итак, упомянем, хотя бы вкратце, о египетских пирамидах, об этих свидетельствах бессмысленного тщеславия и вызывающего богатства здешних царей. И вправду, как утверждают многие, к созданию их всего лишь следующие побуждения: либо стремление властителей не оставить свои сокровища наследникам или врагам, которые их растратят, либо намерение дать работу множеству людей. Это

памятники безрассудной заносчивости строителей, и многие из них так и остались незавершенными».

Здесь Плиний в полный голос говорит то, о чем другие, подавленные и восхищенные величиной этих построек, едва ли решились бы сказать и более сдержанно. Кроме того, он впервые дает понять, что существуют пирамиды и помимо гизехских; первым высказывает он и предположение, что пирамиды — «сокровищницы фараонов», предположение, сыгравшее в их судьбах значительную роль. Плиний приводит размеры лишь самой большой пирамиды, и, как это уже стало привычным для нас, не совсем точно: по его данным, сторона основания пирамиды равна 833 футам, высота — 625 футам, т. е. соответственно 246,5 и 185 метрам. «Вот какие дива эти пирамиды. Однако венцом сих чудес является как раз самая малая и самая удивительная пирамида, которую, словно бы для того, чтобы уменьшить наше восхищение богатством фараонов, построила гетера Родопис». Выходит, и Плиний не умолчал об этой даме, но в отличие от других он слышал, что первоначально Родопис была рабыней и наложницей греческого баснописца Эзопа. Затем он добавляет: «Правда, еще поразительнее, что подобная женщина благодаря своей профессии сумела накопить такое богатство».

Плиний приводит и литературные источники своих сведений о пирамидах; помимо авторов, нам уже известных, он называет еще семь других, причем исключительно греческих. И среди них прежде всего афинского философа и государственного деятеля Деметрия Фалерского, который в 308 году до н. э. предложил Птолемею I проект организации Александрийского музея, а впоследствии стал его первым директором; далее — историка Дуриса с Самоса, философа Антисфена, а из прочих с наибольшим уважением Аристагора из Милета, автора ныне утерянного труда «О египтянах». «Все эти авторы,— пишет Плиний в заключение,— выражают неудовольствие людьми, строившими в свою честь пирамиды. Поистине справедливая случайность содействовала тому, что имена тех, кто создал эти невероятные памятники собственного тщеславия, были забыты».

Говоря по правде, имена эти не забыты. Забыто только изначальное их звучание, и спустя столетия стало известно лишь греческое прочтение этих имен: Хеопс, Хефрен, Микерин. Но пришло новое поколение ученых, которое установило, что три строителя пирамид в Гизе (или, точнее, три правителя, повелевшие их построить) на родном языке носили имена Хуфу (полностью Хнумхуфу), Хафра и Менкаура.

Однако имена других фараонов Древнего Египта, чьи пирамиды также сохранились, были забыты. Но и то забыты не навсегда: ныне благодаря египтологам нам известны имена большинства из них.

Одним из античных авторов, оставивших нам подробное описание пирамид, был Филон Византийский. Мы не знаем о нем почти ничего: ни когда он родился, ни где умер, ни чем занимался, ни как выглядел. С определенностью мы можем сказать лишь, что он не тождествен своему куда более прославленному тезке, жившему в III веке до н. э., который был математиком и военным конструктором. Некоторые ученые относят период жизни Филона Византийского к III—II векам до н. э., когда нынешний Стамбул назывался еще не Константинополем, а Византией; другие — к более позднему времени. До нас дошла только его книжка «О семи чудесах света», да и та сохранилась примерно наполовину. В ней есть главка строк в пятьдесят и о чудесах в Гизе, названная «Пирамиды близ Мемфиса».

Филон Византийский по был ни путешественником, ни историком. Он принадлежал к тому существующему и поныне разряду авторов, которые пишут о том, что знают из вторых рук. Впрочем, во вступлении к своей книжке он честно признается, что все описываемое «видел лишь духовным зрением» «благодаря образованию, которое избавляет от необходимости путешествовать и позволяет познавать знаменитые достопримечательности дома, по книгам». Книг, по которым он таким способом познакомился с пирамидами, Филоп, к сожалению, не перечислил; похоже, что некоторые подробности вообще выдуманы им самим. «При этом он нередко не знает меры,— замечает швейцарец Ж. Орелли, нашедший в 1806 году его сочинение,— а чудеса, о которых рассказывает своим читателям, больше преувеличивает и восхваляет, нежели точно описывает».

«Пирамиды близ Мемфиса — это постройки, возведение которых свыше сил человеческих, а их описанию отказываешься верить,— начинает Филон главу, посвященную Египту.— Это горы камней на горах камней, и ум не способен понять, каким образом эти огромные плиты были подняты на такую высоту и какими средствами были возведены эти гигантские творения рук человеческих. Они стоят на квадратном, искусственно выровненном плоском скальном основании и постепенно поднимаются ввысь», причем самая высокая из них, как можно заключить из дальнейшего текста,

«достигает трехсот футов, ее периметр равен шести стадиям. Камни сооружения так тщательно пригнаны и отшлифованы, что кажется, будто оно высечено из одной глыбы.

В постройке попеременно уложены различные породы камня: тут — белый мрамор, там — черный эфиопский, за ним следует красный камень, именуемый кровавиком, затем пестрый, отсвечивающий прозеленью камень из Аравии. Некоторые камни напоминают сверкающее лазурное небо, иные хоть и обыкновенные, но имеют желтый оттенок, третьи пурпурного цвета, похожие на ткань, окрашенную темно-красной краской, добываемой из багрянок». Вслед за этими и им подобными яркими подробностями и похвалами Фортуне, благодаря покровительству которой, по мнению Филона, возникли такие творения, он кончает свое описание словами: «Созданиями подобного рода люди возносятся к богам, а боги спускаются к людям».

Сколь ни склонен Филон к преувеличениям, высоту самой большой пирамиды он занизил: 88,8 метра. Что касается длины каждой из сторон основания, его данные — 266,4 метра — также не точны. Однако поразительно верно его сообщение, что пирамида стоит на искусственно выровненной скале; подтвердили это лишь новейшие исследования. Возможно, он не очень преувеличивает, когда пишет о том, как тщательно были пригнаны и отшлифованы плиты. Вне всякого сомнения, в его эпоху — а тем более в эпоху, когда жили авторы, у которых он черпает информацию,— и даже столетия после того Великая пирамида действительно казалась «высеченной из одной глыбы». Вершина пирамиды Хафра, которую не лишили внешней облицовки грабители, кажется такой и поныне.

О пирамидах писали и другие античные авторы, однако довольно кратко. Александрийский грек Клавдий Птолемей, описавший известный ему мир, посвятил им несколько строк. Гай Юлий Гигин, библиотекарь императора Августа, написал, что «пирамиды в Египте, тень которых незрима, достигают 600 футов в высоту»; эту же высоту (177,6 метра), но без повторения ошибки относительно тени приводит позднее Вибий Сек-вестер. Выписками из Плиния довольствовался в разделе о пирамидах географ Гай Юлий Солин в начале IV века н. э. Последний древнеримский автор, бегло упомянувший о пирамидах, Флавий Магнус Аврелий Кассиодор (V—VI века н. э.), даже не сообщает их размеров. Наибольшей их достопримечательностью он считал то, что «благодаря своему расположению они поглощают собственную тень, которая становится невидимой».

Таким образом, с течением времени сведений о пирамидах появляется все меньше, а сами эти сведения становятся все более расплывчатыми и неточными. Создается даже впечатление, что авторы периода заката античной цивилизации считали, будто все пирамиды имеют одинаковые объем и высоту.

С гибелью античного мира на пирамиды опускается «египетская тьма». Или — иначе сказать — «тьма средневековья». Для европейцев и для египтян.

Вот в основном и все, что установили о пирамидах европейские путешественники и историки от Геродота до Кассиодора, т. е. за тысячу лет. Точнее, в основном все, что сохранилось из добытой ими информации и из произведений различных компиляторов. Но, может быть, более точные и подробные сведения нам оставили сами египтяне той далекой эпохи?

Увы, мы должны ответить отрицательно. По крайней мере ни одного подобного сообщения нет ни в памятниках иероглифического, иератического и демотического письма, то есть тех видов письменности, которыми пользовались древние египтяне, ни в памятниках коптского письма их христианских потомков. Трудно поверить, но это так В ту пору египтяне и даже их ученые жрецы не много знали о пирамидах. Геродот, очевидно, услышал максимум известных им сведений. В это тоже трудно поверить, но вспомним: тогдашних египтян отделяло от строителей пирамид примерно два тысячелетия. Для этих египтян свидетели и строители пирамид, в свою очередь, были уже «древними египтянами».

«Однако должны существовать сведения периода строительства пирамид, которые были доступны современникам Геродота, но недоступны нам», — возразит кто-нибудь. Безусловно. Именно на основании таких сведений написал в первой половине III века до н. э. египетский жрец Манефон из Себеннита труд «История Египта». Это первое известное нам систематическое изложение египетской истории, из которого сохранились цитаты и выписки, но написано оно было по-гречески. Манефон имел доступ к храмовым архивам, был знаком с греческой историографией и ее методами, умел пользоваться первоисточниками. Пирамидам он, судя по всему, не уделял особого внимания; до нас дошли всего лишь три его высказывания о них, из которых только одно достоверно. Оно касается царя Хуфу (Манефон именует его Суфисом): «Он построил самую большую пирамиду, о которой Геродот говорит что ее возвел Хеопс». В правдивости двух других у нас есть все основания усомниться. Первое — о царе Уэнефесе из I династии: «В пору его

правления Египет посетил великий голод; он построил пирамиду близ Кохомы» Другое — о царице Нитокриде из VI династии: «Она была самой благородной и красивой женщиной своего времени; построила третью пирамиду». Упомянул Манефон и о Тосортросе или Джосере, строителе первой пирамиды, но о нем написал лишь, что во время его правления «жил Имутес (Имхотеп), который благодаря своему искусству врачевателя пользовался среди египтян славой Асклепия; он первым начал возводить постройки из тесаного камня; уделял внимание и письменности». О фараоне VI династии Тети, строителе одной из пирамид в Саккара, Манефон сообщает лишь то, что он «был убит собственным телохранителем».

Ряд документов, из которых Манефон (или его предшественники) мог черпать информацию, нам тоже известен, таковы, например, анналы первых пяти династий на «Палермском камне», «Абидосский» и «Саккарский» списки фараонов на стене храма в Абидосе и одной из гробниц в Саккара¹⁸, перечень фараонов Древнего, Среднего и Нового царств на Туринском папирусе. Но пирамиды в указанных анналах почти не упоминаются, тем более нет каких-либо сведений о них в царских списках.

Не могут ли что-либо рассказать о себе сами пирамиды? Эгон Эрвин Киш, бравший «интервью» у конкурирующих с египетскими пирамидами Мексики, жаловался, что «вызвать пирамиды на разговор вообще-то трудно, более того — невозможно». Но, как известно, существуют обширные «Тексты пирамид». Впрочем, первые тексты такого рода были обнаружены лишь в пирамиде последнего фараона V династии Униса, пирамиды же в Гизе, Саккара, Дашуре, Медуме и Абу-Роаше построены раньше. Эти тексты содержат описание погребальных обрядов и жертвоприношений, магические заклинания, которыми напутствовали царя, отправлявшегося в мир иной, поэтические описания и древние мифы и помимо прочих подобного рода материалов для чтения всякий раз (и притом многократно) имя владельца пирамиды. Однако в те времена к этим текстам не было доступа. Итак, все, чем могут помочь нам пирамиды, — это устное предание, сохранившее имена трех «строителей» и воспоминания о том, как пирамиды строились. Причем эта устная традиция явно не благоволила к Хуфу и Хафра. «Египтяне так ненавидят этих царей, что только с неохотой называют их имена»¹⁹, — свидетельствует Геродот, а Диодор рассказывает, что «после их смерти народ взбунтовался и выбросил их мумии из пирамид».

В ту пору пирамиды имели совсем иной вид, чем сейчас. Согласно многим описаниям, эти гигантские монолиты сияли на солнце белой глазурью отполированных известняковых плит на фоне многоколонных залов прилегающих поминальных храмов, соединенных с храмами в долине Нила длинными мощеными дорогами. Рядом с царскими пирамидами стояли малые пирамиды жен и членов семьи фараонов; все они были обнесены высокими, богато украшенными стенами. Вокруг расположились сотни красивых гробниц высшей знати, жрецов и военачальников, главных и личных писцов, казначеев, носителей опахал, наместников, разных сановников и всех придворных, пожелавших остаться рядом со своим повелителем и богом и после смерти. (Пирамида была «Дворцом вечности» и центром большого «Города мертвых» — живые имели доступ лишь к поминальному храму, когда там совершались богослужения в честь «царя, власть которого вечна»).

В эпоху Геродота пирамиды казались еще довольно новыми. После падения Древнего царства, цари которого воздвигли большинство пирамид, в Египте настал период анархии и смут; следующий такой период безвластия и внутренних неурядиц наступил после падения Среднего царства. И хотя пирамиды стояли в стороне от человеческих страстей, последние их не пощадили. В глубь пирамид проникли грабители, храмы были опустошены. После первоначального расцвета Нового царства у власти оказались слабые правители, и пирамиды пришли в запустение. Луже всего им было, как и всему Египту, в период ассирийского владычества. В 663 году до н. э. саисский властитель Псамметих I, основатель новой XXVI династии, осво-одил Египет от ассирийцев, воссоединил страну и занялся реставрацией древних пирамид. Пирамиды обрели прежний вид, ходы в них закрыли и замаскировали, ценой огромных затрат человеческого труда им был возвращен был-лой блеск. В таком состоянии и увидел их Геродот.

Однако со времени обновления пирамид в пору «саисского ренессанса» до наших дней прошло больше столетий, чем за период от строительства пирамид до этой «эпохи реставрации и египетского ренессанса». По территории Египта вновь прошли войска захватчиков, им опять правили чужеземные властители, и снова несли урон пирамиды. К разрушительным действиям людей, которые видели в них легкодоступные каменные карьеры, присоединился гложащий зуб времени.

«Все на свете страшится времени, время страшится пирамид»- гласит арабская пословица. Это не совсем верно. Достаточно взглянуть на руины малых пирамид или на обнаженные стены Великой пирамиды.

Правда, теперь время работает па пирамиды... Об этом свидетельствуют уже видимые результаты-работы и особенно планы Службы древностей Арабской Республики

Глава II ХАЛИФ АЛЬ-МАМУН И АРАБСКИЕ ИСТОРИКИ

642 год нашего летосчисления стал началом новой эры истории Египта: его завоевали арабы. Амр Ибн аль-Ас, полководец халифа Омара, в 640 году захватил город Пелу-сий, нынешнюю Фараму, на восточном рукаве Нильской дельты, затем нанес поражение византийским войскам у Гелиополя (древнего Она, теперь — предместья Большого Каира) и наконец после четырнадцатимесячной осады вступил в столицу — Александрию. 29 сентября 642 года византийский флот навсегда покинул александрийскую гавань Счастливого возвращения. Египет стал арабской территорией.

До арабского завоевания Египет принадлежал Византийской империи и почти тысячу лет был неотъемлемой частью греческого мира — с того самого декабрьского дня 332 года до н. э., когда Александр Великий в мемфисском храме бога Птаха принял двойную корону владыки Верхнего и Нижнего Египта. Греко-македонской была династия Птолемеев, греками были чиновники, греки составляли значительную часть населения Египта, Александрия была одним из крупнейших центров греческой культуры; римские властители этой страны издавали свои распоряжения на греческом языке. И все же Египет только внешне казался греческим, а в период римского владычества — лишь формально римским. Прежде всего не изменился этнический характер населения: основную массу жителей составляли египтяне, у которых не было иной родины, кроме Египта; несмотря на все новые влияния, они сохраняли верность традиционному образу жизни. Для греков Египет был лишь одной из стран эллинского мира, для римлян — одной из провинций (в современном понимании — колоний). Арабы, захватившие Египет, обрели в нем новую родину. Они быстро заселили эту страну и наложили собственный отпечаток на весь ее облик

Поработив исконное египетское население, арабы частично ассимилировали его. Насколько известно, поначалу обошлось без насилий, хотя их можно было ожидать. Дело в том, что египтяне не оказали арабам сопротивления; они уже привыкли к чужому господству, и потому приход новых захватчиков был для них лишь сменой властителей, в которой они не принимали никакого участия¹. Арабы сумели это оценить и селились в Египте. Их просачиванию способствовала также значительная внутренняя дифференцированность египетского этнического целого, как классовая, так и религиозная.

Большинство египтян склонились к христианству, которое начало проникать сюда с середины I столетия и нашло здесь благодатную почву — главным образом из-за христианского учения о загробной жизни; тем не менее многие из египтян, в основном бедные и безземельные крестьяне, оставались верны старым богам. Египтяне-христиане, или копты (от греческого *Agyptos*), не смешивались с арабами; они сохранили свою религию, в которой преобладало направление так называемого монофизитства (учения о «единой природе» Христа), и свой язык. Египтяне-язычники, напротив, приняли от арабов ислам и полностью слились с ними. Впоследствии между арабами и коптами нередко имели место конфликты, подчас вооруженные, причем копты, давно утратившие военные навыки, каждый раз терпели поражение.

Постепенно арабский язык стал преобладающим, а после покорения Египта турками (в 1517 году, после победы султана Селима I в битве под Гелиополем) живой коптский язык вообще исчезает. Но как памятники завершающей фазы развития древнеегипетского языка сохранились религиозные книги коптов — последних живых потомков древних египтян.

Так у пирамид, которые одни неподвижно простояли все это время, полное перемен, появился совсем новый народ. После Августа, Веспасиана, Адриана и других императоров из Рима и Византии к ним стали навещаться халифы из Багдада. А вместе с ними и после них арабские историки и писатели.

Все восхищались пирамидами, признавали их чудом из чудес. А поскольку книг европейских историков они не знали, а от коптов не получили достаточных сведений, то и начали выдумывать.

Ведь у арабов, как известно, богатая фантазия, и они сочинители замечательных сказок.

Мы ничего не имеем против фантазии и сказок, но в данном случае нас больше интересуют

свидетельства очевидцев и факты из книг историков. Однако описания, соответствующие нашему вкусу, тогдашним арабским авторам были чужды, а их понимание истории тоже резко отличалось от нашего. *Historia* — греческое слово, первоначально оно означало не просто историю или описание минувшего, а «исследование», «изучение», «добывание знаний», *Ta'rih* — арабское слово, соответствующее «истории», — первоначально значило «датирование», «определение времени событий». Науку, обозначенную этим словом, до недавних времен арабы почитали лишь вспомогательной дисциплиной, состоящей на службе у исламской религии, — примерно так у нас в средние века церковь считала философию «служанкой теологии».) В обрисовке характеров и понимании психологии мало кто из европейских историков может сравниться с арабскими, не говоря уж об их превосходстве в красочности описаний. Но их попытки критически подойти к фактам или рационально объяснить исторический процесс, по нашим понятиям, большей частью выглядят куда слабей, по крайней мере до Ибн-Халдуна (1332—1405), а *нередко* и после него.

«Арабским Геродотом» называют основателя и крупнейшего авторитета арабской историографии аль-Масуди, родившегося в конце IX века н. э. и умершего в 956 году, или в 345 году хиджры (год хиджры — бегства Мухаммеда из Мекки в Медину 20 сентября 622 года, с которого начинается мусульманский календарь). Как и Геродот, он написал многотомное сочинение, в котором помимо истории уделяет внимание также географии и этнографии; его интересы не ограничиваются арабским миром, так же как Геродот не ограничивался греческим. Но различие между этими произведениями заметно уже по их заголовкам: если Геродот назвал свои девять книг просто «История», то Масуди озаглавливает их «Промывальш золота и россыпи драгоценных камней». Именно в этом труде оставил нам аль-Масуди подробное описание пирамид, основанное якобы на собственных наблюдениях, и вместе с тем одно из древнейших арабских сообщений об их строительстве, к сожалению, без точной ссылки на источник.

«Сурид, сын Шалука, сына Сермуна, сына и т. д., один из египетских владык до всемирного потопа, построил две большие пирамиды. Неизвестно почему позднее они получили название от мужа по имени Шеддад, сына Ада, ибо были построены не членами рода Ада, ведь те не могли завоевать Египет, поскольку не обладали силой, которая была у египтян, владевших волшебными чарами. Поводом к строительству пирамид послужил сон, который увидел Су-рид за триста лет до потопа. Пригрезилось ему, что земля залита водой, а беспомощные люди барахтаются в ней и тонут, что звезды в смятении покинули пути свои и со страшным шумом падают с неба. И хоть сон этот произвел на властителя сильное впечатление, он никому о нем не рассказал, а в предчувствии ужасных событий созвал священнослужителей со всех концов своей страны и тайно поведал им о виденном». Те предсказали ему, что государство его постигнет великое бедствие, но по прошествии многих лет земля снова будет давать хлеб и финики. «Тогда властитель решил построить пирамиды, а пророчество священнослужителей повелел начертать на столбах и больших каменных плитах. Во внутренних помещениях пирамид он укрыл клады и другие ценные вещи вместе с телами своих предшественников. Священнослужителям он приказал оставить там письменные свидетельства о его мудрости, о достижениях наук и искусств. После чего велел построить подземные ходы до самых вод Нила. Все помещения внутри пирамид он наполнил талисманами, идолами и другими чудодейственными предметами, а также записями, сделанными священнослужителями и содержащими все области знаний, названия и свойства лечебных растений, сведения, касающиеся счета и измерений, дабы сохранились они на пользу тем, кто сможет их разуместь».

Далее аль-Масуди дает описание трех «пирамид Нила», т. е. пирамид в Гизе. Размеров он не приводит, зато сообщает другие интересные подробности. Перед первой пирамидой, очевидно пирамидой Хуфу, находится «зал с колоннами, построенными из каменных плит, соединенных свинцом»; в другой, «западной» (вероятно, пирамиде Хафра), имеется «тридцать помещений для священных символов и талисманов из сапфира, для оружия из нержавеющей металла и предметов из гибкого небьющегося стекла». В третьей пирамиде, «цветной» (т. е. пирамиде Менкаура, поскольку нижняя ее часть была выложена плитами из розового гранита), «покоились тела мертвых священнослужителей в саркофагах из черного гранита и рядом с каждым лежала книга, в которую были занесены таинства его профессии и его деяния при жизни».

Продолжение тоже небезынтересно. «Властитель назначил к каждой пирамиде по одному стражу. Стражем восточной пирамиды была статуя, высеченная из гранита, с оружием, напоминающим копье; на лбу ее был укрыт змей, готовый накинуться на всякого, кто приблизится, обвить его шею, задушить, а затем вернуться в свое прибежище. Страж западной пирамиды был из черного и белого оникса; он сидел на троне, вооруженный копьем, и метал искры из глаз; стоило

кому-нибудь появиться у входа, как сразу раздавался глухой звук, и пришелец умирал Цветной пирамиде он определил в сторожи статую на постаменте, у которой была такая сила, что она могла сбить с ног и умертвить любого человека. По окончании строительства властитель отдал пирамиды в распоряжение живых духов и повелел, чтобы им приносились жертвы. Так он воспрепятствовал появлению внутри пирамид посторонних, за исключением тех, которые по своему сану были достойны получить на то соизволение».

По всей видимости, эта система охраны успешно функционировала еще и во времена аль-Масуди. «Духа северной пирамиды видели в обличье безбородого юноши с длинными зубами и пожелтевшей кожей. Дух западной пирамиды — обнаженная женщина, которая привлекает людей и насылает на них болезнь; ее можно увидеть ровно в полдень и при заходе солнца. Дух цветной пирамиды — старец, который бродит вокруг нее, размахивая огнем в сосуде, подобном кадилнице из христианского храма; таким его увидели».

Пожалуй, этого достаточно. Приведем еще лишь заключение, в котором аль-Масуди сообщает, что Сурид арабскими буквами начертал на пирамидах следующие слова: «Я, властитель Сурид, построил эти пирамиды за шестьдесят лет. Пусть попытается тот, кто придет после меня, уничтожить их в течение шестисот лет! А ведь уничтожать легче, чем строить. Я одел их в шелка, пусть же попытается покрыть их рогожей!»

Не менее полудюжины арабских историков повторяли эту историю: иные дословно, иные приукрашив. Наверное, самые красочные и фантастические подробности добавил к ней Ибрагим ибн Васиф-шах в «Истории Египта и его чудес» (XII век). Его отступление от версии предшественников заключалось в том, что он перенес сон Сурида в эпоху «через триста лет после потопа»; впрочем, это не помешало ему объявить пирамиды «постройками, существовавшими до потопа».

Однако сообщения о пирамидах доходили до нас не только от историков. Самое древнее из них принадлежит астроному аль-Балхи, т. е. человеку, привыкшему наблюдать и рационально мыслить. Полное его имя несколько длинновато (Абу Машар Джафар ибн Мухаммед ибн Омар аль-Балхи), но в Европе он был известен под именем Альбумасер; в 1488 году в Аугсбурге вышел латинский перевод его произведения «Астрологические цветы», а годом позже — книги «О больших конъюнкциях», в 1506 году венецианцы издали его «Введение в астрономию». Родом он был из персидского города Балх, умер в Багдаде в 272 году хиджры, или в 886 году н. э. Сохранилась его статья о пирамидах из книги «Тысячи и многое иное»:

«Мудрые мужи перед потопом, предсказывавшие кару небес — водой или огнем, вследствие которой будет уничтожено все живое, построили в Верхнем Египте на вершинах гор множество пирамид из камня, дабы найти в них спасение от грозящей катастрофы. Две из этих построек превзошли высотой остальные, ибо достигали четырехсот стоп в высоту и столько же в длину и ширину. Длина и ширина каждого камня от восьми до десяти локтей, и они так тщательно уложены один возле другого, что почти не видно щелей. На внешней стороне этих построек, представлявших собой чудо человеческого труда, вытесана надпись: „Мы построили, а кто считает себя сильным, пускай разрушит, но да помнит, что разрушать легче, чем строить“». Если так писали историки и другие ученые, то как же должны были писать авторы сказок?

Однако обратимся еще к одной полке с книгами древних арабских авторов: к путевым дневникам и очеркам. Должны же быть в них и личные наблюдения, самостоятельно добытые сведения, непосредственные впечатления.

Первая из таких книг — «Египет» Мутерди. Точного ее названия мы, к сожалению, не знаем, поскольку сама она утеряна и ныне существует лишь в переводе, сделанном в XVII веке французским арабистом Ватье. Мутерди описывает в ней, как несколько человек спустились в Великую пирамиду; каким образом и когда они туда попали, он не сообщает. «Затем они по темному коридору подошли к узкому проходу, за коим зияла черная яма. Из нее тянуло холодом, а вокруг шныряли огромные летучие мыши, похожие на черных орлов. Одного человека послали на разведку; он привязал к поясу длинный канат, чтобы в случае необходимости его могли вытащить наверх. Но только он сделал несколько шагов, как проход сомкнулся и стиснул его объятием смерти. Раздался ужасный крик, выгнавший всех остальных из пирамиды; некоторые от страха умерли. Когда оставшиеся в живых начали обсуждать случившееся и решать, что им теперь делать, их пропавший друг неожиданно появился перед ними и заговорил на неведомом языке».

Историю эту, очевидно, слышало возле пирамид немало людей; мы знаем ее примерно в десяти вариантах. В каждом из них повторяется и это обращение к оставшимся в живых «на неведомом

языке». Правда, одни говорят, что несчастный лишь начал заикаться, другие утверждают, что после своего исчезновения он вернулся к товарищам по тайному коридору, ведущему к водам Нила, а третьи считают, что все это известно только Аллаху.

Ни в одной из названных книг автор не обременяет читателя сведениями о размерах пирамид, об угле наклона коридора, о внешнем виде построек и т. д., не приводит и имен их основателей. Зато мы можем прочесть, например, о человеке, который спустился в Великую пирамиду, «нашел там клад драгоценных камней, засунул один из этих камней себе в рот и тут же окаменел». В другой книге, напротив, говорится, что он «оглох, но, когда вынул камень из рта, слух к нему вернулся». По сообщениям иных авторов, в пирамидах скрывались «клады золотых монет, уложенных столбиками, и стоимость каждого соответствовала не одной тысяче динаров, но когда упомянутый человек хотел взять несколько таких монет, он не смог их поднять». Аль-Масуди тоже пишет о смельчаке, который добрался до одного из подземных помещений пирамиды. «И нашел там статую шейха из зеленого камня, на нем было красное одеяние, он сидел на диване, перед изваянием шейха стояли статуи мальчиков, которых он обучал. Упомянутый человек пытался взять одну из этих статуй, но не смог сдвинуть ее с места. Затем вошел в квадратную комнату, подобную предыдущей, и обнаружил там петуха из драгоценных камней, который стоял на зеленом столбе. Глаза петуха освещали все помещение, и когда человек к нему приблизился, петух закукарекал и замахал крыльями. Человек пошел дальше и оказался у статуи женщины из белого камня, на голове ее было покрывало, а по бокам стояли каменные львы, которые бросились на него и чуть было не разорвали на части. Он едва успел унести ноги».

Это довольно увлекательное повествование, примерно такое же, как рассказ о пещере Аладина и Али-Бабе из «Тысячи и одной ночи», и мы могли бы привести еще немало подобных отрывков. Однако сейчас нас интересуют не восточные сказки, а сведения о пирамидах. Но действительно ли это только сказки? Нет ли в них некоего отражения действительности?

Многое в таких сообщениях, безусловно, вымышлено и не имеет под собой никакой почвы. Возьмем, к примеру, утверждение аль-Масуди о свинце между плитами. Египтяне такого связывающего материала никогда не использовали, и никаких следов его не обнаружено. В эпоху строительства пирамид им не было известно железо. То же относится к надписям в пирамидах, в некоторых они, несомненно, были, но иероглифического письма никто из арабов тогда прочесть не мог. В египетских источниках не существовало и легенды о всемирном потопе (хотя она встречается примерно у сорока других народностей), и в этом нет ничего удивительного. Нильские наводнения несли египтянам жизнь, а не гибель, египтяне вообще считали свою страну «даром Нила».

Но ряд утверждений, наверняка, не «высосан из пальца». В пирамидах действительно обнаружены гранитные саркофаги, правда, сейчас уже пустые; после завоевания Египта арабами в них еще могли быть мумифицированные тела, возможно от вторичных захоронений. В некоторых вторичных захоронениях были найдены свитки с длинными текстами из известной «Книги мертвых», а среди погребальной утвари в самом деле было множество статуэток, священных символов и талисманов. Есть гробницы, где обнаружены статуи, позволяющие объяснить и рассказы о «петухах из драгоценных камней», хотя и не кукарекающих, или «змеях на лбу». В первом случае речь, возможно, идет о статуе бога Гора, которого изображали с головой сокола, его длинное стилизованное тело и правда напоминает «столб». В другом случае речь явно идет об урее в виде кобры, который украшал корону фараона. Близок к этому и пример с «шейхом» и его «учениками». Сановников изображали значительно крупнее, нежели их жен и детей, не говоря уже о подданных.

В этих и подобных им случаях, несомненно, отразились реальные находки в египетских гробницах; упоминания же о темных, таинственных коридорах прямо относятся к пирамидам. Но не к пирамидам Гизе; пирамида Хуфу стала доступна лишь с начала IX века, пирамида Менкаура — только с XV, а в пирамиду Хафра первый арабский посетитель попал еще позднее. Однако были доступны десятки других пирамид, очевидно, за несколько веков до начала нашего летосчисления. А как же быть с духами, сторожившими пирамиды? Как быть со статуями, которые умерщвляли людей, с магическими силами, несущими пришельцам болезнь и смерть? Улыбнемся и ответим: поверья Востока, поверья темного средневековья... Но разве мало было и в Европе и в Америке людей, и притом даже в нашем столетии, которые верили в «заклятия фараонов», постигавшие «нарушителей их вечного сна»? По газетным сообщениям 20-х годов, двадцать один человек стал жертвой заклятия Тутанхамона, в том числе и сам первооткрыватель гробницы — Говард Картер. Впоследствии Картер прислал автору своего некролога письмо, которое кончал так: «В духовном отношении мы явно ушли от времен древности не столь далеко, как это предполагают некоторые доб-

ропорядочные люди».

Но более всего волновали сообщения о кладях, скрытых в пирамидах. Здесь полет арабской фантазии не знал предела, и пирамиды превратились в «сокровищницы фараонов».

Тем не менее и в этом была доля истины. Хотя пирамиды и не были сокровищницами, но клады они в себе все же таили: не только клады с точки зрения археологической или художественной, но и клады настоящего золота. По крайней мере так было в древности. Они таили в себе погребальную утварь египетских фараонов!

Страсть к золоту толкнула Колумба на открытие Америки, страсть к золоту побуждала алхимиков продавать душу дьяволу, страсть к золоту вела анонимных грабителей и знаменитых властелинов в глубь пирамид. Историей зафиксировано, что первым властителем, с целью грабежа проникшим в пирамиду, был сын прославленного Харуна-ар-Рашида — багдадский халиф аль-Мамун.

В 831 году аль-Мамун приехал в Египет, чтобы лично исполнить одну из обязанностей правителей. В дельте Нила вспыхнуло восстание крестьян против притеснения сборщиков дани. В отличие от прежних оно приняло такие размеры, что для его подавления понадобилось вмешательство самого халифа. Аль-Мамун не стал терять время на расследование и одним махом ликвидировал восстание. К чести его, надо сказать, что при этом он не допустил никакой дискриминации коптов — перебил все население Дельты без разбору, деревни сжигал, а схваченных в тростниках беглецов сажал на кол, не обращая внимания на то, кто из них правоверный мусульманин, а кто неверный пес. Было, видимо, чистой случайностью а не проявлением геноцида, что численность коптов снизилась более чем наполовину. И если самый плодородный край Египта обезлюдел и на целые столетия пришел в запустение, то это лишь свидетельствует о жестокости халифа. После такого восстановления порядка и авторитета у аль-Мамуна оказалось время, чтобы почтить своим вниманием пирамиды. Правда, то же самое он мог сделать и когда угодно до этого, хотя бы в 820 году, к которому относит его первые «изыскательские» работы в Великой пирамиде аль-Масуди.

Пирамиды были знакомы аль-Мамуну по рассказам отца, который неоднократно их посещал и всегда ими восхищался; слышал аль-Мамун и легенды о скрывающихся в них кладях. Он давно решил овладеть этими кладями и, было ли это в 831 или 820 году, приступил к делу. Напрасно советники двора предостерегали его, что пирамиды находятся под охраной могущественных духов, которые погубят каждого, кто попытается в них проникнуть; напрасно начальники его военной разведки говорили, что в пирамиды нет входа; остался он глух и к словам специалистов по осаде вражеских крепостей, утверждавших, что проникнуть в пирамиды выше человеческих возможностей. «Аллах велик, всеведущ и мудр! Он наделил меня могуществом власти и будет охранять меня на этом и на том свете.- Да исполнятся слова Корана, сура седьмая, где сказано: „И уничтожили мы дело фараоново и людей его и все, что он построил". Мое слово твердо!»

Для начала аль-Мамун выбрал самую большую из пирамид — в ней, несомненно, должен был находиться и самый большой клад. Входа действительно не было; очевидно, в римские времена его замуровали, а может быть, он был уже открыт, но занесен песком. Когда поиски входа не принесли успеха, халиф приказал привезти стенобитные орудия. После недолгих размышлений, куда их поставить, он выбрал северную сторону. Трудно сказать, была ли это случайность или его убедили обслуживавшие таран воины, которым, естественно, хотелось работать на теневой стороне, но позднее выяснилось, что решение это было необычайно удачным. Позднее — это значит после нескольких недель изнурительного труда, казавшегося поначалу бесперспективным. Духи и правда охраняли пирамиду как верили все, кроме аль-Мамуна: пальмовые бревна таранов трескались, а железные ломы гнулись. Затем какой-то каменщик подсказал, что стену пирамиды может разьесть кипящий уксус. Халиф тут же повелел реквизировать все запасы уксуса и дров, воины привезли котлы, и из окрестностей пирамид надолго исчезли все мухи, а с ними, по всей вероятности, и духи-хранители. Полированная облицовка пирамиды треснула, в щель вонзился «рог» тарана, и дело пошло на лад, выломанные блоки с оглушительным грохотом падали с десятиметровой высоты в песок. Огромная дыра в стене пирамиды, похожая на воронку от бомбы, и ныне напоминает об успехе этого предприятия.

Однако неимоверный труд подданных аль-Мамуна не принес бы успеха, если бы им просто не повезло. Стоило им начать работу на несколько метров левее, и вряд ли они когда-нибудь проникли бы в пирамиду. Они извлекли из стены пирамиды более двухсот многотонных блоков, что было и при использовании тогдашней боевой техники (в том числе и такого «химического оружия», как уксус) немалым достижением, но каждый раз в отверстии показывался новый блок. И вдруг один из блоков не скатился вниз по стене, а... провалился внутрь! Это был великий

момент. Можно себе представить волнение изнуренных воинов и восторг аль-Мамуна, когда раздался грохот провалившегося камня. Все стенобитные орудия были перемещены туда, где образовалась дыра, а когда проделали достаточно широкое отверстие, через него спустили канат. Доброволец, избавленный от страха перед духами при помощи одного динара, с горящим факелом спустился во тьму пирамиды. Что этот человек обнаружил в пирамиде, никто не записал. Не сохранилось и сообщения о том, что видел в ней сам халиф. Вероятно лишь то, что пробитое отверстие открыло доступ в так называемую Большую галерею, которая вела к самому сердцу пирамиды, к погребальной камере с саркофагом Хуфу. И так, халиф попал в это помещение более коротким путем по сравнению с тем, который проделал Хуфу, когда осматривал место своего последнего отдохновения, и с тем, которым проходят туда нынешние посетители пирамиды. И все-таки другие искатели кладов уже побывали там до халифа.

Ни о каких находках аль-Мамуна в пирамидах ни в одном из источников его поры не упоминается. Наиболее близкий ему по времени автор, историк аль-Кайси (XII век), записал устный рассказ: «...в узком проходе был найден гроб, похожий на статую мужчины, высеченную из зеленого камня. Когда этот гроб принесли к халифу и сняли крышку, под нею оказалось тело мужчины в золотых доспехах, украшенных драгоценными камнями, в руке он держал меч, которому нет цены, а на лбу у него горел огнем рубин величиной с куриное яйцо; и халиф взял этот камень себе». Аль-Кайси утверждает, что «собственными глазами видел гроб, в котором лежало это тело, он был похож на статую и стоял у дверей дворца халифа в Каире в 511 году» (хиджры, т. е. в 1117/1118 году).

Пожалуй, это было не слишком большой наградой за усилия, затраченные на проникновение в пирамиду. Такая гигантская сокровищница — и никаких кладов! Халиф аль-Мамун был в ярости. Он еще покажет этим пирамидам!

Сто лет спустя известия о боевых действиях аль-Мамуна против пирамид звучали уже иначе. Во-первых, ему сказочно везло, и, во-вторых, он уже вскрыл не одну пирамиду, а две. Описание того, что он в них обнаружил стоит внимания:

«В первой пирамиде, западной, было найдено тридцать сокровищниц из цветного гранита, наполненных редкостными драгоценными камнями, различными предметами роскоши, достойными восхищения статуями, разнообразными инструментами, великолепным оружием, смазанным мазью, составленной с таким мастерством, что это оружие не заржавело бы до второго пришествия. В другой пирамиде хранились сообщения жрецов, написанные на плитах из гранита, от каждого жреца одна плита мудрости, и на ней были обозначены его удивительные деяния. У каждой пирамиды есть свой страж кладов, ее хранитель; и эти стражи будут охранять пирамиды от любого нежелательного вторжения».

Правда, эти сообщения были предназначены для широкой публики: не мог же халиф потерпеть фиаско! Сам он был вне себя от ярости, а потому решил сдержать свое слово и стереть пирамиды с лица земли. Начал он с третьей пирамиды, с пирамиды Менкаура. Очевидно, по той причине, что она была меньше других.

Предоставим же слово историку, да еще столь авторитетному, как Ибн-Халдун (1332—1406), а отнюдь не Шахразде (процитированный выше абзац взят из одной ее сказки). Ибн-Халдун упоминает о странном пристрастии к разрушительству еще у отца аль-Мамуна — Харуна-ар-Рашида. В своем большом сочинении, длинное рифмованное название которого лаконично переводится как «Время царств и империй», он пишет:

«„Клянусь богом, я уничтожу это здание!“ — воскликнул ар-Рашид перед дворцом персидского шаха. И вот он приступил к разрушению дворца и собрал для этой цели множество рабочих, которые пользовались кирками, раскаляли здание огнем, а потом поливали уксусом. Но и это не помогло, постройка не поддавалась. Дабы избежать насмешек и позора, послал ар-Рашид к Яхье (ибн-Хали-ду, своему советнику, которого в ту пору держал в тюрьме) и спросил его, должен ли он отказаться от своих замыслов. И отвечал ему Яхья: „О владыка правоверных, не делай этого! Продолжай начатое, чтобы никто не мог сказать, будто владыка правоверных и предводитель арабов был не в силах уничтожить то, что построили не арабы!“». Ар-Рашид согласился с ним, но дворец шаха так и не смог уничтожить.

То же случилось и с аль-Мамуном, когда он попытался разрушить египетские пирамиды. Хоть и согнал он множество рабочих, но успеха не добился. Рабочие отделяли друг от друга и выламывали камень за камнем, но добрались только до помещений между внешней и внутренней стенами,

дальше они не проникли, и уничтожить пирамиды им не удалось. Говорят, в результате всех усилий появилось отверстие, которое можно видеть и сейчас. Кое-кто полагает, что аль-Мамун нашел между стенами запертый клад, но «Аллаху это лучше известно».

Однако некоторые авторы, и в особенности знаменитый багдадский лекарь и энциклопедист Абд-аль-Лятиф аль-Багдади (1161—1231), приписывают попытку разрушения пирамид другому халифу, а именно аль-Малику аль-Азизу, сыну прославленного султана Саладина (Салах ад-Дина), противника Ричарда Львиное Сердце в период крестовых походов. Абд-аль-Лятиф был современником Малика, а потому у его сообщения есть некоторая гарантия достоверности.

«Несколько придворных Малика, люди, полностью лишённые разума и здравого смысла, убедили его, что надо разрушить пирамиды. И вот он послал рудокопов и рабочих из каменоломен, чтобы под присмотром нескольких уважаемых эмиров и сановников они разрушили красную пирамиду (т. е. пирамиду Менкаура.— В, 3.), которая меньше двух других. Разбили лагерь, согнали людей со всех краев страны, что стоило больших денег, и вели работы восемь месяцев без перерыва. С величайшим напряжением им удавалось кирками и рычагами сдвинуть за день один или два камня и канатами стащить их вниз. Когда однажды такой гигантский камень сорвался и упал, грохот был слышен на многие километры вокруг, а горы дрожали, как при землетрясении... В конце концов они исчерпали все свои силы и бросили работу, поняв ее безнадежность. Несмотря на все старания, они оставили на пирамиде лишь неприметный след, небольшое отверстие, заметное только вблизи».

Было это так или иначе, халиф аль-Мамун остается первым известным истории человеком, который после завоевания Египта арабами вступил в пирамиду. Да еще в Великую пирамиду! Не считая, конечно, безымянных рабочих, проложивших для него путь и приготовивших все для этого не лишённого удобств визита.

Неужели известия тех времен дошли до нас лишь в виде сказок или легенд? По счастью, нет.

Историк аль-Кайси, уделивший особое внимание халифам династии Аббасидов, записал рассказ одного современника той поры, который вступил в Великую пирамиду вскоре после того, как ее вскрыли, т. е. в первой половине IX столетия.

«Он нашел там квадратную комнату со сводчатым потолком, а за нею коридор глубиной в десять локтей и притом достаточно широкий, чтобы по нему прошел человек. В каждом углу было по двери, которые вели в просторное помещение, где лежали тела усопших, и каждый усопший был завернут во множество слоев материи, уже почерневшей от старости. Однако тела всех усопших оставались в полной сохранности; на головах у них были волосы, причем ни единого седого, и потому возникало впечатление, что это трупы молодых людей. Трупы лежали так тесно один возле другого, что отделить их было невозможно, а когда он попробовал их поднять, они оказались легкие, как воздух. Он говорил также, что там были четыре круглые шахты, полные человеческих трупов, и что все это место было загрязнено летучими мышами. Он заметил также, что там были погребены и различные животные. И еще говорил, что нашел кусок ткани примерно с локоть длиной; белоснежная хлопчатобумажная материя, вышитая шелком, была свернута в форме тюрбана, а когда он ее развернул, там оказалась мертвая чайка, не утратившая ни перышка, словно она только что испустила дух... Из упомянутого помещения со сводчатым потолком можно было попасть в самую верхнюю камеру пирамиды, туда вел коридор шириной в пять шагов, но без ступеней... Этим коридором во времена аль-Мамуна можно было дойти до узкого прохода, где и была найдена упомянутая гробница».

Это сообщение никак не упрекнешь в неясности. И верно, «квадратная комната со сводчатым потолком» в Великой пирамиде действительно существует, это так называемая пустая камера, некогда ошибочно именовавшаяся «усыпальницей царицы». Правда, в ней нет никаких угловых дверей, а есть лишь входы в две довольно узкие шахты. Зато из нее можно было попасть «в самую верхнюю камеру пирамиды», т. е. в усыпальницу Хуфу. Описание мумифицированных тел сделано очень точно и выразительно, эти тела могли относиться к более поздним (вторичным) захоронениям Саисской эпохи. Но что в этом сообщении особенно поражает, так это упоминание о «коридоре шириной в пять шагов, но без ступеней». Это первое из известных нам упоминаний о Большой галерее, одной из удивительнейших достопримечательностей пирамиды Хуфу!

И, наконец, еще одно вполне достоверное сообщение, на сей раз принадлежащее посетителю пирамид Гизе. Записано оно Абд-аль-Лятифом в его «Повествовании о Египте». В конце XVIII века его перевел и опубликовал французский ориенталист Сильвестр де Саси.

«Пирамиды построены из огромных камней от десяти до двадцати локтей длины, от двух до трех локтей высоты и такой же ширины. Но особенно восхищает удивительная тщательность, с

какой эти камни обтесаны и уложены. Плиты так хорошо пригнаны, что между ними нигде нельзя просунуть ни иголки, ни волоска. Соединены они строительным раствором слоем не толще листка бумаги; не знаю, что это за раствор, состав его мне совершенно неизвестен. Камни покрыты древними письменами, которые ныне уже никто не может прочесть. Во всем Египте я не встретил никого, кто бы сказал, что умеет читать это письмо или знает такого человека. Надписей тут великое множество, и если бы у кого-нибудь возникло желание переписать только те из них, что видны на поверхности этих двух (самых больших) пирамид, он заполнил бы ими свыше десяти тысяч страниц».

Итак, арабы продвинулись в изучении пирамид значительно дальше, чем неарабские авторы в эпоху, предшествовавшую завоеванию Египта. Несмотря на приверженность к сказкам, они дали и весьма достоверную гипотезу возникновения этих (а также и иных) гигантских построек, полностью свободную от фантастических представлений и последовательно исходящую из общественных предпосылок. Перечитаем еще раз слова Ибн-Халдуна, который писал в XIV веке, всего лишь за каких-нибудь сто лет до той поры, когда венецианцы в своем знаменитом кафедральном соборе изобразили пирамиды как библейские «житницы Иосифа».

«Знай, что все творения древних народов возникли единственно благодаря ремесленной сноровке и слаженному труду множества рабочих. Лишь так могли быть построены эти памятники и здания. И потому нельзя считать, подобно непосвященным, будто все дело в том, что наши предки сильнее нас. Человеческие существа в этом отношении отличаются друг от друга не в такой мере, как их памятники и постройки. Рассказчики воспользовались этим сюжетом и использовали его, чтобы наполнить свои истории преувеличениями. Они не поняли, что только благодаря высшей общественной организации и ремесленной сноровке построены эти гигантские памятники, и потому приписывали их создание силе и способностям, которые, по их мнению, люди древности черпали из мощи своих тел, но это не так».

Долгое время арабы не могли сообщить о пирамидах ничего нового. Но успели они сказать немало. И притом их свидетельства оказались весьма ценными.

Теперь опять слово было за европейцами.

Глава III АВАНТЮРИСТЫ, СОЛДАТЫ И КЛАДОИСКАТЕЛИ

В первую тысячу лет после захвата Египта арабами пирамиды редко посещались европейцами. Полностью контакты Европы с Египтом не прерывались, но были минимальными. Первоначально их поддерживали одни византийцы; вскоре после своего изгнания из Египта они возобновили торговлю с ним, но в основном через сирийские порты, путешествия же в сам Египет старались избегать. Позднее в устье Нила стали появляться корабли венецианских и генуэзских купцов, которые наряду с товарами и всякими болезнями приносили домой различные известия о Египте, но весьма поверхностные и не слишком достоверные. Впрочем, мало кто в ту пору попадал дальше Александрии. Она постепенно приходила в запустение и представляла собой жалкие останки былого птолемеевско-го и византийского великолепия. В глубь египетской территории не проникли даже крестоносцы.

Походы крестоносцев, эта злосчастная авантюра Европы на Ближнем Востоке, поначалу не затронули Египта. Их целью, во всяком случае официальной, было отвоевать «Святую землю» у неверных. Этими неверными были турки-сельджуки, которые завладели ею в 1055 году, у них-то участники первого крестового похода и отвоевали в 1097 году Иерусалим. Затем к концу XII века большую часть Сирии и Палестины захватила египетская династия Аййубидов. Папа Иннокентий III организовал в 1202 году крестовый поход против них. Целью этого четвертого по счету похода было взятие Александрии, но в результате происков венецианцев крестоносцы двинулись против Константинополя и подвергли его страшному опустошению. В 1219 году на египетскую землю вступили участники пятого крестового похода, но они завоевали одну Дамьетту (нынешний Думьят) у восточного устья Нила, однако вскоре утратили и ее. Несколько дальше продвинулись в 1249 году участники седьмого крестового похода, возглавляемого французским королем Людовиком IX; во время сражения король попал в плен, из которого освободился за колоссальный выкуп, и с остатками крестоносцев отступил в Аккру. Между тем до Египта добралось несколько тысяч европейских детей. Дело в том, что монахи распространили безумную идею, будто невинные дети больше преуспеют в борьбе с неверными, чем грешники-взрослые. В 1212 году 15 тысяч детей под

предводительством двенадцатилетнего Стефана из Марселя собралось для отплытия на Восток; часть детей погибла во время морской бури, остальных христиане-капитаны продали египетским работоторговцам. Примерно так же закончилась и вторая экспедиция из 20 тысяч детей, которых вел Клаус из Кельна. Никто из них в Европу не вернулся, и если они и видели в Египте пирамиды, то сообщений о них никаких не оставили.

В конце средних веков одной из наиболее распространенных в Европе книг о Египте было «Путешествие Мандевиля». Ее автор — по всей вероятности, льежский врач Жан де Бургонь, живший в конце XIV столетия, который, как считает ряд ученых, возможно, посетил Египет. Почешски она вышла приблизительно в 1400 году в переводе Вавржинца из Бржезовой: «А земля Египетская есть земля длинная и узкая, ибо лежит она по берегам Нила, и насколько Нил, когда широко разольется, заливая почву, такова и ширина всей земли. Поелику в Египетской земле редко или же не идет вовсе дождь и ни снега, ни росы, ни грома, ни молнии не бывает, но постоянно стоит погода ясная...» Помимо названий городов и областей, которые приводятся довольно точно, и сообщений о том, что «люди там верят в Магомета», но «есть и христиане», и они «расцветки красной и черной, как мавры», мы можем прочесть, что «в египетской пустыне много святых пустынников и отшельников, кои часто видят множество дивных вещей», среди них, например, «одну тварь вроде человека с большими острыми рогами», которая «подобна мужчине сверху до пупка, а ниже подобна козе». Там якобы можно видеть и «единственную на всем свете птицу феникс», но такая возможность представляется только раз в пятьсот лет, после того как она сгорит, превратится в пепел, а потом заново обернется живой птицей. «Это говорили мне языческие жрецы, ссылаясь на письма, где начертано, что так оно было и будет». Встречается там будто бы «сказочная птица с золотой короной на голове и с крыльями огненного цвета». Сам автор, как он утверждал, «дважды видел ее собственными глазами». Но пирамид он, увы, не видел ни разу. Даже не слышал о них.

То же случилось и с литомышльским горожанином Мартином Кабатником, который действительно побывал в Египте в конце 1491 — начале 1492 года. В своем «Путешествии из Чехии в Иерусалим и Каир» он пишет, что в Каире поднимался на «султанов град», то есть на нынешнюю цитадель. «Оттуда я лучше, нежели с иного места, видел Египет и, стоя у стены, смотрел на раскинувшуюся посреди чистой песчаной равнины страну и нигде не узрел ни холмов, ни лесов... А случилось то перед самым полуднем, и небо было чистое-чистое...» С этого места даже в не очень ясную погоду можно видеть пирамиды Гизе, Абусира, Саккара, а иной раз и Дашура. Но почему-то он их не заметил.

Путевые заметки и всякого рода бестселлеры больше говорят о вкусах пишущих, чем об уровне их научных знаний, которые обычно заключены в книгах, написанных учеными для ученых. Такие книги появились уже в период средневековья. Но первую поистине научную информацию о Египте и пирамидах мы находим только в знаменитой «Космографии» (1544) Себастьяна Мюнстера. Автором ее был немец из Пфальца, бывший монах, сторонник Реформации. Хотя сам он в Египте не был, но как ученый-географ добыл о нем достаточно сведений из старых сочинений, приложил даже первый современный чертеж пирамиды. «Пирамида есть четырехгранная башня, возносящаяся от основания до верха весьма высоко, и чем выше, тем все более узкая», — можем мы прочесть в его книге. «Эти пирамиды или башни, кои воздвигнуты были в Египте и, как говорит Солил, все творения рук человеческих превышали, стояли на некоем скалистом холме к северу от Мемфиса... Одна, как пишет Страбон, имела периметр в тысячу и пятнадцать тагов. И хотя было их в земле Египетской на многих местах немало, однако ни одной ценнее не было, нежели эти три, они весь свет своей славой наполнили. Две из них к семи чудесам света причислены были».

Ближайший вслед за Мюнстером печатный чертеж пирамид появился уже по описанию настоящего очевидца. Опубликовал его в 1546 году итальянский архитектор Себастиано Серлио в книге о памятниках древнего зодчества, которую он издал в Антверпене. Впервые он изобразил и Большого сфинкса; в отличие от описания Плиния он не выглядит здесь чудовищем, а скорее похож на даму с немного загадочной улыбкой, причесанную по тогдашней моде и даже с бюстом. Но это не должно сбивать нас с толку, речь, безусловно, идет о Великой пирамиде, в ней ясно виден и большой пролом, пробитый халифом аль-Мамуном.

Кто передал это описание Себастиано Серлио, мы не знаем. Однако нам известна примерно дюжина отважных людей, которые побывали у пирамид во времена открытия Нового Света. И не только побывали у пирамид, но и вернулись в Европу с их описанием.

Жизнь любого из первых посетителей Египта на заре Нового времени могла бы послужить сюжетом для приключенческого романа, хотя их человеческие судьбы освещены в источниках

большей частью отрывочно и туманно. Однако мы не можем подробно рассказать о них здесь — это увело бы нас слишком далеко, и потому уделим им лишь столько внимания, сколько они сами уделяли пирамидам. Что касается их «служебной» характеристики, то обо всех можно сказать коротко: это были настоящие мужчины!

Сейчас в Египет ездят на летний отпуск: стоит сделать необходимые прививки, получить заграничный паспорт, сесть в самолет — и через четыре с половиной часа после вылета из Праги мы уже в Каире. В те времена надо было плыть из Европы на парусном судне, да еще по морю, облюбованному пиратами; паспорт заменяли меч за поясом да пара надежных пистолетов; отелей там не существовало, и потому лучше всего было ночевать в песчаной яме или в какой-нибудь гробнице; местность кишела разбойниками и змеями; чума была повсеместным явлением, а от государственных учреждений лучше всего было держаться подальше; вместо вошедшего в пословицы арабского гостеприимства любой иностранец со времен крестовых походов неизменно встречал там неприязнь и ненависть. Те, кто тогда отправлялся в Египет, были из того же теста, что и команды Васко да Гамы, Кабрала, Магеллана. Первым из таких давних посетителей пирамид был, очевидно, раввин Биьямин Тудельский, который попал к ним и в 1173 году, во время своего путешествия по местам еврейской истории. Но он не записал о пирамидах ничего особо интересного, так же как Гийом де Больдензеле, который посетил их в 1336 году, или Сиголи, путешествовавший по Египту в 1384—1385 годах. Незаурядное описание привез в Европу лишь французский барон д'Англор, ставший в 1395 году свидетелем того, как с пирамид снимали наружную облицовку. «Мне сказали, что уже более тысячи лет отсюда добывается камень, из которого строятся самые красивые здания Каира. Султан берет себе две трети дохода, треть получают рабочие». В 1486 году по пути в Святую землю к пирамидам попал немец Брейденбах из Мангейма; он отказался признать в них «житницы Иосифа», ибо «это постройки и а сплошного камня, а вовсе не полые, и, как гопорнт, это гробницы древних правителей». Из русских, посетивших Снятую землю, впервые упомянул о пирамидах в 1491 году монах Варсанофий из Киева. В 1522 году пирамиды посетил путешественник Михаил Гиреев, который пробыл в «Египте, граде великом» две недели. Как и побывавшие здесь вслед за ним В. Гагар, А. Саханов, Ф. Ф. Дорохин, В. Григорович-Барский и др., главное внимание он уделил Каиру и Александрии. В 1512 году у пирамид оказался Доменико Тревизан, посланник Венецианской республики; его проводник Захария Пагани первым отметил их народное название — «холмы фараонов». В том же году их посетил посланник французского короля Людовика XII Андре Леруа со своей свитой. Его советник Жан Тено написал о Великой пирамиде: «Для этой постройки недостаточно названия „чудо света“ — это попросту нечто непостижимое!» Очевидно, все эти посетители довольствовались осмотром пирамид Гизе и — самое большее — обошли вокруг них. Первый европеец нового времени, о котором мы знаем, что он побывал и внутри пирамиды, был Пьер Белой, профессор Сорбонны, более известный под именем Белло-ний. «Самая большая из этих трех пирамид сохранилась хуже других, — пишет он в „репортаже“ из ее внутренних помещений в 1553 году. — Пройдя значительное расстояние по наклонному коридору, я добрался до шахты, по поводу которой Плиний утверждает, что она имеет глубину в восемьдесят шесть локтей и ведет к Нилу; ныне она почти доверху засыпана камнями и щебнем». Затем он прошел «ходом по правую руку» в «камеру, расположенную в самом центре пирамиды», где его испугало хлопанье крыльев больших летучих мышей. «Она имеет шесть шагов в длину и четыре в ширину, облицована полированным камнем; здесь находится большая гробница длиной в двенадцать стоп и шириной в шесть стоп, сделанная из черного мрамора, и, как говорят, в ней был похоронен древний повелитель». (Тут Белой поддался обманчивому впечатлению, которому поддаются и многие сегодняшние посетители пирамид при взгляде на матовый серо-коричневый саркофаг: он сделан не из мрамора, а из гранита.) В пирамиду Хафра он не попал: «Она не имеет входа и для человека недоступна; ее вершина кончается острием, и, как говорят, она была покрыта мрамором и тоже служила гробницей». При осмотре пирамиды Менкаура он упомянул об истории с Родопис и от себя заметил: «Эта постройка прекрасно сохранилась, будто ее только что завершили».

Таким образом, в середине XVI века благодаря Бело-ну, или Беллонию, мы снова оказались на том же уровне знаний о пирамидах, что и за полтора тысячелетия до этого, во времена Плиния; что же касается сведений об их размерах, то мы вернулись вспять к самому Геродоту, ибо его сообщений никто не проверял. Новыми были лишь сведения о внешнем виде пирамид, которые подтверждали то, что видел еще д'Англор: пирамиды постепенно теряли свое «шелковое» одеяние, но никто их вместо него не «покрывал рогожами». Их постигла та же участь, что и весь Мемфис, первую столицу Древнего Египта. Когда в 640 году Амр Ибн-аль-Ас заложил свою новую столицу

— Фустат, а полководец династии Фатимидов Джаухар на пепелище этого города основал в 969 году Каир, их строители нуждались в материале для дворцов, казарм, мечетей, жилых домов и оборонительных сооружений. В новый главный город первым делом перекочевывали обломки старого; когда же они оказались исчерпаны, очередь дошла до «холмов фараонов». Облицовке пирамид Гизе была предоставлена особая честь — ею в XIV веке украсили медресе султана Хасана под цитаделью. И ныне даже ночью можно распознать эту облицовку среди других камней: в свете тысяч ламп, свисающих длинными гирляндами, она блестит, как при полуденном солнце.

Не много нового мы узнали и от следующих посетителей пирамид, но их сведения были довольно интересны. В 1581 году пирамиды посетил Жан Палерн, посланник французского короля Генриха III. Вход в самую большую пирамиду показался ему «маловат», а количество летучих мышей в ее коридорах, наоборот, «великовато»; неустанно кружась, они гасили факелы проводников, так что «в этой загробной тьме ничего не стоило провалиться в одну из бесчисленных шахт или в какой-либо из наклонных коридоров». Больше всего Палерна восхитил саркофаг: когда он в этот саркофаг постучал, «раздался звук, подобный колоколу», это было открытием, которым драгоманы пользуются до сих пор как средством для получения небольшого дополнительного бакшиша. В пирамиду Хафра «не было входа, не нашлось в ней и внутренних помещений; поверхность ее была частично отполирована и не имела ступеней, так что подняться на ее вершину, которая кончалась острием, не было возможности». В целом же Палерн был искренне восхищен пирамидами: «Они более великолепны, чем памятники античного Рима!»

Англичанин же Джордж Сандис, наоборот, был сдержанным человеком и считал, что откровенно восхищаться чем-то — признак дурного тона. «Эти три варварских монумента — памятники хвастовства и суетной спеси,— приводит он в своих „Путешествиях" (1610) слова Плиния, воспроизведенные на английском языке эпохи короля Якова I Стюарта (своеобразие этого языка трудно передать в переводе).— И вот мы приняли решение осмотреть их снаружи и изнутри. Наши янычары остановились перед входом и несколько раз выпалили внутрь из аркебузов; некоторые из них остались снаружи охранять нас от нападения диких арабов. Чтобы нам легче было идти, мы сняли обувь и большую часть снаряжения и одежды, ибо нам говорили, что там будет страшная жара. Наш предводитель, мавр, шел впереди, и каждый из нас держал перед собой горящий факел. Это был опасный путь, мы то и дело спотыкались, на что-нибудь наталкивались, обдирали себе кожу и через каждые несколько шагов останавливались. Поначалу мы спустились примерно на сто стоп, но не по ступеням, а по пологому склону и после неприятного спуска оказались перед входом в другой коридор... Какой-то каирский паша, интересовавшийся тайнами пирамиды, послал, как рассказывают, несколько осужденных, хорошо снабженных факелами и провиантом, чтобы они ее обследовали; говорят, кое-кто из них вышел из пирамиды в тридцати милях от нее посреди пустыни. Но это одни разговоры, чтобы удивить людей».

Затем Сандис с факелом в руке спустился вслед за мавром в нижнее помещение, но и там ничему не удивился; оттуда он восходящим коридором добрался до большой галереи. Однако там сразу точно забыл о своих принципах: «Это коридор невероятной высоты и ширины он и верно вроде бы как для великанов. От середины прохода стены его расширяются с боков уступами, и он представляет собою удивительное творение архитектуры; образуют его мраморные блоки такой величины и так тщательно пригнанные, словно он вырублен в скале. В конце его мы вошли в просторное помещение двадцати стоп ширины сорока длины и огромной высоты; оно сооружено из блоков такой величины, что восемь их хватило на всю ширину и шестнадцать — на длину... В середине стоит саркофаг без крышки, пустой, он изготовлен из цельного куска камня и звенит, как колокол». Приведя все размеры, Сандис продолжает: «В нем покоился труп основателя пирамиды. Такие монументы [тогдашние властители] ставили, конечно, не из одного только хвастовства; они были уверены, что после их смерти душа не погибнет, а по прошествии тридцати тысяч лет вновь соединится с телом и, воскресенное, оно будет жить так же, как жило прежде».

Последнее замечание поражает нас: не только потому что в погребальной камере его автор изменил свои взгляды, но, главное, потому, что совершенно неожиданно без указания источников, он высказал нечто весьма подобное тому, к чему египтологи пришли лишь несколько столетий позднее... Как это случилось? Неужели древние представления о посмертной жизни, о которых и Геродот узнал чрезвычайно мало, продолжали жить в устной традиции людей, окружавших пирамиды? В устной традиции людей иной национальности, иной религии?

Ответа на этот вопрос у нас нет. Зато мы можем ответить на другой вопрос, который ныне задают себе посетители пирамиды Хуфу, сравнивая размеры саркофага и прохода из Большой галереи. Саркофаг сделан из цельного куска гранита и через проход не пролезет, тем более через

узкий коридор перед входом в погребальную камеру, через который можно пройти лишь сгорбившись. Как же он туда попал? На этот вопрос в 1616 году ответил Пьетро делла Балле, так же просто, как и гениально: «Не иначе как они должны были доставлять саркофаг в камеру, когда пирамида еще только строилась». Впрочем, один раз этот замечательный путешественник по странам Ближнего Востока, который одним из первых европейцев нового времени посетил Вавилон и Персеполь, все же ошибся. Он утверждал, будто Великая пирамида почти достигает высоты храма св. Петра в Риме. Но она и без вершины выше. На пять с половиной метров.

С конца XVI — начала XVII века у путешественников растет желание как можно больше узнать о пирамидах. Древние сведения о размерах проверил прежде всех Прос-перо Альпини, лекарь венецианского консульства; от него же мы имеем сообщение, что в 1584 году Ибрагим-паша по совету какого-то мага расширил вход в Великую пирамиду и снова искал в ней клады. Подробные описания пирамид оставили немецкий путешественник Баумгартен и француз Савари де Бреве, который констатировал то, что некогда говорил еще Абд-адь-Дятиф: «Щели между блоками погребальной камеры так узки, что в них не войдет и кончик иглы». Немецкий иезуит Ванслеб, которого французский министр Кольбер послал в Египет на поиски старых рукописей, подготовил первые переводы арабских сообщений о пирамидах. Польско-литовский вельможа Н. К. Радзивилл, посетивший Египет в 1582—1584 годах, осмотрел Великую пирамиду от подземных камер до самой вершины, проверяя все, что о ней читал. Кроме того, он оставил запись, что «до нынешних времен сохранилось пирамид семнадцать». Англичанин Эдвард Мельтон в 1661 году измерил Великую пирамиду и первым посетил пирамиды Дашура. В своем труде «Достопримечательности и памятники старины, виденные во время путешествия по Египту» (издан в Амстердаме) он поместил и изображения пирамид. Фантастическое зрелище: стоят одна возле другой как палатки в переполненном кемпинге, а некоторые так узки, что их не отличить от обелисков.

Но вот наконец к пирамидам пришел ученый. Это был Джон Гриве, профессор астрономии Оксфордского университета. В 1638 году он тщательно измерил все три пирамиды Гизе. Данные округлял до шестидесятых долей фута и двенадцатой доли градуса; однако не станем их здесь приводить, ибо позже их превзошли еще более точные данные. Но два результата его работы до сих пор заслуживают внимания. Первый из них — доказательство, что пирамиды построили египтяне, а не евреи, как в ту пору верила вся Европа. (Характерна его аргументация: в Библии сказано, что евреи во время египетского пленения «месили и обжигали кирпич», но «эти слова нельзя отнести к пирамидам, ибо они построены из камня».)

К другому интересному выводу он пришел после изучения сведений греческих и римских авторов о погребальных обрядах древних египтян. Судя по ним, «египтяне верили, что пока мертвое тело остается нетронутым, его дух живет». Прошли два столетия, прежде чем египтологи подтвердили это на основании египетских источников.

Результаты своих обмеров и исследований Джон Гриве издал в книге «Пирамидография, или рассуждение о пирамидах в Египте», которая вышла в Лондоне в 1646 году. Встретили ее с большим интересом, хотя после победы Кромвеля у Нэзби перед англичанами возникли куда более актуальные проблемы. Это вообще была первая научная книга о пирамидах.

Прежде чем после Гривса к пирамидам снова попал ученый, прошло немало лет. Все больше появлялось здесь путешественников, людей самых различных профессий и интересов — от служителей церкви и торговцев до дипломатов и офицеров разведки. Многие из них считали необходимым поделиться увиденным с читателями; но что касается пирамид, то они, как правило, ограничивались обычным описанием и цитатами из античных авторов, которые терялись во множестве сообщений о грабителях-бедуинах, ленивых слугах, никчемных шейхах и т. п., а также о том, что у них там было или чего не было к обеду. Некоторые из этих книг и поныне в цене, главным образом благодаря шрифту и переплету.

Подобных путешественников и писателей больше всего занимали в пирамидах их происхождение и назначение. Голландец Перизоний, известный историк (однако историк Рима), вопреки аргументам Гривса провозгласил их в 1711 году несомненным делом рук евреев. Его соотечественник Эгмонт незадолго до того (в 1709 году) высказал предположение, что их велели построить царь Нимрод или царица Далука¹. Так или иначе ссылались их с евреями и другие авторы, например француз Тевено. «Саркофаг в Великой пирамиде,— утверждал он,— потому пуст, что был предназначен для фараона (Рамсеса II), который утонул в Красном море во время преследования евреев». Датский востоковед Фредерик Норден, по профессии морской офицер, автор «Путешествия в Египет и Нубию» (1737), из того факта, что на пирамидах ему не удалось обнаружить надписей, вывел

небезынтересное заключение: будто их построили еще до изобретения письменности. Британский путешественник Томас Шоу, посетивший Гизе в 1721 году, пришел к выводу, что «внутренняя конструкция Великой пирамиды малопригодна для гробницы, а потому, скорее всего, эта постройка была храмом».

И все же в знаниях о пирамидах наблюдался небольшой прогресс. Подробную работу об их внутреннем устройстве и назначении написал Бенуа де Майе, который, очевидно, не жалел времени на их изучение, ибо в 1692—1708 годах был французским консулом в Каире. Упомянувшийся ранее Норден обследовал и развалины зданий в окрестностях пирамид Гизе, на что ранее никто не обращал внимания; он выяснил, что это остатки храмов, о которых упоминал еще Геродот. Сверх того он посетил пирамиды Саккара и первый указал, что они не всегда имели правильную геометрическую форму. Однако, когда Норден попытался установить различные типы пирамид, он порой давал волю своему богатому воображению. Известную роль в изучении пирамид сыграл и французский иезуит Клод Сикар (1677—1726), больше, правда, прославившийся открытием Фив, столицы Нового царства. Следующий значительный шаг, вернее, даже прыжок в изучении этого вопроса совершил Ричард Покок, автор книги «Путешествие по Египту», которая вышла в Лондоне в 1755 году.

Ричард Покок (1704—1765) был по профессии юристом, но как независимый богатый джентльмен вскоре сменил судейский парик на шляпу путешественника и в 1737 году отправился в Египет; по возвращении он был избран членом Королевского общества, по нашим понятиям — Академии наук, и завершил свою карьеру в качестве епископа. Край фараонов привлекал его своими памятниками и загадками, он пересек его с севера на юг, большей частью на осле, с ружьем за плечами, и добрался до Фив. Этот город «стовратный», где «сокрыты в домах богатейшие клады», как воспевал его Гомер, уже долгие столетия лежал в развалинах. В VII веке до н. э. его уничтожили ассирийцы, затем он был частично восстановлен, но в период внутренних войн II — I веков до н. э. снова опустошен. Покок осмотрел остатки его храмов, которые лишь вершинами пилонов и капителями колонн в виде цветом лотоса выглядывали из песка. Потом он перебрался на западный берег Нила, в Кибап-эль-Мулук, До-липу царей. Это был самый западный уголок Египта, населенный, по мнению феллахов, духами и страшилищами, где спокойно себя чувствовали лишь разбойники пустыни; собственно, это даже был не уголок, а никуда не ведущая расщелина между отвесными каменными стенами, засыпанными песком. Пококу удалось избежать пуль, сыпавшихся на него из заброшенных усыпальниц, а когда он на стрельбу ответил стрельбой, то получил доступ в 14 гробниц. Его сообщения взбудоражили весь мир: он открыл знаменитый Фивапский некрополь, о котором еще Страбон упоминал как о тайном подземном кладбище фараонов. Когда Покок написал, что «по труду, затраченному на их строительство, некоторые из них наверняка могут сравниться с пирамидами», это казалось почти невероятным; ныне это подтвердит каждый, кто имел возможность посетить их и сравнить с пирамидами. Притом знаменитая гробница Тутанхамона, открытая по счету шестьдесят второй только в 1922 году, — одна из самых небольших и скромных. Но об этом позже; скажем лишь, что в 1738 году Покок счастливо вернулся из Долины царей и, после того как изучил ее окрестности, приказал отвезти себя на маленьком барке назад, в Каир.

Вы уже наверняка заметили, что все, кто до сих пор посещал пирамиды, начиная с Геродота, обращали внимание лишь «на три пирамиды Гизе». И хотя некоторые упоминали, что существуют еще и другие, никто, кроме Мельтона и Нордена, не описал ни одну из них. Не напоминают ли эти давние путешественники и ученые современных туристов, из тех, кто «осматривает три государства за два дня», а прилетев в Каир, совершает поездку в Гизе и, сделав пару обязательных фотографий («Я и пирамида»), поспешает далее? Нам не хотелось бы подозревать их в подобном верхоглядстве, тем более что к Саккара и Медуму тогда явно не вела асфальтированная дорога, однако факт остается фактом: пирамиды они не считали объектом, достойным внимания. Покок был исключением из правила — исключением, которое позднее стало правилом.

В своей книге он привел описания восемнадцати пирамид с соответствующими чертежами: трех больших пирамид Гизе, трех в Абусире, одной большой в Лиште и еще девяти малых, кроме того, двух совершенно иного типа в Саккара и Дашуре. Хотя о саккарской пирамиде неплохую статью написал еще Норден, а о дашурской — Мельтон, Покок долго считался их первооткрывателем. Книги обоих его предшественников вышли малым тиражом и были забыты, в то время как его книга, написанная живым, свежим языком и снабженная прекрасными иллюстрациями, пользовалась большой популярностью. До тех пор в Европе считали, что все пирамиды похожи одна на другую как две капли воды, и вдруг оказалось, что есть по крайней мере три типа пирамид. О

саккарской пирамиде даже возник спор, пирамида ли это вообще: некоторые ученые еще в конце прошлого столетия не хотели признать ее пирамидой. Раз пирамида не соответствует схеме — это ее вина!

А пирамида в Саккара в самом деле необычная. Например, основание у нее не квадратное, как у других, но с первого взгляда этого даже не увидишь. Главное же, форма у нее не строго пирамидальная, а ступенчатая — она как бы ступенями подымается прямо из земли. Ныне мы знаем, что это первая, древнейшая египетская пирамида и что построена она по приказу первого фараона III династии, Джосера, примерно в начале XXVII века до н. э.; нам известно также, что зодчего, создавшего ее, звали Имхотеп. Покок, правда, этого не знал, однако прочтем, что ему удалось выяснить.

«Неподалеку (от деревни Саккара) есть пирамида, которую арабы называют „ступенчатой“. Я не мог ее измерить иначе, нежели шагами, причем выяснил, что с северной стороны она имеет триста футов и с восточной двести семьдесят пять. По моим подсчетам, ее высота равна ста пятидесяти футам; она имеет шесть ступеней или ярусов, каждая шириной в одиннадцать футов и высотой в двадцать пять футов... Наружный слой — из тесаного камня, и в каждом ярусе по двадцати плит друг над другом». Его измерения не были абсолютно точными, в действительности он недодал пирамиде в высоту 50 футов, более узкой стороне около 75 футов, более широкой стороне чуть ли не 100 футов. Однако попробуй-ка без инструментов измерить точнее, когда около нее груды песка, выступы скал, различные углубления, а в одном месте яма, словно бы ведущая в ад!

Вторая из своеобразных пирамид, описанных Пококом,— «пирамида с ломаными гранями» в Дашуре. Кажется, будто архитектор первоначально задумал ее более высокой, но, когда была возведена первая треть, вдруг принял решение ускорить строительство и потому придал стенам более крутой наклон. Это одна из крупнейших пирамид, у нее квадратное основание с длиной стороны 185,5 метра, высота ее — 92,2 метра (это опять же более точные данные, чем у Покока). Кроме того, это вообще одна из наиболее хорошо сохранившихся пирамид, ее облицовка из турецкого известняка, восхитившая Покока, большей частью уцелела до наших дней. Построена она по приказанию отца и предшественника Хуфу царя Снофру примерно в начале XXVI века до н. э.

Как мы уже знаем, приоритет открытия двух этих пирамид приписывается Пококу незаслуженно, однако никто не станет отрицать его приоритет в другом значительном открытии. Ведь именно он нашел в Гизе остатки «дороги из полированного камня», ведущей от Великой пирамиды к Нилу, той дороги, о которой некогда упоминал Геродот. Ныне нам известны лишь несколько украшавших ее рельефов, Геродотовых «вытесанных в камне картин», остальная часть дороги исчезла. Пококу мы обязаны большинством сведений, которые мы о ней имеем.

В книге Покока «Путешествие по Египту» приведено шестьдесят одно измерение Великой пирамиды в футах, дюймах, градусах и минутах. Видно, в ней было еще, что измерять, даже после Гривса и Сикара, данные которых Покок или заимствует и уточняет, или дополняет. Осталось, что измерять, и после Покока, как выяснил Карстен Нибур, который пришел к подножию пирамиды весной 1762 года.

Карстен Нибур (1733—1815) в отличие от всех своих предшественников измерял пирамиды как профессионал; по образованию он был землемер, так что кроме теодолита умел пользоваться и астролябией. В 1761 году Нибур вместе с пятью молодыми учеными был отправлен в путешествие «в Аравию и соседствующие с ней страны» Фредериком V, королем сильного в ту пору датского государства. Это путешествие началось неудачно: поначалу из-за безветрия они не смогли выйти из Копенгагена, потом буря отогнала судно к берегам Исландии. Дальше дело пошло еще хуже: участники экспедиции в Стамбуле перессорились и были близки к тому, чтобы решить спор с помощью мышьяка и пистолетов. (Закончилась же экспедиция катастрофически: один за другим погибли все ее участники, кроме Нибура, который в 1767 году, пережив невероятные мучения, вернулся и Копенгаген из Египта и Йемена один, через Бомбей, Басру, Багдад, Мосул, Стамбул, Бухарест и Варшаму. Зато он преуспел в изучении географии и растительного мира. Но ему не удалось выполнить одно из главных своих намерений, а именно «понять взаимосвязь прилива и отлива в Красном море с исходом евреев из Египта, как о том сказано в Библии».

Нибур начинал путешествие в скромном чине поручика (он не имел ученого звания и был не дворянином, а всего лишь сыном крестьянина) и как землемер должен был уточнять и дополнять карты. Прибыв из Александрии в Каир и выполнив свою непосредственную задачу (составление первого подробного плана Каира со всеми мечетями, базарами, улицами, колодцами, каналами, дворцами и кладбищами), он с ботаником Форскалом в сопровождении арабов-проводников

отправился в Гизе. Путь Нибуру преградил местный шейх и после бесцеремонного намека на бакшиш отнял у него астролябию. (Из-за этих инструментов Нибур и прежде имел неприятности: когда любопытные, заглянув в них, увидели перевернутое изображение, они подумали, что перед ними чародей, который явился, чтобы перевернуть их дома вниз крышей.) «Этого я ему, конечно, простить не мог, схватил его за длинную шаль, обмотанную вокруг шеи, а поскольку он некрепко держался за уздечку коня, то тут же слетел наземь.

Я оказался в крайне опасном положении, ибо молодой шейх почувствовал себя чрезвычайно уязвленным тем, что кто-то сбросил его с коня в присутствии сбежавшихся на шум жителей деревни, да еще этот „кто-то“ был христианин... Шейх без промедления вытащил пистолет и приставил к моей груди. При всем желании не могу отрицать того, что в эту минуту я подумал о близкой смерти. Но, видимо, оружие вообще не было заряжено. Остальные арабы пытались успокоить шейха, и в конце концов он удовольствовался монетой в полталера». Инструмент был сохранен, а путь к пирамидам свободен.

Впрочем, ни при измерениях пирамид, ни при других работах не обходилось без происшествий. Вокруг Нибура всегда толпились феллахи, одни собирались разбить его инструмент, другие осыпали проклятиями. Еще худшим злом были *сараджи*, полицейские в национальных одеждах, которые беспрестанно его донимали, вымогая бакшиш. Раз один из них просто-напросто запретил Нибуру срисовывать какую-то иероглифическую надпись, пригрозив, что если он тут же не уберется, то будет избит кнутом. Проводник-араб, знавший местные обычаи, советовал не противоречить. По пути домой Нибур никак не мог успокоиться. «Разве ты можешь запретить собаке лаять на тебя? — спросил его проводник. — Если тебя лягнет осел, станешь ли ты лучше, лягнув его в ответ?» Я рассказываю об этом, чтобы проиллюстрировать, в каких условиях работали тогда ученые в Египте. Но вопреки всему — работали!

Изучение пирамид Нибур начал с того, что при помощи астролябии и компаса определил их положение и установил их ориентацию относительно сторон света с необыкновенной точностью; нынешним его коллегам здесь нечего исправлять. Нибур поднялся на пирамиду Хуфу, спустился внутрь, измерил то, что еще не было измерено. Поднялся он и на пирамиду Хафра, несмотря на то что сохранившаяся на ее вершине облицовка образует выступ, неприступный и для опытного альпиниста. По способу укладки внешних плит он определил, что пирамиды и в самом деле облицовывались сверху вниз, как написано у Геродота, а не наоборот. Взбирался Нибур и на пирамиду Менкаура, и на ее сателлиты — пирамиды фараоновых жен и все точно измерял. Результаты, которые он получил, заслуживают восхищения. Самое большое расхождение между его и нынешними данными — в установлении высоты пирамиды Хафра. Он определил ее в 440 футов (датских), т. е. в 138,1 метра. Мы нарочно не употребляем слова «ошибка»: разница здесь всего в 80 сантиметров, т. е. примерно на полпроцента, а ведь в его время верхняя площадка этой пирамиды могла быть на какой-нибудь обвалившийся за это время камень выше. О том, какой человек был Нибур, можно понять по заключительным словам его книги: «Когда у тебя так мало времени на наблюдение за столь поразительными постройками и притом ты окружен людьми, которых вынужден считать разбойниками, ты предпочтешь избрать кратчайший и наиболее практичный способ, поэтому мои измерения не так точны, как бы мне самому хотелось».

В этих гигантских постройках Нибур обнаружил одну мелочь, на которую его предшественники не обратили внимания. Это окаменелости моллюсков девонских морей, заметные на поверхности плит. Они округлой формы, величиной с монету. «Монетки фараонов» — называют их поныне местные арабы. При виде их в Нибуре заговорил совершенно другой человек, а именно тот, кто целиком посвятил себя измерительным приборам да числам. «Сколько лет должно было пройти, чтобы из зародившегося и снова погибшего бесчисленного множества таких организмов образовались гигантские холмы? Сколько лет должно было пройти, чтобы египетская земля высохла, если уровень воды понижался так же медленно, как за последнее тысячелетие? Сколько лет должно было пройти, чтобы Египет заселили те люди, которые задумали строительство первой пирамиды? И сколько лет должно было пройти, чтобы возникло то множество пирамид, которое мы доньше видим в Египте? И притом мы с уверенностью не можем сказать, ни в каком столетии, ни кто построил последнюю из них!»

О своих исследованиях и путешествиях Нибур написал книгу «Описание путешествия по Аравии и другим близлежащим странам по собственным наблюдениям и сведениям, собранным на месте» и издал ее по-немецки в Копенгагене в 1774—1778 годах. Перевод ее позднее попал в руки одного французского генерала, в ту пору как раз томившегося без дела и выходящего из себя от досады, что им еще так мало сделано. А сколько в его годы уже успел совершить Александр

Великий!

Что интересного в Италии после Кампо-Формио²? А Париж?.. «Кротовая куча эта ваша Европа! Только на Востоке, где живет шестьсот миллионов людей, можно создавать великие империи и совершать великие революции!»

С книгой Нибура в полевой сумке, во главе флотилии из трехсот двадцати восьми кораблей отправился он в мае 1798 года в Египет. Как известно, звали его Наполеон Бонапарт.

Экспедиция Наполеона открывает новую эпоху в изучении Древнего Египта, а значит — и пирамид. Эпоху, когда исследователей, вооруженных лишь страстью к познанию, сменили настоящие специалисты. И все же эти исследователи старого типа долго еще удерживались в Египте. Они напоминали детективов-любителей, подвизающихся наряду с профессионалами из Скотланд-Ярда или Интерпола, и, если продолжить такое сравнение, порой добивались столь же значительных успехов, как Шерлок Холмс и Эркюль Пуаро. Да только более опасными путями и проявляя не слишком большую разборчивость в средствах.

«Это был один из самых замечательных людей за всю историю египтологии», — написал в 1933 году Говард Картер, безусловно, компетентный судья в данном вопросе, о Джованни Баттисте Бельцони, «одиноким шакале в египетских пустынях» (или «гиене в гробницах фараонов», как его еще называли). Конечно, мотивы поисков Бельцони не были абсолютно благородны, а методы не исключали насилия; его биография вряд ли побудила бы какое-нибудь научное учреждение доверить ему руководство исследовательскими работами. Но разве наука движется вперед лишь благодаря людям, исповедующим принцип «ни корысти, ни славы»? Без Бельцони египтология лишилась бы множества ценнейших материалов, а Британский музей — что, впрочем, менее важно — лучших египетских экспонатов. Он вывозил из Египта все, что можно было увезти. Верно. Но не стоит забывать, что при тогдашних условиях большая часть всего этого пропала бы не только для Египта, но и для всего человечества. Притом бесследно и навсегда.

Сам Бельцони явно написал бы свою биографию иначе, но теперь нам уже не к чему ее приукрашивать. Родился он в 1778 году в Падуе, в семье бедного цирюльника, с шестнадцати лет изучал в Риме гидротехнику, но из-за какой-то политической махинации или любовной истории ушел в монастырь. Там, однако, он пробыл недолго, во время наполеоновских войн волей-неволей (скорее неволей) оказался завербованным в армию, но вскоре покинул свою часть (без ведома начальства) и для пущей безопасности поселился в Лондоне. Поначалу Бельцони жил чем придется, потом получил известность чудодейственного лекаря и, наконец, нашел место в цирке в роли «самого сильного человека на свете». (Сохранилась афиша 1808 года, где он держит на какой-то конструкции, укрепленной на его спине, шестерых мужчин, двух мальчиков и трех женщин, т. е. одиннадцать человек, да вдобавок еще два итальянских флага.) В эту же пору он успел изобрести «необычайно производительный водяной насос», а когда где-то вычитал, что в Египте воду добывают как при фараонах, решил своим изобретением содействовать тамошнему прогрессу. Подручным на каком-то старом корыте добрался он до Александрии, а оттуда с образцом своего насоса на спине пешком до Каира. Очевидно, это был способный человек, ибо получил аудиенцию у самого Мухаммеда-Али, впрочем тоже способного человека. В прошлом он торговал кофе, а затем, надев форменный мундир турецкого офицера, дослужился до положения египетского хедива (наместника). Однако у Мухаммеда-Али не многого добился и, таким образом, оказался без всяких средств на мостовой (это, правда, лишь образное выражение, ибо в ту пору никаких мостовых там, конечно, не было). Бог знает каким путем познакомился он с шейхом Ибрагимом (точнее, с швейцарским путешественником Джоном Л. Буркхардтом), который рекомендовал его британскому консулу Генри Солту, а уже тот вдохновил Бельцони на труд, благодаря которому его имя было крупными буквами вписано в историю египтологии. Всего Бельцони провел в Египте пять лет, а когда «перевернул его вверх дном», как несколько преувеличенно сам выразился, отправился на поиски истоков Нигера во французский Судан, нынешнюю Республику Мали. Об этом путешествии ему, правда, уже не удалось написать в автобиографии. В 1823 году в зарослях кустарника близ деревни Гвато неподалеку от Тимбукту он был убит.

Британский консул Солт предложил Бельцони в 1815 году «немного приглядеться» к египетским древностям. Тут они почти даром, а в Европе за них платят золотом; к тому же их можно и не покупать, достаточно найти подходящую гробницу и самому приняться за раскопки. В результате их беседы был заключен договор, по которому Бельцони сделался «сотрудником и поставщиком Британского музея», а Солт брал на себя обязательство платить ему за каждый найденный и переправленный в Лондон предмет среднюю стоимость оного в фунтах стерлингов. Бельцони отправился в Долину царей, о которой столько страшного написано Пококом и в

особенности позднее Джеймсом Брюсом. Не обращая внимания на разбойников и злых духов, спускался он в ранее вскрытые гробницы и искал в их погребальных камерах клады; правда, в большинстве случаев ему приходилось довольствоваться теми крохами, что остались после давних грабителей.

Поистине выдающееся открытие ожидало его лишь в гробнице Сети I (отца Рамсеса II), где в усыпальнице, находившейся в конце стометрового, во многих местах засыпанного коридора, ему посчастливилось найти великолепный алебастровый саркофаг — увы! — к его и нашему сожалению, пустой (Бельцони послал этот саркофаг в Лондон, но Британский музей из-за слишком высокой цены от него отказался, позже его купил сэр Джон Соун для своей частной коллекции, где саркофаг пребывает и поныне). В Карнакском храме он отбил голову у колоссальной статуи Рамсеса II (ее Британский музей купил) и помимо многих других выдающихся «достижений» мог похвастать и вывозом нескольких обелисков (один из них при погрузке на корабль упал в Нил, но его вытащили). И все же Бельцони не был удовлетворен достигнутым: ему не удалось найти ни золота, ни драгоценных камней. И вот, размышляя по этому поводу, он вспомнил о пирамидах, по его мнению, явных «сокровищницах фараонов». Разочарование ждало его и здесь. Бельцони узнал, что клады самой большой пирамиды реквизирует аль-Мамун. Пришлось довольствоваться второй, меньшей, в двухстах шагах к западу от первой. Он охотно удовольствовался ею, поскольку надеялся на успех: в стенах этой «нетронутой» пирамиды не было не только ни единой дыры, но даже входа. Значит, в отличие от проклятой Долины царей тут до него никого не было. Бельцони принялся за работу, а позже написал об этом, тактично умолчав о руководивших им побуждениях: «Мое предприятие имело немалое значение, ведь я хотел проникнуть в одну из больших египетских пирамид, проникнуть в тайну одного из чудес света. Я знал, что, если эксперимент не удастся, я стану посмешищем для всего мира... Я обследовал всю поверхность пирамиды, каждую ее пядь, буквально каждый камень. Я двигался от восточной грани к западной, пока не оказался на северной стороне. Здесь стена показалась мне чуть иной». В конце концов Бельцони нашел небольшое углубление и в нем незакрепленный каменный блок. «Самый сильный человек на свете» уперся в него, чуть расшатал, по краям обил долотом и, отделив от остальных, сбросил вниз. Затем нанял арабов-рабочих и после нескольких недель упорного, каторжного труда (заменив собою боевые тараны халифа) проделал проход в коридор, где было полно щебня и пыли. При свете свечи он со своими работниками очистил его и стал метр за метром спускаться в глубину. Бельцони был уверен, что выйдет прямо к сокровищнице. Но тут дорогу преградил каменный блок. Его было не разбить, пришлось обходить снизу.

«Большой каменный блок, но менее шести футов в высоту и четырех в длину, с грохотом рухнул вниз как раз в тот момент, когда один из работников его подкапывал. Беднягу завалило, пришлось немало попотеть, пока мы смогли его вытащить. Упавший блок освободил много других камней, так что мы практически очутились в положении, когда лучше всего было покинуть пирамиду». Чтобы его не могли обвинить в недостатке смелости, Бельцони добавляет: «Ведь опасность таилась не только в камнях, сыпавшихся на нас сверху, но, свалившись, они могли загорочить нам путь, и мы бы тут остались заживо погребенными».

Но Бельцони не собирался отступать. Он считал, что коридор, в который он попал, наверняка прорубил кто-то до него, что это не первоначальный вход в пирамиду (ныне мы полагаем, что эта шахта пробита древними грабителями и позднее, в Саисскую эпоху, заделана реставраторами). Бельцони решил искать первоначальный вход, снова обследовал камень за камнем, пока не нашел впадину и в ней — незакрепленный блок. Находился он всего в нескольких метрах от подножия северной стороны, почти в середине ее. Здесь Бельцони повезло. После нескольких недель изнурительного труда он проник в настоящий коридор. «Когда мы убрали три больших блока, замыкавших его, перед нами открылся проход высотой в четыре фута, ведущий вниз, в пирамиду; длина коридора была сто четыре фута и пять дюймов, он спускался под углом двадцать шесть градусов». Диодор и все, кто утверждал, что у этой пирамиды нет входа, оказались неправы!

Конец коридора опять замыкал блок, он был из одного куска гранита, как позднее выяснилось, примерно метровой ширины и двухметровой высоты. «Устранить его было нелегко,— пишет Бельцони далее и явно ничуть не преувеличивает.— Двум работникам там было не пошевеливаться, а чтобы сдвинуть глыбу, их требовалось куда больше. Кроме того, камень был выше коридора, и окружающий каменный массив крепко держал его». Мы не знаем, чем побуждал он своих работников к новым усилиям. Возможно, посулил им все клады, которые удастся найти, а может быть, действовал на них личным примером. Согнувшись, в удушливой пыли, под оглушительный грохот молотков, при мигающем свете свечей, дрожа от страха перед мстостью духов, они в конце

концов разбили глыбу. Через образовавшееся отверстие Бельцони вполз в погребальную камеру. «Хотя мой факел из нескольких восковых свечек светил очень слабо, все же я смог увидеть главные объекты. Понятно, что прежде всего я бросил взгляд в западный конец помещения, надеясь найти там саркофаг, как и в первой пирамиде. Но меня ждало разочарование — я ничего там не увидел... И лишь приблизившись к западной стене, я был приятно удивлен: саркофаг там был. Его покрывал слой земли и камней». Бельцони голыми руками освободил саркофаг от песка, заглянул в него и убедился, что тот пуст!

Можно себе представить, как он был разочарован! В тот день, 2 марта 1818 года, Бельцони должен был стать богачом, а вместо этого потерпел величайшее в своей жизни фиаско. Да еще нашел надпись, существовавшую, несомненно, уже несколько столетий. Арабскими буквами на стене были начертаны имена тех, кто побывал здесь до него: Мухаммед-Ахмед, Ахмед, Ахман, Мухаммед-Али... Утешала лишь надежда, что и они нашли египетский саркофаг пустым. «Эти древнеегипетские грабители были настоящими мастерами своего дела!»

Затем Бельцони вернулся в Верхний Египет, а в 1821 году организовал выставку своих трофеев в Лондоне, на Пикадилли. Для нее он написал обширный «Рассказ о работах и новых открытиях в пирамидах, храмах, гробницах и при раскопках в Египте и Нубии». Рассказ этот наивно хвастлив, псевдонаучен и полон неверно используемых научных терминов, но читается великолепно. С гораздо большим интересом, чем книги многих ученых, для которых Бельцони открыл доступ в пирамиду Хафра.

К пирамиде Менкаура Бельцони не проявил интереса. Ведь было ясно, что это тоже гробница, а не сокровищница. Она оставалась неизученной до 1837 года, когда внутрь ее проник британский полковник Виз. Но это имело сложную и интересную предысторию.

Полковник Ричард Уильям Говард Виз (1784—1853) происходил из семьи военных, его отец и дед были генералами, а один из его потомков был генералом уже во время второй мировой войны. Виз получил хорошее классическое и специальное образование и в придачу к нему имел все необходимые воину качества: ему не хватало лишь чувства юмора, так характерного для типичного англичанина. В Египет Виз попал в 1835 году, имея за плечами тридцать пять лет военной службы. Прибыл он туда из Сирии с заданием, о котором явно не без причины предпочитал умалчивать. В Каире; он обратил внимание на пирамиды и пошел их осмотреть. «Наперника это гробницы,— подумал Виз.— Их подземные ходы, очевидно, были проложены для доставки саркофагов и заблокированы массивными каменными глыбами, которыми строители замыкали, по крайней мере местами, длинные проходы с целью усложнить доступ внутрь и защитить саркофаги от повреждений. Судя по тому, что эти проходы были перегорожены могучими блоками, можно сделать вывод, что пирамиды не использовались ни для астрономических наблюдений, ни для посвящения в жреческие таинства, ни для каких-либо иных религиозных целей, ибо при таких условиях были бы малопригодны для своего назначения». Староказарменный стиль Виза не должен вводить нас в заблуждение, и его холодная деловитость тоже; он был восхищен пирамидами. Но в отличие от своего предшественника он подошел к ним, как офицер разведки подходит к крепости, о которой должен раздобыть максимум сведений, чтобы обеспечить успешный штурм.

В первые же дни по прибытии в Египет Виз завел знакомства, оказавшиеся впоследствии весьма полезными. Среди его новых знакомых были британский вице-консул Слоун, британский инженер Геллоуэй, служивший у Мухаммеда-Али руководителем общественных работ, затем Паоло, строитель с острова Мальта, кроме того, он встретился там со своим коллегой полковником Кемпбеллом. Познакомился и с генуэзским судовладельцем и торговцем, который представился как капитан Кавилья, не уточняя, кто присвоил ему это звание. Кавилья был занятный человек: давно уже жил в Египте, отрывал песок вокруг Большого сфинкса, что удавалось ему совсем неплохо, и продавал старинные предметы из прилежавших гробниц, что удавалось ему еще лучше. Помимо прочего, он был и прославленным исследователем Великой пирамиды (правда, по слухам), ибо некогда в молодые годы спускался в знаменитую «шахту» и расчистил ее до самого дна; он нашел там и канаты, по которым еще в 1765 году в нее спускался британский консул Дэвисон, и окончательно доказал, что эта шахта не ведет ни к Нилу, ни в пустыню, а большим полукругом возвращается назад, во входную галерею. Очевидно,знакомился Виз и с другими людьми, но их имена принадлежат скорее истории политики, чем египтологии. «Из Египта я должен был через Италию и Рейнскую область вернуться в Англию и нимало не подозревал в ту пору, что приму участие в операциях, связанных с пирамидами».

Как мы уже говорили, пирамиды привели Виза в восторг. Ради них он задержался в Египте почти на два года. При содействии вице-консула Слоуна он добился от Мухаммеда-Али подписания фирмана, пятьюдесятью строками коего удостоверялось, что «в знак особой приязни милостивейше позволяется

и т. д. исследовать пирамиды господам Слоуну, Кемпбеллу и Визу, поданным его величества короля Великобритании Вильгельма IV». Упомянутые господа основали затем сообщество, и каждый из них сделал первоначальный взнос в 200 талеров на эксплуатационные расходы; руководителем работ был назначен капитан Кавилья. Довольно скоро Слоун и Кемпбелл потеряли к делу интерес, и все легло на плечи Виза. Тот прежде всего сосредоточил внимание на погребальной камере Великой пирамиды, причем особенно привлекли его следы, оставленные Дэвисоном, который во время своих исследовательских работ проник из Волной галереи в помещение, оказавшееся над потолком погребальной камеры. Это была узкая пустая «комната» или даже «кладовая», но она позволяла сделать далеко идущие выводы: пирамида представляла собой не «сплошную каменную массу», а, вероятно, была частично «полой». Позже служебные обязанности отозвали Виза в Верхний Египет, и продолжение работ он доверил Кавилье.

«Вернувшись, я в первое же утро поспешил к Великой пирамиде, а потом ко Второй пирамиде, где рассчитывал найти Кавилью и его людей. Но там и следа их не было, а позднее я обнаружил их работающими в трех гробницах между Сфинксом и Второй пирамидой, где они занимались поисками мумий. Капитан Кавилья информировал меня, что часть людей дни и ночи работала на южной стороне „камеры Дэвисона“, другая часть вскрывала Третью пирамиду... После долгого разговора, во время которого от его внимания не ускользнуло мое явное неудовольствие, а также настойчивое стремление вернуть людей от мумий к пирамиде, я дал ему понять, что в случае его нежелания возьму руководство операцией по изучению этой великолепной постройки и ее внутренней структуры в свои руки... Он высказал мнение, что гробницы с мумиями могли бы стать довольно интересными научными объектами. Словом, раз уж он начал эти раскопки, то должен их закончить». Когда потом выяснилось, что эти раскопки Кавилья ведет за деньги, отпущенные на обследование пирамиды, и вдобавок различными путями подделывает бумаги для выплаты, между полковником и капитаном состоялась еще одна длительная беседа. Окончилась она тем, что Виз «с изъявлениями глубокого уважения» уволил Кавилью со службы.

«Естественно, что перед возвращением в Англию мне хотелось сделать какое-нибудь открытие»,— пишет Виз, на сей раз без тяжеловесных оборотов и длиннот. Инженер Геллоуэй, к которому он обратился, порекомендовал ему своего ассистента Джона Перринга, тоже инженера. Кроме того, Виз привлек к сотрудничеству своего знакомого, мальтийца Паоло, и нескольких британских подданных, поселившихся в Египте. Так у него образовался неплохой штаб, начальником которого он назначил Д. Перринга; необходимое количество рабочих он набрал без особых трудностей: денег у него было достаточно. И вот, не откладывая дела в долгий ящик, он отдал приказ о наступлении прямо на сердце Великой пирамиды.

В усыпальнице пирамиды Хуфу его заинтересовала, во-первых, уже упомянутая загадочная «камера Дэвисона» и, во-вторых, «вентиляционные шахты» (по крайней мере таково было их предполагаемое назначение), которые вели вверх, на север и на юг. Виз полагал, что шахты выходят на поверхность пирамиды; и действительно, через несколько дней Перринг нашел среди северной и южной сторон пирамиды соответствующие отверстия. Однако пока нельзя было доказать, что это именно устья тех шахт, ибо они были забиты грунтом. Тогда Виз приказал расширить их нижние отверстия, чтобы прозвести через них очистку. «Свечки почти сгорели, а за двадцать четыре часа удалось высечь всего шесть дюймов». Паоло тем временем старался веретеным буром пробурить гранитный потолок и проникнуть в «камеру Дэвисона»; тяжелый и опасный труд на дважды надставленной стремянке тоже не давал почти никаких результатов. «Провертеть дыру легче, чем разрушить, разрушить легче, чем построить...» Однако Визу некогда было размышлять над арабскими пословицами. Он послал за потомками строителей пирамид в моккатамские каменоломни на другом берегу Нила. Одновременно он приказал послать (но уже не сообщает куда) за несколькими бочками пороха для пушек.

Случилось то, чего Великая пирамида не знала на протяжении тысячи лет своего существования: весной 1837 года ее погребальную камеру потряс взрыв. «Эти ребята знают толк в своем деле,— с уважением констатировал Виз.— Только пробить шурфы, чтобы заложить порох, уже было нелегкой работой. И для того чтобы убрать после взрыва крупные обломки потолочных блоков, нависшие прямо над головами рабочих, тоже пришлось преодолеть немало трудностей, порою сопряженных с серьезной опасностью». Однако все произошло точно по плану офицера разведки, прошедшего специальную подготовку по проведению диверсий. Ни с кем ничего не приключилось, только пирамиде нанесли до сих пор заметную рану. Увы, в неизбежных случаях археология — это и уничтожение. Знания для этой науки важнее самих предметов древности. Хотя обычно археологи и не пользуются бочонками с порохом.

Результаты этой операции оказались сенсационными. Выяснилось, что над «камерой Дэвисона»

есть еще одна камера, над ней следующая и что таких камер пять. Все они довольно низкие и отделяются друг от друга грубо обработанными каменными блоками, и несколько раз превосходящими их высотой; верхнее такое помещение перекрыто двумя большими блоками, которые образуют треугольную гигантскую массивную крышу. Виз и Перринг мгновенно поняли назначение конструкции: это была «разгрузочная камера» над усыпальницей, принимающая на себя давление двух верхних третей пирамиды. Крыша из двух огромных блоков способствовала более равномерному распределению давления, чтобы тяжесть давила не прямо на усыпальницу, а на пустую камеру над ней с перекрытием, укрепленным каменными стойками. Перринг на месте высчитал, что тут налицо «излишний запас прочности», ибо для этой цели достаточно одной верхней камеры с каменной крышей.

Но главным трофеем была другая находка. В двух верхних камерах оказались блоки с иероглифическими надписями. Когда египтологи их расшифровали, выяснилось, что они содержат имя того, кому предназначена пирамида. Имя фараона Хуфу!

После такого успеха Виз с Перрингом ринулись к другой пирамиде и с помощью пороха вскрыли ее изначальный главный вход. Затем Виз приказал подкатить бочки с порохом к Третьей пирамиде и после шестимесячной напряженной работы добрался до подземной погребальной камеры, где обнаружил саркофаг. Он был из цельного куска базальта с великолепным рельефом, изображающим фасад дворца фараона, однако — увы! — тоже оказался пуст. На стене значилось имя человека, который нашел этот саркофаг до них, и, по всей вероятности, тоже уже пустым: Мухаммед Расул. При очистке помещения были сделаны две необычайно ценные находки: останки мумифицированного человеческого тела и деревянная крышка гроба с иероглифической надписью на ней: «Осирис, владыка Верхнего и Нижнего Египта Менкаура, живущий вечно». Виз отправил саркофаг в Лондон, но парусник, везший его, затонул во время бури близ испанского побережья.

29 июля 1837 года Виз вступил в усыпальницу Менкаура, а ровно через месяц ему было предписано покинуть Египет, Однако он еще успел выработать план дальнейшего изучения пирамид и поручил его реализацию Перрингу. Прежде всего он интересовался Ступенчатой пирамидой близ Саккара, в подземелье которой итальянский инженер Сегато и прусский генерал фон Минутоли незадолго до этого нашли «часть мумии с густо позолоченным черепом и остатки двух сандалий». (К сожалению, и эти предметы поглотило море вместе с кораблем, который вез их в Берлин.) Виз также предложил Перрингу осмотреть пирамиды в Абусире, Дашуре и всюду, где он пожелает, ссудив ему необходимые финансовые средства.

Перринг великолепно справился со своей задачей. Он обмерил Ступенчатую пирамиду в Саккара, провел зондаж, благодаря которому составил первый чертеж ее внутренней структуры, проник в ее подземные коридоры и камеры.

В Абусире он обследовал три большие пирамиды, в Дашуре одну кирпичную (возможно, ту самую, о которой упоминал Геродот) и две каменные, в Абу-Роаше он обнаружил пирамиду, от которой сохранилась лишь подземная часть. Внимательно осмотрел и пирамиды в Завет-эль-Ариане, Лиште, Медуме, Хаваре. Там работы пришлось прекратить: лагерь окружили бедуины и открыли стрельбу. Перринг доблестно защищался, сотрудники помогали ему; когда кончились боеприпасы, он вышел навстречу бедуинам с ножом. От неминуемого конца его спасло лишь случайное появление разъезда египетской армии.

Результаты этих исследований Виз опубликовал в объемистом трехтомном труде «Работы, осуществленные в пирамидах Гизе в 1837 г.» (1 МО—1842), к которому Перринг присовокупил альбом чертежей и отчет «Пирамиды южнее Гизе и около Абу-Роаша». Споей деятельностью Виз не заслужил похвалы начальства, его отправили на пенсию без повышения. Один из его потомков, более счастливый в военной карьере и получивший на звездочку больше, назвал его если не «черпой овцой» в семье, то по крайней мере чудаком.

Мы все понимаем: офицер разведки, переметнувшийся на сторону такой непрактичной науки, как египтология. Итак, до середины XIX века пирамиды были измерены, описаны и изучены снаружи и изнутри. Разумеется, не все и не с абсолютной точностью, но настолько, что сами о себе они к тому времени сообщили уже почти все. Оставшуюся завесу загадок, которая продолжала еще их окутывать, уже не могли приподнять путешественники, астрономы и офицеры; это было под силу лишь египтологам, т. е. ученым, которые сумели бы узнать из древних египетских текстов то, о чем молчали камни. Настала пора и для этого.

Прежде чем перейти к рассказу о замечательных людях, совершивших такой переворот, и о результатах их трудов, позволим себе небольшое отступление. В тот ранний период нового открытия

Египта европейцами мы встречали близ пирамид немцев, англичан, французов, итальянцев, датчан и представителей других народов. Но были там также чехи и словаки, испокон веков любившие путешествовать. Правда, до недавнего времени Египет оставался слишком далекой страной и к тому же не очень доступной. Однако задолго до основания чехословацкого бюро путешествий «Чедок», задолго до правления австрийской эрцгерцогини Марии-Терезии и даже до открытия Америки кое-кто из них все же там побывал.

Насколько известно, первым чешским путешественником, посетившим Египет и оставившим нам сообщение об этом, был Богуслав Гасиштейнский из Лобковиц (ок. 1460—1510), известный поэт-гуманист, писавший на латыни. На египетскую почву он ступил в ноябре 1490 года, т. е. еще до Мартина Кабатника из Литомышля, которому каким-то образом не удалось увидеть пирамид.

В 1598 г. там побывал Криштоф Гарант (1564—1621), чешский ученый, казненный после битвы на Белой Горе; сопровождал его Гержман Чернин. Однако им не повезло, они не добрались до пирамид: разлившийся Нил унес единственный тогда каирский мост, а перебраться через реку на лодке среди плавающих бревен и дохлых животных они, очевидно, не рискнули. Зато они пытались раздобыть о пирамидах как можно больше сведений, и многие из них, включая явно преувеличенные, Гарант использовал позже в своем «Путешествии из Королевства чешского в Венецию, оттуда по морю в Святую землю, к землю Иудейскую и далее в Египет», вышедшем в 1608 году. Пирамиды он охарактеризовал как «баттгни, внизу широкие, аверху конусообразные»; внутри они имеют «помещения, построенные из мрамора черного и пятнистого, а в одной из них находится гроб из цельного куска черного мрамора, сделанный по приказу повелителя, который приготовил его к своему погребению». По тогдашним временам и при тогдашних условиях Гарант описал пирамиды совсем неплохо.

Первым чехом, попавшим к пирамидам (опять же — насколько нам известно), был Якуб Ржимарж (1682—1755), член францисканского монашеского ордена. В 1711 году он отправился в Египет, где пробыл с двумя десятилетними перерывами до 1752 года, т. е. более двадцати лет. О своей жизни там он написал «Путевой дневник апостольских восточных миссий в Египте», который, однако, не был напечатан и дошел до нас в порядке попорченной рукописи (ныне она хранится в Университетской библиотеке в Праге). Ржимарж подробно описывает пирамиды Гизе, Сфинкса и приводит сведения об их размерах в пределах обычных неточностей; очевидно, он заимствовал сведения из старых публикаций вместе с подсчетами, согласно которым Великая пирамида «состоит из 4456294 каменных глыб». Напротив, описание внутренних помещений пирамиды, которые он, очевидно, посетил сам, довольно точно: по нему можно проследить шаги автора от «насильственно пробитого входа на полнотной стороне» до погребальной камеры с саркофагом, «где должно было почивать тело того, кто повелел упомянутую пирамиду построить». Ни словом не упоминает Ржимарж о «житницах Иосифа» и «сынах Израиля», что также следует причислить к его заслугам. Дата его первой встречи с пирамидами неизвестна. Возможно, это произошло в 1711 году, самое позднее — в конце 1722 года.

Другим чехом, посетившим и описавшим пирамиды, был Вацлав Ремедий Прутки (1701—1770). Это тоже был францисканский миссионер, и он тоже написал «Путевой дневник восточных миссий», оставшийся к рукописи, ибо не нашлось издателя (ныне рукопись :>та тоже находится в Университетской библиотеке). Родился Прутки в Праге, двадцати лет ушел в монастырь, поело посвящения в монашеский сан был послан в Рим, а оттуда в египетскую Гиргу (неподалеку от развалин древнего Абидоса). Там его братья по ордену не поладили со своими коптскими братьями во Христе, и в 1751 году было совершено вооруженное нападение на монастырь. Прутки ушел в Каир. Впоследствии, оказавшись в Эфиопии, он стал членом одной из местных миссий, но долго там не задержался, ибо и эта миссия вступила в конфликт с коптами. Тогда он в Массауа сел на корабль (видимо, весьма поспешно) и через Индию, Цейлон (Шри Ланка), Мадагаскар, обогнув мыс Доброй Надежды, вернулся в Рим. В мае 1755 года, почти через год после возвращения, его снова посылают в Египет, где он оставался до июня 1756 года. Вернувшись в Италию, он вступил в императорскую армию на должность армейского капеллана и, участвуя в различных сражениях, добрался до Кладска (местность в Чехии), где прожил пять лет. В 1766 году папская конгрегация послала его для пропаганды католической веры в Петербург, где он получил пост главы всех миссий в России. Однако через три года императрица Екатерина II его изгнала, после чего он поселился во Флоренции. Там он описал свои «странствования по жизни» и, наконец, в покое умер.

Египту Прутки посвятил первую часть своего сочинения. Как исключительно наблюдательный человек со всесторонними интересами, он обрисовал все города и области Египта, государственное устройство и правопорядок, организацию армии, характер населения и образ его жизни, флору и фауну, религию и т. п. Естественно, Прутки считал необходимым сообщить, к примеру, в чем

заключается «еретизм коптов», но нас радует, что он не пренебрег пирамидами и посвятил им целую главу (девятнадцатую, а двадцатую — Сфинксу и мумиям). Пирамиды он описал на основании личного осмотра, однако, несомненно, был знаком и с Геродотовой «Историей», а возможно, и с «Путевым дневником» Ржимаржа. Кроме них он в связи с пирамидами цитирует лишь Плиния да ныне уже неизвестного Буллага Гуза. Когда и как долго он пробыл возле пирамид, Прутки, к сожалению, не сообщает. Вероятнее всего, в 1751 году, но, возможно, и во время второго своего пребывания в Египте в 1755—1756 годах.

Прутки был первым человеком из Чехии, о котором мы знаем, что он поднимался на Великую пирамиду. Это заняло у него полтора часа. При подъеме он попытался измерить высоту пирамиды, причем довольно остроумным способом: он привязал к ноге канат и тащил его за собой па вершину пирамиды. Прутки мог бы добиться таким образом довольно точных данных, ибо знал теорему Пифагора, но в конце концов воспользовался размерами, взятыми у иностранных авторов, хотя и менее точными. Он так описывает свой осмотр внутренних помещений пирамиды: «Я хотел спуститься в се нутро, чтобы самому убедиться в правдиности иных историков и опровергнуть фальшивые предположения... Всякий раз, когда кто-нибудь собирается вступить в пирамиду, арабы очищают перед ним ступени от песка и выпаливают из ружья, точно там скрываются змеи, львы и иные подобные им существа». Очевидно, ради бакшиша. С той же целью они охотно помогают пролезть в узкое входное отверстие. «Когда два араба впихнули меня туда, какой-то откормленный французский капеллан, подражая мне и моему тощему брюху, тоже попытался пролезть внутрь и оказался в страшной опасности. Только он сунул голову, как сразу застрял в проходе и не мог выбраться назад. Он судорожно ловил ртом воздух, задыхался от пыли и, если бы нам не удалось с великим трудом вытолкнуть его наружу, испустил бы дух». Прутки измерял внутри все, что поддавалось измерению. Даже изготовил эскизы, по которым неизвестный гравер позже сделал несколько иллюстраций к его книге.

Кроме пирамид Гизе Прутки посетил и пирамиды в Саккара и Дашуре, осмотрел их, а в некоторые даже спустился. Это прежде всего относится к так называемой северной пирамиде Снофру, и поныне мало изученной; в тех местах ее зовут «розовой пирамидой», ибо она сложена из красноватого камня, взятого из близлежащей каменоломни. Ее невозможно спутать с какой-либо пирамидой и по другой причине: по необычному соотношению фундамента (221,5X218,5 метра) и высоты (104,4 метра). В научных публикациях сообщается, что первым в нее спустился Перринг в 1837 году и при этом обнаружил в ней три внутренних помещения. Однако Прутки ступил в эти помещения еще в 1751 году, самое позднее — в 1756-м, т. е. не менее чем на три четверти века раньше!

Описание этой пирамиды и ее внутренних помещений в изложении чешского путешественника не слишком занимательное чтение, зато оно может служить доказательством его приоритета, и потому мы процитируем хотя бы несколько строчек: «У входа на северной стороне мы обнаружили коридор, ведущий к югу... он идет под уклон и имеет 180 футов в длину, как в Великой пирамиде, но спуск здесь значительно круче и опасней. Когда доходишь до конца этого коридора, возникает другой, горизонтальный, 19 футов длиной и такой же шириной, как предыдущий; он ведет к помещению длиной 25 футов, шириной 13 футов и высотой 42 фута. Отсюда коридор той же высоты и ширины, что и предыдущие, приводит нас во второе помещение, которое сходно с первым высотой и длиной. Во втором помещении есть отверстие шириной в три фута и два дюйма, выходящее на юг; от него начинается следующий коридор таких же размеров, что и предыдущие, но длиной 24 фута, который ведет горизонтально на юг. По нему я дошел до третьего помещения, направление которого не на юг, как у обоих предшествующих, а на восток; высота его 54 фута, причем свод уходит вверх, сужаясь наподобие пирамиды». Зарубежные ученые не виноваты, что не упоминают в связи с этой пирамидой о нашем соотечественнике. Английский перевод латинского текста его рукописи был напечатан лишь в 1968 году, когда его издал представитель молодого поколения чехословацких египтологов М. Вернер.

До конца XIX века из наших краев к пирамидам опять-таки попадали лишь путешественники, однако, если учесть тогдашние обстоятельства, и самая обыкновенная поездка в Египет была незаурядным делом. Число таких путешественников постепенно возрастало, а с ним и количество публикаций, из которых можно было почерпнуть не одни только сказки. Упомянем «Полное описание Египта» (1802) Вацлава Матея Крамериуса и перевод произведения немецкого египтолога Георга Эберса «Египет в описаниях и картинах» (1883).

Словацких книг о Египте в ту пору еще не было. Словакам тогда было не до исчезнувших народов — они сами могли попасть в их число. Но и в Словакию проникли сведения о Египте, причем даже из первых рук. В конце шестидесятых годов прошлого века Египет посетил Даниэль Шустек, словацкий путешественник по странам Ближнего Востока (а затем также Западной Европы и Северной Америки), который зарабатывал себе на -хлеб и вход в музеи поденными работами.

Поднялся Шустек и на Великую пирамиду, «величайшую постройку мира», как он позднее написал о ней в журнале «Обзор» (1876), причем даже не упомянул о славе и могуществе фараонов; говоря о пирамидах, он отдавал лишь должное «этим гигантским творениям человеческих рук». Другим посетителем Египта из Словакии был Густав К. Захентер, основоположник нашей документальной прозы, автор очерка «Из Триеста в Египет» («Орел», 1875). Из Чехии в Египте побывало больше путешественников. В их числе был и классик чешской литературы Ян Неруда, который нашел для этого время в тяжелом 1870 году. В «Картинках из-за рубежа» он писал о пирамидах:

«Уже известны происхождение, назначение и история пирамид Гизе, их внутреннее устройство, внешний вид и окружение... Пирамида Хеопса так велика, что наш градчанский храм св. Витта вошел бы в нее дважды в высоту и четырежды в ширину. Самый сильный человек, кинув с вершины пирамиды камень, не отбросит его дальше чем на треть ее ширины. Другая, несколько меньшая пирамида — пирамида Хефрена — поныне сохранила свою полированную облицовку. Третья, еще меньшая, — пирамида «доброего» властителя Микерина. Когда ее вскрыли, «добрый» властитель лежал растерзанный на куски рядом с прекрасным саркофагом». И с тем же неуважением к фараонам, какое было характерно для Прутки и Шустека, Неруда добавляет к описанию погребальной камеры Хуфу: «Это напоминает простой четырехгранный ящик. Позади стоит саркофаг, без крышки, пустой. Кто теперь вспомнит, что над этой грудой камней должны были из-под палки трудиться 400000 человек!» В конце XIX века у пирамид появился и первый ученый — наш соотечественник, понимавший письменность их строителей: Ян Кми-нек-Седло, родом из Пльзня, хранитель египетских древностей в музее Болоньи. Затем к пирамидам как к старым знакомым пришел Франтишек Лекса, основатель нашей египтологии; после него у их подножия жил Ярослав Черный, один из всемирно известных и наиболее авторитетных египтологов; впоследствии в Гизе был основан наш Институт египтологии, и Збынек Жаба возглавил экспедицию Карлова университета, которая вела раскопки в гробнице Птахшепсса под пирамидами в Абусире... Збынек Жаба был также первым нашим ученым, опубликовавшим научные труды по вопросам, касающимся пирамид. Его книга вышла в 1873 году (по-французски) и называется «Астрономическая ориентация в Древнем Египте и прецессия земной оси». Но все это мы упомянули здесь лишь для того, чтобы перед дальнейшими странствованиями по полям пирамид помянуть добрым словом и чехословацкую традицию, которая безусловно того заслуживает.

Глава IV ПРИХОД ЕГИПТОЛОГОВ

У истоков египтологии стояли три человека: один император, один художник и один филолог. Император с 387 000 солдат и 175 учеными, художник со множеством разнообразнейших талантов, филолог, прекрасно знающий мертвые языки и невероятно упорный. Все трое, а также солдаты и ученые по случайному стечению обстоятельств были французы.

Собственно, император еще не был императором, ему лишь предстояло им стать. Он был одним из генералов Французской республики, торжественно провозгласившей, что никогда не прибегнет к агрессии, и в свои двадцать девять лет уже имел за плечами успешную войну в Италии, которую вел во имя все той же республики. В голове у него зрели честолюбивые планы, и он даже не находил нужным особенно скрывать их: генерал мечтал стать новым Цезарем. Правительство республики охотно приняло его предложение захватить Египет. Оно надеялось тем самым убить сразу не двух, а трех зайцев: прежде всего избавиться от «этого корсиканца Бонапарта», во-вторых, приобрести для Франции бывшую «житницу Рима» и, в-третьих, нанести удар могуществу Англии на Востоке¹. И потому Наполеону предоставили больше солдат, чем их было у Александра Великого, когда тот отправился на завоевание мира, а также необходимые суда, пушки и деньги. Ему разрешили взять с собой и «штатских ученых», которых он выбрал сам по примеру Александра: историков, географов, востоковедов, инженеров, чертежников и других специалистов. Наполеон всегда любил окружать себя людьми, знавшими больше, чем он; он надеялся, что своими сонетами и проектами они помогут ему в освоении завоеванных земель. Кроме того (как Бонапарт объяснил на ученом собрании во Французском институте), они смогут заниматься сбором научных материалов для собственных нужд. Он всегда предоставлял им всестороннюю помощь и охрану. Так, перед каждым сражением Наполеон не забывал отдать приказ: «Ослы и ученые — в середину!»

19 мая 1798 года Бонапарт вместе со своим экспедиционным корпусом отплыл из Тулона и 1

июля, после краткой остановки на Мальте, которую не преминул присоединить к Франции, прибыл в Александрию. Тогда это был городок с 5000 жителей, давно потерявший свою былую славу. На другой день Бонапарт высадился на берег и взял город с первой атаки. После короткого отдыха он напрямик через пустыню направился в Каир. Две недели продолжался трудный поход под палящим солнцем в раскаленных песках; солдат мучили жажда, голод. Наконец они увидели пирамиды, но восхищались ими недолго: стянули пропотевшие мундиры и бросились в Нил. На другом берегу была цель их похода — город с сотнями стройных минаретов над куполами мечетей, а главное — с едой и добычей. Однако от этого похожего на фата-моргану видения их отделяла не только широкая мутная река, через которую им предстояло переправиться, но и прекрасно обученная конница мамелюков египетского хедива Мурад-бея. 21 июля произошла знаменитая «битва у пирамид» на левом берегу Нила, близ нынешнего железнодорожного моста, где теперь уже ничто не напоминает об этом кровопролитном сражении. Европейцы, имевшие железную дисциплину и превосходство в артиллерии, одержали победу над многочисленным восточным воинством, вооруженным только мечам: французы потеряли 40 человек, мамелюки — более 2000. Утром 23 июля Бонапарт вступил через открытые ворота в Каир. Вот только обоснуется и закрепится здесь — и двинется дальше. В Индию!

Но обстоятельства изменились. Ровно черен месяц после вступления Бонапарта на египетскую землю, 1 августа 1798 года, адмирал Нельсон настиг французский флот, за которым безуспешно шпилем по псему Средиземному морю, и в битве у Абукира, примерно в двадцати километрах восточнее Александрии, уничтожил его. Бонапарт попал в капкан, ибо на помощь из Франции рассчитывать уже не приходилось, оставалось продолжать войну на суше. Он подавил восстание в Каире, разбил турецкие войска, посланные против него султаном, достиг границ Сирии и направил одни из экспедиционных отрядов в Верхний Египет. Наполеон и его генералы покрыли трехцветные знамена Франции боевой славой. Но под этими знаменами сражалось все меньше воинов, каждая победа стоила многих жертв. Еще большие потери его войско понесло от полчищ мух — разносчиков коварных глазных болезней, тысячи солдат ослепли из-за неведомой им до той поры офтальмии² и трахомы. Мстил завоевателям и Нил: после купания тысячи солдат заболели бильгарциозом³. Дизентерия стала обычным явлением, вспыхнули эпидемии холеры и чумы. Взвесив все обстоятельства, главнокомандующий решил сохранить свою драгоценную особу для Франции и Европы. Он покинул Каир и 24 августа 1799 года отбыл на фрегате «Мюиرون» во Францию, бросив армию на произвол судьбы.

Всем известно, что последовало за бегством Бонапарта — в результате государственного переворота он стал у власти. После смерти генерала Клебера, которому Наполеон передал верховное командование (якобы до возвращения с подмогой), генерал Бельяр подписал в Каире в сентябре 1801 года акт о капитуляции. Победители-англичане разрешили эвакуироваться из Египта остаткам французской армии, а вместе с ними и «штатским ученым».

Так кончилась египетская авантюра Бонапарта. Блестящие победы и беспримерный героизм французской армии обратились в ничто. Но был и некий положительный итог, и, как ни странно, именно благодаря тем штатским, которых солдаты называли «ослами». Эти люди открыли Египет для науки, возбудили интерес к его истории, культуре и цивилизации, интерес, который никогда уже не пропал. Никто не станет утверждать, будто пушки и штыки лучшее средство для пробуждения научного интереса и расширения сферы научных исследований. Но все произошло именно так. И в истории подобные парадоксы — не столь уж редкое явление.

«Зачатие во грехе» не беспокоит адептов египтологии. Хотя многие науки возникли при более благородных обстоятельствах, зато египтологи по крайней мере могут быть спокойны, что их открытия не были (и, по всей вероятности, не будут) использованы на погибель человечеству.

Историки могут, а пожалуй, и должны расходиться во взглядах на Наполеона. Египтологи предпочитают во время этих споров держаться в стороне, но, если оказываются втянутыми в дискуссию, как правило, примыкают к лагерю тех, кто отмывается о нем одобрительно. Наполеон всегда интересовался Египтом, содействовал его изучению, помимо своего любимого Нибура, знал большинство книг, написанных о Египте, сразу же по прибытии в Каир создал для координации научных работ Египетскую комиссию⁴. Ученые имели к нему столь же свободный доступ, что и генералы, и прервать их визит мог лишь офицер, явившийся с плохой вестью. Наполеон сам был инициатором многих исследовательских работ. Это касалось и пирамид. Вопреки распространенному мнению, сам Наполеон (тогда еще только генерал Бонапарт) на пирамиды никогда не поднимался. Но осмотрел их еще до битвы, открывшей ему доступ в Каир. Поджидая полковника Кутелля и нескольких офицеров, с его разрешения взобравшихся на самую высокую

из пирамид, он в уме подсчитал ее объем и определил, что из камней трех пирамид Гизе можно было бы построить вокруг всей Франции стену трехметровой высоты и тридцатисантиметровой толщины. 23 августа 1798 года, в день учреждения Египетской комиссии, он поручил Кутеллю тщательно измерить пирамиды и все, что их окружает, а также осмотреть их изнутри. Для выполнения этого приказа Бонапарт откомандировал в распоряжение Кутелля необходимое количество людей из саперных батальонов, а также инженера Ле Пера (того самого, который позднее разочаровал его, доказав, что между Средиземным и Красным морями нельзя построить канал, ибо поверхность Красного моря якобы на 9908 миллиметров выше). Позднее вместо него был назначен полковник артиллерии Ж. Гробер, командир гарнизона в Гизе.

«В его распоряжение было предоставлено пятьдесят рабочих-турок и отряд саперов,— пишет об этих работах Кутелль.— Они обнажили основание Великой пирамиды, разобрали одну из малых пирамид, углубили шахты, ведущие в Великую пирамиду, отрыли из-под песка Сфинкса и произвели раскопки в нескольких гробницах. А пока велись эти работы, мы освобождали и измеряли вход в Великую пирамиду, а также галерой и камеры, которые, правда, уже были описаны разными путешественниками». Ле Пер изготовил подробные схемы и чертежи пирамид в разрезе, которые позже дополнил архитектор Сесиль. Когда их передавали Бонапарту, Ж. Гробер выразил удивление тем, что «Майе за столько лет не измерил эти чудовищные убежища смерти с большей точностью».

Но и самые точные чертежи не поведали о пирамидах ничего нового: их изучение дошло до той стадии, когда ученым нового времени могли помочь лишь древние египтяне. Это понимали все члены Египетской комиссии, чьи интересы вовсе не ограничивались пирамидами; понимал это и сам Бонапарт. Они поставили перед собой грандиозную задачу: подробно и с максимальной точностью фиксировать все, что касается Древнего Египта. Это значило измерить и изготовить чертежи всех сохранившихся памятников древнего зодчества, сделать изображения всех статуй, скопировать все настенные росписи и надписи. Таких памятников было неисчислимо множество; куда ни пойдешь, перед тобой храм с громадными пилонами и колонными залами, с гигантскими статуями, с обелисками и сфинксами; ничего не надо искать и уже тем более ничего не надо отрывать из-под песка. Особенно поражало количество надписей: они покрывали стены храмов и пьедесталы статуй, колонны, обелиски, маленькие статуэтки и миниатюрные скарабеи. Один из членов комиссии подсчитал, что, «если бы кто-нибудь захотел скопировать все надписи из храма в Эдфу и писал с утра до вечера, ему понадобилось бы па это двадцать лет». А это ведь был только один из множества храмов, доступный тогда для обозрения, да и то не весь! «Эти египтяне были самыми великими писцами древности!»).

Сложности возникали не только из-за большого числа памятников, но из-за их своеобразия. Европейскому глазу, привыкшему к образцам греческой культуры, они представлялись странными, непонятными: пропорции не соответствовали общепринятым канонам, статуи, застывшие в оцепенении, словно бы выступали прямо из каменных блоков, капители колонн и орнаменты на первый взгляд казались неразличимыми, искусство художника-творца часто выглядело неумением. Особенно трудно было перерисовать надписи, они состояли из комбинаций необычайно сложных и поразительно простых знаков, никто не имел ни малейшего представления, что каждый из них означает: букву или орнамент. Ныне все это нам уже известно, но тогда это была первая встреча с творениями совершенно иной, непонятной культуры и цивилизации. Нам трудно представить себе положение рисовальщиков из спиты Бонапарта, если к тому же учесть, что все это делалось вручную, ибо фотоаппарата еще не существовало.

Из этих рисовальщиков в историю египтологии вошел человек с биографией, точно созданной для кинофильма «Аристократ до и после 1789 года»,— Доминик Виван Денон (1747—1825). При старом режиме он был фаворитом маркизы де Помпадур, а значит, и Людовика XV; помимо увеселений и галантных приключений, подобающих его месту в обществе, он занимался изучением античных статуй. В соответствии с родовой традицией Денон стал дипломатом и начал свою карьеру в Петербурге, где покорила сердца многих дам и завоевал симпатии Екатерины II. Во время пребывания в Швейцарии Денон сблизился с Вольтером, сумевшим оценить его остроумие. Он написал несколько деликатных и не слишком деликатных эротических рассказов, впоследствии заслуживших признание Бальзака, кроме того, рисовал, главным образом порнографические картинки, а за большое полотно «Поклонение волхвов Спасителю» стал членом Академии. Известие о революции застало его в Италии, где он изучал в дворцовых коллекциях своих друзей работы мастеров Ренессанса. Он тут же вернулся в Париж и, хотя никто не увольнял его со службы, нашел себя в списке эмигрантов. Де-нон пытался вернуть конфискованное имущество, но безрезультатно, ибо, несмотря на личное присутствие в столице, оставался, с точки зрения бюрократов, эмигрантом. Изгнанный из своего особняка, он поселился на Монмартре, снял плохонькую квартиру и жил продажей весьма фривольных рисунков; порой ходил

на Гревскую площадь, чтобы прощальным взглядом обменяться с кем-либо из друзей, стоявших перед гильотиной. Когда он совсем пал духом, его спас «художник революции» Давид. Тому понравились рисунки Денона, и он пригласил его сотрудничать в работе над костюмами «республиканской моды». Его рисунки, в свою очередь, обратили на себя внимание Робеспьера, который затем вычеркнул имя Денона из списка эмигрантов и вернул ему имущество. После термидора он вновь стал богатым светским львом. Денон познакомился с Жозефиной Богарне, и та представила его Бонапарту. Благодаря ее протекции он участвовал в египетском походе.

Денон восторгался Египтом. Его восхищали контраст пустыни и зелени, мечети, фольклор, но главное — древние памятники. Он в полном смысле слова пожирал их глазами и остро отточенным карандашом тут же делал набросок на бумаге. Во время «битвы у пирамид» Денон едва уцелел, потому что больше, чем сражением, интересовался пирамидами. «Я был до глубины души потрясен великолепием этих колоссальных монументов и сожалел, что ночь слишком поспешно скрыла их под вуалью темноты. С первым утренним лучом я вернулся, дабы приветствовать их, и сделал несколько набросков. Мне хотелось запечатлеть их в нежной дымке, когда они проступают сквозь синеватую массу воздуха, окутывающую их и придающую их очертаниям такое благородство, что и в этом отношении, как и своими размерами, они превосходят все египетские памятники». За время пребывания в Каире Денон постоянно возвращался к пирамидам, потом вступил в корпус генерала Дезе, который преследовал разбитого Мурад-бея, отступившего в Верхний Египет, и так попал к Асуану. Дезе, который годился Денону в сыновья, предложил ему место в обозе, но тот, с благодарностью отвергнув предложение, попросил быстрого коня, чтобы всюду быть одним из первых и дольше задерживаться, поскольку непрерывно рисовал. Пятидесятилетний художник переносил лишения лучше, чем молодые солдаты, он рисовал на марше, рисовал на привале, рисовал рано утром и поздно вечером, не переставал рисовать, даже когда вокруг него свистели пули. Мы не можем утверждать, что это был первоклассный художник, однако своим ремеслом он владел, придерживался реальности и умел точно воспроизвести детали. Кроме того, он имел особый талант восприятия художественной манеры древних египтян. Денон вжил в их искусство, проник через столетия в их письмо и орнамент, перерисовывал иероглифы с таким тонким чувством и такой точностью, что ученые могли положиться на него, как ныне полагаются на фотографические снимки.

Денон возвращался из Верхнего Египта, унося более ценную добычу, чем все золото, которое французские солдаты отняли у арабов и коптов. Он первый запечатлел в серии рисунков (их было около сотни) развалины Фив и храма в Дендере; его зарисовка маленького храма Аменхотепа III на острове Элефантине — единственное, что осталось на память от этого строения, потому что вскоре оно было разрушено. Денона захватила еще одна страсть — обогатить Лувр предметами египетской древности. Он собирал все, что только могло уместиться на повозке. Впрочем, эти трофеи, коллекционированием которых занимались и другие штатские и военные, в Париж не попали. После капитуляции Бельяра англичане объявили их «незаконно награбленной добычей» и конфисковали. Впоследствии генерал Хатчинсон переправил их в Лондон, где они нашли место в Британском музее. Однако французы, прежде чем отдать их, срочно скопировали и перерисовали вещь за пещью. Эти копии и рисунки, в том числе и принадлежащие Денону, англичане признали «личным достоянием» и разрешили вывезти во Францию.

«Коллекционерская деятельность» Денона, которую мы теперь назвали бы несколько иначе, принесла ему должность генерального директора французских музеев. Он продолжал эту деятельность и во время других походов французских войск; заслуги его оценили даже Бурбоны, вернувшиеся на трон своих предков (или, вернее, на трон Наполеона). После возвращения из Египта он сразу же приступил к публикации рисунков и заметок. Еще в 1802 году Денон первым из членов экспедиции выпустил великолепно оформленную книгу «Путешествие по Верхнему и Нижнему Египту» и вызвал настоящую сенсацию: «Что Наполеон завоевал и не удержал мечом, то Денон сохранил для вечности карандашом»!

Эта книга была лишь предвестием другой, еще более великолепной, которая называлась «Описание Египта» и вышла в двадцати одном томе под редакцией Эдме Жо-мара в 1809—1822 годах (а затем вторым изданием, тридцатисемитомным, в 1821—1829 годах). В этом монументальном труде, по оформлению (и стоимости) не имевшем равного со времен изобретения книгопечатания, были собраны результаты деятельности всех членов Египетской комиссии и ряда других специалистов.

В «Путешествии» и «Описании» Египет предстал как на ладони, но объяснений почти никаких не было: под красивыми рисунками, изображавшими его памятники, отсутствовали сведения о поре их создания, предназначении, строителях. Проникновению в древнюю историю Египта препятствовал

барьер египетской письменности. (Со времен Геродота было известно, что египтяне пользовались тремя видами письма: иероглифическим, иератическим и демотическим. Однако ни одним из них никто не владел...

Разумеется, европейские ученые с давних пор пытались прочесть загадочные египетские иероглифы. У них не было недостатка в источниках, по которым можно было изучать эти иероглифы (но все-таки значительно меньше, чем у арабских ученых, о чьих попытках в этом направлении нам ничего не известно). В Риме, например, стояло двенадцать обелисков, сверху донизу исписанных иероглифами; в различных коллекциях имелись египетские скульптуры с надписями; немало образцов египетских текстов нашлось в книгах путешественников. В распоряжении ученых было и более древнее пособие — «Иероглифика» в двух книгах, написанная уроженцем Верхнего Египта Горуполлоном (IV в. н. э.) и еще в 1514 году переведенная на латынь другом Дюрера Пиркхаймером. И все-таки у них ничего не получалось.

Горуполлон рассматривал иероглифы как символическое письмо, с чем, судя по их внешнему виду, приходилось согласиться; многие из иероглифов он вполне приемлемо объяснял. Однако иероглифы были не только символическим письмом. Если бы это было так, отдельные знаки должны были попросту означать изображаемые ими предметы (или их свойства, действия и т. п.), их можно было бы понять и без знания древнеегипетского языка. Изображение быка означало бы «бык», быка с плугом — «пахать», изображение крокодила — «крокодил», как бы египтяне ни произносили эти слова. Некоторые иероглифические знаки Горуполлон объяснил правильно: например, волнистая линия означает «воду»; другим иероглифам дал столь же логичное, однако неверное истолкование. Так, изображение пчелы, по его мнению, означает «народ», поскольку народ старателен и трудолюбив, как пчела, в действительности же это часть одного из титулов фараона, как властителя Нижнего Египта. Следовательно, Горуполлон написал свою книгу без особого знания дела⁵, хотя в его пору, т. е. в IV веке н. э., в Египте еще пользовались иероглифами.

Если в древности люди были столь далеки от понимания иероглифов⁶, то как можно было их понять в более поздние времена, веками отделенные от Древнего Египта? Кое-кто не слишком ломал голову: например, итальянец Иоанн Больцани в 1556 году объяснил иероглифы «по интуиции» и видел в них преимущественно «символы языческих богов», француз Пьер Лапглюа считал их «прототипами гербов» западноевропейского дворянства. Ученый иезуит Афанасий Кпрхер (1602—1680), знаток Египта и коптского языка (талантливый человек, создатель «теории микробов» и «волшебного фонаря»), в течение нескольких десятилетий изучал иероглифы. Метод Горуполлона он проиллюстрировал сотнями иероглифических надписей, скопированных с египетских храмов и римских обелиском. Одну группу знаков в оналмкш рамочке он, например, прочел и перепел так: «Милости божественного Осириса должны быть достигнуты путем священных обрядов и цени Гениев, дабы могли быть приняты дары Нила». В действительности же это имя одного из фараонов XXVI династии Априеса (Уахибра).

История разгадки иероглифов — это перечень продержавшихся веками ошибок, одинаковую вину за которые несут как Горуполлон, так и ученые, некритически принявшие все, что он написал. Первый, кто пошел своим путем, был англичанин Уильям Уорбертон. В 1738 году он предположил, что иероглифы не просто картинки, а знаки со звуковыми соответствиями. Однако во всем остальном он ошибался, так же как и его современник француз Жозеф де Гинь, который установил «родство» между египетской и китайской письменностью и сделал из этого вывод, что египтяне некогда жили в Китае. Ошибались и противники Гиня, утверждавшие, что китайцы жили в Египте, и Генрих Шумахер, опубликовавший в 1754 году «Опыт объяснения темных и скрытых тайн иероглифических смысловых изображений», и многие другие, в том числе крупнейший ориенталист той поры Сильвестр де Саси, сразу же поело похода Бонапарта в Египет провозгласивший: «Разгадка иероглифов? Это слишком запутанная и научно неразрешимая проблема!» Но в конце концов нашелся ученый, который разгадал загадку иероглифов. Это был Жан Франсуа Шамиольон.

Биография Шампольона — биография гениального человека. Родился он 23 декабря 1790 года в Фижаке, на юго-востоке Франции, пяти лет без помощи взрослых научился читать и писать (сравнивая выученные молитвы с текстами в молитвеннике), девяти лет уже знал латынь и греческий (опять же без посторонней помощи, из книг в книжной лавке отца), в одиннадцать читал Библию на древнееврейском языке. Переселившись в Гренобль, где его брат Жак был профессором греческой литературы, он тринадцати лет начал изучать арабский и коптский языки («пишу свой дневник по-коптски, для тренировки»), пятнадцати лет стал заниматься персидским, зендскими и пехлевийскими текстами и, «разумеется, санскритом», а «для развлечения — китайским». Кроме того, в одиннадцать лет он написал первую свою книгу (на довольно необычную тему: «История знаменитых собак»), а в четырнадцать — первый научный трактат, где после критического обзора

произведений, написанных за три тысячелетия (от Библии, Платона и Цицерона до Монтескье и Вольтера), он выдвинул тезис, что «единственной разумной государственной формой является республика»; в свободное время (!) он еще делал сопоставительные хронологические таблицы мировой истории «от Адама до Шампольона-младшего». Семнадцати лет Шампольон стал членом Академии в Гренобле, где в качестве вступительной лекции прочел введение к своей книге «Египет при фараонах».

Египтом Шампольон начал интересоваться с семи лет. Его старший брат хотел принять участие в экспедиции Бонапарта, но без протекции это ему не удалось. Через два года в руки Шампольона попал номер «Египетского курьера», в котором содержалось интересное сообщение: «2-го фрюктидора VII года Республики» (2.VII. 1799) какой-то солдат, отбрасывая песок от стен крепости Сен-Жюльен близ Розетты (Рашида) на Ниле, нашел плоский базальтовый камень величиной с доску письменного стола, на котором были высечены две египетские и одна греческая надпись». Капитан Бушар велел переправить этот камень в Каир, где греческую надпись прочли. Она содержала благодарность жрецов Птолемею V Епифану (от 196 года до н. э.) за оказанные им благодеяния и кончалась словами о том, что эта надпись высечена «священными, туземными и эллинскими буквами». находка давала возможность, как отмечал анонимный автор сообщения, «при помощи сопоставления с греческими словами расшифровать египетский текст», и Шампольон это запомнил. Два года спустя он впервые ознакомился с оригиналами египетских надписей. Префект Жозеф Фурье, известный математик, а в экспедиции Бонапарта секретарь Египетской комиссии, дабы поощрить Шампольона за успехи в учении, пригласил его осмотреть собранную в Египте коллекцию. «Я их прочту! Через несколько лет, когда буду большой!» — ответил мальчик на высказанное Фурье сожаление, что, увы, никто не знает, что эти надписи означают. (Это не выдуманно. Фурье записал слова мальчика в дневнике и через двадцать лет вспомнил про свою запись.)

Двадцать лет! За это время Шампольон попытал счастья в Париже и как студент Коллеж де Франс снискал восхищение Сильвестра де Саси, но в холодной квартире на чердаке, постоянно недоедая, нажил туберкулез. Нужда и страх перед солдатчиной заставили его вернуться в Гренобль («увы, нищим, как поэт»). Он получил место преподавателя в тамошнем коллеже, писал пьесы для местных любителей (ради денег) и сочинял антимоноархические песенки (из убеждения). Они были направлены против Наполеона, но подходили и к особе Людовика XVIII, и потому Шампольону как «подозрительной личности» запретили преподавание. Когда Наполеон вернулся на «сто дней», он уже показался молодому ученому меньшим злом, и на одном из приемов во время остановки императора в Гренобле Шампольон был ему представлен. Между ними завязался долгий интересный разговор о Египте. Этого было достаточно, чтобы после Ватерлоо Шампольона объявили изменником и осудили на изгнание. Он бежал в Альпы, затем из-за болезни отважился вернуться в Фижак. Отважился и на штурм тайны иероглифов, к которому готовился все эти годы. Шампольон так хорошо знал Египет, что путешественник Сонини де Манонкур не верил, что он там никогда не был, а какой-то шейх после продолжавшейся целый вечер беседы считал, что беседовал с земляком. Шампольон проштудировал все, что до того времени было напечатано о Египте: от Библии и Геродота до «Путешествия» Деппона и «Описания Египта» Жомара. Л также просмотрел множество неопубликованных материалов: папирусы из частных коллекций и копию текста Г'ююттского камня в Лувре.

Меж тем и остальные ученые не теряли времени даром. Розеттский камень давал поистине незаменимый ключ для разгадки иероглифического и демотического письма, но некоторые ученые использовали этот ключ слишком поспешно, и потому их постигали неудачи. Например, швед Н. Г. Палии прочел в 1804 году оба текста «за одну бессонную ночь, чтобы — как он сам объявил — избежать ошибок, от которых не уберешься при длительных раздумьях». Аноним из Дрездена, который «утаил свое скромное имя, ибо заботился лишь о научном прогрессе», нашел в иероглифах все эквиваленты греческого текста, хотя половина иероглифического текста была отломана. Пьер Лакур в 1821 году отождествил иероглифы с древнееврейским письмом, а Гандо де Сен Никола объявил, что иероглифы вообще не письменность, а орнаменты; Александр Ленуар, в свою очередь, принял их за символы «иероастрономической науки».

Однако многие добились известных успехов. Земляк Палина Давид Окерблад, дипломат и востоковед, уже в 1802 году, исходя из греческого текста, идентифицировал двенадцать букв демотической надписи — средней надписи Розеттского камня. Датский филолог Георг Созга, живший в Риме, предположил, что в овальных рамках, называемых картушами, в иероглифических текстах написаны имена египетских царей. Дальше всех продвинулся англичанин Томас Юнг (1773—1829), естествоиспытатель, врач, знаток многих языков; он установил звуковое значение пяти

иероглифических знаков, сравнивая написание царских имен в иероглифической и греческой частях Розеттского камня. Но Юнг не смог осуществить дешифровку египетских иероглифов, так как признавал у них в основном лишь смысловое, а не звуковое значение.

Успешно сделал это Шампольон. Если до него ученые расшифровали отдельные буквы или выяснили некоторые моменты, то он открыл систему египетской письменности, установив, что ее душой являлся звуковой принцип. Он расшифровал большую часть иероглифов, установил соотношение между иероглифическим и иератическим письмом и их обоим с демотическим, прочел египетские слова и целые тексты и перевел их, вскрыл закономерности древнеегипетского языка, составил его словарь и грамматику. Разумеется, и Шампольон не избежал отдельных ошибок и неточностей, но он добился таких результатов, что об этом ученом можно сказать: он воскресил мертвый, забытый письменный язык древних египтян!

Это был фантастический успех. Теперь, в эпоху электронных классификаторов и счетных машин, нам трудно оценить его в полной мере. Даже фундаментальная научная подготовка не позволила Шампольону подойти к решению проблемы прямым путем: ему пришлось преодолевать множество чужих и собственных заблуждений. Прежде всего он исчерпал и отверг Горополлоиа и все опыты расшифровки, основанные на его концепции. Оставался один путь: признать, что среди иероглифов могли быть и знаки, передающие звуки. Это и сделал Шампольон. Уже в 1810 году (еще до Юнга) он высказал мнение, что такими фонетическими знаками могли писать чужеземные имена. А в 1813 году Шампольон предположил, что для передачи суффиксов и префиксов египетского языка тоже использовались алфавитные знаки, и даже указал на один такой знак-букву...

Но затем Шампольон отказался от этих правильных предположений, так как к мысли о существовании звуковых иероглифов он пришел почти интуитивно и считал, что они играют незначительную роль. И он снова возвращается к тому, что иероглифы — это не звуковые, а только смысловые знаки.

Однако в 1820 году Шампольон правильно определяет последовательность видов письма (иероглифика — иератика — демотика), и снова встает вопрос об иероглифах. К этому времени было уже точно установлено, что в самом позднем виде письма — демотике — имеются знаки-буквы. И вот на этой твердой научной основе Шампольон второй раз приходит к мысли, что звуковые знаки следует искать и среди самого раннего вида письма — иероглифики. Чтобы доказать это, он исследует на Розеттском камне царское имя «Птолемей» и выделяет в нем 7 иероглифов-букв. Изучая копию иероглифической надписи на обелиске из храма Исиды (остров Филе), он находит имя Клеопатры. В результате его анализа Шампольон определил звуковое значение еще пяти иероглифов, а после прочтения имен других греко-македонских и римских правителей Египта увеличил иероглифический алфавит до девятнадцати знаков.

Однако вполне возможно, что такими иероглифами-буквами передавали лишь имена поздних чужеземных правителей Египта, а настоящие египетские слова писались незвуковым способом!..

Снова начинаются поиски среди надписей и папирусов в надежде найти доказательства более древнего применения египетского алфавита. По счастливому стечению обстоятельств Шампольон получал зарисовки, сделанные в Египте его другом архитектором Гюйо.

14 сентября 1822 года на одной копии иероглифической надписи из скального храма в Абу-Симбеле, в Нубии, Шампольон заметил картуш с четырьмя иероглифами. Первый знак (солнечный диск) символически изображал бога солнца, по-коптски читался «ре». Два одинаковых последних — уже известные алфавитные знаки «с». Второй иероглиф мог означать «м». Следовательно, все имя в целом читалось «Ремсс», или «Рамсес», т. е. имя могущественного фараона XIX династии, по Манефону.

Не веря своим глазам, Шампольон схватил другую таблицу с картушем, в котором было заключено три иероглифа. Первый из них (священная птица ибис) символически изображал бога луны Тховта. Два других были уже известные звуковые знаки для «м» и «с». Так было написано имя еще более древнего царя XVIII династии — великого завоевателя Тутмоса.

Шампольон добился своего. Он доказал, что наряду с символическими знаками уже в глубокой древности египтяне употребляли алфавитные иероглифические знаки, и впервые без помощи греческого текста прочитал два древнеегипетских слова. Осознав случившееся, он от счастья потерял сознание. «Я добился своего!» — только и успел воскликнуть он.

Оправившись от потрясения, Шампольон написал «Письмо господину Дасье об алфавите фонетических иероглифов». Жозеф Дасье, филолог и друг Шампольона, секретарь Академии надписей и изящной словесности, незамедлительно передал письмо в Академию. 27 сентября 1822 года Шампольон предстал перед членами Академии с изложением и доказательством правильности своей расшифровки.

В этом «Письме» он рассказал о методе своего исследования и сделал заключение, что у

египтян была полуалфавитная система письма, так как они, подобно некоторым другим народам Востока, не выписывали гласных. Шампольон даже высказал предположение, что европейское алфавитное письмо произошло от древнеегипетского. В 4824 году великий ученый опубликовал свою основную работу об иероглифах — «Очерк иероглифической системы древних египтян». Лишь в 1828 году Шампольону посчастливилось собственными глазами увидеть каменные чудеса на Ниле. Однако до издания своих трудов — «Египетской грамматики» (1836) и «Египетского словаря в иероглифическом написании» (1841) ученый не дожил. Обессиленный, без средств на существование и лечение, он умер 4 марта 1832 года от апоплексического удара. Сделал он меньше, чем хотел, но больше, чем кто бы то ни было другой из египтологов до него.

Имя Шампольона стало бессмертным. И поныне каждый египтолог в своей работе опирается на фундамент, заложенный этим ученым.

Шампольон был первым человеком, который появился в Египте со знанием языка древних египтян. Все остальные до него, начиная с арабских завоевателей и кончая учеными из Египетской комиссии, стояли перед надписями на храмах, статуях и обелисках, будучи не в состоянии прочесть их. Только Шампольон мог сделать это, мог перевести их, а благодаря своему знанию истории Древнего Египта еще и истолковать.

В Египет Шампольон прибыл в июле 1828 года во главе научной экспедиции, организованной французским правительством, которое предоставило в распоряжение ученых два корабля — «Исида» и «Хатор». Корабли пришвартовались в Александрии. «Я поцеловал Египетскую землю, — писал Шампольон, — впервые ступив на нее после многолетнего нетерпеливого ожидания». Затем он отправился в Рашид и отыскал место, где был найден Розетт-ский камень, чтобы «поблагодарить египетских жрецов» за благодарственную надпись 196 года до н. э., которая сыграла «исключительно важную роль в расшифровке иероглифов». Против течения Нила, частично под парусами, а «при безветрии влекомый канатами феллахов, как во времена фараонов», добрался он до Каира и бросил якоря своих кораблей в узком рукаве реки между островом Гезира и Гизе. Он спешил к пирамидам. Вот такими Шампольон и представлял их себе, такими их рисовали и карандашом и в рассказах Денон и Жомар. «Контраст между величиной постройки и простотой формы, между колоссальностью материала и слабостью человека, руками которого возведены эти гигантские творения, не поддается описанию. При мысли об их возрасте можно вслед за поэтом сказать (речь идет о словах Леконт де Лиля, относящихся к значительно более молодым постройкам в Риме): „Их неистребимая масса утомила время“». В Саккара, которую Шампольон посетил во время осмотра развалин Мемфиса, ему посчастливилось сделать значительное открытие. Его сотрудник Лот выкопал возле полуразвалившейся пирамиды камень с иероглифической надписью. Шампольон прочел на нем царское имя и отождествил его с именем последнего владыки V династии, Онноса, которое было известно ему из сочинения Манефона. Прошло полстолетия, прежде чем подтвердилась правильность его догадки. Пирамида действительно принадлежала этому правителю, имя которого мы ныне читаем как «Унис».

Впрочем, подробно Шампольон пирамидами не занимался: ведь в Египте было еще столько других древних построек, овеянных легендами! А главное — построек, покрытых надписями, больше всего манивших его... После постигшего его разочарования в Мемфисе, от прославленных храмов и дворцов которого осталось лишь несколько развалившихся стен (десятиметровая статуя Рамсеса II, ныне содержащаяся в специальном павильоне, в то время была наполовину засыпана, а известный алебастровый сфинкс еще скрывался под землей), Шампольон со своими коллегами отплыл на юг. В Эль-Амарне среди развалин (как оказалось впоследствии, города Ахетатона) Шампольон обнаружил остатки храма (Египетская комиссия ошибочно считала их остатками городского склада). В Дендере он наконец увидел первый сохранившийся египетский храм. Шампольон добрался до него ночью: «Даже не буду пытаться описать глубокое впечатление, которое произвел на нас этот большой храм, и в особенности его портик. Конечно, мы могли бы привести его размеры, но описать его так, чтобы у читающего сложилось правильное представление о нем, попросту невозможно... Мы пробыли там два часа, находясь в большом возбуждении, обошли залы, и при бледном свете месяца я пытался прочесть надписи на внешней стене». Однако после подробного изучения храма возбуждение улеглось и взял верх ученый: «Хотя эта постройка и является великолепным произведением архитектуры, но скульптурные ее украшения выдают самый дурной вкус. Да простит меня прославленная Комиссия, но дендерские рельефы отвратительны, иначе и быть не может, ведь они относятся к эпохе упадка (к периоду поздних Птолемеев и римлян). В ту пору скульптура уже деградировала, но архитектурное искусство, менее подверженное переменам, сохранило свое благородство, достойное египетских богов и восхищения всех столетий».

Из Дендеры Шампольон направился в Луксор, тогда не слишком приглядный городишко, возникший на развалинах древних Фив. Посетил на набережной храм Рамсеса и Аменхотепа, перед которым тогда еще стояли два обелиска (позже, в 1836 году, один из них был увезен в Париж, где по сей день украшает площадь Согласия), и большой храм бога Амона в Карнаке, причем определил отдельные этапы его длительного строительства, посетил гробницы в Долине царей и развалины храма Хатшепсут. «Все, что я иидел л Фивах, приводило меня в восторг, все эти постройки на левом берегу, хотя они бледнеют в сравнении с гигантскими каменными чудесами, окружавшими меня на правом... Порой кажется, что древние египтяне мыслили масштабами людей ростом в сто футов!» Затем, осматривая все вокруг тем же восторженным и одновременно критическим взглядом ученого, он продолжил со своими коллегами путь на юг, к порогам Нила, к Элефантине и Асуану, к храму Исиды (на острове Филе, или Пилак), прелестный Траянов павильон которого был для Шампольона «на самом деле всего лишь римским». И всюду он копировал надписи, тут же их переводил и истолковывал, сравнивал архитектурные стили и устанавливал различия между ними, определял, к какой эпохе относятся те или иные находки. Он делал открытие за открытием и продвигался вперед одновременно на всех фронтах, притом в составе экспедиции у него был лишь один помощник — его итальянский последователь и друг Ипполито Розеллини из Пизы. «Могу со всей ответственностью заявить,— писал Шампольон на рождество 1829 года,— что наши знания о Древнем Египте, особенно о его религии и искусстве, значительно обогатятся, как только будут опубликованы результаты моей экспедиции».

Полтора года провел Шампольон в Египте. Прошел его из края в край, в арабском одеянии, с бритой головой и в большом тюрбане, в мягких желтых сапожках; для остальных членов экспедиции это был лишь костюм, для него — мимикрия, давшая ему возможность полностью слиться с народом Египта. Благородные беи и простые феллахи называли его «Мой брат!», что для приверженцев пророка вовсе не пустая фраза. В любой самой жалкой деревушке знали о нем, знали, что он «вернул речь мертвым камням». Однако в своей лихорадочной деятельности он допустил непоправимую ошибку: совсем забыл о себе. «Он превратил ночи в дни»,— как сказал о царе Менкаура Геродот. Только Шампольон тратил время не на пиры, а на работу. Изнурял себя, не раз получал солнечный удар, дважды его без сознания выносили из подземных гробниц, но, едва придя в себя, он снова туда возвращался. При таких нагрузках даже целебный египетский климат не мог вылечить его от туберкулеза. Когда в декабре 1829 года он вернулся домой, дни его были сочтены. Он успел обработать результаты экспедиции, но опубликовал их уже Розеллини.

Для только что родившейся науки египтологии экспедиция Шампольона имела основополагающее значение; кроме того, она послужила примером для подражания. Прусский король Фридрих Вильгельм IV, который, как и его предшественники, во всем руководствовался парижской модой, а в лучшие минуты изображал из себя мецената, с «благоволением и интересом» принял предложение Александра фон Гумбольдта, знаменитого путешественника и естествоиспытателя, тоже организовать экспедицию в Египет. Король обещал ее участникам «отеческое и монаршее благоволение, в том числе и необходимую финансовую поддержку», и словно в доказательство того, что «никогда ни в чем не умел добиться серьезных успехов, кроме как в искусстве выставить себя на посмешище», выдвинул условие: экспедиция должна укрепить на Великой пирамиде написанную иероглифами табличку с его именем и всеми его титулами. Гумбольдт, приняв во внимание обещанную сумму в размере 30000 талеров, разумеется, принял его условие и тут же предложил поставить во главе экспедиции Рихарда Лепсиуса.

«Это сын одного из ваших чиновников, надворного советника,— ответил Гумбольдт на вопрос короля, кто это такой.— Исключительный человек. Учился в университетах Лейпцига, Гёттингена, Берлина. Историк, знаток древних языков, археолог. В Париже занимался у учителя Шампольона Сильвестра де Саси, в Турине — у коллеги Шампольона Розеллини, для господина Летрона подготовил материалы для книги по истории Египта». Это была исчерпывающая информация, лишь одного в ней недоставало: этот человек родился в 1810 году, т. е. ему было тридцать лет, и он мог показаться королю неоперившимся юнцом. На случай, если бы король спросил его об этом, у Гумбольдта был готов ответ: он не только подающий большие надежды ученый, но и способный организатор, а главное — приверженец новшества, известного, правда, еще древним грекам и майя, но которое может иметь значение для повышения боевых качеств солдат его величества. Дело в том, что он занимается спортом, как называют это англичане, особенно плаванием, коньками и альпинизмом. А если бы и этого было недостаточно, у Гумбольдта на руках был последний козырь: Лепсиус вдобавок хороший шахматист и пианист. Учитывая личные пристрастия короля, это могло стать решающим аргументом. Но дальнейших вопросов не последовало, и Лепсиус получил назначе-

ние. А в придачу к нему обещание короля, что он прикажет изготовить красивые вазы для Мухаммеда-Али и напишет ему личное послание.

После двухлетней подготовки Лепсиус пустился в путь и 18 сентября 1842 года оказался в Александрии. Его экспедиция состояла из восьми человек, которых он выбирал так, как делается в подоонных случаях: эксперт по вопросам архитектуры Эрбкам был его двоюродным братом, остальные члены — друзьями молодости. В отличие от Шампольона он не взял с собой повара, зато взял духовного пастыря, тоже старого приятеля. Для экспедиции были характерны строгость и дисциплина, с местными жителями члены экспедиции держались корректно, но без излишнего панибратства, вместо тюрбанов и галабий⁷ носили одежду европейского покроя и цилиндры. Вазы и послание короля сотворили чудо: Мухаммед-Али, которого игнорировали все европейские монархи (по крайней мере с марта 1811 года, когда он позвал 480 мамелюкских беев на пир по случаю примирения и тут же приказал своим телохранителям перебить всех на месте), был настолько польщен таким вниманием, что подписал фирман, дававший Лепсиусу «неограниченное право на любые раскопки и исследования, где только он пожелает». Да еще предложил ему воинский эскорт, а затем выдал ему фирман — «генеральное разрешение на вывоз всех добытых древностей и вообще любых предметов», даровав этот фирман «своему другу и родственнику королю Фридриху Вильгельму IV из Пруссии».

Лепсиус наилучшим образом воспользовался своими привилегиями и полученными деньгами. Он пробыл в Египте более трех лет (до декабря 1845 года) и добрался до самой Нубии. Под воинской охраной он работал спокойно, без всяких эксцессов, измерял, наносил на карту, составлял документацию, перерисовывал, вел подробный дневник раскопок, во всем действовал методично, с вошедшей в пословицы немецкой пунктуальностью. Интересно отметить, что на все полевые работы, включая жалованье рабочих и оплату транспортных средств, ушло 36400 талеров (примерно 100000 позднейших марок), тогда как на публикацию результатов экспедиции потребовалось 80 000 талеров. Трофеи были исключительными как по количеству материальных находок, так и по количеству полученных научных сведений. Привезенные Лепсиусом древние предметы, многие из которых он спас от известковой печи, легли в основу великолепной египетской коллекции Государственного музея в Берлине, эти экспонаты и поныне остаются гордостью музея. С приобретенными сведениями он ознакомил мир в сотнях научных работ, и особенно в двенадцатитомных «Памятниках Египта и Эфиопии» (1849—1859), которые по праву были названы «внучатыми отпрысками» «Описания Египта». Лепсиус разрешил ряд вопросов египетской филологии, мифологии, истории искусства, но наибольший вклад он внес в установление египетской исторической хронологии. И хотя в исходной ее дате, как мы теперь знаем, ошибся на тысячу лет (а Шампольон на две тысячи), все же внес порядок и ясность там, где другие видели лишь хаос имен без указания дат. Из отдельных эскизов о жизни Древнего Египта он создал картину его истории, разделив ее (по Манефону) на три эпохи — Древнее, Среднее и Новое царства. Этого деления мы придерживаемся по сей день. Лепсиус больше, чем кто бы то ни было до него, преуспел в отгадывании загадок, связанных с пирамидами. Он определил имена ряда их обладателей и время правления каждого, выяснил, что пирамиды строились в эпоху Древнего и Среднего царств, а в Новом уже не строились. В период своего полугодового пребывания на месте прежнего Мемфиса, или Меннефера, он изучил поля пирамид от Абу-Роаша до Лишта и Иллахуна, описал 64 пирамиды, 30 из них открыл сам. Правда, дальнейшие исследования на протяжении последующих ста лет показали, что ряд объектов, которые он принимал за пирамиды, были постройками другого типа и, наоборот, в иных полуразрушенных постройках он не распознал пирамид, однако это отнюдь не принижает его заслуг. Прочесал он, разумеется, и окрестности Гизе, а на Великой пирамиде укрепил табличку с именем и титулами своего монарха, добавив к иероглифам прусскую орлицу и железный крест. Впрочем, на этой исхоженной земле он задержался ненадолго, а занялся обследованием менее изученных пирамид в Абусире, Медуме и Саккара. Лепсиус был первым, кто наметил этапы эволюции пирамиды: от древнейшей формы царской гробницы с плоской крышей к гробнице со ступенчатой надстройкой и гробнице в виде правильной пирамиды. Он создал также интересную теорию «постепенного роста» пирамиды, по которой ее величина зависела от длительности правления того или иного фараона. И хотя сейчас наука отказалась от этой теории, в то время это был шаг вперед, потрясший устаревшие представления, что заслуживает полонштабельной оценки. «Поля пирамид в Мемфисе, — писал он в „Сообщении министерству о приобретениях и результатах экспедиции“ вскоре после того, как в 1845 году вернулся на родину, — явили нам картину египетской цивилизации в те древнейшие времена, которые впредь следует считать первым отрезком изученной истории человечества... Древние династии египетских правителей отныне предстают перед нами уже не просто рядом ничего не значащих, забытых и сомнительных имен. Теперь мы уже можем подходить к ним без прежних, вполне

обоснованных сомнений; их последовательность установлена и подвергнута критической проверке, а даты их существования соотнесены с определенными историческими эпохами. Более того, перед нами предстала картина процветания народа под их властью, и весьма часто они сами выступают в своей индивидуальной исторической реальности».

После Шампольона и Лепсиуса исследователи пирамид уже не довольствовались только выяснением технических данных. Перед ними открылась возможность узнать об этих постройках значительно больше, чем знали Геродот и Плиний, и сообщить об этом всем, кто не мог сам прочесть иероглифы.

Ученых нового поколения уже не удовлетворяли кратковременные экспедиции. Завершить изучение пирамид можно было только в рамках комплексного археологического обследования. Приходилось ориентироваться на длительное пребывание в Египте, отдавать стране на Ниле тело и душу. Так они и поступали, эти добровольцы на службе науки, одержимые страстью к открытиям и пренебрегающие опасностями и неудобствами. Во главе их стали французы Мариетт, Масперо и де Морган, англичанин Флиндерс Питри, немец Борхардт. Позже на смену им пришли швейцарец Навиль, итальянец Барсанти, англичане Квибелл и Фёрс, американцы Литгоу и Рейснер, французы Лорэ, Жекье и др.

Огюст Мариетт (1821 — 1881), родом из Булони (в молодости — учитель французского языка в Англии, рисовальщик образцов лепт на одной английской фабрике, преподаватель коллежа в Булони), приехал в Египет осенью 1850 года в качестве сотрудника Луира с целью купить кое-какие коптские рукописи. В Каиро он поднялся на цитадель, и вид горизонта, окаймленного силуэтами пирамид, так восхитил его, что он принял решение остаться в Египте и заниматься не сделками с перекупщиками, а изучением его древних памятников. Начав их розыски, Мариетт был поражен, не поверил собственным глазам: тысячелетние сфинксы украшали сады богачей, вазы и рельефы валялись на базарах и в лавчонках с сувенирами, колонны с великолепными капителями разбивались и попадали в известковые печи, расшатавшиеся плиты сбрасывали с пирамид для развлечения туристов. У него создалось впечатление, что Египет производит массовое разрушение и распродажу своих памятников, и он был прав. Хуже и печальнее всего было то, что сами египтяне словно бы соперничали между собой, способствуя разграблению своей страны. Разные предприимчивые люди проводили раскопки такими методами, над которыми покачал бы головой и Бельцони: ради нескольких барельефов разворачивали целые гробницы, отламывали головы статуй, распиливали саркофаги и продавали кусками, Мариетт был поражен и решил приложить все усилия, чтобы хоть что-нибудь сохранить. Будучи иностранцем, он всюду наталкивался на вполне понятное недоверие, однако после семилетних терпеливых и настойчивых усилий он добился того, что слабая власть решила продемонстрировать силу. Хедив Сайд, сын Мухаммеда-Али, запретил самовольные раскопки и вывоз предметов древности и поставил Мариет-та во главе Службы древностей Египта, учреждения, которое было создано для осуществления надзора за раскопками и памятниками старины и организации археологических исследований. В 1857 году Мариетт организовал музей в каирском предместье Булак. Его непрестанно разрастающиеся коллекции стали основой знаменитого Египетского музея, в 1902 году получившего новое здание на нынешней главной площади Каира Тахрир. Благодарный Египет поставил Мариетту памятник более чем в натуральную величину, который стоит и поныне. Мариетт удостоился и других почестей, из коих при своем веселом характере, вероятно, выше всего оценил бы то, что в Саккара довольно приличный ресторан назван «Домом Мариетта»; он перестроен из дома Мариетта в том месте, где ему удалось совершить самые значительные открытия. Мариетт не только сохранил уже обнаруженные памятники древности, но и открыл новые. Осенью 1850 года, обследуя саккарские гробницы к северо-западу от пирамиды Джосера, он увидел торчавшую из песка голову сфинкса. Откопал ее и прочел на постаменте надпись, славившую священного быка Аписа, которого в Мемфисе считали воплощением бога Птаха. Мариетт вспомнил Страбона. По свидетельству последнего, здесь тянулась «аллея сфинксов». Она вела к храму и месту погребения этих быком, по-гречески называемому «Серапеум». Мариетт нанял нескольких феллахов, взялся вместе с ними за лопату и отрыл еще 140 сфинксов или их остатков. Таков был итог годичного труда, не раз прерывавшегося из-за всяческих помех. Сфинксы и в самом деле образовывали аллею, которая привела его к месту подземного погребения. Оно было высечено в скале, имело длину с востока на запад 200 метров и представляло собой широкую галерею со множеством боковых коридоров и ниш. Ниши предназначались для саркофагов с мумиями быков. В главном коридоре Мариетт нашел двадцать четыре таких саркофага, и все пустые. Каждый весил 60 — 70 тонн и был вытесан из одного куска гранита. В боковых коридорах он обнаружил и деревянные саркофаги с останками быков, всего их было 28, кроме них там оказался саркофаг с мумией верховного жреца бога Птаха — Хаэм-весе, сына Рамсеса II. Самые древние

саркофаги быков относятся к царствованию Аменхотепа III из XVIII династии, самые поздние — к периоду правления последних Птолемеев, т. е. между крайними временными рубежами здесь диапазон в 1600 лет. На каждом из этих огромных саркофагов иероглифами обозначено, кто был фараоном и верховным жрецом при жизни того или иного быка, какие события тогда произошли. Новые тексты, проливающие свет на египетскую историю!

Вслед за текстами в Серапеуме Мариетт обнаружил и другие свидетельства истории Египта. В 1865 году он открыл гробницу сановника Чи, самую красивую и сохранившуюся лучше всех из саккарских гробниц. Великолепные многоцветные рельефы, своим тончайшим рисунком производившие впечатление настенной живописи, изображали не только самого сановника Чи, фигура которого всегда втрое, а то и вчетверо крупнее, чем фигуры людей более низкого звания, но и картины повседневной жизни его эпохи: весь земледельческий цикл от посева до жатвы; корабли, бороздящие воды и стоящие на рейде; охоту на бегемотов и рыбную ловлю, убой домашнего скота и выделку кож, сбор натуральных податей и наказание деревенских жителей; ремесленников за работой, в том числе каменщиков и стеклодувов, писарей и рисовальщиков; карликов с обезьянами и собаками, короче говоря, все, что происходило вокруг сановника Чи. Эти изображения, несмотря на элементы стилизации, были так реалистичны, что позволили установить, какими орудиями и инструментами пользовались тогдашние земледельцы и ремесленники, какие приемы они применяли, а также чего у египтян в ту эпоху не было. В какую эпоху? И тут мы подходим к самому интересному. Гробница Чи относится к XXV веку до н. э., ко времени правления самой выдающейся IV династии, к периоду строительства пирамид. А сам Чи и был начальником всех царских работ, «руководителем строительства пирамид и охранителем вечных мест».

Открытие гробницы Чи было значительным вкладом Мариетта в исследование пирамид, и притом далеко не единственным. Он открыл много других гробниц с подобными же свидетельствами давних эпох, среди которых особенно выделялась гробница Птаххотепа, вельможи времен V династии. Владелец ее, возможно, был автором прославленного «Поучения», одного из древнейших произведений мировой литературы. Кроме того, Мариетт начал изучение так называемой «ложной пирамиды» близ Медума, одной пирамиды в Лиште и нескольких малых пирамид близ Саккара, где ему посчастливилось сделать значительное «негативное открытие». На юге Саккара его внимание привлекло необычное строение, которое Лепсиус и Перринг считали неоконченной или частично разрушенной пирамидой. Арабы называли ее «Мастаба фараун» (скамья фараона). Она была каменная, заполненная внутри, стены косые, обложенные турским известняком. На первый взгляд она и верно не отличалась от полуразрушенных пирамид, но, подробно изучив ее, Мариетт выяснил, что это гробница фараона в форме колоссального саркофага. Владельца гробницы Мариетт еще не мог правильно определить, но теперь (после работ Жекье в 1924 году) мы знаем, что выстроить ее повелел царь Шепсескаф, последний правитель IV династии. Наверняка у него были какие-то основания, чтобы не походить на своих предшественников — Менкаура, Хафра и Хуфу. Очевидно, и у Мариетта были свои основания, когда он вычеркнул его гробницу из списка пирамид.

Гастон Масперо (1846—1916) и Жак де Морган (1857—1924) вступили на почву, уже подготовленную Мариеттом, как его преемники в должности генерального директора Службы древностей Египта и директора Египетского музея; они могли более быстрыми темпами продолжить изучение пирамид. Помимо увлечения работой в поле их объединяла удача, помогавшая им делать открытия.

Масперо в 1880 году проник в сильно поврежденную пирамиду на юге Саккара и в погребальной камере обнаружил настенные иероглифические надписи; их дешифровка показала, что это гробница фараона Пиопи II из VI династии. Итак, была обнаружена пирамида с надписями, хотя Мариетт всегда утверждал, что «пирамиды немь»! Воодушевленный этим открытием, Масперо проник и в соседнюю пирамиду, тоже оказавшуюся гробницей периода VI династии и с надписями, а в 1881 году вскрыл еще одну небольшую пирамиду в самом центре Саккара. В желтоватом свете керосиновой лампы он увидел то, что ныне посетители могут с восхищением наблюдать в сиянии неоновых ламп: двускатные потолки подземных помещений усеяны сотнями голубых звезд, стены покрыты прекрасно сохранившимися сине-зелеными иероглифическими надписями. Саркофаг оказался пуст, но из надписей Масперо узнал, что в нем был похоронен последний царь V династии, Унис, который правил Египтом в конце XXV века до н. э. Чуть далее к северу он проник в пирамиду, которая, как ему удалось выяснить, принадлежала царю Тети из VI династии, а немного южнее он добрался до пирамид, служивших гробницами преемникам Тети; в их подземных помещениях он снова обнаружил иероглифические надписи. Чтобы скопировать и издать эти «Тексты пирамид», Масперо отказался на время от поста директора Службы древностей и

Египетского музея. Поступок, который характеризует его лучше всяких слов.

Де Морган совершил первое свое открытие в Египте в 1893 году. Неподалеку от пирамиды Тети он нашел необычайно большую гробницу времен Древнего царства. Всего в ней было 32 помещения, выстроить ее повелел для всей своей семьи Мерерука — верховный жрец царя Тети. В Абусире де Морган обнаружил гробницу вельможи Птахшепсеса, который сделал карьеру от парикмахера до *чати* (т. е., по нашей терминологии, до «первого министра») царя V династии Сахура. Головокружительные карьеры бывали во все времена, но для нас эта гробница интересна прежде всего тем, что в 1960 году концессию на ее обследование получил Египтологический институт Карлова университета в Праге. Обследуя пирамиды, де Морган сосредоточил свое внимание на несколько забытой области в окрестностях Дашура. В марте 1894 года он произвел зондаж полуразвалившейся северной пирамиды из необожженного кирпича. Оказалось, что она принадлежала царю Сенусерту III из XII династии (эпоха Среднего царства). В ее ареале де Морган нашел четыре гробницы дочерей фараона; при расчистке коридоров он снова сделал открытие, ставшее сенсацией мирового масштаба. Хотя гробницы были разграблены, однако древние грабители забыли часть погребальной утвари или спрятали ее в углу, а де Морган этот клад нашел. Когда позднее он обследовал южную пирамиду, которая принадлежала царю Лменемхету III из этой же династии, то, к немалому сиюму удивлению, выяснил, что этот нравителг, пренебрег' собственной пирамидой и повелел похоронить себя в другой пирамиде близ Фа-юмского оазиса. Третье открытие Моргана, сделанное в 1895 году, оказалось еще более сенсационным: в скромной пирамиде царя Аменемхета II он обнаружил два нетронутых саркофага царских дочерей Ити и Хнумит со всеми их драгоценностями и амулетами... Клад, которому 4000 лет, т. е. почти на тысячу лет больше, чем тому, что принадлежал Тутанхамону!

Дашурские клады пробудили новый интерес к пирамидам, но одновременно несколько заслонили исследования, не ослеплявшие блеском золота и драгоценных камней. В 1894 году Служба древностей направила Г. Готье и Г. Жекье в Лишт, примерно в шестидесяти километрах южнее Каира, чтобы они произвели раскопки двух холмов, которые почти ничем не отличались от окружающих дюн, но чем-то привлекли внимание Масперо. Прошло всего несколько дней, и в северном холме были обнаружены остатки пирамиды царя XII династии Аменемхета I, а в южном — остатки пирамиды его наследника Сенусерта I. Однако работы пришлось прекратить из-за самого неожиданного препятствия: подземелья пирамид среди безводной пустыни были залиты грунтовой водой. Затем Э. Навиль опознал в Фиванском некрополе, по соседству с храмом Хатшепсут в Дейр-эль-Бахри, развалины заупокойного храма царя Ментухотепа I из XI династии. Средняя часть храма первоначально кончалась пирамидой. Следы совсем маленьких пирамид он нашел и близ Долины цариц в Дейр-эль-Медине, над гробницами чиновников, служивших во времена XIX и XX династий. В 1900 году Эмиль Шассина обнаружил развалины настоящей царской пирамиды близ Абу-Роаша, в десяти километрах се-веро-западнее Гизе. Она была построена по приказу царя Джедефра из IV династии. Близ Завиет-эль-Ариана, в пяти километрах к югу от Гизе, А. Барсанти нашел остатки сразу двух пирамид: первая была не завершена и, вероятно, принадлежала царю Хпба (конец III династии), вторая — только начата. Огромный проем в се фундаменте местные феллахи называют «Хурл Искандер» («Александрово жерло»), а гиды приписывают его происхождение Александру Великому. В действительности это следы работы Барсанти, которого тоже звали Александр (Алесандро).

Французские ученые опубликовали результаты своих работ в ряде научных и популярных книг, которыми утвердили в глазах общественности свою гегемонию на полях пирамид: например, Мариетт — «Путевые заметки о Верхнем Египте, включая описание древних памятников по берегам Нила» (1872); Масперо — «Надписи саккарских пирамид» (1894); де Морган — «Раскопки в Дашуре» (1895—1903) и т. д. Однако их гегемонии в конце XIX века бросил вызов англичанин Питри, прославленный знаток пирамид и вообще всего Египта, автор почти тысячи книг, статей и рецензий, многие из которых способны увлечь и неегиптологов. Это относится уже к его первым работам — «Пирамиды и храмы Гизе» (1883), «Десять лет раскопок в Египте, 1881—1891» (1892), а также в большой-степени к его (ныне уже отчасти устаревшей) трехтомной «Истории Египта» (1894—1895). Уильям Мэтью Флиндерс Питри (1853—1942) провел в Египте сорок шесть лет своей долгой жизни, более двадцати последующих лет он занимался Египтом в своем кабинете в Лондонском университете. Питри собрал о прошлом Египта такое количество сведений, каким не обладал до него никто. Он «был специалистом по любому вопросу» во всем, что касалось Египта: от самого малого — миниатюрных скарабеев⁸ до самого большого — пирамид. С молодых лет он интересовался естественными науками и историей; восемнадцати лет в качестве геодезиста производил измерения в Стонхендже⁹, двадцати четырех — опубликовал труд по метрологии. Интерес к Египту привил ему отец, большой поклонник астронома Пиацци Смита; о нем мы еще услышим. В 1864 году Смит издал книгу о Великой пирамиде, где объявил ее своего рода «каменной библией», в

пропорциях которой якобы зашифрована «судьба человечества». Питри-старший мечтал проверить и дополнить измерения Смита, чтобы подтвердить верность его выводов; Питри-младший, в 1879 году отправившийся в Египет, своими измерениями и научными трудами полностью опроверг эти выводы. Но это была мелочь в сравнении с тем, что он совершил там позднее (поначалу как исследователь на собственный страх и риск, а с 1910 года как директор Британской археологической школы в Египте). В дельте Нила, близ деревни эль-Нигруши, он открыл греческое поселение Навкратис, относящееся к концу VII века до н. э.; среди развалин древней столицы Таниса обнаружил храм бога Сета; близ Канторы на Суэцком канале нашел крепость Саисской эпохи и ее значительно более древнее основание; в Иллахуне и на восточной оконечности Фаюмского оазиса нашел остатки прославленного Лабиринта; кроме того, на территории первой египетской столицы, Мемфиса, откопал второго по величине сфинкса. Питри провел археологические работы более чем в тридцати пирамидах, пять пирамид он вскрыл и установил их принадлежность, а из одной вынес клад. Но главное — он добыл сведения, позволившие объяснить технику и организацию их строительства.

«Чудесное жилище я устроил в гробнице, вытесанной в скале,— пишет он по поводу своей работы у Великой пирамиды.— Приделал только дверь и оконную раму, поставил этажерку, повесил гамак из рогожи — в общем устроился так комфортабельно, что лучшего желать не приходилось... Около девяти утра я начинал работу. Когда мы делали замеры, мой слуга Али держал над теодолитом зонтик, чтобы предохранить его от солнца, до моей спины тень уже не доходила. Али устраивал себе полуденный отдых, а я старался работать как можно дольше. Когда темнело, я собирал инструменты, аккуратно складывал их в гробнице, а слугу отпускал. Около шести или семи я разжигал костер и углублялся в расчеты, пока в котелке не закипала вода, затем ужинал (какой-нибудь суп, матросские сухари и помидоры, которые в Египте великолепны, немного шоколада), после десятичасовой работы без еды и питья все это казалось чрезвычайно вкусным и шло только на пользу. Вечернее умывание⁴, и я опять садился за расчеты и просиживал над ними примерно до полуночи... Во время раскопок я вставал рано, на рассвете. При обследовании Великой пирамиды я всегда выходил на работу вечером, как только удалялись туристы, и с сонным Али в качестве ассистента трудился до полуночи, а то и до утра; так получалось, что иногда я работал... по четырнадцати часов без перерыва». Позже, когда в обиход вошли автомобили, он заказал для работы в более отдаленных местах автобус, который, учитывая вкусы жены, «снабдил граммофром и оборудовал еще уютней, чем свою гробницу в Гизе».

Близ Гизе Питри работал с декабря 1880 по апрель 1882 года, девять месяцев из этого времени он посвятил Великой пирамиде. Измерил ее точнее и полнее, чем инженеры Наполеона и Пиацци Смит. В 1883 году Питри со своими инструментами отправился к саккарским и дашурским пирамидам; вернувшись, он отдал должное «добросовестности и основательности своих французских коллег». Питри нашел для своих «игр» нетронутый песочек в Фаюмском оазисе, где была столица и некрополь царей XII династии. В 1888 году в двенадцатиметровом холме близ деревни Хавара-эль-Макта он откопал остатки кирпичной пирамиды; поскольку вход в нее обнаружить не удалось (вопреки всем обычаям на северной стороне его не), пришлось прорыть туннель. После неимоверного труда и всяческих неприятностей с рабочими Питри проник наконец в погребальную камеру, затопленную грунтовыми водами; под водой он обнаружил ограбленные саркофаги Аменемхета III и его дочери Неферутях. Близ деревни Иллахун в следующем таком же холме Питри откопал кирпичную пирамиду фараона Сенусерта II с пустым саркофагом, но «красивейшим из всех, которые относятся к Среднему царству». В 1890 году он отправился к «фальшивой пирамиде» в Медуме, где еще Масперо нашел саркофаг, и начал изучать ее внутреннюю структуру, а затем в окрестностях открыл развалины маленького храма. Имя владельца «фальшивой пирамиды» он не смог определить даже по косвенным признакам; ныне считается, что ее начал строить последний царь III династии, Хуни, а закончил отец и предшественник Хуфу — Снофру. Позднее, вместе с Э. Маккеем, он отрыл две пирамиды времен Среднего царства в Мазгуне, близ Дашура; возможно, что они принадлежали царю Аменемхету IV и царице Себекнефрура — последним правителям XII династии. Из усыпальницы кирпичной пирамиды в Иллахуне, где была погребена одна из дочерей царя Сенусерта II, он позднее вместе с Ги Брайтоном и мисс М. А. Мюррей извлек знаменитые «сокровища Иллахуна». Но это было уже в 1920 году. К началу нашего века из больших полей пирамид неизученным оставалось лишь одно — абусирское. Концессию на него от правника Мухаммеда-Али получил правнук Фридриха Вильгельма IV, который был уже не прусским королем, а германским императором. Самые большие надежды на успех возлагало имперское военное министерство, оно даже предоставило рельсы для вывоза песка и трофеев, причем даром (стоило это примерно столько же, сколько двенадцать минут

артиллерийского огня во время битвы под Верденом). Как известно, далеко идущие надежды германского военного министерства не оправдались, зато результаты, которых добились немецкие ученые, превзошли все ожидания. Можно сказать, что своей работой они открыли новый и последний этап в изучении пирамид, завершившийся уже в наши дни.

Немецких археологов привел в Абусир Людвиг Борхардт (1863—1938), выдающийся архитектор, ученый и организатор, а такое счастливое сочетание многих качеств встречается не часто. Он был учеником блестящего египтолога, берлинского профессора Адольфа Эрмана, создавшего новую концепцию изучения древнеегипетского языка, был знаком с Лепсиусом (тот умер в 1884 году), а в Египте продолжал традиции братьев Генриха и Эмиля Бругшей, известных работников Службы древностей Египта и Египетского музея. Борхардт, так же хорошо разбирался в египетских надписях, как в архитектуре и изобразительном искусстве, не упускал деталей и хорошо схватывал целое, умел видеть вещи в их взаимосвязи; как руководитель прекрасно подобранного коллектива специалистов он на практике осуществил то, что позднее стало называться «комплексными работами». Ничего сенсационного об этих работах Борхардт в своих дневниках не написал: велись они планомерно и методически, «без нежелательных инцидентов, которые называются приключениями».

Семь сезонов работал Борхардт на абусирском поле, начиная с его предварительного осмотра осенью 1901 года и кончая вывозом дарованных находок в 1908 году, и изучил там три большие пирамиды эпохи V династии — пирамиды царей Сахура, Нефериркара и Ниусерра. И не только сами пирамиды, местами более чем на половину засыпанные песком, с их подземными коридорами, камерами и т. д., но также заупокойные и долинские храмы, дороги, каменные ограды и вообще все, что было вокруг пирамид (в том числе и два солнечных храма царей Ниусерра и Усерка-фа). Вместе со своими сотрудниками и рабочими он в буквальном смысле слова просеял весь песок, перебрал крупинку за крупинкой до многометровой глубины и на площади в несколько квадратных километров. Первым из археологов Борхардт провел систематическое обследование всего некрополя египетских царей, составляющего гигантский комплекс построек вокруг пирамиды, которая была лишь одной из составных частей архитектурного целого. Впервые он рассматривал пирамиду не как изолированную постройку, а в связи с другими сооружениями, связанными с посмертным культом царей, и впервые реконструировал весь этот комплекс. По его макетам и рисункам люди XX века могут представить себе эти гигантские творения рук древних египтян отчетливее, чем их видел Геродот!

Ученые оценили успехи Борхардта, комплексное изучение полей пирамид в Абусире; необходимо было также изучить и остальные поля пирамид. То, что пирамиды были окружены храмами и другими постройками, специалисты по Египту знали в общем-то довольно давно, а многие из этих построек были уже открыты. Но теперь египтологи приступили к их комплексному изучению, снова зазвенели кирки там, где, казалось, уже все известно. Британские археологи Дж. Э. Квибелл и С. М. Фёрс отправились в Саккара и тщательно перекопали ее от пирамиды Тети до пирамиды Джосера, а затем передвинулись на юг, к пирамиде Пиопи II. В 1906 году в Египте высадились первые археологи из Америки; нью-йоркский Метрополитен-музей отправил экспедицию в Лишт под руководством А. М. Литгоу и А. С. Мейса, объединенная экспедиция Гарвардского и Бостонского университетов под руководством Дж. А. Рейснера обосновалась в Гизе. Они оставались там до тридцатых годов, когда эстафету приняла экспедиция Пенсильванского университета, возглавлявшаяся А. Роу и получившая концессию на изучение поля пирамид в Медуме. Между тем в Гизе пришли немцы (в 1901!) под руководством Э. фон Зиглина), а в Саккара с 1914 года опять работали французы — П. Лако, В. Лоро, Г. Жекье и др., в 1926 году к ним присоединился Ж.-Ф. Лауэр, который работает там и поныне. В тридцатые годы в изучение Древнего Египта впервые включились и сами египтяне¹⁰: Селим Хасан (1886—1961), к которому перешло руководство раскопками в окрестностях пирамиды Униса, и Абд эс-Салям, позднее специалистов и, подобно Борхардту, методично и успешно, не вызывая, однако, большой шумихи. Ведь они были уже не первыми, они не находили золота и драгоценностей, их не постигало «проклятие фараонов»... Исследователи этой второй волны не снискали такой славы, какая выпала на долю пионеров, но их работа была отнюдь не беднее ни драматическими моментами, ни волнующими событиями. В 1920 году Фёрс провалился в шахту, из которой вел ход в пирамиду правительницы Ипут, еще в 1897 году открытую В. Лоре; вскоре он обнаружил по соседству с ней еще одну, малую пирамиду. В 1924 году Фёрс, наоборот, был вынужден капитулировать перед ступенчатой пирамидой в Дашуре, ибо даже с помощью современной техники он не смог добраться до ее нижней камеры, а прибегнуть к динамиту не хотел. С 1926 по 1935 год Жекье открыл под

наносами песка полдюжины неизвестных ранее пирамид: три малые пирамиды супруг Пиопи II, каменную пирамиду царя Иби из VII или VIII династии и две большие кирпичные пирамиды, окруженные заградительными плитами. Одна из них, на самом юге саккарского поля, принадлежала царю Хинджеру из XIII или XIV династии, т. е. относилась к периоду, последовавшему за распадом Среднего царства. Возможно, это была последняя пирамида, построенная в Египте. Но отнюдь не последняя из открытых археологами.

Весной 1951 года внимание молодого египетского археолога Мухаммеда Закарии Гонейма, который незадолго до этого был назначен инспектором саккарского кладбища, привлекло небольшое плоское возвышение юго-западнее пирамид Джосера и Униса. На карте оно было обозначено как естественное плато, но обломки стены, которые Гонейм нашел при осмотре, подтвердили то же, что показывала фотография, сделанная с самолета: плато могли образовать наносы над плоской гробницей. Гонейм получил разрешение на археологические изыскания и 27 сентября 1951 года начал раскопки. 13 конце года он наткнулся на стену ограды, а 29 января 1952 года старший десятник Хофни Ибрагим объявил ему, что рабочие обнаружили угол массивной постройки. Еще до окончания весеннего сезона Гонейм уже был уверен, что открыл пирамиду. Дальнейшие раскопки показали, что это была пирамида того же типа, что и пирамида Джосера, но недостроенная. 31 мая 1954 года Гонейм вступил в погребальную камеру и нашел в ней нетронутый алебастровый саркофаг. По картушу на посмертных предметах он выяснил, что эта пирамида принадлежала царю Сехемхету, сыну и наследнику царя Джосера. Значит, это была вторая из самых древних пирамид в Египте!

Через четверть века после открытия Гонейма из песка вновь показались остатки до сих пор неизвестной пирамиды, на этот раз — на «вдоль и поперек перекопанном» абусирском поле. Открыли ее чехословацкие египтологи. Мирослав Вернер, который после смерти З. Жабы и Ф. Вагала стал руководить раскопками, осуществлявшимися чехословацкой экспедицией, на основе аэрофотосъемок и обследования местности пришел к выводу, что южнее пирамиды Ниусерра под тысячелетними наносами скрывается небольшая пирамида, вероятно, принадлежавшая какой-либо из царских жен. Зонды, сделанные в 1976 году, подтвердили, что он не ошибся. Это оказалась пирамида «матери двух царей» начала династии — Сахура и Ниусерра — Хенткавес.

Хотя значение этой пирамиды превосходит ее размеры, она не затмила открытия пирамиды Семемхета. Не только потому, что во втором случае речь шла о более древней да еще царской пирамиде, но, главное, потому, что она была недостроена. Песок законсервировал ее в стадии постройки: обнаженные стены и неубранный участок вокруг свидетельствовали о том, как строились пирамиды, и поставили крест на ряде фантастических, но фанатически отстаиваемых «теорий». Впрочем, эта пирамида не дала ничего нового и не совершила никакого переворота в наших знаниях. Она лишь подтвердила, что к середине нашего столетия мы уже знали о пирамидах все самое главное и существенное.

Что значит все «самое главное и существенное»? Прежде всего, мы знаем, каково было их назначение, как они возникли и с какого времени строились. Далее, нам известно, какова была их эволюция и как они выглядели на отдельных ее фазах; за редкими исключениями, мы знаем также, кто повелел их построить и в какую эпоху. Знаем мы и какова была техника и организация их строительства, И, наконец, знаем, почему и когда их перестали строить.

Этого для нас вполне достаточно. Однако можно еще добавить, что, несмотря на определенные сомнения, мы узнали и многие детали, включая те, что интересуют людей, которые ищут и самой большой пирамиде каменную библию и поддающийся математической расшифровке прогноз истории человечества.

Объем нынешних знаний о пирамидах — это триумф науки, триумф тем более примечательный, что речь здесь идет не о каких-нибудь насущных нуждах человечества. Его можно сравнить с восхождением на Эверест или достижением полюса, практической пользы такой триумф в себе не заключает. Это заслуга не только первооткрывателей и исследователей пирамид, о которых мы здесь говорили, но и большого многонационального коллектива египтологов, в большинстве своем людей совсем иного типа. Не считая кратковременных посещений Египта, они проводили жизнь в учебных кабинетах далеких университетов; их не палило жгучее африканское солнце, песок пустынь не проникал им в легкие, не скрипел на зубах; они не носили в карманах сыворотку против змеиных укусов, но работали над теми же проблемами и с тем же рвением. Чем менее драматичным на вид казался их труд, тем больше требовал он интеллектуального напряжения; за достигнутые успехи приходилось платить дорогой ценой. Если археологи в пустыне нередко поддавались депрессии и чувству одиночества, то эти ученые при своих внешне спокойных занятиях нередко кончали

инфарктом. Каждая наука имеет своих героев, и египтология не исключение.

Трудно определить степень участия отдельных египтологов в окончательной разгадке тайн пирамид — ведь в науке (и не только в науке) все взаимосвязано, взаимообусловлено и взаимозависимо, одно рождается из другого. Однако первое место тут, бесспорно, занимают ученые, завершившие изучение языка и памятников письменности древних египтян, ибо этим они создали предпосылки для познания истории пирамид. В первом поколении после Шампольопа к ним принадлежали французы Э. де Руже и Ф. Шаба, англичанин С. Порч и русский В. С. Голенищев, из более поздних — англичане А. Х. Гар-динер и Ф. Л. Гриффит, немцы А. Эрман, Г. Грапов, К. Зете и француз Г. Лсфопр. Далее следуют ученые, которые создали великую синтетическую картину истории Древнего Египта (хотя поначалу и с известными неточностями). Главными их представителями после Г. Масперо и Г. Бругша были французы Э. Дриотон и Ж. Вандье, немцы Э. Мейер и Г. Штейндорф, американец Дж. Г. Брэстед и русский Б. А. Тураев. К ним примыкают также историки древнеегипетской экономики, государства и права, изобразительного искусства, литературы, религии и т. д., их немало, но выдающееся место в их ряду занимают советские ученые В. В. Струве, М. Э. Матье, Ю. Я. Пепелкин, М. А. Коростовцев и др., из чехословацких ученых — Франтишек Лекса (автор известного труда о египетской магии и первой демотической грамматике) и Ярослав Черный (крупнейший знаток иероглифического письма, один из наиболее авторитетных египтологов последних десятилетий). Из следующего поколения ученых мы назовем только трех, работы которых ныне являют собой последнее слово о пирамидах: это француз Ж.-Ф. Лауэр, автор «Монументальной истории египетских пирамид» (1962), его соотечественник Ж. Вандье, автор «Руководства по египетской археологии» (1952—1954), и англичанин И. Э. С. Эдварде, автор синтетического труда «Пирамиды Египта» (1947, 1961). Египтологи стремились показать на примере пирамид, что на свете существуют лишь непознанные вещи, но нет непознаваемых вещей.

Завеса загадок с пирамид снята. Теперь ничто не мешает нам осмотреть их с точки зрения современных научных знаний. Но разве мы удовольствуемся их осмотром? Разве нам достаточно знать их величину, названия, а также кто и когда повелел их строить?

Но если нам хочется узнать о них больше, необходимо немного освежить в памяти наши знания об истории Египта. О его политическом и хозяйственном укладе, о его культуре, о материальной и идейной базе, на которой выросли пирамиды. Без всего этого их нельзя понять. Впрочем, такой экскурс в тысячелетние глубины Древнего Египта и сам по себе весьма заманчив.

II. ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ ИЗ ЦАРСТВА МЕРТВЫХ

Глава V БЕГЛЫЙ ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ ЕГИПТА

Даже самый краткий экскурс в историю Египта вынуждает нас совершить один из длительнейших спусков в глубины прошлого. Впрочем, возможно, не самый длинный: если за границу между историческим и доисторическим периодом существования человечества принять наличие письменных памятников, то начало истории Месопотамии лежит, по-видимому, еще на одно-два столетия глубже. Никто другой соперничать с Египтом во временной протяженности истории не может. Она достигает примерно 5000 лет!

Древний Египет со всей своей славой и с оборотной стороной этой славы погребен под наслоениями многих культур и государственных образований, на которых вырос современный новый Египет. В историческом вихре веков границы Египта нервнократно менялись, но ядро оставалось тем же. Оно представляло собой территорию, изображенную на карте в виде цветка лотоса: стебель цветка — окруженное с двух сторон узкой полосой зелени длинное русло Нила, а чашечка — дельта Нила. На этой территории и в нескольких оазисах, из которых самый большой Фаюмский, проживало, да и жилет по сей день, все население Египта. На заре истории оно насчитывало сотни тысяч человек, во времена расцвета древних царств — несколько миллионов, в прошлом веке оно сократилось до миллиона; сейчас в Египте более 40 миллионов жителей, и ежегодный прирост равен миллиону. Плотность населения здесь очень большая; вся обитаемая область занимает около 40 тысяч кв. км (меньше Словакии), меньше 1/20 всей территории Египта, равной 1 млн. кв. км. Жизнь в Египте расцветает там, где есть вода; там же, где иссякает последняя ее капля, начинается пустыня. Мертвая, каменистая и необозримая — от взгляда на нее становится жутко и в то же время захватывает дух: к западу от Нила находится Ливийская пустыня, к востоку — Аравийская. Сейчас точно так же, как и тысячелетия тому назад.

«Даром Нила» назвал Египет Геродот, а египтяне Нил — «рекой, дающей жизнь». Это самая длинная река в мире, она течет только в пределах Египта без единого притока на протяжении 1200 км. Каждый год Нил выходит из берегов, дабы напоить измученную жаждой почву и удобрить ее илом. Белый Нил, который берет начало в больших озерах Экваториальной Африки, несет из тропических лесов траву и листья со множеством перетлевших органических веществ, Голубой Нил — оказавшиеся в воде вулканические породы, попавшие в нее вместе со снегом и дождем в горах Эфиопии. Таким образом, Нил не размывает почву Египта, а, наоборот, наносит новые слои с высококачественными органическими и неорганическими удобрениями. Уровень воды в нем поднимается и опускается так регулярно, что этим можно было бы руководствоваться при составлении календаря. Первую волну поднимают весенние дожди в верховьях Голубого Нила, и она достигает Каира в «ночь вод» с 17 на 18 июня. Оливково-коричневая река постепенно становится коричнево-бурой, и уровень воды в ней неуклонно поднимается до 26 сентября, затем он начинает спадать, и в начале декабря Нил обретает первоначальный уровень и окраску. Разница между наивысшим и самым низким уровнем воды в Древнем Египте достигала пяти с лишним метров; сейчас из-за плотин, которые удерживают часть наносов, эта разница уменьшилась. Она колеблется в пределах трех метров, что соответствует шести локтям — именно такую разницу древние египтяне считали оптимальной. «Большой разлив без разрушений» они восхваляли как чудо, «годы песчаных берегов» были для них голодными.

Нил со своими наводнениями и наносами испокон веков имел решающее значение для египетского сельского хозяйства, которое было и, собственно, поныне остается основой египетской экономики. Несмотря на сухой жаркий климат, река позволяла получать высокие урожаи зерна и овощей, причем почти без вегетационной передышки, орошала земли, поила людей и скот. По всей вероятности, Древний Египет был богаче зеленью, чем современный; кроме пальмовых рощ, которые мы привыкли видеть на его горизонте точно так же, как пирамиды или минареты, его украшали густые рощи акаций и тамариска, шелестящие заросли папируса и благовонного лотоса. Разнообразнее была и дикая фауна; до сих пор здесь водятся фламинго, пеликаны, антилопы, газели и все виды рыб, которые известны нам по древним барельефам и рисункам. Со львами, бегемотами, слонами, носорогами и (за исключением Нубии) крокодилами мы теперь можем встретиться только в каирском зоологическом саду; было бы, пожалуй, приятно, если бы то же самое можно было сказать и о змеях, скорпионах, пауках и назойливой мошкаре. Из полезных ископаемых Египет богат только камнем, в особенности песчаником, алебастром, базальтом, диоритом и гранитом; металлами он всегда был беден. Такое же значение, как для сельского хозяйства, имел Нил и для транспорта. Он связывал северную и южную части страны, создавая предпосылки для ее экономического и политического единства.

Первых больших успехов древнеегипетская цивилизация и культура также смогли достичь только благодаря Нилу. Прибрежные охотники и пастухи наблюдали за поведением Нила и постепенно учились использовать реку. Они начали строить оросительные каналы, тем самым окончательно превращаясь в земледельцев. Регулярность наводнений побудила их отмечать уровень воды, чтобы предвидеть ее подъем; эти отметки, возможно, стали одним из импульсов, способствовавших изобретению письма. Строительство каналов дало толчок к возникновению такой науки, как геодезия; изготовление чертежей и расчеты, необходимые для восстановления разрушенных наводнением каналов, ускорили развитие геометрии. Сельскохозяйственное производство, основанное на орошении, потребовало кооперации труда большого числа людей, качественно отличавшейся от взаимной помощи охотников и пастухов. Развитие сельскохозяйственного производства позволяло лучше удовлетворять жизненные потребности; росла численность населения, развивались производительные силы, возникли предпосылки для второго значительного разделения общественного труда — для разделения сельского хозяйства и ремесла. Кооперация в сельском хозяйстве вызвала и ранее неизвестную дифференциацию внутри общества: появились предшественники современных метеорологов, агрономов и планировщиков. Эти специалисты ревниво охраняли свои знания, и в конце концов они образовали особую касту, которая отделилась от остального населения и добилась значительных, освященных религией привилегий¹. С увеличением богатства земледельческих поселений росло могущество традиционных вождей, которые должны были обеспечивать защиту от нападений и организовывать завоевательные походы. Дружины этих вождей, получавшие за свою службу наделы завоеванной земли, также выделились в особую касту «земельной аристократии» (по-египетски *nam*; остальное непривилегированное население называлось *rexum*). Так на новом экономическом базисе, становым хребтом которого был Нил, постепенно возникла новая, специфическая для Египта политическая и идеологическая надстройка, более высокая и прогрессивная, чем любая иная в тогдашнем мире, за исключением Шумера в Месопотамии.

Эта эволюция началась в Египте еще в доисторический период, где-то на рубеже VI и V тысячелетий до н. э., и была, несомненно, достаточно сложной и медленной. Протекала она в условиях почти полной изоляции: на западе и на востоке Египет был отрезан от остального мира пустынями, на севере — морем, на юге — порогами. Этой изолированностью (внешние влияния проникали с трудом и в незначительной мере) и объясняется весьма примечательное своеобразие египетского общества и египетской культуры, а также их отличие от общественного строя и культуры Месопотамии, не говоря уж об обществах и культурах на Инде и Янцзы.

Своеобразие и неповторимость Древнего Египта — причина его особой притягательности и вместе с тем определенной чуждости нам, с которой мы часто не можем примириться ни умом, ни сердцем.

Путешественник, вступивший на почву Древнего Египта, встретит здесь, если только он, разумеется, не египтолог, много неожиданного. Первой и, пожалуй, самой большой неожиданностью для него станут имена и названия. Он привык приписывать им чисто египетское происхождение, а тут вдруг выясняется, что это вовсе не так. Нечто подобное происходит с ним и в современном Египте, когда он вдруг обнаруживает, что арабы пользуются не арабскими цифрами, а какими-то другими, из которых кроме единицы и девятки ему знаком лишь нуль, да и то означающий число пять.

Дреиние египтяне никогда не называли, к примеру, свою страну Египтом. Они называли ее «Та-мери», что означает «любимая земля». Да и сокращенно египтяне не называют свою страну Египтом; со арабское название «Маср» или «Миср». Наше название «Египет» возникло из греческого «Айгюптос», которое, и свою очередь, образовалось из священного названия древнеегипетской столицы Мениефер, или Мемфис. Звучало оно так: Хут-ка-Птах («Усадьба души Птаха») ², а в то время, когда его заимствовали греки, произносилось приблизительно как «Хикупта». На первый взгляд кажется, что в словах «Айгюптос» и «Хикупта» мало общего, но с филологической точки зрения тут все можно объяснить так же, как, например, превращение первоначального греческого названия «Александрия» в современное арабское «Искандерия».

Нил египтяне тоже не называли «Нилом»; это название происходит от греческого «Нейлос». Египтяне не называли его и «Хапи», именем его божества: Хапи был не «богом Нила», а воплощением его плодотворной силы. Нил называли «Итеру», т. е. «Река», так как других водных артерий в Египте нет. «Дельта» — тоже название греческого происхождения: разветвленное устье Нила напоминает треугольник, подобный перевернутой греческой букве «дельта».

В современные языки слово «фараон» проникло из греческого, от «фарао», которое, правда, в свою очередь, произошло от древнеегипетского «пер-оа», «большой дом», т. е. царский дворец. Точно так же и имена наиболее известных древнеегипетских правителей, включая тех, кто создал пирамиды Гизе, вошли в сознание потомства, как нам уже известно, в греческом звучании. Поскольку тут речь идет о собственных именах, египтологи употребляют их в начальном звучании и стремятся сделать этот принцип общеупотребительным.

Вообще с именами египетских правителей дело обстоит довольно сложно, и эта сложность — еще один сюрприз Древнего Египта. Полная титулатура египетского царя состояла из нескольких «великих имен». В древнейшие времена у каждого властителя было три «великих имени», позднее — пять. Первое имя — так называемое «имя Хора» — царь получал в качестве земного воплощения бога Хора, первоначального мифического властителя Египта. Второе имя — так называемое имя «Обеих владычиц» (по-египетски Небти) — символизировало тождественность царя двум богиням-покровительницам Египта — Нехебт из Верхнего Египта и Уаджит из Нижнего Египта. Третье имя, появившееся в более поздние времена, — так называемое имя «Хора золота»; происхождение и значение его до сих пор не удалось определить. Четвертое имя (в позднейшие времена — третье) переводится как «относящийся к тростинке и пчеле» (по-египетски Ни-сут-бити); это, по всей вероятности, название знаков или гербов Верхнего и Нижнего Египта, которые характеризовали царя как «властителя Обеих земель». Пятое (личное) имя царь имел как «Сын солнца» (по-египетски Са-Ра), т. е. бога Ра. На практике пользоваться полной титулатурой было неудобно и часто приводилась лишь часть ее. На полное «протокольное» имя с соответствующими величальными формулами у опытных каменщиков, которые выбивали его на стене храма, уходила примерно неделя.

Но это еще не все. Проблема состояла в том, что в некоторых документах приводилось (или сохранилось) только одно имя, в других два или три, но все они могли принадлежать как одному и тому же правителю, так и нескольким. Причем авторы древних документов и позднейшие историки произвольно выбирали то или иное из этих имен. Например, издавна были известны правители Нечри-хет и Джосер, но в 1899 г. удалось установить (по надписи, найденной на острове Сехель у

Первых нильских порогов), что Нечрихет — это «имя Хора» царя Джосера и речь в данном случае идет об одном и том же правителе. Или другой пример. Диодор хвалил «гробницу Осимандия» в Фивах (Уасете); Денон считал ее «самыми романтическими развалинами в Египте», а Шелли посвятил ей довольно большое стихотворение. Расшифровка надписей и остроумная догадка в конце концов позволили установить, что Осимандий — это греческая транскрипция позднеегипетского произношения первоначального Усер — Маат — Ра Сетеп-эн-Ра, т. е. часть имени Рамсеса II Великого.

Человека, посетившего Египет, удивляет и даже раздражает, что египтологи ко всему добавляют: «примерно», «вероятно». Мы часто не сознаем, что многое им известно с недостаточной степенью достоверности, а многое неизвестно совсем. К глубокому своему сожалению, они, например, вплоть до конца I тысячелетия до н. э. не могут предоставить в наше распоряжение точные даты. Причина проста: у египтян не было календаря с исходной датой (например, у греков такой датой была «первая олимпиада» — 776 год до н. э., у римлян — «основание города» — 753 год до н. э.) и свои документы они всегда датировали лишь от времени вступления на трон нового правителя. Поэтому можно знать, что случилось на том или ином году правления Аменхотепа III или IV, но определить, сколько лет прошло к тому времени от начала нашего летосчисления, нельзя. Кроме того, их «гражданский год» не совпадал с солнечным. Он делился на три сезона («Наводнение», «Всходы», «Сушь»), состоящих из четырех месяцев по тридцати дней; это составляло 360 дней, к которым добавляли пять дней праздников. Солнечный же год примерно на $\frac{1}{4}$ суток длиннее. Таким образом, в течение каждых четырех гражданских лет возникало отставание на день по сравнению с солнечным годом. Начала солнечного и гражданского египетских годов совпадали один раз за период в 1461 год (так называемый период Сириуса, по-египетски Сотиса). В этот день утренний восход Сириуса над Мемфисом совершался одновременно с началом разлива Нила — началом нового года. Сохранились записи о трех таких совпадениях, ибо это были события, которые торжественно праздновались. Если взять за основу римскую запись Цензорина (III в.), то эти совпадения восхода Сириуса и дня нового года падают на 139 год н. э. и 1321, 2781 и 4241 годы до н. э. Вычисленные на этой основе даты стали впоследствии «точкой Архимеда», на которую опирается хронология египетской истории.

Тем не менее египтологи неохотно приводят «абсолютные даты». Дело в том, что некоторые списки правителей, имеющие для египетской хронологии основополагающее значение, утрачены, на других умышленно зачеркнуты и переправлены отдельные даты правления (например, опущены правители, ввавшие в немилость у своих более сильных противников или преемников), на многих списках не указана продолжительность царствования тех или иных царей, а дается лишь их хронологическая последовательность. Кроме того, выяснилось, что порой в разных частях Египта одновременно правили разные цари, хотя в записях они представлены так, будто один наследовал трон другого. Зато многие даты можно было довольно точно определить на основе синхронных событий в странах, с которыми Египет имел отношения, например, по дипломатической переписке, по сообщениям о некоторых военных походах в нынешнюю Палестину и Сирию и т. д. Многие даты древнейшей истории удалось более или менее надежно установить с помощью данных археологии, некоторые даже с применением так называемого радиоуглеродного метода. Но здесь еще много неточностей; и для наиболее древнего периода нам приходится мириться с отклонениями ± 150 лет, для позднейшего ± 50 лет. Первая, признаваемая большинством египтологов «абсолютная» дата в истории Древнего Египта — 689 год до н. э., начало правления властителя Тахарки из XXV династии; в древнейшем периоде истории Египта относительно точно определено лишь начало правления царя Сенусерта III из XII династии (1881 год до н. э.). Однако полное согласие между всеми египтологами существует только относительно даты завоевания Египта персами (525 год до н. э.). Ученым пришлось приложить огромные усилия, чтобы в этой пропасти веков установить хронологические ориентиры, и не удивительно, что путь египтологии к истине вымощен ошибками в тысячу лет и более. Особенно на ранних стадиях развития египтологии исследователи относили события египетской истории гораздо дальше в глубь веков, чем это соответствует истинному положению в свете новых данных и методов. В качестве примера можно привести попытки установить дату «объединения Египта Мени (Менесом)», которую древние египтяне считали началом своей истории. Шампольон считал этой датой 5867-й год до н. э., Мариетт — 5004-й, Эмиль Бругш — 4455-й, Шаба — 4000-й, Лепсиус — 3892-й, Мейер — 3180-й, Уилкинсон — 2320-й, Пальмер — 2225-й, Штейндорф — 3200-й, Брэдстед — 3400-й, В. В. Струве — 3200-й. Сейчас «долгий» и «короткий» варианты египетской хронологии пересмотрены, и, вероятно, мы не допустим очень большой ошибки, если эту исходную дату египетской истории отнесем ко времени 3000 г. до н. э. ± 150 лет.

При таких обстоятельствах больше всего удивляет тот факт, что, несмотря на пробелы и неточности, египтологам удалось дать в целом достоверную последовательную картину египетской истории. Она возникла на основе огромного количества первоисточников: это надписи правителей и вельмож, анналы, сообщения о военных походах и торговых экспедициях, законоустановления и распоряжения, податные ведомости и документы об уплате налогов, научные и художественные сочинения, религиозные и магические тексты, письма и документы разнообразнейшего характера. Свидетельства памятников письменности дополняют археологические данные, а также письменные и материальные памятники всех стран Ближнего Востока, с которыми Египет имел сношения.

Из массы этих «фактов исторического происхождения» египтологи должны были выбрать и подвергнуть критической проверке «факты, касающиеся самой истории»; хотя такая проверка является составной частью труда всякого историка, применительно к Древнему Египту она была особенно сложной и важной. Египетские цари почитались как боги, потому никогда и ни в чем не могли терпеть неудачу. Таким образом, во всех войнах они неминуемо «побеждали», в каждой дипломатической акции «добивались успеха», были абсолютно непогрешимы во всем, всех превосходили могуществом, доблестью, богатством и т. д. Их придворные хронисты знали, что и как положено писать: поражения превращались в победы, или же о них умалчивали; восторженно описывались сражения, которых вовсе не было; прославлялось мужество царей, даже не показывавшихся на поле битвы. От хронистов не отставали придворные ваятели и живописцы: перед нами изображения, на которых фараоны лично уничтожают сотни врагов, хотя нам известно, что за все время правления они носа не высунули из своего дворца. В творениях этих хронистов и художников редко проникал критический взгляд; в них не найдешь и тени правды, если она неблагоприятна для царя. По крайней мере так обстояло дело при жизни фараонов, о которых эти творения были призваны поведать потомкам.

Нам известна, например, битва при Кадете около 1312 года до н. э., в которой Рамсес II потерпел поражение от хеттов и чудом остался жив³. Известно также, что и последующие его столкновения с хеттами не увенчались успехом и что в конце концов он отказался от намерения покорить их. Но на храме Лиона в Карнаке он приказал вытесать длинный панегирик в честь «победы при Каде-ше», где говорится: «Когда мое войско и колесницы докинули меня, это было худшее из преступлений. Но посмотрите: Амон дал мне победу, хотя со мной не было войска и колесниц. Этот далекий край видел мою победу и мою силу, хотя я был один, без единого знатного, который бы последовал за мной, без единого возницы». Две с половиной тысячи хеттских колесниц атаковали его: «Но я бросился на них. Я был как Монт и сразу же почувствовать им свою руку. Я разил их, убивал, где только ни видел, и один кричал другому: „Это не человек среди нас, это непобедимый Сет, Баал⁴ в его членах! То, что он делает, превышает человеческих сил!“ Еще никогда ни один человек без войска и колесниц не одолел сотен тысяч (врагов)». Такой же панегирик он приказал вытесать и на своем заупокойном храме неподалеку от Долины царей; на пилоне Луксорского храма он приказал запечатлеть себя убивающим под Кадешем хеттов. Поверженных и бегущих в панике врагов изображено там 10900. А поскольку Рамсесу показалось, что и этих трех монументов недостаточно, он приказал в честь той же победы высечь знаменитый скальный храм в Абу-Симбеле... Ничего не скажешь, умел фараон поставить популяризацию своей личности на должную высоту. К этому можно добавить, что хеттский царь Хаттушиль III в конце концов предложил заключить мирный договор. Иероглифическая копия этого договора сохранилась на стене Карнакского храма, а клинописная — на глиняных табличках.

Для нас вполне достаточно краткого обзора того, что специалисты по истории Древнего Египта считают хорошо проверенным и, главное, важным. Мы будем придерживаться и той канвы истории Египта, которую наметил еще Манефон из Себеннита, разделив всех египетских правителей на 30 династий. Эти династии, которые были связаны не по родовому признаку, а по месту происхождения, Леп-сиус разделил впоследствии на три царства и по ним назвал три главных периода египетской истории. В дальнейшем египтологи уточнили периодизацию Лепсиуса, так что ныне мы различаем: доисторическую эпоху (до объединения страны), архаический период (I—II династии), Древнее царство (III—VI династии), первый переходный период (VII—X династии), Среднее царство (XI—XIII династии), второй переходный период (XIV—XVII династии), Новое царство (XVIII—XX династии), Позднее царство (включая Саисский период и эпоху после XXVI династии). Финалом истории Древнего Египта явилась эпоха Александра Великого и Птолемеев (332 год до н. э.— 30 год н. э.), за которой следуют эпохи римская и византийская, завершившаяся в 642 году н. э. завоеванием Египта арабами.

Если предлагаемый нами экскурс в историю Египта покажется заинтересовавшимся читателям

слишком кратким, они могут обратиться к более подробным изложениям— на русском языке прежде всего к главам о Древнем Египте в I и II томах «Всемирной истории», изданной Академией наук СССР, к «Истории древнего Востока» Б. А. Тураева (1935), к «Истории Египта» Дж. Г. Брэстеда (1915).

Территория Египта населена с древнейших времен. Самые древние следы человека, обнаруженные на берегах Нила, оставлены примерно за 10 000 лет до начала нашей эры, древнейшие постоянные поселения возникли не позднее рубежа VI и V тысячелетий до н. э. Радиоуглеродным методом установлено, что зерно из ям для хранения урожая в доисторическом поселении в Фаюмском оазисе относится к 4600—4300 годам до н. э. Это доказывает, что в Египте уже в то время жили оседлые земледельцы, и нет сомнения, что они жили там еще ранее.

Население Египта, из которого постепенно сформировалась древнеегипетская народность, составили местные племена Северной и Восточной Африки. К ним присоединились пришельцы из Тропической Африки и в особенности из Северо-Западной Африки, покинувшие родные места из-за высыхания почвы. В конце концов в долине Нила представители различных племен смешались; где это произошло мирным путем, где не обошлось без насилия и порабощения. Факт смешения племен доказывает антропологический тип древних египтян, элементы которого можно найти как в близлежащих, так и в отдаленных областях Африки. Но отнюдь не в Азии: теории об «азиатском» или «семитском» происхождении древних египтян никогда не были убедительными и полностью отвергнуты современной наукой⁵. Если уж говорить о «расовой принадлежности», хотя это для истории цивилизации и культуры не имеет значения, то можно отметить лишь, что в северных областях больше проявлялись признаки европеоидного типа, а в южных — негроидного. В начале исторического периода существования Египта его обитатели уже образовали единое этническое целое и большую часть своих типических черт сохранили до сих пор. В коптских кварталах да и в мечетях мы порой застываем от удивления: кажется, будто люди вокруг нас только что сошли с древнеегипетских барельефов.

Египетский язык сложился в процессе формирования древнеегипетской народности. За его развитием мы можем проследить с рубежа IV и III тысячелетий до н.э., т.е. с того времени, к которому относятся первые дошедшие до нас памятники древнеегипетской письменности. В эволюции египетского языка мы различаем четыре фазы: староегипетский язык (до XXIII века до н.э.), среднеегипетский, или «классический», язык (до XV века до н. а.), позднеегипетский, или «новоегипетский», язык (до VII века до н. э.) и «демотический» язык (по названию демотического письма большей части памятников VIII века до н.э. — V века н.э.); последней фазой его развития (примерно с III века н. э.) был коптский язык, который удержался как живая речь до XVI века н. э. (и до сих пор существует как культовый язык египтян коптского вероисповедания). Мы включаем его в языковую семью, которую принято называть «семито-хамитской»⁶, его основной словарный фонд присущ только ему одному, но в нем можно найти лексические элементы ливийско-берберской (западной) и кушитской (южной) языковых групп, а также известную родственность с семитскими языками (финикийским, вавилонским, ассирийским). В настоящее время мы знаем свыше 20000 древнеегипетских слов, из которых лишь 300 имеют научно установленную общую основу с семитскими языками; за некоторыми исключениями, нам известно точное значение всех египетских слов. Следовательно, это был чрезвычайно богатый язык, обладающей развитой синонимикой. Хотя египетский язык давно относится к числу мертвых, многие его слова живут в современных языках, куда они попали через посредство древнееврейского и греческого. К числу наиболее распространенных относятся «папирус», «оазис», «ибис», «эбонит», «базальт», «натр», «химия»; из имен — Сусанна⁷.

Египтяне были первым народом, который изобрел письменность, и, что надо отметить, самостоятельно. Уже первые памятники египетской письменности говорят о том, что их письмо представляет собой законченную систему, явившуюся продуктом длительного развития. Эти памятники написаны иероглифическим письмом, которое так называли греки (от *hieros* «священный» и *glyfo* «тесать»), познакомившиеся с ним по надписям на храмах. К несколько более позднему времени относятся памятники скорописного иератического письма (от *ierateos* «жреческий», так как в греко-римское время им преимущественно пользовались жрецы для записей в храмовых книгах). Обе эти формы письменности в своей основе одинаковы, но иератическая была проще и использовалась не для монументальных надписей, а для обычного письма на папирусе и остраках (известняковых и керамических обломках). В VII веке до н. э. к этим двум видам письменности прибавилось значительно упрощенное курсивное письмо, которое греки называли демотическим (от *demos* «народ»).

Иероглифическое письмо использовалось почти 3500 лет, т. е. много дольше, чем клинопись или латинский алфавит. Последняя иероглифическая надпись относится к концу IV века н. э.

Иероглифическое письмо, из которого развилось иератическое и демотическое, имело свыше 700 наиболее употребительных знаков, часто очень сложных и причудливых. Первую и, очевидно, наиболее древнюю группу знаков составляли так называемые идеограммы, т. е. знаки, которые передавали отдельные слова посредством изображения предметов или действий; их фонетическое значение было связано с названиями этих предметов или действий. Вторую группу составляли так называемые фонограммы, т. е. знаки, имеющие прямое фонетическое соответствие; 24 из них обозначали согласный звук, свыше 150 — комбинацию нескольких согласных звуков⁸. Поскольку в египетском письме не обозначались гласные, слова, написанные этими знаками, могли иметь различное значение: например, «П—Р» могло читаться как «пер», что означало «дом», или как «пире», что означало «выходить». Эту двусмысленность или многозначность устраняла третья группа знаков, так называемые определители (в первом случае к знакам «П—Р» пририсовывалась горизонтальная проекция дома, во втором — изображение идущих ног). Этих определителей было больше сотни, они имели чисто визуальное значение и не произносились. Разделительных знаков в египетском письме не было, писать можно было справа налево или слева направо, а в иероглифическом и иератическом письме и сверху вниз. Конечно же, это было письмо очень сложное — и не только для современных дешифровщиков; знание его считалось в Египте своего рода искусством, и профессия писца пользовалась большим уважением. В этой связи нужно подчеркнуть, что изобретение письменности, несомненно, было самым большим вкладом древних египтян в мировую цивилизацию и культуру. Из их иероглифов примерно в XVI веке до н. э. возникло синайское письмо, из него в XIV—XIII веках до н. э. финикийское письмо, из него через посредство арамейской письменности не позднее IX века до н. э. греческий алфавит, а из последнего латинский алфавит и славянская азбука. В очертаниях некоторых греческих и латинских букв мы легко обнаруживаем признаки египетского происхождения.

Итак, история Египта начинается вместе с первыми письменными документами, причем начинается сразу как история объединенного государства, чему предшествовало объединение деревень и поселений, рассеянных вдоль Нила и первоначально независимых друг от друга. Иногда более сильные завоевывали более слабых, иногда малые объединялись против крупных. Причиной тому было обыкновенное стремление расширить свою территорию, но к нему присоединялись интересы, которые постепенно стали преобладающими: использование нильских наводнений и строительство единой оросительной системы. Подробности нам неизвестны, но то, что египетская почва тогда впитала немало человеческой крови, не вызывает никаких сомнений.

Постепенно образовалось несколько десятков мелких государств, отзвуком существования которых было позднейшее деление Египта на области (египетское их название «сенат», а греческое — «ном»). В IV тысячелетии до н. э. в результате объединения на территории Египта возникли два крупных политических объединения: Верхний Египет на юге и Нижний Египет в Дельте. Они существовали, вероятно, длительное время, так как их самостоятельность нашла отражение в административном делении, сохранявшемся на всем протяжении истории Древнего Египта. Властитель Египта носил титул «царя Верхнего и Нижнего Египта», а одним из символов его власти был «пшент» — «двойная корона», возникшая в результате соединения «белой короны» Верхнего Египта с «красной короной» Нижнего Египта.

Классовое общество и государство сформировались в Египте примерно в то же время, что и в Месопотамии, и на тысячу лет раньше, чем в Европе (в Греции и Риме). С этим ранним возникновением классового общества и государства контрастирует их последующее медленное развитие. Таким образом, более древний общественный строй Египта (так же как и Месопотамии) остался в историческом плане более низким, чем позднейшее общественное устройство античной Греции и Рима.

Но хотя экономическое и общественное развитие Египта было чрезвычайно медленным, хотя внутренняя структура и внешняя политика на протяжении тысячелетий оставались почти неизменными, а его искусство после первоначального бурного расцвета настолько застыло, что художественные творения Древнего и Нового царств подчас нельзя отличить друг от друга, все же его история не лишена внутренней напряженности и драматизма.

Согласно преданию, записанному Манефоном, объединитель Египта — царь с личным именем

Мени (Менее), возможно тождественный царям с «Хоровым» именем Нар-мер или Аха, существование которых подтверждено историческими источниками⁹. Столицей Мени был Тин, расположенный в Верхнем Египте, примерно в 400 километрах южнее нынешнего Каира, остатки Тина до сих пор с достаточной достоверностью не идентифицированы. Этот правитель двинулся в Нижний Египет и около 3000 г. до н. э. завоевал его; на границе обеих земель он основал затем новую столицу — Меннефер (Мемфис). Возможно, объединить страну еще раньше пытались властители Нижнего Египта, но, вероятно, успеха добился один лишь Мени.

Мени считается и основоположником I династии египетских царей, к которой принадлежало семь или восемь правителей. Источники называют вслед за ним (а при его тождественности с Нармером или Ахой — вслед за ними) «Хоровы» имена Джер, Джет (или Уаджи), Удиму (или Ден), Анджиб, Семерхет, Каа. От Манефона мы знаем имена десяти царей II династии, из других источников — еще двух, но надежно подтверждены опять-таки лишь семь или восемь из них — с «Хоровыми» именами Хетеп-сехемуи, Небра, с личными именами Унег, Сенд и с «Хоровыми» именами Перибсен, Хасехем, Хасехемуи (два последних, может быть, тождественны). Коротко можно сказать, что они укрепили государство политически и экономически, а также вели захватнические войны, в особенности на Синайском полуострове, куда их привлекали медные рудники, и в Нубии, куда их манило золото. Есть основания полагать, что всем этим правителям приходилось подавлять сепаратистские действия внутри страны, еще Хасехем оставил запись о расправе над участниками большого восстания в Нижнем Египте, причем якобы он убил 48205 (или 47 209) мятежников и взял в плен 120000 жителей.

В результате были созданы предпосылки для возникновения Древнего царства, самого древнего в истории: оно было почти на пять столетий старше аккадского царства Саргона и почти на тысячу лет старше вавилонского царства Хаммурапи.

Эпоху первых двух династий мы называем «архаической», а к периоду Древнего царства относим правление III—VI династий. Начало Древнего царства датируется примерно 2700 годом до н. э., конец — примерно 2270 годом до н. э. Таким образом, оно просуществовало приблизительно четыре с четвертью столетия, т. е. почти столько же, сколько Римская империя. По Мемфису, куда его цари перенесли свою резиденцию, эту эпоху называют еще «мемфисской», а по наиболее характерной черте, которой эта эпоха оставила о себе память в истории, — «эпохой строительства пирамид».

Первым властителем Древнего царства был Джосер, основатель III династии египетских царей, правившей около ста лет; по-гречески его называли Тосорфрос. Он продолжал завоевания на Синае и в Нубии и присоединил часть этих областей к Египту, главное же — действительно оставил по себе память на вечные времена. Как мы знаем, он приказал построить на традиционном мемфисском кладбище близ Саккара первую пирамиду, пока еще ступенчатую, но из камня и такого размера, что она до сих пор вызывает восхищение. Его преемником стал Сехемхет, строитель второй пирамиды у Саккара, которая, однако, осталась незаконченной. Манефон приводит имена девяти властителей этой династии, другие источники — больше. Среди них мы встречаем такие, как Небкара, Неферкара, Небка, Санахт, Хаба, Хуни; причем не исключено, что некоторые из них принадлежат одному и тому же лицу, так как одни из этих имен «хоровы», а другие личные. В какой последовательности они правили, мы точно не знаем; можно предположить, что Санахт был предшественником или побежденным соперником Джосера, а Небка — царем IV династии. Ко времени их правления вероятно, относятся две малые ступенчатые пирамиды близ Эль-Куле и Нагады в Верхнем Египте и две недостроенные — в Завиет-эль-Ариае. Хуни, последний властитель этой династии, приказал построить для себя большую пирамиду в современном Медуме, но, судя по всему, не дожил до ее завершения. Об иных деяниях царей этой династии сохранились лишь обрывочные и к тому же противоречивые сообщения.

IV династия правила приблизительно с 2600 до 2500 года до н. э.; с ее царями мы уже встречались не раз. Наиболее подробные сведения мы имеем о первом из них — правителе Снофру, которого Манефон называет Сорисом. В египетской традиции он запечатлен удачливым и добродетельным царем, из исторических источников мы знаем о его войнах в Ливии, Нубии и особенно на Синае, где он завладел бирюзовыми копьями в Гебель-Магаре. По позднейшим сообщениям, он велел закончить пирамиду Хуни в Медуме и приказал заново построить две большие пирамиды в современном Дашуре. После него правили цари Хуфу (полное имя — Хнемхуфу, по-гречески Хеопс), Хафра (по-гречески Хефрен) и Менкаура (по-гречески Микерин), создатели трех самых больших пирамид в Гизе. Вот и все, что нам известно об этих властителях из египетских источников. Пожалуй, еще то, что Хуфу, по всей видимости, предпринял новую экспедицию на Синай. Утверждение Манефона, что каждый из них правил свыше шестидесяти лет, неправдоподобно. Согласно другим сведениям, Хуфу правил 23 года, а Менкаура — 18 лет. Сообщения, или, скорее, исторические анекдоты, о злодеяниях Хуфу и Хафра и добродетели Менкаура основаны на значительно более позднем устном предании и

известны нам уже из греческих записей. Возможно, между Хуфу и Хафра правил еще Джедефра, а после Хафра — Хорджедеф и Рабауф; согласно одним источникам, правление их было очень кратким, другим — они были всего лишь наследниками трона. Джедефра тоже приказал построить пирамиду (в Абу-Роаше), но не успел ее закончить; Хорджедеф является повествователем в «Рассказе о чародее Джели», составной части одного из древнейших произведений египетской (и мировой) литературы — «Сказок папируса Весткар».

В конце царствования этой династии наступил период смуты; может быть, именно к этому времени относятся годы правления царя Небка, причисляемого обычно к III династии; его имя было обнаружено на плитах незаконченной пирамиды в Завиет-эль-Ариане. Последним властителем IV династии был Шепсескаф. В отличие от своих предшественников он приказал построить не пирамиду, а всего лишь довольно низкую мастабу. Создается впечатление, что он хотел отличаться от своих предшественников и местом своего вечного упокоения, выбрав для него неглубокую впадину к югу от Саккара.

Цари V династии вели свое происхождение из Она (Гелиополя), находившегося на месте нынешнего каирского предместья Тель-Хасан, и правили несколько более столетия, примерно с 2500 года до н. э. На мемфисский престол они, вероятно, вступили после борьбы, которая, как можно предположить, велась и при смене предшествовавших династий. Девятерых из них мы знаем по именам. Первым был Усеркаф (по-гречески Усерхерес), после него правили Сахура (Сефрес), Нефериркара (Неферхерес), Шепсескара (Сисирес), Неферефра (Херес), Ниусерра (Рафурес), Менкаухор (Менхерес), Джджедкара (Танхерес) и последний Унис (Оннос). Мы перечислили всех (притом с их греческими именами) потому, что, за исключением правивших слишком короткий срок Шепсескара и Менкаухора, все они повелели построить пирамиды: одни — в Абусире, другие — в Саккара.) Размерами их пирамиды были меньше, чем пирамиды Гизе, но они затратили также значительные средства на строительство солнечных храмов в честь бога Ра, украшая их внушительными, массивными обелисками. Эти цари продолжали традицию военных походов в Нубию, Ливию и на Синай, кроме того, они отправляли и мирные торговые экспедиции в Азию, чаще всего в нынешний Ливан. Из исторических источников известно, что они постепенно реорганизовали внутреннюю административную систему: усилили чиновничий аппарат и во главе государственного управления поставили специалистов нецарских кровей. Сами же, отождествив свою персону с богом солнца Ра, возвысили себя до положения «богов вселенной».

Из VI династии, правление которой началось где-то после 2400 года до н. э., нам известны шесть царей и одна царица. Первого из них, Тети (Офозс), убила личная стража; после краткого царствования его преемника Усеркара на трон взшел Пиопи I (Фиопс), который не давал своим полководцам и воинам бездействовать, посылая их все в новые походы в Нубию и даже в Сирию. О следующем царе, Меренра, мы знаем довольно мало; вероятно, он умер молодым, ибо трон наследовал его шестилетний сын Пиопи II (Фиопс), который якобы дожил до ста лет и уже в те далекие времена поставил почти недостижимый рекорд длительности пребывания у власти. После него на трон, вероятно, вступил другой Меренра, а вслед за ним — и царица Нитокерти (Нитокрис), в существовании которой некоторые историки сомневаются. Все цари VI династии, исключая Усеркара и второго Меренра, оставили после себя пирамиды; Манефон утверждает, что и Нитокрис построила пирамиду, однако ее до сих пор не обнаружили. Все цари по примеру Униса приказали украсить внутренние камеры пирамид надписями; из документов того времени мы впервые в египетской истории узнаем и о некоторых подробностях их жизни, подчас весьма интимных. К сожалению, ни эти, ни поздние тексты ничего не говорят о причинах падения династии. В них встречаются лишь отдельные сообщения, позволяющие сделать вывод, что царская власть ослабла: сановники и местные правители уже не назначались царем, а наследовали свои должности и вели себя довольно независимо. К последним годам правления Пиопи I относятся даже упоминания о двух лжецарях и процессе против царицы. Очевидно, началось разложение государственной власти, и вскоре после того, как столетний царь Пиопи II где-то около 2270 года до н. э. умер, Древнее царство прекратило свое существование.

Древнее царство было великой эпохой египетской истории, в конце ее Египет стал совсем иным, чем был в начале. Столицу теперь окружали десятки пирамид — настоящих холмов из белого и розового камня; рядом с ними простирались огромные храмовые постройки с колонными залами и сотни роскошных гробниц сановников; пустыню пересекали сверкающие на солнце огражденные или крытые дороги из гранита и известняка, соединявшие заупокойные и долинские храмы, среди святилищ возносились к небу обелиски с позолоченными остриями. Эти храмы, гробницы и святилища скрывали в себе бесчисленное множество художественных произведений, жалкие остатки которых

стали теперь драгоценными экспонатами музеев всего мира. Еще в архаический период появились художественная резьба и скульптура, о чем свидетельствуют, например, резная рукоять из слоновой кости, найденная в Ге-бель-эль-Араке (ныне находится в Лувре), палетка царя Нармера из Иераконполя (ныне — в Каире) и небольшие статуэтки, изображающие сидящего фараона Хасехема (ныне — в Каире и Оксфорде). Затем к ним прибавились монументальные каменные рельефы Джосера, Хафра, Менкаура и других властителей, которые своей застывшей неподвижностью как бы демонстрировали царскую неприступность и превосходство над всем миром. Кроме них возникли и такие произведения, как, например, раскрашенные статуи сына Снофру Рахотепа и его супруги Нофрет, групповая скульптура карлика Сенеба и скульптура сановника Каапера («Сельский староста») (ныне все в Каире), а также многочисленные статуи сидящих писцов (в Каире, но наиболее известная — в Лувре). Все эти статуи, так же, как полихромированные барельефы на стенах гробниц, остались неизвестны современникам. Это были предметы помертного культа, произведения, «предназначенные для вечности».

Все достижения египтян за время существования Древнего царства в зодчестве, живописи и ваянии — их собственное открытие и изобретение. Они начинали, так сказать, с нуля. Тем более высокой оценки заслуживают их достижения. Это касается и письменности — самого великого чуда, добытого из глубин египетской истории. На настенных барельефах в гробницах имеется множество объяснительных текстов и диалогов между изображенными особами, чья литературная ценность несомненна. Настоящим и притом совершенно оригинальным литературным жанром, возникшим в Древнем царстве, были так называемые «поучения» — поэтические сочинения, содержавшие жизненные советы, основанные на личном опыте авторов и свидетельствующие об их мудрости, а подчас и немалой хитрости. Автором самого древнего такого «поучения» был, как считается, Имхотеп, верховный сановник царя Джо-сера, следующее «поучение» приписывается сыну Хуфу Хорджедефу, одно из самых больших — сановнику Джебкара Птаххотепу; впрочем, нам они известны из записей более позднего времени. Непосредственно со времен Древнего царства до нас дошли многочисленные жизнеописания высших сановников (Менеса, Уапштаха, Хирхуфа, Птахшепсеса и др.), написанные с соблюдением художественных традиций и содержащие помимо цитат из официальных документов и поэтические вставки. Прямо из пирамид происходят длинные (достигающие десятков метров в длину) поэтические молитвы, заклинания, мифы и гимны в честь властителя; наиболее древние из них относятся к эпохе правления царя Униса.

Однако блестящее развитие культуры и цивилизации в период Древнего царства находилось в остром противоречии с современным ему развитием социальных отношений. Рост производства, военные походы и налоговая система ускоряли процесс имущественной и классовой дифференциации; с исторической точки зрения это, правда, был прогресс, но каким путем он достигался! В стране росло число рабов, которое пополнялось за счет захваченных во время новых завоевательных походов военнопленных; их принуждали трудиться на землях царя, храмов и вельмож, где находила работу и пропитание и часть сельского населения. Эти люди считались свободными, так же как и члены деревенских общин, но фактически были низведены до рабов. Избежать порабощения сумели лишь некоторые ремесленники и руководители работ. Царь и его сановники все более утверждали свое господство над египетским народом, используя исторические, экономические и идеологические средства. В конце концов население лишилось последних прав и никогда уже не смогло вернуть их себе; когда много позже с его положением ознакомились греки, они были не в силах всего этого постичь. При таких обстоятельствах нет ничего удивительного, что египетские цари могли заставить работать на строительстве пирамид сотни тысяч людей, независимо от того, были это формально свободные подданные или рабы. Египетский царь был не только деспотом, но одновременно и богом. Как гласят надписи того времени, вельможи считали особой привилегией, когда им давалось право целовать ноги царя, а «не землю у его ног».

Противоречие между огромной концентрацией власти и богатства в руках верхушки египетского общества и полным бесправием обездоленных народных масс не могло остаться без последствий. Падение Древнего царства это подтвердило. Подробностей мы, к сожалению, не знаем. Как показало дальнейшее историческое развитие, речь шла не только о политическом распаде Египта, но и о полном его внутреннем разложении.

После гибели Древнего царства на Египет пала непроглядная тьма. В стране царил хаос, а на разных тронах царствовало неустановленное число правителей, как предполагают — из четырех разных династий. Причем какой-то авторитет сохраняли еще потомки Интефа в Фивах и некоторые

цари Ненинесута (Гераклеополя) в Фаюмском оазисе".

Из тьмы «переходного периода» Египет вынырнул спустя два долгих столетия, когда началась вторая великая эпоха его истории — Среднее царство (примерно 2070—1790 годы до н. э.). Объединение страны завершил царь Ментухотеп, основатель XI династии, причем, несомненно, после длительной и кровопролитной войны. До недавнего времени историки приписывали этот успех трем различным властителям; однако, возможно, это были всего лишь разные имена одного Ментухотепа, который принимал их последовательно, утверждая свою власть в завоеванных одна за другой областях. Вслед за ним на трон вступили два его тезки. Они удержали и укрепили достигнутое им могущество: обеспечили восстановление и расширение оросительных систем, организовали добычу в сланцевых каменоломнях в Вади-Хаммамате на берегу Красного моря, вновь утвердили египетское господство над Синаем и Нубией. В пору их правления возникло производство бронзы, что позволило усовершенствовать земледельческий и ремесленный инструментарий, а также оружие¹². Египет снова стал великой державой и, согласно одной из характеристик того времени, «цветущим зеленым садом». Впервые засверкала в лучах славы и резиденция новых царей Фивы в Верхнем Египте.

Правление трех Ментухотепов, несмотря на их успехи, завершилось гибелью династии. Около 2000 г. до н. э. троном завладел верховный царский военачальник Аменемхет (Амменемес) и основал новую, XII династию. Аменемхет правил почти тридцать лет, пока его тоже не устранили с трона путем насилия. Историки сходятся во мнении, что он обеспечил Египту подлинное процветание благодаря широкому строительству каналов и освоению новых площадей для земледелия. Хотя Аменемхет был удачливым полководцем, он отказался от новых завоеваний и ограничился укреплением границ; может быть, именно за это его коварно убили (с помощью дам из гарема). После такого урока преемники Аменемхета основное внимание уделяли завоеваниям: Сенусерт I (Сесонхосис) захватил в Нубии новые золотые прииски, Аменемхет II (Амменемес) присоединил к Египту территорию нынешней Палестины и часть Сирии, Сенусерты II и III (Сесострис) подчинили Нубию (вплоть до Третьих порогов). И только Аменемхеты III и IV (Лахарес и Амменемес) вписали свои имена на скрижали истории не завоеваниями, а большими оросительными работами и строительством. Последним властителем XII династии стала царица Собекнефрура (Скемиофрис). Четыре года ее правления были прелюдией нового упадка.

Среднее царство оставило после себя достижения цивилизации и культуры, которые никак не назовешь «средними». Это касается прежде всего строительства, хотя о величайших архитектурных памятниках той поры мы можем судить больше по древним сообщениям, чем по сохранившимся остаткам. Так, династия Ментухотепов украсила Фивы храмами и дворцами, но все они лежат в развалинах или разрушены в результате последующих перестроек. Из построек Ментухотепа I сохранились лишь следы заупокойного храма в нынешнем Дейр-эль-Бахри (на левом берегу Нила, напротив Карнака); он представлял собой небольшую пирамиду, окруженную крытыми колоннадами, за которыми в крутой скале был вытесан украшенный колоннами двор с подземной гробницей. Из построек Сенусерта I сохранился лишь небольшой храмик в Карнаке; но своим современным красивым внешним видом он целиком обязан реконструкции, осуществленной в 1937—1938 годах под руководством французского архитектора А. Шеврье. Властители XII династии выстроили великолепную новую резиденцию Иттауи неподалеку от нынешнего Лишта в Фаюмском оазисе; Геродот еще видел здешний Лабиринт, который оценил выше всех построек Египта и Греции. Сейчас мы уже не можем определить, был ли то царский дворец с канцеляриями сановников или заупокойный храм, хотя окончательному разрушению он подвергся лишь в римскую эпоху. Среди исследователей есть сторонники обеих версий. Название этой постройки, как предполагает большинство ученых, связано с одним из имен Аменемхета III, звучавшим по-гречески Лахарес. В восприятии Геродота оно соединялось с названием столь же прославленной постройки на Крите — лабиринта Ми-носа. В окрестностях новой столицы властители XII династии велели построить и свои пирамиды; развалины их находятся близ современных деревень Лишт, Иллахун, Дашур, Хавара и Мазгуна. Всего нам известно девять пирамид, хотя властителей этой династии было только восемь. Но Аменемхет III приказал построить две пирамиды (в Хаваре и Дашуре). Преимущественно они были из кирпичей и размерами значительно меньше, чем пирамиды IV династии в Гизе.

Изобразительное искусство Среднего царства продолжало традиции Древнего царства; но характерной чертой этой эпохи стало понимание неизбежности гибели мира, который до того считался вечным и неизменным. Сохранились статуи Ментухотепа I, Сенусертов I и III и, среди прочих, прежде всего Аменемхета III (большой частью они находятся в Египетском музее в Каире); хотя эти цари изображены в традиционной позе всемогущих властителей, но в их лицах впервые появляются ранее неизвестные черты, характеризующие не только победоносных полководцев, энергичных

администраторов, но и озабоченных, невеселых людей. Официальная идеализация уступила место реализму; скульпторы уже не считали зазорным изображать властителей, к примеру, с большими ушами, в обычной одежде или передать женские прелести супруги номарха, как об этом свидетельствует статуя госпожи Се-нуи (ныне в Бостоне). В сравнении с прежней художественной манерой ожили и настенные барельефы, особенно передающие бытовые сцены; можно прямо говорить о рождении нового стиля в живописи, где к традиционной точности изображения прибавилась свежесть красок. Выдающегося уровня достигли чеканка по золоту и ювелирное искусство: драгоценности из гробницы Тутанхамона рядом с драгоценностями из дашурских и иллахунских кладов производят впечатление почти декадентской изысканности.

Однако наиболее значительные памятники Среднего царства — тексты, навеки запечатленные на папирусе. Впервые мы встречаемся здесь с произведениями, принадлежащими не к сфере искусства, а к сфере науки. Это прежде всего математические папирусы, которые доказывают, что египтянам в это время (и, несомненно, раньше тоже) были известны десятичная система счета, дроби, способы вычисления площадей и объемов, поверхности шара, решение простых уравнений, точная формула объема усеченной пирамиды с квадратным основанием; к наиболее значительным относятся «Папирус Ринда» (примерно XVII век до н. э., ныне в Лондоне) и «Московский математический папирус» (XIX века до н. э.). Далее папирусы медицинские, демонстрирующие обширные эмпирические познания египтян в области хирургии и врачевания растительными экстрактами (но одновременно и границы их знаний, за которыми начиналось лечение магическими заклинаниями), например «Папирус Смита» (ныне в Нью-Йорке) и «Папирус Эберса» (ныне в Берлине). Затем это папирусы с планами рудников, крепостей и т. д. Своеобразную группу этих письменных памятников образуют «Перечни слов», отдаленные предшественники наших энциклопедий, задачей которых было «перечислить все важные вещи на небе, на земле и на воде».

Художественная литература Среднего царства резко отличается от предшествующей и последующей. В ней отражается утрата прежней веры в постоянство и неизменность общественного порядка; жизненный опыт, приобретенный в период государственного распада, показал ненадежность человеческого существования, возможность и необходимость борьбы с судьбой, неизбежность страданий. Литература стала реалистичнее, человечнее и в соответствии с недавним для того времени историческим опытом нередко приобретала пессимистическую окраску. Это относится и к традиционным «поучениям» и жизнеописаниям, и к новым литературным жанрам, среди которых видное место занимали сказки, рассказы о путешествиях (например, прославленная история о приключениях Синухета), различные «речения» и «пророчества». Многие из сохранившихся произведений позволяют заглянуть не только в душу тогдашних людей, но и в мир их социальных отношений, которые изображены с художественной силой и фактографической точностью. Одно из таких «речений» (время написания его и автор до сих пор не установлены, а повествование в нем ведется от лица некоего сановника Ипувера) проливает свет на положение Египта после падения Среднего царства, когда в стране, лишенной единого правителя, воцарились разруха и анархия.

«Воистину страна повернулась, как на горничной круге... Воистину богатые жалуются, бедные радуются. В каждом городе раздается: „Прогоните могущественных из своей среды! " Воистину уже не узнаешь сына из знатного рода. Дитя супруги высокородного мужа находится не в лучшем положении, чем сын бывшей рабыни. Воистину высокородные госпожи ныне стоят на коленях, как служанки, и дробят зерно (мельничным камнем). Те, что прежде одевались в тонкое полотно, сегодня за каждый пустяк получают побои... Сейчас не сыщешь служанки, зато высокородные госпожи предлагают себя в рабыни...

Воистину судебные акты выброшены, тайные архивы открыты... Воистину служебные палаты открыты и списки украдены; поэтому рабы ныне могут стать господами. Воистину сановники перебиты и их списки разграблены. Воистину книги законов выброшены, и люди топчут их на окраине города, и взбунтовавшаяся беднота разрывает их на улицах как тряпки. Воистину беднота возвысилась.

Смотрите, произошли события, каких прежде, в древнейшие времена, не бывало: властитель свергнут простыми людьми! Смотрите, кто был погребен как властитель, выброшен из гроба! Смотрите, что было укрыто в пирамиде, ныне лежит под чистым небом...

Смотрите, тайное средоточие страны, границы коей некогда тянулись до бесконечности, сегодня пусто: покои царя разрушены в одночасье...»

Азиаты, овладевшие после падения Среднего царства Египтом, были конгломератом племен преимущественно семитского происхождения, ядро которых составляли аморейцы и ханаане.

Манефон называет их «гиксосами», что он переводит как «властители пастухов»; их первоначальное египетское название означало «властители чужих гористых пустынных краев». Они проникли в страну, ослабленную внутренними распрями и восстаниями, и после борьбы с царями XIII и XIV династий (из которых мы знаем Хинджера как строителя последней пирамиды) навязали ей свое господство. По сообщению Манефона, процитированному Иосифом Флавием и таким образом дошедшему до нас, нападение застало египтян настолько врасплох, что они вообще не сопротивлялись и отдали Мемфис без боя. Вожди этих захватчиков затем удержались на египетском троне свыше ста лет — как XV и XVI «гиксосские» династии¹³.

Гиксосскому владычеству, которое стало для Египта бедствием, сумели противостоять лишь верхнеегипетские властители в Фивах, которых относят к XVII династии. Примерно в середине XVI века до н. э. царю Камосу удалось организовать восстание, переросшее в освободительную войну. Борьбу завершил его преемник Яхмос I (Амосис), который около 1580 года до н. э. окончательно изгнал гиксосов, вновь объединил Египет и основал XVIII династию. Это послужило концом Второго переходного периода и началом Нового царства.

Новое царство существовало почти полтысячелетия (примерно с 1580 по 1090 год до н. э.) и было эпохой наибольшего государственного, экономического и культурного расцвета Древнего Египта. Границы египетского государства протянулись от Ливии до Сирии, а на юге в него входила часть современной суданской Нубии; египетские цари простирали свое влияние даже на Ванилоп и Ассирию. Производительные силы в стране невиданно возросли; завоевательные войны обеспечивали приток рабов, новые оросительные системы увеличили площадь полей и садов, был усовершенствован плуг, широко использовалась бронза. Царские постройки по затратам труда и средств не уступали самым большим пирамидам, а как произведения искусства даже превосходили их; ваение, живопись, письменность достигли новых вершин.

Подъем Нового царства начался еще при XVIII династии (примерно 1580—1310 годы до н. э.). Яхмос I взял на вооружение самое сильное оружие гиксосов — боевые колесницы — и в развитии этого рода войск даже превзошел их. Провел он и энергичные реформы по восстановлению экономики и государственной администрации. В результате завоевательных войн Яхмос I расширил границы своего царства вплоть до Сирии и восстановил египетское господство над Северной Нубией. Его преемник Аменхотеп I (Аменофис) закрепил эти завоевания; затем их продолжил его сын Тутмос I (Тутмосис), достигший верховьев Евфрата. Тутмосу II уже пришлось подавлять восстания на захваченных территориях и даже в самом Египте, но он сумел с ними справиться. Вслед за ним на трон вступила его супруга Хатшепсут, регентша его сына от побочной жены, Тутмоса III; она организовывала не военные, а торговые экспедиции (одну из них в далекую «страну Пунт», по всей видимости, в нынешнее Сомали). Тутмос III, двадцать два года правивший лишь формально совместно с Хатшепсут, после ее смерти начал править самостоятельно и положил конец мирной передышке — он стал величайшим завоевателем всей египетской истории. Во времена правления Тутмоса III египетское царство достигло наибольших размеров — от Ливии до верхнего Евфрата и на юге до Четвертого нильского порога. Его преемникам Аменхотепу II и Аменхотепу III удалось удержать эти завоевания, хотя им угрожали два могущественных государства — митаннийское и хеттское. С митаннийцами пришел к соглашению уже Тутмос IV — он женился на дочери их царя, а с хеттами первый мирный договор заключил Аменхотеп III.

Как раз в период наибольшего могущества и роста международного престижа Египта в стране возник глубокий внутренний кризис. Фиванские жрецы бога Амона, которые, опираясь на свои привилегии и постоянно растущее богатство, постепенно создали некое государство в государстве, вступили в прямой конфликт с Аменхотепом IV (около 1400 года до н. э.). Борясь со жрецами за политическое господство в стране, царь, дабы сломить их могущество, запретил культ Амона и вместо него в согласии с древним почитанием Солнца ввел новый культ Атона — «Солнечного диска». Прекращаются щедрые дары в храмы старых богов. Затем Аменхотеп IV («Амон доволен») сменил свое имя на новое — Эхнатон («Полезный Атону») и переселился во вновь основанную столицу Ахетатон (между Фивами и Мемфисом, близ нынешней деревни эт-Тиль, в местности, известной под традиционным названием Амарна). Но жрецы Амона не уступили.

О том, какими средствами они боролись, мы можем судить лишь по судьбе тогдашних царей. Точно мы ничего не знаем, однако Эхнатон, по всей видимости, погиб в результате дворцового заговора¹⁴; примерно два года спустя при подозрительных обстоятельствах умер его преемник. После него царем стал молодой Тутанхатон, который хотя и сменил свое имя на Тутанхамон и переселился из Ахетатона в Фивы, тем не менее умер вскоре после достижения совершеннолетия; подозрительно быстро умер и его преемник Эйе. Остатки реформ Эхнатона ликвидировал последний царь XVIII династии, бывший приближенный Эхнатона, а затем ревностный приверженец жрецов Амона, верховный военачальник Хоремхеб.

Цари XIX династии (примерно 1314—1200 годы до н. э.) происходили, как полагают, из нижнеегипетского города Джанета (Таниса)¹⁵. Первого из них, по-видимому, избрал своим преемником сам Хоремхеб. Это был Рамсес I (Рамессес), опытный воин и хороший организатор.

Именно в таком правителе нуждалось ослабевшее царство. Но он был уже стар и через два года умер. Зато его сын Сети I (Сетос) оправдал все возлагавшиеся на него надежды: отразил нападение ливийцев и в результате четырех походов на север остановил продвижение хеттов. Стабилизировав положение в стране, он стал править совместно со своим сыном, который вступил на трон под именем Рамсеса II и царствовал шестьдесят шесть лет. Традиция наградила его титулом «Великий», хотя отнюдь не все походы Рамсеса кончались «победой его десницы» (в качестве примера назовем знаменитую битву у Кадеша, о которой мы уже говорили) и отнюдь не все приписываемые ему постройки были «творением его рук» (на многих он лишь приказал устранить имя своих предшественников и поставить свое). Том по менее факт остается фактом: ему подчинялась огромная территория — от Сирии до Ливии и на юге до Четвертого нильского порога, он построил больше храмов и городов, чем какой бы то ни было правитель до него, и память о нем пережила века (даже с такой деталью: будто у него было полдюжины жен и 111 сыновей). Все правители Древнего Египта, вступившие на трон после него, были уже не столь «великими». Правда, его преемник Мернептах одержал победу над Ливией и «народами моря»¹⁶, вторгшимися в Дельту, и захватил множество пленников, но последующие цари уже теряются в тумане обрывочных сообщений: Сети Аменмес, Сайтах. Последним представителем этой династии была царица Та-усерт (Туосрис).

XX династия (примерно 1200—1085 годы до н. э.) вступила на трон после периода междоусобицы, когда, по преданию, «Ирсу, некий сириец, возвеличивший себя над ними, принудил всю страну платить себе дань». Основатель XX династии Сетнахт правил недолго, но мог заявить о себе (и, вероятно, имел на то основания): «Я привел в порядок всю страну, которая прежде была раздираема раздорами... Я очистил великий трон Египта». Его преемник Рамсес III сдержал новый натиск «народов моря», но мир в стране сохранить не смог; обездоленный люд бунтовал, во дворце плели интриги жрецы и придворные, в конце концов и этого царя убили дамы из гарема. На двадцать девятом году его правления произошла первая известная в истории забастовка. Ремесленники, трудившиеся в Фиванском некрополе, в основном каменщики и столяры, сговорившись, бросили работу, «преодолели пять каменных оград», отделившись от жилищ господ, расположились перед храмом, в котором укрылись перепуганные чиновники, и потребовали у царя справедливости: «Мы не ели уже восемнадцать дней... Нас привели сюда голод и жажда. У нас нет одежды, нет рыбы, нет овощей... Воистину в сих святых местах творится зло!» (Наверняка это было не единственное выступление такого рода, и мы вполне можем себе представить, что ожидало в подобных случаях ремесленников. Данные об этом мы имеем лишь косвенные, главным образом из жизнеописаний тогдашних чиновников, которые похваляются: «Я внушал ужас толпе... Я заставлял восставших раскаяться... Я укрощал непослушных...») О последующих властителях этой династии у нас мало сведений; известно лишь, что все они носили имя Рамсес и что при каждом из них Египет сотрясали народные бунты, восстания на занятых территориях, нападения неприятеля и дворцовые распри. Последний правитель XX династии, Рамсес XI, уже поневоле должен был примириться с тем, что верховный жрец Амона Херихор писал свое имя в царском картуше и преемником трона провозгласил своего сына¹⁷. XX династия растаяла, как вечерний туман над Нилом, а вместе с ней и Новое царство.

Цари Нового царства не строили пирамид. Их хоронили в подземных гробницах знаменитой Долины царей в западной части Фив, где лишь скалистая вершина нагорья Курна напоминала пирамиду. Ныне нам известны 62 такие гробницы, однако часть из них принадлежала родственникам царя и сановникам (но не царицам, которым южнее была отведена Долина цариц). Иные из этих гробниц обширны, как дворцы: гробница Тутмоса III состоит из 9 помещений, гробница Аменхотепа II — из 10, в гробнице Рамсеса II (ныне засыпанной и недоступной) их свыше 20; в гробнице Рамсеса III (по одному из настенных рисунков ее называют «Гробницей арфистов») 22 таких помещения; протяженность коридоров гробницы правительницы Хатшепсут — свыше 200 метров. Самая большая гробница Сети I: 6 лестниц, 4 колонных зала и 16 других помещений, несколько сот квадратных метров стен покрыто раскрашенными рельефами. Посетитель этих гробниц не может удержаться от сравнения их с пирамидами. Как творения человеческих рук, эти подземные гробницы и пирамиды во многом достойны друг друга.

Знаменитая гробница Тутанхамона — относительно небольшая и скромная, но лишь ее одну не тронули древние грабители (грабители проникли в глубь гробницы, но, очевидно, кто-то их спугнул). Не считая короткого входного коридора, в ней всего 4 помещения, из которых только погребальная камера украшена настенной росписью (и то лишь частично). Сокровища, извлеченные

из этой гробницы ее первооткрывателем Говардом Картером, ныне хранятся в Каире (за исключением одного позолоченного саркофага с мумией, который по решению египетского правительства был возвращен туда, где его нашли); они занимают в Египетском музее больше места, чем все остальные находки эпохи Нового царства. Среди этих сокровищ — золотые и позолоченные статуи, всевозможнейшие драгоценности, символы царской власти, алебастровые сосуды и богато разукрашенное оружие, тронные кресла и великолепно инкрустированные шкатулки, золотые и позолоченные царские маски и т. п. Каждый из этих предметов обладает высокой художественной ценностью. Уже их материальная стоимость, как ни ничтожна она в сравнении с культурно-исторической, сама по себе невероятно велика: общий вес золота, обнаруженного в этой гробнице, превышает 1,2 тонны! Притом Тутатхамон, как мы знаем, был заурядным правителем. А какие золотые клады и сокровища должны были находиться в гробницах таких правителей, как, например, Сети I или Рамсес II?! Или Хуфу, Хафра, Менкаура?!

Гробницам фараонов Нового царства полагалось навеки быть скрытыми от глаз (и особенно длинных рук) людей; их тщательно маскировали. Вот почему заупокойные храмы этих царей, доступные людям, строились отдельно, но по возможности не очень далеко от места погребения.

Прямо на границе Фиванского некрополя, под расщепленной скалой в нынешнем Дейр-эль-Бахри, приказала построить в свою честь такой заупокойный храм царица Хатшепсут; ее архитектор Сенмут воздвиг его на трех искусственных террасах с двойной колоннадой по фасаду, которая поражает нынешних посетителей своей новизной (ее недавно реставрировали польские археологи). Самый большой храм подобного рода, развалины которого сохранились до сих пор, приказал построить Рамсес II; храм этот был почти в два раза больше, чем храм Сети I и Рамсеса III. Это знаменитая Гробница Осимандия Диодора и Шелли или Рамсесееум современных египтологов; тут до сих пор стоят десятки колоссальных колонн, а посреди образуемого ими двора лежит разбитая статуя Рамсеса, достигавшая высоты 17 метров и весившая свыше 110 тонн. Своими размерами она приближалась к колоссам Мемнона, статуям, изображающим царя Аменхотепа III, которые вместе с пьедесталом достигают почти 18 метров; это единственные дошедшие до нас остатки его заупокойного храма, по своим размерам, вероятно, превосходившие даже Рамсесееум (колоссами Мемнона называли статуи греки; в их восприятии египетское название священной постройки «менну» слилось с именем царя Мемнона, который, согласно греческим мифам, двинулся из Эфиопии через Египет на помощь осажденной Трое). Такой же культ грандиозного, имевший в египетских погребальных постройках давнюю традицию, правители Нового царства исповедовали и при строительстве храмов, посвященных богам.

Наиболее красивые и хорошо сохранившиеся из этих храмов стоят на территории бывшей восточной части Фив — в Луксоре и Карнаке. Луксорский храм построен при Аменхотепе III и Рамсесе II; он состоит из двух окруженных колоннами дворов, соединенных большой колоннадой, и крытого здания со множеством помещений и святилищ. Несмотря на свои огромные размеры, он всегда оставался в тени Карнакского храма. В нем отмечался лишь праздник Нового года. Храм в Карнаке был настоящим «городом богов», и строительство его продолжалось два тысячелетия: первые известные нам постройки возникли в начале Среднего царства, последние — при Птолемеях, самые большие — при Тутмосе III и Рамсесе II, в его украшение внесли свою лепту даже римские императоры. В этот комплекс входили храмы Амона, его супруги Мут и их сына Хонсу, а также храмы бога Монта, богини Маат, бога Птаха и др. Этот комплекс также на протяжении тысячелетий подвергался разрушению, но сейчас приняты меры для его консервации. Первый его пилон напоминает крепостную стену; он достигает 113 метров в ширину, 43 метра в высоту и 15 метров в толщину. К нему ведет аллея из 24 сфинксов с бараньими головами; за ним простирается двор с храмами Сети II и Рамсеса III, колоннадами, сфинксами и колоссальной статуей Рамсеса II в облике Осириса. За вторым пилоном открывается вид, которому нет равных на свете, — вид на каменный лес из 134 колонн: 12 колонн центрального нефа с капителями в форме расцветших папирусов имеют высоту более 19 метров, а остальные, в форме связок стеблей папируса, высоту около 15 метров и диаметр 5 метров, — лес, занимающий площадь, на которой могло бы разместиться 900 автомобилей.

Всего на территории комплекса находится 10 пилонов, перед каждым и за ним — святилища с декорированными воротами и колонными залами, аллеи сфинксов и ровные ряды статуй, разрушенные и неразрушенные стены с иероглифическими надписями, отдельные знаки которых зачастую больше метра, а таких знаков там более 250000. Тут все колоссально: обелиск царицы Хатшепсут — самый большой на свете, священное озеро занимает площадь футбольного поля, гранитный скарабей Аменхотепа III вместе с пьедесталом весит 5 тонн!

По сравнению с храмом Амона храм Монта и храм Мут выглядят как деревенские церквушки рядом с кафедральным собором. Правда, каждый из них занимает площадь большую, чем Братиславский или Кошицкий кафедральные соборы, вместе взятые, но... После Карнак-ского храма, предварительно хорошо отдохнув, мы отправляемся смотреть другие постройки: укрепленный храм и дворец Рамсеса III в Мединет-Абу (на западном берегу, напротив Луксора), храм Сети I с замечательными барельефами в древнем Абидосе (примерно в 150 километрах к северу от Луксора), скальный храм Рамсеса II в Абу-Симбеле (приблизительно в 280 километрах южнее Асуана), который в 1963—1968 гг. был распилен на блоки и перемещен на берег озера Насер, образовавшегося в результате строительства Высотной Асуанской плотины. Повсюду мы здесь сталкиваемся с пристрастием египетских царей к грандиозным размерам.

Но грандиозность — не единственная черта зодчества и ваяния Нового царства. Самым лучшим скульптурным произведением присуща человечность, и уже нет в них традиционной неподвижности; они ближе к жизни. Это прежде всего проявляется в скульптурном портрете Хатшепсут, выступающей одновременно и царицей и женщиной, утонченные черты которой не испортил даже такой неотъемлемый атрибут царской власти, как накладная «божественная борода»; в статуе Тутмоса III, изображенного с несоразмерно короткой шеей и длинным носом (т. е. вполне достоверно, как подтвердила находка его мумии), и, кроме иных, в статуе царицы Ти, увековечившей высокомерие и спесь супруги Аменхотепа III. Возможно, благодаря критскому влиянию доселе неподвижные рельефы немного ожили (как мы это видим, к примеру, в длинном повествовании на стенах храма Хатшепсут). Позитивное развитие ускорила реформа Эхнатона, избавившая египетское искусство от многих пут прошлого. Именно в эту пору достигает наибольшего реализма и искренности египетская скульптура; ваятели не побоялись изобразить Эхнатона человеком с одухотворенным, но некрасивым лицом, со свисающим животом. И если его супругу Нефертити в скульптурных портретах они представили красавицей, то, судя по всему, не льстили ей. Достижения «амарнского стиля» пережили политические и религиозные реформы Эхнатона; они встречаются в скульптуре и живописи времен Рамсеса II. Постепенное их исчезновение являлось уже признаком эпохи упадка, в конце которой египетские художники не творили, а только повторяли.

Новое царство было также новым и последним творческим периодом египетской литературы, научной и художественной. Медицинские папирусы свидетельствуют о расширении знаний и практического опыта, особенно в хирургии; из этих текстов явствует, что египтяне знали и чрезвычайно эффективные средства против нагноения. Однако тексты эти не лишены противоречий менаду рациональной и магической медициной: лекарь здесь — более кудесник, как позднее астроном — более астролог, а «мудрец» — предсказатель.

Возникли новые математические труды и новые «поучения, призванные внести ясность в мышление, дать знания несведущему и научить его всему, что есть на свете», последнее такое поучение относится к периоду правления Рамсеса XI. В области художественной литературы высокого уровня достигли традиционные сказки, путевые дневники и «новеллы» царей и вельмож. Поэзию обогатили гимны в честь богов (среди них и великолепный «Гимн солнцу» Эхнатона, насчитывающий свыше ста строк), записи мифов и народных песен (новых и старых); от времен XIX династии до нас дошли первые лирические стихи, без которых поэзия не была бы поэзией. К художественным произведениям можно отнести и многие царские надписи. Они считались историческими документами, но были написаны как гимны; правда, некоторые из них воспринимаются сейчас как юмористические рассказы. «Я раздвинул все границы Египта», — пишет один из Рамсесов, потерявший одну территорию за другой; «Житницы были переполнены зерном», — пишет другой Рамсесид, в царствование которого вспыхнул голодный бунт; «божественным происхождением» и «законным наследованием короны Обеих земель» похваляются все цари, и более всего узурпаторы; кроме того, все провозглашают себя богами и обещают править вечно. Вершиной панегирической поэзии подобного рода является так называемая «поэма Пентаура» — песнь о победе Рамсеса II под Кадешем.

Не было на свете властителей, которые оставили бы после себя более грандиозные памятники, принуждали бы воздавать себе более пышные хвалы, доходили бы до таких несуразностей в хвастовстве. «Бессмысленное тщеславие» царей достигло апогея именно в период Нового царства.

Последние правители XX династии, тезки великого Рамсеса, исчезли в пропасти истории, не оставив даже надежного свидетельства о том, как это произошло. После Рамсеса XI царский титул присвоил верховный жрец Амона Херихор и основал династию «жрецов-царей», которую, однако, Манефон почему-то не признавал; по его мнению, XXI династию составляли «семь царей из Таниса», правивших лишь в Нижнем Египте. XXII династию основал в середине X века до н. э. властитель ливийского происхождения Шешонк I (иначе — библейский Сусахим, завоеватель

Иерусалима), избравший резиденцией город Бубастис, близ нынешнего Загазига в Дельте¹⁸. Своего сына ему удалось сделать первосвященником Амона в Фивах и тем самым на время объединить Египет. Но преемники Шешонка I — цари XXII, а также XXIII и XXIV династий были слабы и незначительны. В результате борьбы Египет распался и в конце VIII века до н. э. стал добычей нубийского царя Пианхи — его резиденцией была Напата (перед Четвертым нильским порогом, неподалеку от нынешнего Мероэ в Судане). Его преемник Шабака основал XXV династию, которую греки называли «эфиопской» (от греческого названия Нубии).

Подъем Египта при нубийской династии, воспитанной на египетской культуре, остановили ассирийцы, вторгшиеся в Египет около 670 г. до н. э. Существует свидетельство царя Ассархадона о том, что во второй свой приход он «за полдня уничтожил, опустошил и разграбил» Мемфис; затем его сын Ашшурбанипал разбил войска эфиопского царя Тахарки и в 667 г. до н. э. взял Фивы. В нижнеегипетском городе Саи (по-гречески Саис, близ нынешней деревни Са-эль-Хагар) некоторую независимость сохранил царь Нехо I и, притворяясь преданным ассирийцам, создал предпосылки для свержения их владычества. Его сын Псамметих I в 663 г. до н. э., воспользовавшись возникшими в Ассирии внутренними трудностями, вновь вернул Египту независимость. Он основал XXVI династию, которую составили его преемники Нехо II, Псамметих II, Уахибра (Априй), Яхмос II (Амасис) и Псамметих III. После чужеземных правителей вновь к власти пришли цари египетского происхождения; они правили в духе египетских традиций, заботились о сельском хозяйстве, поощряли развитие торговли и судоходства, создали войско и вернулись к активной внешней политике. Нехо II приказал прорыть канал между Нилом и Красным морем, по его повелению финикийские мореплаватели обогнули Африку; Псамметих II усилил свое войско отрядом греческих наемников, Яхмос II заключил союз с греческим царем Поликратом с острова Самос и предоставил привилегии поселившимся в Навкратисе греческим купцам. Цари этой династии правили без малого 140 лет, и период их правления историки называют «саисским ренессансом» (663—525 г. до н. э.).

Эпоха Саисской династии стала ренессансом и в художественном творчестве. В естественном стремлении преодолеть застой, наступивший при чужеземных властителях, египетские мастера возвращались к национальной традиции, в особенности к художественному наследию Древнего царства. Статуи этого времени свидетельствуют об успешных попытках преодолеть простое подражание образцам; то же можно сказать о барельефах и живописи. Новый подъем заметен и в письменности; именно в эту пору наряду с иероглифическим и иератическим письмом возникло новое — демотическое. До нас дошло множество деловых документов и художественных произведений (вплоть до исторических романов), написанных на папирусах демотикой. Особое внимание саисские цари уделяли восстановлению и реконструкции древних памятников архитектуры, в первую очередь пирамид в Гизе и Саккара; они стали пионерами дела, которое получило продолжение лишь в Службе древностей Египта. Саисский ренессанс часто сравнивают с европейским, но не следует забывать о существенном различии: этот ренессанс стал не исходной точкой нового расцвета, а последней точкой за безвозвратно ушедшим.

В 525 г. до н. э. в Египет вторгся во главе огромного войска персидский царь Камбиз¹⁹, захвативший до этого почти весь Ближний Восток, и в битве под Пелусием (нынешняя Фарама) в Дельте разбил царя Псаммети-ха III; вскоре после этого он захватил и Мемфис. Камбиз принял титул фараона, и Египет стал сатрапией персидского царства; персидские цари, которые у Манефона фигурируют как XXVII династия, безжалостно его грабили. Египтяне защищались, однако все их восстания и бунты персы жестоко подавляли; в крови потопили они и большое восстание 486 г. до н. э., которое вспыхнуло после победы греков над ними при Марафоне, а также восстание 460 г. до н. э., на помощь которому был послан греческий флот. Достигло успеха лишь восстание 404 г. до н. э.; его предводитель Амиртей позднее провозгласил себя египетским царем. Нам известно о нем очень мало (не сохранилось даже иероглифической записи его имени), у Манефона он фигурирует в качестве единственного правителя XXVIII династии. Спустя пять лет его сверг военачальник Неферит, основавший XXIX династию (399—380 годы до н. э.). Четыре его преемника правили в эпоху, отмеченную новыми натисками персов. Египетские правители пытались противоборствовать им — в союзе с греками Афин, Спарты и Кипра. Эту политику продолжали и цари XXX династии, резиденцией которых был Себеннит (ныне Саммануд) в Дельте. Их было трое: Нектанеб I, Тахос и Нектанеб II. Последний вступил в борьбу с персами, но в 343 году до н. э. ему пришлось уступить превосходящим силам противника. Нектанеб II оказался последним египетским царем египетского происхождения.

Новая персидская оккупация натолкнулась на ожесточенное сопротивление. Остатки войска при содействии добровольцев защищали города и храмы от разграбления, нападали на персидские

гарнизоны, но эти разрозненные акции всякий раз заканчивались неудачей. В 338 году до н. э. вспыхнуло большое восстание в Дельте под предводительством местного властителя Хабабаша, однако египтяне потерпели такое поражение, что больше уже не оправились. Оставалось надеяться лишь на то, что их освободят греки. Последним и без того пришло время свести с персами старые счета. Надежды египтян оправдались осенью 332 года до н. э., когда после ряда побед над персидскими войсками в Египет вступил Александр Македонский. Его встретили как освободителя, и персидский сатрап сдался без боя. Жрецы главного мемфисского храма бога Птаха тут же короновали его двойной короной Верхнего и Нижнего Египта. Оракул в оазисе Сива провозгласил его сыном бога Амона. Александр стал египетским царем, и Египет обрел нового властителя.

Александр ненадолго задержался в Египте, но успел снискать поддержку и симпатии всех, кто представлял для него интерес. Он восстановил правление в соответствии с египетскими традициями, к которым проявлял подчеркнутое уважение, вернул титулы вельможам и владения храмам, приказал восстановить все, что было разрушено персами, в западном устье Нила основал портовый город, дав ему свое имя. Принес он и ритуальную жертву мемфисскому священному быку Апису, предшественника которого персы убили, слоном, вел себя как настоящий фараон. Укрепив свою власть, он доверил управление страной своим военачальникам и отправился на Восток, дабы завоевать Персию, что ему, как мы знаем, полностью удалось. В Египет он вернулся уже после смерти — в золотом саркофаге.

С правлением Александра в Египте началась эпоха великих перемен. Новое царство было лишь продолжением Среднего, хотя и на ином уровне, а Среднее продолжением Древнего; теперь же все историческое развитие страны получило иное направление. Из страны, окруженной пустынями, Египет превратился в средиземноморское государство с большим морским флотом; из страны, потерявшей свою военную мощь, превратился в перворазрядную военную державу; и в его закоснелом экономическом и общественном строе произошли структурные изменения, благодаря которым он приблизился к более зрелой и исторически более прогрессивной Греции. Сверх того, Египет стал новым и блестящим центром культуры; правда, уже не столько египетской, сколько греческой. Одновременно Египет изменился и в этническом отношении; его города и деревни заполнили греческие колонисты, частично смешавшиеся с местным населением, так что наряду с греками и египтянами образовалась значительная прослойка грекоегиптян. Впрочем, все это произошло уже при преемниках Александра, которые для Египта были «фараонами», а для остального мира — эллинскими царями.

После смерти Александра в 323 году до н. э. власть над Египтом захватил его полководец Птолемей; сначала он правил от имени сводного брата Александра Великого — Филиппа Арридея — и Александра II, родившегося после смерти отца, а после их смерти — уже единолично. В борьбе с другими претендентами на престол он удержал власть в Египте за собой и распространил ее на многие другие страны Восточного Средиземноморья. В 305 году до н. э. он провозгласил себя царем и основал династию, правившую свыше четверти тысячелетия; для своих египетских подданных он принял имя Сетеп-эн-Ра Мериамон («избранник Ра, любимец Амона»), в историю же вошел как Птолемей I Сотер («Спаситель»). При его первых двух преемниках Египет был ведущей державой эллинистического мира и процветал; при третьем — международное и внутреннее положение Египта из-за династических споров пошатнулось; последующие не удержали иноземных территорий. Последней представительницей династии Птолемеев на египетском троне была Клеопатра VII, вероятно, самое известное лицо египетской истории после Рамсеса II Великого и Эхнатона. Всеми средствами, которыми Клеопатра обладала как царица и как женщина, она пыталась отстоять независимость Египта; не колеблясь она посягнула на жизнь двух своих братьев и соправителей, мешавших ее замыслам; была любовницей сначала Цезаря, а затем Антония; пробовала одолеть Августа флотом, армией и женскими чарами. Когда же все это не принесло успеха, Клеопатра в 30 году до н. э. покончила с собой. С ее смертью Древний Египет исчез с карты как самостоятельное государство. Победоносный Август превратил его в римскую провинцию.

При Птолемеех Египет уже не был «Древним Египтом», хотя вновь мог бы похвастать мощью и славой, как в давние времена великих царей. С точки зрения культуры он все больше превращался в «греческий Египет», ибо изначальная египетская культура не способна была разорвать пути своих традиций.

В ту пору, когда в Александрии Эвклид, а затем Архимед Сиракузский достигли такого уровня развития математических наук, который оставался непревзойденным до наступления нового времени, египетские математики пользовались устаревшими правилами; в ту пору, когда Герофил и Эрасистрат своими анатомическими исследованиями подняли медицину на небывалую высоту, египетские врачи лечили с помощью древних магических заклинаний, а некогда прославленные

египетские астрономы не способны были разобраться даже в противоречиях между солнечным и гражданским годом. В литературе и поэзии тогдашние египтяне могли противопоставить эпиграммам Каллимаха, буколикам Феокрита, мимам Ге-ронда и т. д. лишь копии древних папирусов да непритязательные рассказы. Преемники Птолемея построили много храмов древним египетским богам, например, храм богини Исиды на острове Филе, храм Хора в Эдфу, храм Хнума в Эсне, храм богини Хатор в Дендере, храм Себека и Хорура («Хора великого») в Ком-Омбо; их архитектура при всем уважении к местным традициям обнаруживает греческое влияние, а украшающие их рельефы — творческий упадок египетских мастеров.

В пору римского господства Древний Египет, отягченный грузом своей трехтысячелетней истории, погружался в тьму веков, как огромный, потерпевший крушение корабль. Были периоды, когда он экономически процветал — правда, лишь в качестве «житницы Рима». Были и такие периоды, когда его народ бунтовал, но боролся он скорее против эксплуатации, чем за «египетский Египет». Под римским владычеством Египет пробыл до 395 года н. э. При разделе империи он достался византийским императорам, у которых его в 640—642 годах отвоевали арабы.

Падение Древнего Египта происходило постепенно. Некоторые полагают, что Древний Египет сходит со сцены вместе с Манефоновыми «тремя царями из Себеннита» в 343 году до н. э.; но это явно слишком ранняя дата.

По мнению других, конец истории Древнего Египта датируется смертью Клеопатры в 30 году до н. э., когда он утратил самостоятельность; но, безусловно, Египет жил дольше. Как считают третьи, конец его существованию положила административная реформа императора Диоклетиана (293 год н. э.), разделившего его на шесть провинций, которые составили новую административную единицу Римской империи — диоцез Египет; тогда-то название «Египет» действительно исчезло с карты. Ряд историков связывают конец Египта с тем «ударом из милосердия», который нанес ему в 383 году н. э. император Феодосий I, запретивший культ древних богов. Есть и такие, что отодвигают эту дату до 642 года, но к тому времени Древний Египет был уже в самом деле давно мертв. Несомненно, более правильным было бы считать его концом тот момент, когда наступил качественный переворот в развитии его экономической и социальной структуры; но точную дату тут определить трудно²⁰.

Однако как-то мы должны завершить свой экскурс в историю Египта. Начало ее исчисляют примерно с 3000 года до н. э., т. е. с того времени, когда возникли первые памятники иероглифической письменности. Воспользуемся и мы этим критерием, сколь бы формальным он ни казался, и ограничим историю Египта датой, к которой относятся последние тексты, писанные иероглифами.

Последняя известная нам иероглифическая надпись находится в одном из самых очаровательных уголков Египта — на волшебном острове Филе, или Пилаке, «жемчужине Египта», где за старой Асуанской плотиной выступают из вод золотистые пилоны храма Исиды и колонны павильона Траяна с расправившими свои лепестки капителями. Сделана эта надпись 24 августа 394 года нашего летосчисления.

Глава VI

РЕЛИГИЯ, МУМИИ И ГРОБНИЦЫ

Три с половиной тысячелетия продолжался путь египтян по отрезку истории, называемому древностью, и при том темпе, в котором мы его прослеживали, многое нам приходилось отмечать лишь вкратце, а многое опускать. Но нас в первую очередь интересовали пирамиды, о них мы успели сказать кое-что существенное: когда их начали и когда перестали строить, кто и где приказал их построить, какой была их судьба в течение всего этого времени. Теперь нам следовало бы поговорить о том, почему их строили.

«Эти колоссальные постройки порождены спесью и сумасбродством фараонов», — читаем мы у одних авторов. «Пирамиды должны были наглядно показать, какая огромная власть сосредоточена в руках царя», — читаем у других. «Это монументы богатства Древнего Египта, концентрация неиспользованного избыточного продукта», — можно прочесть у третьих. В каждом из этих и им подобных ответов есть доля истины. Но некоторые цари не построили для себя пирамид, хотя были столь же могущественны и, несомненно, столь же спесивы и сумасбродны, как правители, их построившие. Да и с богатством дело обстоит не так уж просто: Египет Рамсеса II был, безусловно, богаче Египта Джосера или Хипджера, но, несмотря на это, Рамсес не оставил после себя пирамиды. В Месопотамии социальные условия были почти такие же, как в Египте, но

царских гробниц, подобных пирамидам, там никогда не появлялось.

Выход из тупика, возникшего в результате всех этих недостаточно полных ответов и недостаточно обоснованных возражений, исследователи нашли после того, как поняли, что пирамиды были гробницами властителей, считавшихся богами, т. е. постройками религиозного характера. А значит, после того, как они научились ориентироваться в одной из самых таинственных сфер жизни Древнего Египта — в сфере религиозной, и притом еще в наиболее темном ее уголке — в представлениях о загробной жизни. Конечно, пирамиды — продукт экономического базиса и политической надстройки Древнего Египта, это несомненно. Но тем не менее ключ к их пониманию лежит в той сфере идеологической надстройки, которую мы именуем египетской религией.

Египетская религия кажется нам совокупностью самых невероятных представлений — столь фантастических, запутанных, а иногда и абсурдных, что мы начинаем испытывать нечто вроде галлюцинаций. Во взглядах на нее сходятся христианин, мусульманин, правоверный иудей, и в редком согласии с ними — даже атеист, более того — во взглядах на нее сходятся люди космического века (если они не мистики) с людьми древнего мира (если они не египтяне). Ассирийцев и персов эта религия провоцировала на жестокости, иудеи ее осуждали, римляне относились к ней саркастически, греков она поражала как нечто «чуждое и непривычное»¹. Хотя греки и уважали египтян больше всех других народов мира, но и они не понимали, как эти мудрые люди могут поклоняться быкам, кошкам, крокодилам, баранам и т. п. и считать их богами, так же как своих царей.

При этом они еще многого не знали из того, что известно нам относительно египетских представлений о загробной жизни, по сравнению с которыми обожествление царей и животных — дело довольно простое.

Мир египетских богов и культов и после расшифровки иероглифов очень долго оставался лабиринтом загадок. Шампольон, специально изучавший египетскую религию, во многих случаях дал ошибочные объяснения; в свете полученных позднее данных не выдержали проверки и труды его прямых преемников. При этом никто из них не мог пожаловаться на недостаток источников, ибо подавляющее большинство египетских письменных памятников составляют как раз религиозные тексты. Но понять в них большей частью удавалось лишь слова, а не сущность. Один из египтологов привел такое сравнение: «Я знаю, что такое ростбиф, где находится Бретань и кто был Шатобриан, но что такое бретонский ростбиф а ля Шатобриан, мне должен объяснить официант». Когда египтологи наконец поняли смысл слоги, содержащихся в религиозных текстах, они пришли к выводу, что древние египтяне поклонялись множеству верховных богов, которые, в свою очередь, имели разные имена, а некоторые даже назывались по-разному утром и вечером. До сих пор в этих текстах есть места, трудно поддающиеся пониманию из-за обилия символов и неясных намеков, в них есть фразы и пассажи, которые наверняка были непонятны даже древним египтянам. Дело в том, что возникли они в результате механического переписывания образцов религиозных текстов тысячелетней давности и, поскольку касались погребального ритуала, никто их особенно не проверял. В одном месте выпало слово, в другом неправильно написали знак; как можно судить по некоторым искажениям, писец подчас явно не понимал, что пишет. Примерно так нынешний арабский ремесленник, изготавливающий сувениры, наносит на разные ушебти и скарабеи знаки, которые почитает за иероглифы.

Приведем в качестве примера три вполне понятных отрывка из религиозных текстов, где говорится о верховном боге (с пояснительными дополнениями З. Жабы). Первый написан жрецами из Мемфиса: «В [символическом] воплощении бога Атума существует [в действительности] нечто подобное мысли [сердцу] и нечто подобное слову [языку]. Но велик Птах, который дал [жизнь] всем богам, то есть их духу, посредством этой [своей] мысли, из которой вышел Хор. В сущности [своей] тождественный с Птахом... Его Девятка богов² перед ним как зубы и губы, которые отвечают семени и рукам Атума, ибо Девятка Атума возникла посредством его семени и пальцев. Но Девятка [в сущности своей] является тем, чем являются зубы и губы в этих устах, которые назвали имена всех вещей и из которых возникли [как слова] бог Шу и богиня Тефнут... и так было установлено и познано, что его сила больше, чем сила всех остальных богов».

Таким образом, мемфисские жрецы считали верховным богом, творцом других богов, людей и вещей, Птаха, в то время как фиванские жрецы провозглашали верховным богом Амона: «Тот, который возник в самом начале, Амон, который возник первый, тот, сущность кого никто не познал! Не было бога, который бы возник до него, ни одного другого бога не было одновременно с

ним... Он не имел матери, что дала бы ему имя, он не имел отца, который бы его сотворил и сказал: „Это был я!“ Все остальные боги возникли уже потом, после того, как он сам собой положил начало».

Если же верить жрецам из Она (Гелиополя), творцом всего сущего и себя самого был верховный бог Атум; а согласно Эхнатону, верховным богом был солнечный диск Атон. По утверждению жрецов из храма бога Хнума в Эсне (Латополе), «Хнум сотворил четвероногих дыханием своих уст, выдохнул растения на лугу, сотворил быков, чтобы они оплодотворили коров, и оживил луга стадами... Дал возникнуть птицам, чтобы они кружили по небу и бегали по земле, погрузил рыб глубоко под воду и все же дал их жабрам жизнь и гадов сотворил в их норах. Люди, скот, птицы, рыбы, гады, скорпионы — все творение его рук, и сотворенное им пребудет вечно. Он сотворил их всех на гончарном круге. Он зовется их отцом, ибо он тот, кто их изначально сотворил».

Как могли возникнуть у людей такие представления? Как одни могли предлагать их другим и еще всячески варьировать? Как другие могли всему этому верить? Как удавалось верующим египтянам разобраться во всех этих противоречиях и хитросплетениях? И как разобраться в них сегодня неверующим неегиптянам?

«Воистину огромная духовная пропасть отделяет нас от древних египтян,— писал египетский ученый Закария Гонеим.— Но если мы хотим понять назначение и смысл древнеегипетских памятников, нам нужно попытаться перебросить через эту пропасть мост».

Толкование египетской религии начинают обычно словами Геродота. Он был к ней на два с половиной тысячелетия ближе нас, видел ее еще в действии, оставил о ней подробные сведения. Но будем осторожны: в его времена эта религия находилась уже в позднейшей фазе развития и была до такой степени закоснелой (если не сказать — выродившейся или пришедшей в упадок), что от ее сущности осталась лишь форма, первоначального смысла которой не знали даже жрецы, не говоря уже о народе. При этом многого Геродот так и не узнал, о многом получил неверную информацию.

Согласно Геродоту, египтяне — «самые богобоязненные из всех людей». Ведь он обнаружил у них наибольшее число богов, самые великолепные храмы, самые торжественные обряды и самое строгое соблюдение религиозных предписаний. Его поразило, что не все египтяне почитают одних и тех же богов, а с культом животных связаны различные обычаи. «Группы кошек отвозят в город Бубастис, бальзамируют и погребают там и священных покоев. Собак же хоронят каждый и своем городе в священных гробницах. Так же, как собак, хоронят ихневмонов; землероек же и ястребок отвозят в город Буто, а ибисов — в Гермополь (...) в иных областях Египта крокодилы считаются священными, а в других — нет, и с ними даже обходятся как с врагами. Жители Фив и области Меридова озера почитают крокодилов священными. Там содержат по одному ручному крокодилу. В уши этому крокодилу вдевают серьги из стекла с золотом, а на передние лапы надевают кольца. Ему подают особо назначенную священную пищу и, пока он живет, весьма заботливо ухаживают за ним, а после смерти бальзамируют и погребают в священных покоев. Жители города Элефантины, напротив, не почитают крокодилов священными и даже употребляют их в пищу (...). Гиппопотамы в Папре-митском округе считаются священными, а в остальном Египте — нет (...). В реке (Ниле) водятся также выдры, которых почитают священными. Из рыб у египтян считаются священными так называемый лепидот и угорь. Эти рыбы, как говорят, посвящены Нилу. Из птиц они почитают лисьих гусей (...) египтяне воздают (...) великие почести ибису»³.

Этот давний перечень священных или даже божественных животных, несмотря на свою обширность, еще не полон. В Бубастисе, где в самом деле было обнаружено кладбище со скелетами священных кошек, поклонялись божественной львице, в Тисе (Тине) — божественному волку, в Буто — обожествляемой кобре, в Фивах — священному барану, в Мендесе — священному аисту, в Пер-меджеде (Оксиринхе) — рыбе-оксиринху, в Дендера — обожествляемой короле и т. д.; коровам и баранам оказывали божеские почести и в других городах. В Мемфисе почитали священных быков, саркофаги которых нам известны по Серапеуму в Саккара, найденному Мариеттом. О культе этих быков мы информированы лучше всего; это был самый богатый и торжественный культ, какого когда-либо удавалось животное. Мемфисский бык Апис считался «служителем бога Птаха» и символом плодородия; он жил в священном хлеву прямо в главном храме, где за ним ухаживали специальные жрецы. После смерти быка бальзамировали и хоронили с соблюдением сложного торжественного церемониала и при огромном стечении народа. Жрецы после этого отправлялись искать его преемника. «Новорожденным Аписом» признавался только

черный бык, у которого на лбу было белое пятно в форме треугольника, под языком — нарост в виде скарабея, на хребте — пятно, напоминающее орла, на хвосте — двухцветная шерсть и т. д.; этих признаков якобы было около тридцати. Когда такого быка наконец находили, что, несомненно, было довольно нелегким делом, его торжественно препровождали в вычищенный священный хлев, где он жил с гаремом специально отобранных коров до самой смерти. Последний из них дожил до того момента, когда над Египтом был поднят крест.

Однако культ животных в Египте был составной частью всеобщего культа природы. Такие же почести воздавали египтяне деревьям и растениям; самым большим почетом пользовались сикоморы и лотосы, несколько мест было специально отведено под священные рощи. Такие же почести воздавали египтяне и воде; дождь они почитали как «слезы из глаз бога Ра» или как «плач богини Исида», рядом с храмами создавали «священные озера»; божеские почести оказывали животворной силе Нила, «реки, сотворившей все, что разливается, дабы давать жизнь». Богом считали и почву, и ее плодородную силу — «отца Геба»; из неорганической природы более всего почитались заостренные камни, из которых, вероятно, возникли *бенбенеты**, или обелиски. Культ природы отразился и в оформлении египетских храмов: колоннам придавали форму стилизованных пальм и связок стеблей лотоса или папируса, нижние части стен украшались растительным орнаментом, внутренность храма уподоблялась ночному пейзажу на Ниле. Обожествлялись и небесные тела, в первую очередь Солнце, культ которого принадлежит к числу самых древних и наиболее распространенных не только в Египте, но и на всем Ближнем Востоке.

Можно дать вполне удовлетворительное объяснение возникновению и распространению всех этих культов. Легче всего это сделать относительно солнца: люди видели в нем, с одной стороны, загадочную и грозную стихию огня, которой все должны страшиться, с другой — источник света и тепла, необходимый всему живому на земле и заслуживающий благодарного поклонения. Что касается культа животных, то одни считали нужным задобрить крокодилов и змей, ибо те были опасны; другие обожествляли коров или кошек, ибо те были полезны (кошки главным образом из-за вездесущих мышей); третьи, наконец, почитали птиц и жуков, ибо те были безвредны. В каждом таком культе существовала своя логика, меньше всего ее в приписывании сверхъестественных свойств различным предметам, фетишам и тотемам, но ведь в религии часто встречаешься с вещами, логически необоснованными.

Более сложная проблема — большое количество египетских богов; решение этой проблемы оказалось по плечу лишь египтологам нашего века. Роль Колумбова яйца сыграл исторический подход, т. е. изучение эволюции египетской религии от древнейших времен до падения Египта под натиском христианства. Кочевые племена, которые постепенно оседали на берегах Нила, вместе с шатрами и оружием приносили и свои религиозные представления; большей частью они обожествляли животных и растения. Некоторые из этих культов отмерли, другие удержались и после образования номов, даже после объединения всего Египта; таким образом, на пороге исторической эпохи количество божеств было достаточно велико и со временем еще увеличилось. Одни и те же боги часто имели различные имена; например, бог Солнца как «восходящее Солнце» назывался Хепер, как «Солнце в зените» — Ра, как «Солнце перед закатом» — Атум; по-разному назывался в Мемфисе и в Фивах бог, охраняющий место погребения. Сколько богов создали египтяне, трудно сказать. Рамсес II, заключая мир с хеттским царем Хаттушилем III, клялся «тысячью египетских богов». На этот раз он, кажется, не преувеличивал. В подробных исследованиях о египетской религии, например в книге У. Беджа «Боги древних египтян» (Лондон, 1904), мы можем найти около двух с половиной тысяч имен.

Интересно отметить, что в больших религиозных центрах первоначально воздавались почести относительно небольшому числу богов. О позднейшем увеличении их числа позаботились жрецы, которые, очевидно, претендовали на то, чтобы обеспечить свои храмы богами со всеми основными функциями, и создавали некие комплексы богов, «божественные девятки», «восьмерки» и т. п.⁵. Образцовое девятибожие родилось в Оне (Гелиополе). Во главе его стоял бог Солнца и творец всего сущего Атум, за ним следовали его дети Шу (бог Света и Воздуха) и Тефнут (богиня Влаги и Дождя), далее — его внуки Геб (бог Земли) и Нут (богиня Неба), затем две пары его правнуков — Осирис и Исида и Сет и Нефтида. Все эти родственные пары в соответствии с нравами египетских богов (а зачастую и властителей) были одновременно супругами; из их потомков самым значительным был сын Осириса и Исиды Хор. Абидосская группа состояла из семи богов, гермопольская — из восьми, фиванская — из пятнадцати. Большинство же храмов довольствовалось обычной «божественной троицей».

Боги отдельных городов и областей в принципе были равноправны. Но бог столичного города, как правило, имел самый красивый и богатый храм и постепенно становился главным или верховным богом всей страны. Подобные тенденции проявлялись и в общеегипетском масштабе. Первое подтверждение этому находим в начальном периоде истории Древнего царства. Когда столицей объединенного Египта стал Мемфис, ведущее положение занял мемфисский бог Птах, а затем под влиянием близлежащего Она (Гелиополя) тамошний бог Солнца Ра, с которым слился Атум. Усиление могущества Гераклеополя при IX и X династиях укрепило позиции главного геракле-опольского бога Херишефа. В Новом царстве, когда политический центр Египта переместился в Фивы, место верховного бога занял Амон, до этого почти неизвестный, позже, в свою очередь, с ним слился бог Ра. В последние века перед началом нашего летосчисления стал первенствовать александрийский бог Серапис, которого создал Птолемей I Сотер, соединивший двух египетских богов (Осириса и Аписа) и трех греческих (Зевса, Асклепия и Диониса); его культ должен был стать религиозной цепью, призванной приковать к македонской династии ее египетских подданных. Единого бога, заменившего всех остальных, Египет обрел в середине XIV века до н. э. в результате реформы Эхнатона; хотя культ этого бога был связан с традиционным культом солнца, в конечном счете он, как мы уже знаем, не удержался. Египетская ре-легия с самого начала и до конца была глубоко политеистической, такой она оставалась и в ту пору, когда уступила христианству. Рухнула египетская религия с поразительной быстротой: ее корни были подорваны греческим влиянием, и в народных массах она, очевидно, давно уже потеряла опору, а на последнем этапе существования — даже в собственных жрецах⁶.

Египетские боги никогда не теряли своей генетической связи с явлениями природы. Египтяне почитали их либо во всех, либо в избранных животных, растениях и т. д. п именно так их изображали. Человеческое обличье эти боги обрели довольно поздно и в основном лишь наполовину. Их статуи и изображения были творениями фантазии, для которой не составляло трудности соединить человеческое тело с головой сокола, льва или крокодила, заменить человеческую голову жуком и украсить ее бараньими рогами, придать фигуре бога совершенно неестественную позу. Но одновременно они служат и свидетельством недостатка фантазии, ибо тысячелетиями повторяются в неизменных шаблонных формах, без малейшего изменения и похожи друг на друга как две капли воды; это же относится и к божественным символам. Некоторых же богов мы находим в столь неожиданных подобиях и соединениях, что бывает трудно их объяснить.

Например, бога Солнца египтяне изображали в виде красного диска; это просто и ясно. Иногда они обводили этот диск стилизованным телом кобры или придавали ему крылья коршуна, и это легко понять, ибо кобра была богиней-охранительницей Нижнего Египта, а самка коршуна — богиней-охранительницей Верхнего Египта. Изображали его и в виде летящего сокола, что также можно без труда объяснить; во-первых, солнце стоит высоко, а сокол летает выше других обитающих в Египте птиц, во-вторых, сокол был древним символом бога Солнца и света Хора, который был отождествлен с богом Солнца Ра. Но почему его изображали в виде скарабея и почитали в этом подобии? Попробуем разобраться. Во-первых, солнце — шар, движущийся по небу, а по земле подчас движется шар, который толкает или катит перед собой скарабей. Далее — если солнечный шар движется по небу, должна существовать сила, которая является причиной этого движения. И, наконец, когда по земле движется упомянутый шар, то причиной его движения является скарабей. Из этого вытекает, что причина движения солнечного шара — тоже скарабей или — если хотите — его сила. Этот небольшой логический курбет, как и различие между небесным огнем и навозным шариком, не смущал египтян. Сознание сродства скарабея с солнцем объяснялось присущей им верой в то, что и солнце и скарабей рождаются сами по себе. Египтологам не потребовалось усилий, чтобы установить все эти взаимосвязи; в научных публикациях они объясняют все это несколько сложнее и со ссылками на египетские источники.

Нам известны и другие изображения солнца, например в виде маленького мальчика, сидящего на теленке; судя по надписям, оно якобы подобно маленькому теленку с чистой мордочкой, а почему — мы не знаем. Нужно также сказать, что кроме теории, по которой движущей силой солнца является скарабей, египетские теологи создали и другие, более сложные. Согласно наиболее распространенной из них, в распоряжении бога Солнца были две ладьи, с востока на запад он плыл по небу в «дневной ладье», а с запада на восток под землей — в «ночной ладье». При этом его сопровождали различные боги, а сам он каждый час менял свое обличье: в первый час плавания он был стоящим ребенком, во второй час — юношей, сидящим на троне, в третий — грифом на

цветке лотоса и т. д.; какое-то время он имел даже обличье человека с двойным телом на манер сиамских близнецов, да еще с четырьмя бараньими головами... Религиозная фантазия египтян действительно была безграничной.

Как нам известно, богами были египетские цари — как при жизни, так и после смерти. «Если египтяне превратили в богов крокодилов, змей, жуков, солнце и даже существа, порожденные их фантазией, почему бы им не превратить в богов и своих царей?» Подобное заявление вполне правомерно, однако вопрос стоит не так. Положительный ответ стер бы качественное различие, которое тут существует. Обожествление правителей должно было упрочить и поднять их авторитет и всего государственного аппарата (включая хозяйственно-административный и податной), который они олицетворяли. Царя, который был богом, надо было и слушаться как бога; приказ рыть каналы, служить в царской армии, отдавать часть урожая и т. д. в этих условиях становился государственным установлением и божественным повелением. Неподчинение такому приказу было равносильно нарушению не только светских, но и предписанных богами законов, а бунт против царя расценивался как бунт против бога, что должно было повлечь за собой самые тяжелые последствия как на этом, так и на том свете. Таким образом, обожествление египетского царя освящало его деспотическую власть, а тем самым и бесправие его подданных, помогало веками сохранять существующее общественное устройство и все его классовые противоречия, превращало египетское государство в создание божье и образец совершенства.

Из всей египетской религии мы лучше всего знаем ту ее сторону, которая касается представлений о загробной жизни. На этот счет в нашем распоряжении имеется несметное множество свидетельств и художественные памятники, относящиеся ко всем периодам египетской истории. Согласно им, основные представления о загробной жизни у египетского населения сформировались еще в доисторический период, а в последующие тысячелетия они претерпели лишь незначительные изменения. Некоторые из этих представлений в различных модификациях перешли в христианство, иудаизм и ислам. Следы их мы до сих пор без труда находим в Египте.

Древние египтяне верили, что смерть означает не конец человеческого существования, а лишь переход в иной мир. В этой вере они не были ни одиноки, ни оригинальны, ее источники — жажда жизни и страх перед смертью — свойственны почти всем людям. Но египтяне имели собственные представления о том, как этот иной мир выглядит, и о жизни человека в этом мире, особенно о том, как умерший человек, несмотря на свою кончину, может продолжать жить. И главное, жить вечно, и даже лучше и счастливее, чем на земле.

Загробную жизнь египтяне представляли себе как продолжение земной. Они создали мир, который встречает человека за порогом смерти, по образцу и подобию нашего мира. Только все в нем было соответственно улучшено: поля давали более богатый урожай, а хлеба были в рост человека; на том свете человека ждало обилие еды и питья, а кто тяжело трудился на этом свете, на том исполнял легкую работу или вовсе не работал; у каждого был свой слуга или несколько слуг, в загробном царстве не существовало ни грабителей, ни воинов, там царил вечный мир. Крестьянин оставался крестьянином, плотник — плотником, писец — писцом, но каждый из них жил лучше; вельможи и жрецы были еще богаче. Хотя человека в том мире тоже ожидали испытания и опасности, но у него было гораздо больше сил для их преодоления. Весь загробный мир был некоей нематериальной репродукцией реального мира, и мертвые превращались как бы в духов; а сам этот мир находился под нашим, т. е. в преисподней. К этим представлениям египтяне пришли во времена Среднего царства, а ранее они, по всей видимости, помещали свой загробный мир над нашим миром, плавали с богом Солнца по небесному океану или жили на немеркнущих звездах. Имеются достоверные свидетельства лишь о том, что эти древнейшие представления применимы к загробной жизни царей.

Решение египтянами проблемы жизни человека после смерти кажется теперь, когда мы можем сопоставить его с религиозными представлениями христиан, иудеев, мусульман (и представителей других верований, не подвергшихся египетскому воздействию), довольно простым и примитивным. Вероятно, исходя из того, что человек обладает физическими и интеллектуальными способностями, они пришли к выводу, что его сущность состоит из двух основ — материальной и нематериальной. Материальной основой они считали человеческое тело, нематериальной — то, что в обычной религиозной терминологии зовется «душой» и что они называли «Ах», «Ба» и «Ка». Со смертью, согласно их представлениям, погибает лишь материальная основа человека; нематериальной основы, к которой относится и имя, смерть не касается. Следовательно, «душа»

человека может жить вечно, правда, если для этого созданы соответствующие условия.

«Ах», «Ба», «Ка» — довольно сложные понятия, для которых у нас нет точных эквивалентов, ибо они не соответствуют нашей системе представлений; даже египтологи не могут прийти к полному согласию при их истолковании. «Ба» означало, вероятно, примерно то же, что «чистый дух», т. е. та часть нематериальной основы человека, которая могла в любое время покинуть мертвое тело и могилу и свободно передвигаться куда угодно. «Ах» представляло («воплощало») духовные силы человека и, видимо, было теснее связано с его телом. «Ка» было самым важным из этих трех понятий, и для его характеристики мы воспользуемся высказываниями нескольких признанных исследователей. Г. Масперо видел в нем «духовного двойника» человека, Дж. Г. Брэстед — «гения-хранителя», Г. Штейндорф — «бодрствующий дух», А. Эрман — «жизненную силу», А. Х. Гардинер — «духовную сущность». По мнению Я. Черного, это понятие иногда соответствовало нашему понятию «личность» или «индивидуальность», иногда — «душа», «характер», а порой и понятиям «судьба», «положение», чаще же всего и в наиболее широком смысле его можно было истолковать как «дух-хранитель человека». Это «второе я» человека сопровождало его в течение всей жизни, а после его смерти продолжало жить, требовало, чтобы ему делали жертвоприношения в виде продуктов питания и напитков (иначе оно могло погибнуть). Египтяне никогда эти три понятия не разъединяли, особенно «Ба» и «Ка», понятие «Ка» они часто использовали и в переносном смысле. «Дом Ка» был одним из названий гробницы; служителем «Ка» назывался жрец, который совершал погребальные обряды; «отправиться к своему Ка» означало «умереть».

Основным условием загробной жизни египтяне считали сохранение тела умершего: для того чтобы человек мог жить после смерти в своей нематериальной сущности, должна быть сохранена его материальная сущность. Как египтяне пришли к этому убеждению, нам неизвестно, вероятно, их привели к нему обнаруженные в сухом песке хорошо сохранившиеся трупы; согласно археологическим исследованиям, вера эта утвердилась еще в доисторические времена. Отсюда проистекает развившаяся впоследствии особая забота о теле умершего, которая проявлялась прежде всего в двух формах: во-первых, в бальзамировании трупов и, во-вторых, в помещении мертвых в надежные гробницы, чтобы оградить их от гиен и грабителей. И тому и другому египтяне уделяли необычайное внимание; ведь если бы с телом умершего что-нибудь случилось, его «Ка», а также «Ба» и «Ах» утратили бы материальную основу существования и человек умер бы и в своей нематериальной сущности, т. е. окончательно. Итак, дорогостоящее и помпезное погребение в Египте выражало не только пиетет по отношению к умершему, с которым мы встречаемся у всех народов; оно было обусловлено сложными представлениями египтян о загробной жизни; только исходя из этих представлений и можно понять подобный обычай⁷.

Эти представления египтян и связанные с ними еще более сложные культы обоснованы мифом об Осирисе и Исиде. Миф этот очень древний, но литературную форму он обрел только во времена Среднего царства. Европейцам он стал известен еще до расшифровки иероглифов из сочинения Плутарха «Об Осирисе и Исиде» (примерно начало II века н. э.). Сейчас мы имеем и его оригинал, он представляет собой один из эпизодов обширного повествования о борьбе богов Хора и Сета за власть над миром. История эта в той форме, в какой она сохранилась, весьма примечательна, она показывает египетских богов в совсем ином свете, чем мы знаем их по молитвам и гимнам. Когда, например, бог Сет угрожает трибуналу из девяти богов, призванному разрешить его спор с Хором, что он их всех перебьет, никто из них на это не реагирует; судя по всему, такая пустячная угроза никого не испугала. Обман, отсечение рук и головы, выцарапывание глаз и т. д. — обычные действия богов в отношении друг к другу. Однако сейчас нас интересует иное, хотя все сказанное выше характеризует как египетских богов, так и египетских властителей, ибо миф, как правило, отражает реальную картину мира.

Осирис, как мы знаем, был членом «Великой Девятки» гелиопольских богов, сыном бога Земли Геба и богини Неба Нут, правнуком Атума. Он стал первым властителем египтян, вывел их из животного состояния, сообщил им навыки крестьян и ремесленников, превратил их в цивилизованных людей. Но могуществу и авторитету Осириса завидовал его брат Сет. Он тщетно пытался отнять подданных у брата и в конце концов решил его убить. Сет устроил в честь Осириса пир и, когда все уже были возбуждены, предложил ему побиться об заклад, что он не сможет поместиться в большом сундуке. Только Осирис лег в сундук, как Сет захлопнул крышку, забил ее гвоздями и с помощью своих приятелей сбросил сундук в Нил, а течение унесло сундук в море. Исида узнала об этом преступлении, долго искала и нашла мертвого Осириса. Тогда Сет разрубил труп Осириса на куски и разбросал по всему Египту. Но Исида постепенно разыскала, собрала

части тела Осириса и с почестями его похоронила; перед тем она властью своих заклинаний соединила все части его тела и ненадолго вдохнула в них жизнь, чтобы Осирис оплодотворил ее и оставил потомка. Этим потомком и стал бог Хор, который после долгой борьбы, проходившей с переменным успехом, наконец победил Сета и в качестве законного наследника Осириса стал править миром. Осирис также не был забыт: верховный бог Атум-Ра послал бога Анубиса, стража мертвых и мест погребения, чтобы тот набальзамировал тело Осириса и исполнил обряды, которые обеспечили бы ему вечную жизнь. После завершения обряда Осирис, или, точнее, его дух, охраняемый крыльями Исида, спустился в преисподнюю и стал царем мертвых.

«Воистину, как живет Осирис, так живешь и ты», — читаем мы надпись в сотнях египетских гробниц. «Воистину, как не умер Осирис, так не умрешь и ты. Воистину, как не исчез Осирис, так не исчезнешь и ты». На протяжении многих тысячелетий этот миф служил египтянам основанием для мумификации тел и гарантией вечной жизни. Для египетских царей этот миф представлял собой главный аргумент, позволявший им именовать себя «богами, правящими вечно», — они считали себя воплощением бога Хора на земле и бога Осириса — в загробном мире.

Мумифицирование усопших было распространено не только в Египте, но нигде оно не совершалось в столь давние времена, в таком масштабе и так успешно: сохранились египетские мумии, которым свыше пяти тысяч лет, но все же можно определить, что пород нами человек; на мумиях трехтысячелетней давности мы даже распознаем черты лица. В музеях мира сейчас находится несколько тысяч мумий, переживших (если так можно выразиться) не одно тысячелетие «охоты на мумий» — в древние времена ради драгоценностей и амулетов, запрятанных среди бинтов, в средние века и в начале нового времени ради магической силы, якобы присущей им и защищающей от дурного глаза. Еще в минувшем столетии во многих аптеках Европы продавались кусочки мумий, применяемые против кожных болезней и при переломах.

Удивительная сохранность египетских мумий вызывает всеобщее восхищение. Современные мумификаторы не поручатся за то, что даже искусственный климат и регулярный уход за набальзамированным телом позволят ему сохраниться более двух-трех поколений. Тщетно мечтают они узнать рецепты своих древнеегипетских коллег, ни один из которых не сохранился. Египтологи могут предоставить в их распоряжение лишь отрывочные сведения, например, из папируса Ринда или папируса Эберса, где указано, что мумификаторы пользовались «водой из Абу» (Элефантины), «щелочными растворами», «нубийскими (эфиопскими) каменными ножами» и т. п., но все это мало чем помогает нынешним мумификаторам. Древние египетские химики, бесспорно, обладали знаниями, которые были бы небезынтересны и сегодняшним ученым-химикам. Но главной причиной сохранности мумифицированных тел являются не неведомые химические средства, а климатические условия Египта, особенно сухой, раскаленный солнцем воздух, препятствующий размножению микробов. Трупы, найденные в песчаных ямах на краю пустыни, так же хорошо сохранились, как набальзамированные тела, а иногда даже лучше, ибо избежали разлагающего воздействия смол, масел, клейких веществ и других химических соединений.

Наиболее подробные сведения о мумификации в Древнем Египте мы получили от Геродота, когда это искусство уже достигло своих вершин. «Для этого поставлены особые мастера, которые по должности занимаются ремеслом бальзамирования, — пишет он во второй книге своей „Истории“ — когда к ним приносят усопшего, они показывают родственникам на выбор деревянные раскрашенные изображения усопших. При этом мастера называют самый лучший способ бальзамирования, примененный при бальзамировании того, кого не подобает в данном случае называть по имени. Затем они предлагают второй способ, более простой и дешевый, и, наконец, третий — самый дешевый. Потом опрашивают (родных), за какую цену (и каким способом) то желают набальзамировать покойника. Если цена сходная, то родственники возвращаются домой, а мастера остаются и немедленно самым тщательным образом принимаются за работу».

Мумификация по первому классу осуществлялась с большой тщательностью. «Сначала они извлекают через ноздри железным крючком мозг. Этим способом удаляют только часть мозга, остальную же часть — путем впрыскивания (растворяющих) снадобий. Затем делают острым эфиопским камнем разрез в паху и очищают всю брюшную полость от внутренностей. Вычистив брюшную полость и промыв ее пальмовым вином, мастера потом вновь прочищают ее растертыми благовониями. Наконец, наполняют чрево чистой растертой миррой, касией и прочими благовониями (кроме ладана) и снова зашивают. После этого тело на 70 дней кладут в натровый щелок. Больше 70 дней, однако, оставлять тело в щелоке нельзя. По истечении же этого 70-дневного срока, обмыв тело, обвивают повязкой из разрезанного на ленты висона и намазывают камедью (ее употребляют вместо клея). После этого родственники берут тело назад, изготавливают деревянный саркофаг в виде

человеческой фигуры и помещают туда покойника. Положив в гроб, тело хранят в семенной усыпальнице, где ставят гроб стоймя к стене.

Таким способом богачи бальзамируют своих покойников. Если родственникам из-за дороговизны (первого) приходится выбирать второй способ бальзамирования, то (мастера) поступают вот как. С помощью трубки для промывания впрыскивают в брюшную полость покойника кедровое масло, не разрезая, однако, паха и не извлекая внутренностей. Впрыскивают же масло через задний проход и затем, заткнув его, чтобы масло не вытекало, кладут тело в натровый щелок на определенное число дней. В последний день выпускают из кишечника ранее влитое туда масло. Масло действует настолько сильно, что разлагает желудок и внутренности, которые выходят вместе с маслом. Натровый же щелок разлагает мясо, так что от покойника остаются лишь кожа да кости. Затем тело возвращают (родным), больше уже ничего с ним не делая.

Третий способ бальзамирования, которым бальзамируют бедняков, вот какой. В брюшную полость вливают сок редьки и потом кладут тело в натровый щелок на 70 дней. После этого тело возвращают родным»⁸.

Хотя об этом и не очень приятно читать, но необходимо отметить, что в процессе бальзамирования трупы подвергались различным манипуляциям. Например, обычно волосы на голове коротко стригли, оставляя их только женщинам, при мумификации первого класса завивая, в остальных случаях склеивая. Глаза зашивали, но, дабы мертвый мог видеть, в глазные ямки клали самоцветы. Чтобы тело, освобожденное от внутренностей, не сплющивалось, наполняли его песком, опилками и рулонами полотна, пропитанного смолой; по остаткам такого «наполнения» путем химического анализа удалось установить сорта различных трав и лука. Внутренности хранили в так называемых канонах (Канобос — греческое название портового города, расположенного на месте нынешнего Абукира; отсюда торговцы древностями еще в античную эпоху вывозили эти сосуды в Европу). Помещались они в четырех канонах — отдельно печень, легкие, желудок и кишки, каждый имел крышку в виде одного из четырех сыновей бога Хора. Сердце покойного не трогали; по убеждению египтян, оно управляло всей телесной и духовной жизнью человека, было «его собственным внутренним богом», и, следовательно, мертвый не мог обойтись без него в царстве Осириса. От смерти до погребения, как свидетельствует Геродот, проходило семьдесят дней, которые нужны были не только для вымачивания тела в содовой щелочи. Согласно египетским источникам, столько времени требовалось Осирису и, естественно, каждому мертвому для воскрешения к новой жизни. Этот срок определили сами боги; он соответствовал периоду от захода до восхода над Египтом звезды Сириус.

Но мумификация не просто некий химический процесс, одновременно это и религиозный обряд. Помимо бальзамировщиков в нем принимали участие и представители различных жреческих специализаций: «писцы богов», «помощники Анубиса», «надсмотрщики над искусством (бальзамирования)» и прежде всего «жрецы-чтецы», декламировавшие над покойным предписанные обрядом тексты из священных книг. Особое внимание уделялось обертыванию трупа: бинты из тонкого полотна достигали в длину иногда сотни метров, и между отдельными слоями согласно строгим правилам помещались амулеты. Над сердцем клали каменного скарабея («сердечного скарабея»), на пальцы надевались трубочки, грудь прикрывали охранной дощечкой («пекторалем»), а лицо — пластической маской, которая передавала, несмотря на стилизованность, какие-то индивидуальные черты умершего (а иногда представляла собой и его точный портрет); среди амулетов обязательно должны были присутствовать «столб прочности» (по-египетски «джед») и «символ жизни» (них, форма которого до сих пор сохранилась в коптском кресте). Только после всего этого покойника клали в гроб. Точнее, в первый гроб, имевший форму мумии. Этот гроб ставился во второй, тот, в свою очередь, в третий, а то и в четвертый, и все они затем помещались в каменный саркофаг, уже приготовленный к тому времени в гробнице.

Такая мумификация обходилась недешево; дороги были амулеты, нагрудные дощечки и лицевые маски, дорога была красочная роспись, которой украшали каждый гроб, дорого стоило и само погребение. «Самый лучший», самый дорогой способ бальзамирования с соответствующим погребением мог позволить себе лишь вельможа или богач, «самый дешевый» — низший чиновник. Человеку же из народа приходилось довольствоваться лишь естественной мумификацией в сухом песке и гробом из досок или тростника. А то, что делалось с телом умершего царя, переходит все границы человеческого разума.

Говоря о мумификации, нельзя не упомянуть о том, что так же бальзамировались и священные крокодилы, змеи, птицы, быки (в Мемфисе до сих пор сохранился стол, на котором совершалась их мумификация). Рентгеновские снимки некоторых неповрежденных мумий показали, что иногда так мумифицировалось даже «абсолютное ничто». Вероятно, это были символические мумии людей,

утонувших в Ниле или погибших в сражениях, а может быть, и фальшивые мумии — приманка для грабителей гробниц. Забота о сохранении тела была в Древнем Египте поистине безграничной.

Мумии властителей эпохи Древнего и Среднего царств, интересующие нас более всего, не сохранились. Но нам известны мумии многих фараонов эпохи Нового царства, в том числе и таких могущественных и прославленных, как Тутмос III, Сети I, Рамсес II и Мернептах. Обнаружены они были при драматических обстоятельствах в июне 1881 г., когда представители Службы древностей и местные власти совместными усилиями заставили заговорить главу семейства грабителей гробниц, некоего Абд эль-Расула из Курны, на след которого случайно удалось напасть, и узнали от него место укрытия этих мумий. Сорок неповрежденных мумий царей и их приближенных нашел, спустившись в глубокую пещеру близ Дейр-эль-Бахри, ассистент Масперо Эмиль Бругш. Собственное судно Египетского музея доставило их в Каир, где они находятся в настоящее время.

«Корабль с царственным грузом сразу же по окончании погрузки отплыл в Булак, — пишет о последнем пути знаменитых мумий Масперо. — И тут мы стали свидетелями необычайного зрелища. Между Луксором и Куфтом по обоим берегам Нила сотни феллахов сопровождали судно, женщины распустили волосы и вымазали лица глиной, их жалобное пение доносилось к нам издалека, мужчины стреляли из ружей в честь мертвых царей своих предков... Еще жив Египет, видевший в своих властелинах богов».

Неужели Египет все еще видел в фараонах богов? В конце второго тысячелетия нашего летосчисления так же, как в начале второго тысячелетия до нашего летосчисления? В Каире Масперо пришлось изменить свою точку зрения. Дело в том, что портовый таможенник отказался пропустить груз. Он не знал, по какой статье тарифного кодекса взять за него пошлину. Масперо объяснил, что это мумии древних фараонов.

«К черту фараонов и их мумии! У меня на них нет таксы!» Лишь получив изрядный бакшиш, таможенник согласился осмотреть ввозимые предметы. Затем он обложил их пошлиной по статье, которая показалась ему наиболее подходящей: как за сушеную рыбу.

Итак, посредством мумификации сохранялась материальная основа человека, целостность которой, согласно верованиям древних египтян, была предпосылкой дальнейшего существования его нематериальной основы. Спустя семьдесят дней после смерти покойник восставал к новой жизни (что тем временем делали его «Ка» или «Ба» и «Ах», мы не знаем) и мог отправиться в страну вечности. Правда, при условии, что его правильно похоронили с соблюдением всех предписанных обрядов, установленных еще в доисторические времена. Судя по всему, египтяне считали погребение важным делом.

Не приходится завидовать египтянину, отправляющемуся на тот свет. Дух древнего грека или римлянина попадал туда без всяких затруднений, особенно если у него был обол для Харона, перевозчика через реку Стикс; душа христианина или мусульманина сразу возносится на небо. Египтянину же, чтобы попасть на тот свет, приходилось преодолевать настоящую полосу препятствий, изобилующую поворотами, ухабами, коварными ловушками, где на каждом шагу подстерегала опасность второй смерти. Со времен Древнего царства, когда путь этот вел к звездам, до нас дошли и могут служить источником информации «Тексты пирамид». Если верить им, нелегко пришлось даже царю Унису, хотя заранее было известно, что он достигнет цели. «Небо посылает дождь, звезды гаснут, лучники бегают в смятении, кости богов трясутся. Плеяды молчат, видя, как поднимается Унис, дух, тот, что есть бог... самый божественный из всех богов». Представления египтян времен Среднего царства о пути на тот свет известны нам по «Текстам саркофагов», в некоторых записях — надежности ради — имеется описание «обеих дорог», т. е. к звездам и в преисподнюю, да еще с картой того света. Больше всего подобных сведений сохранилось со времен Нового царства: в «Книге мертвых», часто с богатыми иллюстрациями, в специальной «Книге о вратах», через которые мертвый должен пройти, в «Книге о подземных пещерах», которых мертвый должен благополучно избежать, и, помимо всего прочего, в содержащей весьма конкретные инструкции «Книге о том, что есть в ином мире».

В этих произведениях не только заключены перечень опасностей, ожидавших мертвого на том свете, но и даны указания и советы, как их преодолеть. Кроме того, в них приведены гимны, исполнив которые перед теми или иными богами он мог снискать их расположение; титулы всех богов, дабы он не допустил ошибки, обращаясь к ним; указания, как убивать подземных крокодилов и змей; советы, как обойти сети подземных рыбаков; списки имен стражей всех врат, дабы покойный мог заговорить с ними, как со своими добрыми знакомыми; перечни всех их слабостей. Были в них магические заклинания, посредством коих мертвый мог обезвредить своих врагов, а сам обратиться в кого пожелает. Словом, в них было «все, что может пригодиться» во время пути на тот свет и жизни

там, по представлениям жрецов, мудро установивших это и возвещающих открывшуюся им истину прочим людям.

В качестве иллюстрации того, каким сложным был путь в иной мир и насколько беспомощным оказался бы мертвый без таких руководств, приведем Готрывок из «Книги мертвых», изданной Лепсиусом в 1842 г. «Иди, входи во врата эти чертога обоюдной правды,— читаем мы вступление к торопливому обмену вопросами и ответами в 125-й главе,— ты знаешь нас.

— Пусть идет! — говорят они мне.

— Кто ты? — говорят они мне.

— Как имя твое?

— Я — растущий под лотосом и находящийся в маслине, вот имя мое.

— Иди немедленно! — говорят они мне. Я прошел по северному городу маслины.

— Что ты видел там?

— Бедро и голень.

— Что ты сказал им?

— „Я видел ликование в стане врагов“.

— Что они тебе дали?

— Пламя огня и кристалл.

— Что ты сделал с этим?

— Я зарыл их на берегу бассейна правды, как вечерние вещи.

— Что ты нашел там на берегу бассейна правды?

— Жезл из кремня — „податель дыхания“ — имя его.

— Что ты сделал с огнем и кристаллом после того, как ты похоронил их?

— Я возгласил. Я вырыл их. Я загасил огонь. Я сокрушил кристалл. Я создал озеро»⁹.

Если умерший египтянин успешно завершал этот путь, если он знал названия карнизов всех врат и они его пропустили, если он знал названия порогов всех врат и они его пропустили, если он знал названия правой и левой стороны дверного оклада всех врат и они его пропустили и т. д., то он попадал в чертог Обейх истин, служивший местом «последнего суда». Посреди чертога сидел на троне сам бог Осирис, по обе его руки стояли богини Исида и Нефтида, а перед ними располагался трибунал из сорока двух богов; если речь шла о значительном лице, являлся и бог Солнца Ра, занимавший место верховного судьи. В распоряжении трибунала был «детектор лжи» в виде весов; на одной чаше весов лежало сердце умершего, а на другой — страусовое перо богини истины и справедливости Маат. По одну сторону весов стоял бог правосудия и искусства письма Тот с головой ибиса, по другую — сидело чудовище Аменит с телом гиены и бегемота, львиной гривой и пастью крокодила; имя ее в переводе означает «Пожи-рательница». Умершего вводил в зал бог мертвых и страж мест погребения Анубис, у которого было человеческое тело и голова шакала. После соответствующих обрядов начинался суд. Он походил на суд инквизиции, ибо члены трибунала были одновременно судьями и следователями (очевидно, такая же судебная система существовала в Древнем Египте). Но весы обеспечивали «объективность» и «справедливость» приговора; при ложном ответе чаша с сердцем («совестью») умершего шла вверх, ибо оказывалась легче истины. Каждый из присяжных заседателей-богов задавал один вопрос, на который умерший благодаря жрецам заранее знал правильный ответ. Протокол вел бог Тот. Взвесив все «за» и «против», Осирис (или сам Ра) выносил приговор. Если приговор был благоприятным, умерший мог вступить в царство Осириса; в противном случае он заканчивал свое существование в утробе Пожи-рательницы.

Запись вопросов и ответов на «последнем суде» являлась образцом «правил жизни» и представляла собой моральный кодекс древних египтян. Ответы всегда были отрицательными¹⁰. Приведем некоторые из них: «Я не причинил зла людям. Я не мучил животных. Я не убивал скот, предназначенный для жертвоприношений. Я не совершал ничего дурного в священном месте. Я не старался узнать то, что должно остаться тайным... Я не богохульствовал. Я не провинился перед богами... Я не совершал насилия над бедным. Я не оговаривал слугу [раба! перед его хозяином. Я никого не оставил голодным. Я никого не заставил плакать. Я никого не убил. Я ни к кому не подсылал убийц. Я никому не нанес ран [причинил боли]. Я не подменял меру зерна. Я не подменял меру для измерения полей. Я не заставлял обманом опускаться чашу весов. Я не заставлял обманом колебаться язычок весов... Я не отнимал молока у ребенка... Я не задерживал в оросительном канале воды, которая должна была течь [на чужое поле]. Я не гасил [жертвенного! огня, когда он должен был гореть. Я не уводил скот с поля богов. Я не вставал на пути процессии бога». Все это мертвый должен был произнести дважды: первый раз весь текст сразу, второй —

отвечая на вопросы судей. В обоих случаях в конце он должен был четырежды воскликнуть: «Я чист!»

Если в чертоге Обеих истин все завершалось благополучно, Осирису представляли умершего и он разрешал вновь прибывшему жить в своем царстве. Но и это еще не означало, что все испытания позади. Царство Осириса не было ни греческим или римским элизиумом¹¹, ни тем более христианским или мусульманским раем. Как мы знаем, это был увековеченный и увеличенный мир Древнего Египта, не какой-нибудь антимир, где бы зло превращалось в добро, а страдание — в наслаждение. Хотя умерший мог там жить лучше, чем па этом свете, но ему приходилось о себе заботиться. Львы там были еще грознее и страшнее, крокодилы еще зубастей и прожорливее, змеи и скорпионы еще ядовитее; поэтому оставшиеся в живых близкие клали ему в гроб упомянутую книгу с указаниями, как защищаться. Было там и место казней, напоминавшее бойню, где отрубали головы врагам богов, а ведь умерший мог туда ненароком забрести; на случай, если бы он там лишился головы (или если бы оказалась поврежденной его мумия), в могилу клали запасную голову из известняка. Он мог утратить там земную память и даже забыть свое имя, перестав существовать как личность; на этот случай между бинтами мумии помещали каменное сердце в виде скарабея.

Если умершему не удавалось счастливо избежать этих и многих других опасностей, он мог даже умереть, несмотря на то что его мумифицированное тело пребывало в целостности и сохранности. Эта вторичная смерть являлась уже окончательной и бесповоротной, и следствием ее становилось полное небытие человека.

Царство Осириса не было раем и в том смысле, что не освобождало от необходимости работать.

Надсмотрщик мог послать умершего жать хлеба или перевозить песок с одного берега на другой; и на том свете надсмотрщик был могущественнее обычного смертного. На этот случай в могилу клали заместителя или раба в виде статуэтки — «ушебти» («ответчик»), которая на приказ надсмотрщика откликалась: «Я здесь!» — и выполняла за усопшего всю необходимую работу. В каждой могиле можно было найти несколько таких статуэток; если покойный боялся перетрудиться или хотел похвастать перед другими умершими большим числом своих рабов, он запасался на каждый день года статуэткой, а то и не одной. Сейчас нам известны десятки тысяч таких статуэток (не считая подделок, часто довольно удачных) из камня, глины, фаянса, дерева, и многие из них представляют собой настоящие произведения искусства. Но столь же очаровательны и неумелые «ушебти» бедняков, единственные слуги тех, кто всю жизнь служил другим.

Раз мертвому (или, точнее, его «Ка») предстояло жить в царстве Осириса, ему была необходима одежда, чтобы не ходить голым, миска — чтобы не есть с земли, постель — чтобы не спать в пыли; ему нужны были любимые вещи, он нуждался в пище и питье. Все эти потребности должны были удовлетворяться согласно его земным привычкам, высокородный господин не мог не отличаться от крестьянина, военачальник — от простого воина, первая дама гарема — от служанки, царь — от всех своих подданных. Кроме того, каждый умерший должен был иметь возможность навещать своих потомков и родственников, иначе его жизнь на том свете не многого бы стоила. Хотя он был духом, все его потребности надо было обеспечивать материально, т. е. погребальной утварью и жертвоприношениями; только тогда дух мог воспользоваться их нематериальной сущностью. Если ему чего-нибудь не хватало, он мог, произнеся магическое заклинание, оживить изображения жертвенных даров, украшавших гробницу, и притом сколько угодно раз. Таким образом, практически он мог «жить» вечно.

Заботиться о погребении, погребальной утвари и жертвоприношениях было священной обязанностью потомков и родственников. Однако эта дорогостоящая обязанность обычно была облегчена: еще при жизни человек заказывал себе гробницу и приобретал значительную часть погребальной утвари, а в завещании выделял из своего имущества фонд для покрытия расходов на жертвоприношения. Все эти заботы как бы подтверждали слова греческого автора, что «жизнь египтянина состояла в приготовлениях к смерти».

Разумеется, в Египте всегда было достаточно людей, видевших смысл жизни отнюдь не в приготовлениях к смерти. Как мы знаем из их письменных свидетельств, одни прежде всего стремились «заслужить расположение правителя», другие «заботились о приумножении своего имущества», третьи «старались не делать больше, чем приказано», или только «спокойно дожить до ста десяти лет». Многие наверняка руководствовались советами, которые были явным выражением гедонизма¹². «Предавайся радостям, не думай о заботах», — читаем мы в произведении, созданном, вероятно, еще во времена Древнего царства. «Пользуйся своим достоянием с веселой мыслью, ни в

чем себе не отказывай», — читаем в папирусе Первого переходного периода. «Веселись, гони от себя мысль, что когда-нибудь станешь сверкающим духом! Радуйся, пока ты здесь! Ни одну прекрасную вещь не возьмешь с собой на тот свет, и нет оттуда дороги назад!» — читаем мы в стихотворении времен Среднего царства. Вопреки религиозному ярму и деспотическому произволу, вопреки гнету всякого рода повинностей и политического бесправия древние египтяне считали целью жизни саму жизнь.

Но каких бы взглядов на земной и потусторонний мир ни придерживались египтяне, на всякий случай они старались надежно обеспечить свое посмертное существование, по крайней мере те из них, у кого на это были средства. Об их жилищах мы знаем лишь по изображениям и то не слишком точно; исчезли не только хижины бедноты, дома представителей средних слоев, но и царские дворцы. Греки, хорошо знавшие обычаи египтян, с удивлением констатировали, что своим земным обиталищам они уделяли куда меньше внимания, чем гробницам, и этим отличались от всех остальных народов. Мы верим этому, помимо всего, и по той причине, что традиции сооружать внушительные гробницы сохранилась. И не только у коптов, но и у мусульман, в чем можно убедиться, прогуливаясь, например, по каирскому «Городу мертвых».

Обряд снаряжения покойника в посмертный путь присущ многим народам древности, но, за исключением могил властителей, обычно все ограничивались скромными дарами. Египтяне же одаривали своих умерших настоящим богатством, стоимость «приданого» покойника, насколько можно судить по нескольким нетронутым гробницам или сохранившимся остаткам, огромна. Экономистам трудно понять, как хозяйственная система древних египтян могла выдержать омертвление столь большого количества живого труда для такой в конечном счете непродуктивной цели, и они видят в этом одну из причин замедленного развития производительных сил в Египте. Археологи же этому только рады; без посмертного снаряжения усопших они бы не имели материальных свидетельств того, как удовлетворяли свои потребности живые. А главное — без художественных сокровищ, найденных в египетских гробницах, сейчас было бы беднее все человечество.

Следовательно, гробницы древних египтян — место хранения не только мумифицированных тел, но и несметных богатств. Они были складами драгоценных блюд и ваз из алебастра, статуэток и украшений из порфира, предметов роскоши из золота и драгоценных камней. Ныне мы можем лишь туманно себе представить, какие сокровища составляли посмертное «приданое» царей. Даже после открытия гробницы Тутанхамона!

Естественно, богатство привлекает воров. В могилах бедняков можно найти разве что какую-нибудь миску или статуэтку «ушебти», эти могилы охраняла их собственная убогость. Гробницы богачей надо было надежно защищать. Эти места последнего отдохновения превращали в сейфы, а гробницы властителей — в настоящие крепости.

Глава VII КАК РОДИЛАСЬ ПИРАМИДА

Зачарованные головокружительными глубинами тех далеких веков, когда выросли пирамиды, мы подчас забываем, что это постройки не первой, а довольно зрелой стадии эволюции египетского общества. Монументальная архитектура не возникает, как утверждалось ранее, «в начале развития той или иной культуры», «в момент, когда варварский народ неожиданно осознает себя и свою силу». Сказанное нами относится в равной мере как к пирамидам, так и к готическим кафедральным соборам, романским базиликам, римским амфитеатрам, греческим храмам и т. п., а также к вавилонским зиккуратам. Строительство таких значительных сооружений невозможно без столетиями накопленного опыта, без использования и преодоления традиций, создания экономических, технических, организационных и идеологических предпосылок.

Когда первые научные исследователи Египта удостоверились в правоте античных авторов, утверждавших, что пирамиды — это гробницы царей, они задумались, как же египтяне хоронили своих властителей до появления пирамид. Они, конечно, не считали, что эти правильные геометрические пирамиды из камня, достигающие колоссальных размеров, пошипели «ни с того ни с сего, точно вулканические острей» и мори», что в своих геометрических очертаниях они «выкристаллизовались из песчаных барханов пустынь». Еще Нин и Перринг подозревали, что ступенчатая пирамида — «предварительная ступень» истинной пирамиды. Шампольон и Розеллини нашли много точек соприкосновения между царскими и прочими гробницами, они пытались даже найти нечто общее между пирамидами в Гизе и скальными гробницами в Долине царей. В этот

период первых открытий ближе всех подошел к истине Лепсиус, обнаруживший связь между пирамидами и окружающими их гробницами сановников, которые тамошние арабы называли мастабами, т. е. так же, как массивные глиняные «скамьи» перед крестьянскими домами. И вот Лепсиус высказал мысль, что в таких мастабах (этот термин был принят и египтологией) египтяне прежде хоронили царей; естественно, эти царские мастабы были больше по размерам и ради внушительности и пущей безопасности укрыты каменными платформами-крышками. Из этих-то громоздящихся одна на другую, все уменьшавшихся платформ и возникла, по его мнению, «ступенчатая мастаба», каковой он считал пирамиду Джосера в Саккара, а уже из нее впоследствии развилась «истинная» пирамида. Позднейшие исследования, откорректировав и дополнив эту теорию, в основном подтвердили ее.

Однако реальное доказательство того, что пирамиды возникли из мастаб, наука получила лишь в середине нашего века. Оно принадлежит британскому археологу У. Б. Эмери, который в 1935—1956 гг. вел широкое обследование захоронения в Саккара и обнаружил там ряд мастаб, относящихся к архаической эпохе. Все они были из кирпича и различны по размерам; одну из самых больших, хотя она и была в плачевном состоянии, сравнительно нетрудно было реконструировать. Она представляла собой срезанную пирамиду высотой примерно 5 метров, площадь ее в основании равнялась 28X14 квадратным метрам, наверху — 14X7 квадратным метрам. Первоначально эта пирамида имела примерно двадцать невысоких ступеней и ограждение в виде пятиметровой стены с расположенными через правильные промежутки выступами. Она весьма напоминала ступенчатую пирамиду Джосера, и невольно возникала мысль, что архитектор пирамиды Джосера взял ее за образец. Позднейшее ее обследование подтвердило предположение Эмери: перед ним была мастаба не какого-нибудь сановника, а самого царя, а именно Хора Анджиба, первого царя, упоминаемого в «Саккарском списке», который, как царь «Верхнего и Нижнего Египта», звался Мер-биап (Миебидос) и, согласно «Абидосскому списку» и Манефону, был шестым правителем I династии!

Зрелая архитектура мастаба Анджиба свидетельствует о том, что постройка, вне всяких сомнений, следствие длительной эволюции, доказательства чему мы находим тут же, поблизости: в более ранних и более простых гробницах архаической эпохи. Эмери различал их, во-первых, по общественному положению их владельцев, т. е. гробницы царей и членов их семей, гробницы высших и низших сановников, чиновников, ремесленников и т. д., и, во-вторых, по возрасту, причем различал шесть стадий с постепенными переходами. Старейший архитектурный прототип мастаба Анджиба он открыл в захоронении царицы Хернейт: почти такая же небольшая оградительная стена, но наземная часть гробницы меньше и без явных следов ступеней. Открытие этой гробницы привело его к самому порогу истории Египта: царица Хернейт была женой царя Джера, преемника царя Аха, или Нармера.

Поиски прообраза пирамид в Саккара имели свою причину: здесь, на месте некрополя главного города Древнего царства Мемфиса, были воздвигнуты первые пирамиды, значит, здесь же должны были находиться и постройки, впоследствии развившиеся в них. В пользу этого говорило изучение других мест захоронений, которое принесло немало неожиданных результатов. В Абидосе на кладбище древней столицы Тиса (Тина) были обнаружены гробницы нескольких царей I и II династий, среди них Аха, Джера, Джета, Удиму (Дена) и Каа. Одни гробницы тех же царей были обнаружены и идентифицированы египтологами и в Саккара. Как могло случиться, чтобы один человек, пусть даже царь, был похоронен сразу в двух местах? А поскольку похоронен он все-таки в одном месте, то зачем повелел выстроить две дорогие гробницы с роскошным погребальным инвентарем? В которую из них он был помещен после смерти? Египтологи не имеют однозначного ответа на эти вопросы. Большинство из них полагают, что параллельное строительство двух гробниц было выражением известной «раздвоенности Египта», египетский царь был владыкой Верхней и Нижней земель, был носителем короны Верхнего и Нижнего Египта и т. д. Значит, и могилы он должен был иметь в Верхнем и Нижнем Египте. Другие ученые объясняют это стремлением египтян быть похороненными близ гробницы Осириса (вернее, места захоронения его головы), которая, согласно мифам, находилась в Абидосе, и если они не могли иметь там подлинной гробницы, то велели выстроить (когда имели на то средства) хотя бы символическую «пустую» гробницу (кенотаф) или соорудить надгробную плиту с царским именем (стелу). Но все ученые сходятся на том, что эти цари были похоронены в Саккара, на кладбище столицы объединенного Египта, а в Абидосе были всего лишь их символические гробницы. Правда, с уверенностью этого утверждать нельзя, ибо пока ни одной мумии не найдено.

И раз уж мы коснулись вопросов, на которые нет достаточно определенных ответов, подумаем еще вот о чем: правильно ли в поисках исходной точки всех пирамид останавливаться на мастабах

Анджиба и Хернейт? Не следует ли пойти еще дальше и искать исходную точку в гробницах, предшествовавших мастамам? В гробницах не владык и сановников, а простых египтян? Ведь мастабы относятся уже к исторической эпохе существования Египта, а есть ведь могилы египетских земледельцев и оседлых охотников, которые на многие столетия древнее...

Насколько можно судить по раскопкам, могилы простых египтян на склоне доисторической эпохи в большинстве своем были двух типов. Земледельцы Нижнего Египта хоронили мертвых в своих жилищах, позже строили для них на краю деревни кирпичные «дома мертвых» с наклонными стенами. В Верхнем Египте удерживалась традиция древних «кочевых» захоронений: мертвых укладывали в ямы и прикрывали песком, обожженным камнем, позже стали строить гробницы из кирпича. Элементы обоих захоронений соединились позже в мастабе.

Таким образом, старейший из известных типов египетских могил — яма в песке с песчаной насыпью, укрепленной каменной кладкой. Может, именно здесь и надо искать зачатки развития способа захоронения, обретшего в конце концов вид каменного холма, названного «пирамидой»?

Во всяком случае, такая возможность не исключена. Ведь начало почти всегда бывает скромным.

Мастабы, прямые предшественницы пирамид, были гробницами представителей привилегированных классов египетского общества. В древнейшие времена их повелевали строить цари, позднее лишь сановники и видные особы. Мы знаем несколько сотен таких мастаб, довольно прилично сохранившихся; сооружали их не только до пирамид и одновременно с ними, но и после.

Исследователи Египта с самого начала уделяли мастамам большое внимание; их изучению отдано гораздо больше времени и усилий, чем изучению пирамид. К сожалению, такое внимание уделяли им не только исследователи, но и грабители, опередившие ученых на тысячелетия, и тем не менее именно в мастабах найдено наибольшее количество тех свидетельств о жизни древних египтян, которыми ныне располагает наука. Гробницы правителей преимущественно дают информацию о политических событиях и воинских походах, правда не всегда объективную. Захоронения простых египтян сообщают нам мало сведений, они подтверждают лишь общеизвестный факт — существование в египетском обществе классовых противоречий. Могилы слуг и рабов чрезвычайно убоги, кроме того, их обнаружено весьма мало. Мастабы служат для нас главным источником сведений о условиях существования различных классов, и прежде всего народных масс. Без них мы бы ничего не знали о буднях Египта, которые не вошли в историю.

Мы можем подразделить мастабы на несколько типов — по месту и времени их возникновения и по общественному положению их владельцев. Старейшие мастабы строились из кирпича-сырца в виде массивных плит с наклонными внешними стенами; их форма свидетельствует о происхождении от захоронений Верхнего Египта с могильной насыпью. Более поздние мастабы строились в форме жилища, т. е. как в Нижнем Египте, и начиная с IV династии преимущественно из камня. Притом оба эти типа сближались по своему внешнему виду и постепенно увеличивались в размерах; многие из мастаб действительно превратились в «скамьи для великанов» или «дворцы мертвых». Некоторые из них мы уже встречали на своем пути, например мастабы Чи, Птаххотепа, Мерерука, Птахшепсеса; самая большая из всех найденных до сих пор мастаб, как показали последние раскопки чешских археологов в Абусире, принадлежит как раз Птахшепсесу (она состоит более чем из 40 помещений). Однако эти мастабы относятся к временам V и VI династий, т. е. к тому периоду, когда уже давно строились пирамиды, и потому на эволюцию строительства пирамид они не повлияли.

Основная архитектурная концепция мастаб, невзирая на разнообразие их типов, одинакова. В туристских путеводителях обычно утверждается, что мастабы состоят из двух основных частей — наземной и подземной. Но египтологи, исходя из функции мастаб, т. е. из требований, предъявлявшихся к ним египтянами, различают в них три части. Первая часть — это помещение, куда кладут умершего, т. е. подземная погребальная камера, следующая часть — помещение, где складывали вещи для загробной жизни, т. е. склад погребальной утвари, и, наконец, третья представляет собой помещение для заупокойного ритуала, т. е. молельню. Кроме того, в мастабах имелся и ряд других присущих им признаков, например шахта для доставки усопшего в погребальную камеру, замыкающие и предохранительные приспособления, кладовые и т. п., а часто и оградительная стена.

Каждая мастаба — оригинальное архитектурное произведение. Среди всех сохранившихся мастаб нет и двух одинаковых.

Погребальная камера всегда находилась в подземелье, обычно на глубине 2—3 метров, а иной

раз 10 или даже 20. Чаще всего она была вытесана в скале; если же ее выкапывали в песке, то стены обкладывали кирпичом, а потолок перекрывали крепкими бревнами. Форму она имела квадратную или прямоугольную, причем главная ось проходила с севера на юг (часто не слишком точно). Самые маленькие погребальные камеры занимают примерно квадратный метр, и мертвые тела помещены в них наискось, из угла в угол; самые большие имеют длину 10 и даже 12 метров и высоту от 2 до 4 метров. В одних камерах на стенах остались следы росписей, в других — довольно толстой штукатурки, в третьих стены великолепно отшлифованы. Перед погребальной камерой всегда расположена «передняя», в которую ведет отвесная (в редких случаях — наклонная) шахта для спуска гроба с покойником; во время строительства через нее поступал необходимый для работников воздух.

В погребальной камере помещался саркофаг для гроба (или гробов) с мумией усопшего. Он всегда был из камня, большей частью из известняка или гранита, обычно из одной каменной глыбы, отполирован или украшен неглубоким рельефом. Создание саркофага требовало значительной технической сноровки, а зачастую и художественного мастерства; важные особы получали его в дар от царя как знак особой милости. Во многих мастабах саркофаги и поныне стоят на своем первоначальном месте. В одних мастабах саркофаг стоит у стены и не прикреплен к полу, в других накрепко вделан в плиты пола, но всегда — на западной стороне камеры. В погребальную камеру его помещали еще во время строительства, и там он стоял в ожидании гроба с покойником. Гроб имел форму человеческого тела (или забинтованной мумии) и был сколочен из дерева, снаружи и изнутри его украшали рисунки и надписи; иной раз он был позолочен или покрыт золотой фольгой. Как правило, мумия лежала не в одном гробу, а в двух или даже трех, вставленных один в другой, но имеющиеся у нас доказательства этого относятся уже к докольно позднему времени. После установки гроба с мумией в саркофаге его плотно закрывали крышкой, а вокруг него раскладывали отдельные предметы погребальной утвари. Во время погребальных обрядов или же после них в пространство между «передней» и шахтой опускалась тяжелая каменная плита, затем шахту засыпали песком и камнями. Таким образом, доступ в погребальную камеру навсегда закрывался и усопшему был уготован вечный покой.

В некоторых мастабах хранилище погребальной утвари было невелико, ибо основная часть умещалась в погребальной камере и «передней», в других оно занимало несколько помещений в подземной и наземной частях. К подземным складам, как правило, вела лестница, иногда заменявшая шахту. В погребальной камере помещали самые ценные и необходимые предметы: сосуды с едой и напитками, одежду, драгоценные украшения, амулеты, рядом с мужчиной клали оружие, рядом с женщиной — принадлежности туалета. В других помещениях находилось все остальное: запасы еды, тканей и одеяния, мебель и предметы домашнего обихода, шкафчики, украшенные золотом и драгоценными камнями. Обнаружены мастабы с тысячами сосудов из алебаstra, порфира, фаянса, даже из горного хрусталя; все эти сосуды свидетельствуют об изысканном вкусе своих создателей. Судя по изображениям на рельефах, можно сделать вывод, что у относительно зажиточных египтян меню состояло из более чем сотни различных блюд. Одевались мужчины просто (даже высокие сановники обходились обыкновенной набедренной повязкой), зато женщины носили роскошную одежду, парики, пользовались душистыми маслами, косметикой, надевали различные украшения, но в чем им не откажешь — это в чувстве меры. Многие из этих предметов найдены археологами, ибо не все хранилища были обнаружены древними грабителями.

Первоначально молельня была самостоятельной постройкой, по крайней мере в мастабах с массивной наземной частью, однако со временем она слилась с мастабой или же, оставаясь отдельным сооружением, вошла в ее архитектурный комплекс. В мастабах, построенных как жилища, она с самого начала была составной частью постройки, в семейных мастабах каждый умерший имел индивидуальную молельню. В некоторых мастабах молельни (вместе с боковыми помещениями и соединительными ходами) занимали половину, а то и три четверти объема наземной части. Но они никогда не строились в подземной части и в отличие от погребальных камер или хранилищ не затворялись навсегда.

Напротив, как места заупокойного ритуала они были доступны жрецам и родственникам усопшего, которые являлись туда с молитвами и жертвенными дарами.

Молельня всегда помещалась на восточной стороне мастабы и имела два неперенных атрибута: во-первых, стелу или символические («ложные») двери, через которые в нее якобы входил дух усопшего, чтобы принять участие в заупокойных обрядах, и, во-вторых, так называемый сердаб, что в переводе с арабского означает «погреб». Это было узкое, со всех сторон закрытое помещение, в котором стояла статуя умершего; как правило, сердаб находился в южном углу молельни. Со стороны молельни в стене были проделаны маленькие отверстия; ныне посетители через них разглядывают статую умершего, если она там сохранилась (или ее копию, как, например, в гробнице Чи, поскольку

оригинал вывезен в музей), но первоначальное назначение этих отверстий было иным. Согласно верованиям египтян, в статую вселялся дух почившего и через отверстия смотрел на жертвоприношения, слушал молитвы и причитания, вдыхал благовонные курения. Но чтобы дух мог войти в статую, он должен был узнать в ней себя, и потому египетские скульпторы выполняли эти статуи весьма реалистически, добиваясь портретного сходства; делались они примерно в натуральную величину, причем умерший изображался молодым. Большинство таких статуй, сохранившихся с древних времен, найдено именно в сердабах.

Стены молельни и камер обычно были украшены расцвеченными рельефами, представлявшими собой серии картин на сюжет земной или загробной жизни. На них были изображены сцены труда земледельцев (сев, жатва, вывоз урожая с поля, сбор плодов, уход за скотом, рыбная ловля, охота на диких зверей), домашнего быта (приготовление еды и напитков), труда ремесленников (столяров, скульпторов, строителей, ювелиров и т. д.), а также сцены, показывающие общественное положение умершего (сбор податей, суд над работниками и наказание виновных, возвращение из военного похода с пленными) или его развлечения (танцы, музыка, игры и т. д.). Из потусторонней жизни преимущественно изобразились дорога в загробный мир, «последний суд», сонм богов и всяческих чудовищ. В больших масштабах эти рассказы и картинках содержат тысячи фигур и десятки тысяч мелких деталей, дающих представление о быте египтян; картинке сопровождаются пояснительными текстами. Несомненно, эти картинке довольно стереотипны и шаблонны, и все же они вызывают эстетическое восхищение. А те, кого не восхищает это «искусство», поражены его «техникой». Краски на рельефах и поныне, через три-четыре тысячелетия, свежи и ярки, словно их нанесли вчера.

Строительство мастабы всегда начиналось с подземной части, иначе осуществить его было бы технически невозможно. Законченная или в значительной мере завершенная наземная часть нередко перестраивалась, особенно если заказчик поднимался по общественной лестнице ступенькой выше. Например, когда Птахшесепс получил должность «надзирателя за постройками», он немедленно увеличил ма-стабу, а когда женился на дочери царя, велел убрать из молельни портрет первой жены и даже первенца-сына, заменив их портретами жены и сына царского происхождения; когда же он стал чати (визирем, первым министром), то приказал пристроить к гробнице специальное помещение для «солнечной ладьи». Подобные изменения обнаружены и в подземной части, ибо более высокое социальное положение требовало более богатого погребального снаряжения. Впрочем, мы знаем случаи, когда сановник, попавший в немилость, вообще лишался мастабы, а ее получал в дар от правителя тот, кто занял его место; новый хозяин вносил изменения по своему вкусу.

Итак, мастаба строилась на века, в нее был вложен многолетний труд сотен людей. Причем обычно ее подземная часть требовала больше работы, чем наземная, а сама эта работа была несравненно тяжелее и сложнее. Правда, нельзя говорить о мастабе вообще, некоторые из них состояли из обыкновенной ямы и наземной надстройки размером 2X3 метра, другие же представляли собой целые катакомбы под землей и постройки вроде нынешних ангаров. Однако в отличие от ангаров они были богато украшены настенными изображениями, особенно по фасаду; горизонтальная проекция самых больших мастаб составляет 50X30 метров, высота 7—8 метров. Той же высоты были, очевидно, и оградительные стены, их толщина доходила до 3 метров.

Оградительные стены мастаб были толще, чем стены крепостей в пустыне, использовавшихся современной египетской армией до введения патрулирования с воздуха. Добраться до погребальных камер через засыпанные шахты и каменные плиты в тогдашних условиях было труднее, чем сейчас добраться до подземных сейфов банков. Божья кара за нарушение покоя мертвых была страшней любого параграфа нынешних уголовных кодексов. И все же еще в древние времена большинство мастаб было разграблено.

Сокровища, спрятанные в мастабах, привлекали грабителей. Поэтому приходилось принимать меры предосторожности. И особо надежно надо было укрыть тело умершего. Для этого египтяне не жалели ни сил, ни средств, особенно если речь шла о драгоценном теле царя.

Ведь что такое земная жизнь, даже если доживаешь до идеального возраста — ста десяти лет, против вечности?

Постепенное превращение мастабы в пирамиду, безусловно, не объясняется одними лишь требованиями безопасности. Но нельзя и недооценивать их: заказчики и строители гробниц с самого начала уделяли им основное внимание; грабителей они боялись, пожалуй, не меньше, чем богов. Немалое влияние оказали на эту эволюцию и религиозные воззрения: в Тисе (Тине), где жили цари двух первых династий, были иные погребальные обычаи, нежели в Мемфисе, где находилась резиденция царей с III по VI династию, повелевавших строить для себя пирамиды. Не последнюю

роль сыграли экономические и политические факторы. Царская власть за три столетия, прошедшие с объединения Египта, достигла небывалого могущества, а развитие земледелия и добыча от военных походов давали средства для построек, какие прежним правителям и не снились. В конце концов не исключено, что какое-то воздействие оказывали и чисто субъективные моменты: стремление продемонстрировать свое могущество, богатство, «царская мания величия».

Разумеется, все эти факторы, а возможно, и другие, не известные нам, действовали, взаимодополняя друг друга; попытка объяснить переход от мастабы к пирамиде какой-то «одной причиной» была бы свидетельством метафизического образа мышления. Переход этот не был «заранее продуман» или «спланирован», он просто «наступил». Ученые единодушно утверждают, что первую пирамиду начали строить как традиционную мастабу. И лишь в процессе строительства, в результате некоторых изменений в плане, она превратилась в ступенчатую пирамиду. Но она с самого начала отличалась от предыдущих мастаб: в качестве строительного материала здесь вместо кирпича-сырца применялись каменные блоки.

Как нам известно, эту первую пирамиду около 2700 года до н. э. повелел построить правитель III династии Джо-сер; ее архитектором, согласно древнеегипетской традиции, был высший сановник Джосера Имхотеп. Это одна из наиболее изученных построек Египта. Еще в 1837 году здесь работал Перринг, а до него — Сегато и Минутоли, в 1843 году — Лепсиус, позднее Мариетт, Масперо, Лако и Лоре, после первой мировой войны ее обследование продолжили Жекье, Квибелл, Фёрс и в особенности Лауэр, последний даже отмечал в тени этой пирамиды пятидесятилетие своей археологической деятельности. Изучение ее глубин и раскопки в окрестностях показали, что строительство имело шесть фаз, по случайности это соответствует количеству ступеней-этажей. Из множества печатных сообщений всех этих ученых назовем лишь одно итоговое: «Ступенчатая пирамида» Ж. Ф. Лауэра, изданное в Каире в 1936—1939 годах. По описаниям, чертежам и планам, приведенным в трех томах этой книги, мы можем проследить развитие пирамиды Джосера словно на рентгеновских снимках. Попытаемся обобщить сказанное Лауэром (с небольшими дополнениями из более поздних монографий).

Когда Джосер решил строить гробницу из нетрадиционного материала, он еще избрал для нее традиционную форму. Сначала он повелел строить ее как обычную мастабу с квадратной горизонтальной проекцией, со сторонами по 63 метра и высотой 9 метров; ее ядро из известняковых блоков местного происхождения он приказал обложить отшлифованными плитами из более тонкого известняка, добытого в каменоломнях на противоположном берегу Нила. (Возможно, он и не выбирал этот тип гробницы, ибо не исключено, что строилась она еще для его предшественника, а сам Джосер при вступлении на трон лишь присвоил его мастабу.) Во второй фазе Джосер приказал увеличить свою гробницу со всех четырех сторон на 4 метра; должно быть, она показалась ему тесной, хоть и превышала все мастабы предыдущих царей. В третьей фазе он повелел продолжить ее на 10 метров в восточном направлении, так что она приобрела форму прямоугольника; эта пристройка, очевидно, отводилась под молельню или под камеры с погребальной утварью. Только в четвертой фазе гробница стала превращаться в ступенчатую пирамиду: на прежнюю постройку, расширенную во все стороны примерно на 3 метра, Джосер велел поставить три террасообразные крышки высотой 40 метров. Но и эти размеры, до той поры невиданные в египетском строительстве, Джосера не удовлетворили. В пятой фазе он приказал эту (теперь уже четырехступенчатую) мастабу, или пирамиду, заново расширить, на этот раз с западной и северной сторон, и, кроме того, добавил еще две ступени наверху. В шестой и последней фазе постройка еще несколько увеличилась за счет дополнительной обкладки стен плитами из турецкого известняка на северной, восточной и южной сторонах. Окончательные размеры ее основания достигли 125X115 метров, высота около 61 метра. Так она стала самой большой постройкой не только в Египте, но и во всем тогдашнем мире.

С традиционной мастабой пирамиду Джосера роднило и то, что она была семейной гробницей. В более поздних, «истинных пирамидах» всегда хоронили одного только царя, в этой же похоронены (или предполагалось, что будут похоронены) все жены и дети Джосера, для которых было приготовлено 11 погребальных камер. Такому назначению соответствовала и подземная часть, которую несколько раз перестраивали и соотносили с изменениями в наземной части. Погребальная камера самого цари была не в пирамиде, а по обычаю, унаследованному от мастаб,— под ней, на глубине 27,5 метра. Помещалась она точно под центром первоначальной мастабы и была довольно мала (3X1X 1,7 метра); стены ее были облицованы плитами из асуанского гранита, и закрыта она была массивным гранитным блоком, весящим 3,5 тонны. Первоначально в нее из центра мастабы вела вертикальная шахта; после перекрытия мастабы для доставки умершего вырубили новый наклонный проход, начинавшийся на северной стороне пирамиды. От вертикальной шахты во

все стороны отходили коридоры, штольни и камеры для погребальной утвари; две такие камеры были выложены синими изразцами, которые напминают декоративные камышовые циновки. К одиннадцати погребальным камерам членов царской семьи тоже вели шахты и коридоры со множеством боковых ходов, так что каменная подземная часть этой пирамиды, по словам Гонейма, «в буквальном смысле слова вся пробуравлена ходами, точно гигантская заячья нора».

Подземелье пирамиды Джосера было давным-давно тщательно обследовано грабителями. Современные археологи могут поставить себе в заслугу то, что им удалось обследовать эту часть пирамиды еще тщательнее. Фёрс и Квибелл нашли в пятой погребальной камере членов царской семьи два алебастровых саркофага; в одном оказались куски разбитого деревянного позолоченного гроба с остатками мумии ребенка лет восьми. Обнаружили они и заваленный шестидесятиметровый коридор с невероятным количеством погребальной утвари. Так, число каменных сосудов археологи определили в 30—40 тысяч; алебастровых и порфировых, совсем не тронутых временем, в несколько сотен; около семи тысяч каменных сосудов удалось заново склеить. Лауэру посчастливилось сделать другое интересное открытие: в царской погребальной камере он нашел мумифицированный остаток человеческой конечности, возможно — незамеченный остаток той, которую оттуда извлек в 1821 году Минутולי, причем, судя по древнему способу мумификации, не исключено, что это частичка тела самого Джосера. Но самое ценное открытие сделано не в пирамиде, а близ нее. Оно принадлежит Фёрсу. В развалинах храма на северной стороне пирамиды сохранился почти неразрушенный сердаб, и в нем обнаружена незначительно тронутая временем статуя самого Джосера!

Как и мастабы предшествовавших царей, пирамиду Джосера защищала ограда, однако она была сложена из камня и достигала без малого 10 метров высоты. Украшали ее выступы и символические врата, строительные и декоративные элементы были точно такие же, как на кирпичных оградах. Каменная стена ограждала четырехугольное пространство размерами 554X277 метров, т. е. намного больше, чем у любой мастабы, и кроме самой пирамиды укрывала от сторонних взглядов все стоявшие близ нее строения. Прежде всего заупокойный храм у северной стороны пирамиды, затем два символических дворца Верхнего и Нижнего Египта (так называемые Южный и Северный дома), символические троны обеих частей страны на высоких пьедесталах, алтари и колонные залы. На этом же пространстве находилось и четырехугольное подворье с молельнями для обрядов празднества «сед», отмечавшегося в тридцатую годовщину вступления царя на престол. (Зачатки этой традиции теряются в древности. По прошествии определенного времени правитель должен был всенародно доказать свою силу, дабы продолжать властвовать, ибо от его силы зависела не только способность защитить страну от врагов, но, по тогдашним представлениям, и урожайность земли, плодovitость скота, счастье и благоденствие подданных; если он не мог доказать свою силу, его умерщвляли и заменяли молодым. Подобного рода обязанностей у египетского царя было немало; так, согласно мифу о Хоре и Сете, он должен был, к примеру, нанести поражение вражескому предводителю. В позднейшие времена правители выполняли эту обязанность лишь символически, согласно установленному ритуалу. Все эти многочисленные обязанности царь должен был выполнять и в загробной жизни, где он по-прежнему оставался властителем и богом.)

Если считать, что мастаба была как бы уменьшенным изображением дворца, то пирамида Джосера с прилегающими строениями и подворьем была изображением целого дворцового комплекса. А поскольку царь стоял выше всех людей, то его надгробие из белоснежного, сверкающего на солнце известняка должно было возвышаться над всеми остальными постройками. Правитель Джосер не оставил в истории почти никакого следа, но творение его архитекторов и рабочих, первая монументальная постройка из камня на земле, стоит и поныне.

Архитектор пирамиды Джосера Имхотеп, согласно египетскому преданию, записанному Манефоном,— основоположник каменного строительства. Ему же приписывалось и авторство одного из древнейших «поучений», и посему он считался покровителем письменности и образования; в Саисскую эпоху (а возможно, и раньше)] ему оказывали высшие почести наравне с богами, ибо он был мудрец, а поскольку каждому египетскому мудрецу одновременно полагалось быть прорицателем и лекарем, то в эпоху Птолемеев его возвели еще и в ранг бога медицины; греки же отождествили его со своим Асклепием. Однако его историческое существование несомненно; по-видимому, он был высшим сановником царя Джосера и, выполняя свои функции, руководил строительством его гробницы. Возможно, что как раз он и был инициатором ее перестройки из традиционной мастабы в ступенчатую пирамиду. Его собственной гробницы не нашли, но имя его сохранилось на двух надписях времен Древнего царства; одна из них высечена на постаменте изваяния в сердабе, обнаруженном Фёрсом в Саккара. Это первое известное нам имя во всей истории

мировой архитектуры.

Титул «изобретателя каменного строительства» звучит для нашего слуха непривычно. Мы бы скорее предположили, что замена кирпича-сырца или деревянных столбов — следствие длительной эволюции, что применение в строительстве камня — анонимное открытие. Однако никаких каменных построек, относящихся ко времени до Имхотепа, мы не знаем, а тем более монументальных; ни в Египте, ни на Востоке — вплоть до укреплений Янь-шао в Китае, ни на Западе — вплоть до дольменов в британском Стонхендже. Правда, имеются многочисленные свидетельства обработки камня, причем наиболее высокого уровня такая обработка достигла как раз в Египте. Это доказывают египетские художественные вазы и медали, относящиеся к доисторической эпохе, и великолепно отшлифованные плиты, которыми были облицованы погребальные камеры архаического периода. Нет сомнений, что подобный опыт египетских каменотесов и строителей когда-нибудь должен был стать достоянием архитектора, тем более архитектора, получившего заказ на постройку исключительной важности. А поскольку в Египте все служило царю и самой значимой постройкой была его гробница, то именно архитектор царской гробницы не мог не воспользоваться таким опытом.

На примере архитектурной эволюции пирамиды Джо-сера мы можем наглядно проследить, как архитектор искал и пробовал, как, воодушевленный успехом, принимался увеличивать размеры, как громоздил все новые слои камня на такую высоту, которой никто до него не достигал. По прилегающим постройкам мы, в свою очередь, можем видеть, как он еще не умел освободиться от традиционных кирпичей и деревянных балок, как старательно и без надобности копировал их, не зная законов строительства из нового материала, как познавал эти законы. Мы знаем, что он работал по плану, пусть и несколько раз измененному, и что разрабатывал его в подробностях для каменщиков и строителей. В ареале пирамиды, в яме с обломками камней найден кусок известняковой таблички, на которой краской была обозначена кривая с координатами и записями длины. Ныне эта табличка находится в Египетском музее в Каире как древнейший образец строительного плана.

О математических познаниях архитектора пирамиды Джосера нам, к сожалению, ничего не известно. Древнейшие расчеты, связанные со строительством пирамид, дошли до нас от эпохи Среднего царства, т. е. на тысячу лет позднее. Один из них (задача № 57) — на упомянутом выше папирусе Ринда: «Задание. Пирамида длиной в 140 локтей в основании и „секед" ¹ в 5 ладоней и 1 палец. Какова будет ее высота? Раздели 1 локоть на удвоенный „секед", что равно 10 ладоням и 2 пальцам (10¹/₂ ладони). Умножь 10¹/₂, чтобы получить 7, потому что это — 1 локоть: 7 — это ²/₃ от 10¹/₃. Произведи действие со 140, что есть сторона основания: ²/₃ от 140 есть 93¹/₃. Это и есть ее высота». (1 локоть равнялся примерно 52 сантиметрам, он состоял из 7 ладоней, ладонь состояла из 4 пальцев, иероглифическим обозначением локтя была вытянутая рука.) Другой пример математических вычислений содержит Московский математический папирус; здесь идет речь о вычислении объема усеченной пирамиды, но интерпретация этих расчетов сложнее. Возможно, что решение подобных задач египтяне нашли еще во времена Древнего царства. Однако никаких письменных данных об этом не сохранилось. Существует лишь одно доказательство — пирамиды.

План архитектора претворяла в жизнь под наблюдением надзирателей целая армия строителей — каменотесы, транспортировщики каменных блоков, каменщики, укладчики, носильщики и т. н., т. е. все, кто и был настоящими создателями пирамиды. Техника и организация их труда интересовала еще греков и римлян; современные исследователи не жалели сил, чтобы как можно полнее воспроизвести картину работ. Они изучили все материалы письменности и изобразительного искусства Египта, стараясь представить себе, как добывался и обрабатывался камень, каким образом каменные блоки доставлялись из каменоломен и поднимались на самую вершину постройки, как обеспечивалась дисциплина на строительной площадке, каковы были условия жизни рабочих и т. п. Геологическая экспертиза помогла установить происхождение использованного в строительстве камня; способ резки и шлифовки плит изучался посредством микроскопии; с помощью химического анализа выяснялось, какие металлические инструменты использовались строителями; радиоуглеродный метод позволил определить возраст случайно сохранившихся органических веществ. К эксперименту были привлечены египетские рабочие; специально отобранные группы ознакомили с методами труда их давних предков и дали им в руки древние инструменты. Кроме Лауэра, Фёрса, Квибелла и других ученых, о которых мы уже говорили, положительных результатов во всех этих исследованиях добились прежде всего Д. А. Рейснер и С. Кларк с Р. Энгельбахом. Правда, кое-что и после этого осталось неясным и спорным, однако мы остановимся на том, что признано всеми.

Итак, ясно и бесспорно, что пирамида Джосера, как и любая пирамида после нее, строилась силой человеческих мускулов с применением самых простейших вспомогательных средств. Машин как источники энергии египтянам в те времена не были известны, тягловой силой животных они умели пользоваться весьма ограниченно. Не нашлось доказательств, хотя бы косвенно под-

тверждающих, что египтяне применяли в строительстве колесо или блок, не говоря уже о более сложных технических средствах. В эпоху строительства пирамид они были знакомы с рычагом, катком и наклонной плоскостью. Знали еще и вал, но имеются данные лишь о том, что они пользовались им при спуске каменных блоков, закрывающих колодец погребальной камеры. Их инструментарий весьма ограничен: долота, молоты, кирки, шары на ручках, жерди, клинья и пилы для камня. Металлические инструменты — исключительно из меди, каменные — преимущественно из гранита и долерита. Однако медные инструменты из последних находок отличаются поразительной твердостью; создается впечатление, что вопреки мнению первых египтологов древние египтяне уже в этот период умели закаливать медь². К бронзовым инструментам они перешли позднее, к железным — лишь в Позднюю эпоху.

Исследование пирамиды Джосера показало, что ее внутренние блоки вытесаны из крупнозернистого известняка, взятого из местной каменоломни; и в других пирамидах внутренние блоки всегда вытесывались из камня, добываемого в ближайших каменоломнях. Облицовочные плиты, как выяснилось при изучении их остатков, были из тонкозернистого известняка, доставлявшегося из каменоломен близ нынешних деревень Туры и Масары на противоположном берегу Нила. В этих каменоломнях, так же как и в Мокаттамском горном массиве близ Каира, по сей день сохранились следы труда тогдашних каменотесов, позволяющие ознакомиться с их техникой и профессиональными приемами. Сначала добывали камень на поверхности каменного карьера, а затем постепенно переходили к слоям все более глубокого залегания. Киркой или долотом выравнивали поверхность камня, но обозначенным линиям делали засечки и постепенно их углубляли; когда вырубленный таким образом блок держался уже только на узкой полоске, его откалывали сильными ударами долеритовой палицы или медного молота. Такую технологию использовали при добыче известняка, с более твердым гранитом приходилось поступать иначе. В скале выдалбливались глубокие дыры и засечки, куда молотом вбивались металлические жерди или клинья; затем все на них наваливалось, и плита отламывалась. Наглядный пример такого метода мы находим ныне в асуанских каменоломнях, где даже остался лежать гигантский обелиск, треснувший перед отделением от скалы. Пользовались и другими способами, эффективность которых, однако, не получила полного подтверждения современными опытами: в заранее проделанные дыры вбивали деревянные клинья, затем обливали их водой, пока дерево, разбухнув от влаги, не отрывало блок. Менее пригодные слои камня обходили. Так в скалах возникали целые туннели с рядами опорных столбов, причем многие из этих туннелей имеют протяженность в несколько десятков метров. Несомненно, тут нужны были невероятные усилия и большой расход инструментов, зато каменоломня использовалась намного эффективнее, чем при нашем способе разработок с помощью динамита.

Из каменоломен поступали грубо обработанные камни определенных размеров, окончательная их обработка производилась на месте, на строительной площадке. Сперва каменотесы выравнивали молотами и долотами боковые плоскости будущего блока, чтобы камни плотнее прилегали друг к другу; перед укладкой десятники их нумеровали (некоторые из номеров сохранились на задней стороне блоков). Блоки соединяли составом из мягкого ила, выкапываемого при углублении подземных проходов, а иной раз просто укладывали их один на другой, так что они держались лишь силой собственной тяжести. Внешние плоскости выравнивали медными долотами уже после окончательной укладки блоков. Контроль производился с помощью свежескрашенных досок, которые прикладывали к отдельным блокам; краска оставляла следы только на выступах, и их устраняли шлифовкой. Точно так же производилось выравнивание и шлифовка твердых гранитных плит в погребальной камере; правда, там это было труднее, ибо работали при слабом свете масляной лампы или свечи, а возможно, при помощи света от расположенных соответствующим образом медных зеркал (однако использование последнего способа пока остается спорным). Тщательность шлифовки поразительна, местами эти плиты на ощупь такие же гладкие, как тончайшие алебастровые вазы.

Транспортировка блоков из каменоломни была сложной проблемой. С почти полной уверенностью можно утверждать, что для этого каждый раз заранее строилась дорога; в качестве средств доставки использовались подкладные валки и деревянные сани, которые тянули канатами. Египтянам эпохи Древнего царства были известны колесо и повозка, но при доставке камней ими не пользовались, ибо они быстро ломались. (Не пользовались ими, между прочим, и для перевозки людей; правителей и сановников носили в специальных носилках.) Ничего не известно и об использовании упряжек животных. Ослы и мулы были для такой работы слишком слабы и дороги, лошади появились в Египте лишь после нашествия гиксосов и распространились только в эпоху Нового царства. Был тут, правда, длиннорогий скот (ныне вымерший), но как тягловую силу египтяне использовать его не могли, ибо в ту пору не знали еще ни ярма, ни хомута. Значит, оставались только люди, которые тащили и толкали сани с каменными плитами. Это, конечно, было не легче, чем работа в карьерах,

зато, насколько можно судить по изображениям, группы используемых для доставки камня людей были довольно многочисленны. К тому же люди ценились меньше животных, и обходились с ними более безжалостно.

Через Нил камни перевозили на плотах или на ладьях, причем в период паводка, когда вода доходила до самых строительных площадок, так что доставка по суше сокращалась до минимума. Для доставки больших блоков из отдаленных карьеров использовались речные суда, иногда специально сконструированные. До нас дошло изображение такого судна только от времени Нового царства: на нем везут самый высокий обелиск царицы Хатшепсут: высота — более 30 метров, вес — свыше 300 тонн. Этот обелиск до сих пор стоит в Карнаке. Согласно надписи, сделанной на нем, чтобы его вытесать, потребовалось семь месяцев, а чтобы перевезти из карьера на корабль — 6000 работников. В строительстве речных судов египтяне достигли высокого мастерства еще во времена Древнего царства.

Блоки пирамиды Джосера были довольно малы, и транспортировка их не вызывала особых трудностей. Трудности возникли лишь с использованием гигантских блоков, из которых строились более поздние пирамиды. Здесь же одну плиту еще могли нести два носильщика, а на следующую ступень поднимали или втягивали, скорее всего, по наклонной плоскости, поверхность которой поливалась жидким илом. Существование таких платформ не доказано, ибо по окончании постройки все вокруг пирамиды тщательно убиралось и приводилось в порядок, однако предположение о том, что ими пользовались, дружно поддерживают все ученые. Строительство пирамид, скорее всего, велось сезонно и наибольшего размаха достигало в период разлива Нила, когда основной материал был доставлен, а летний зной спадал. В каменных же карьерах, по всей вероятности, работали круглый год.

Об организации труда при постройке пирамиды Джосера у нас нет сведений. Однако до нас дошли свидетельства, относящиеся к лишь немного более позднему времени, и потому мы можем предположить, что и при постройке пирамиды Джосера работы проходили так же. Труд был организован по-военному: работники делились на отряды во главе с начальниками, «штаб» составляли назначенные на строительство архитекторы и надсмотрщики, идейная опека была обязанностью жрецов. Самая значительная по численности группа называлась «командой», она насчитывала 800—1000 человек, «команды», в свою очередь, делились на «смены» по 200—250 человек, «смены» на «звенья», включавшие от 10 до 50 рабочих. Кроме того, существовали особые группы камнерезов и скульпторов, своего рода «бригады художников».

Тот факт, что пирамида была объектом религиозного назначения, обуславливал проведение множества связанных с ее строительством обрядов. Мы знаем о них довольно хорошо благодаря текстам, найденным при раскопках в Абусире. Обряды начинались уже в тот момент, когда определялось место будущего строительства, и продолжались в течение всего подготовительного периода; самыми торжественными обрядами сопровождалось начало строительных работ. В них участвовал сам царь со свитой жрецов, изображавших богов; он забивал колья, натягивал шнуры, выкапывал «почетную» яму, посыпал ее песком, делал из глины кирпич и «закладывал его в фундамент будущей пирамиды». Затем в основание пирамиды закладывались шкатулка с образчиками используемых материалов и кирпич с именем царя. После чего жрецы все как положено освящали — и строительство начиналось. Не последним по значимости обрядом, совершавшимся спустя годы или десятилетия, было водворение в погребальную камеру умершего царя. В заупокойном храме пирамиды жрецы и сановники приносили жертвенные дары, до тех пор...

До каких же пор? К сожалению, этого мы не знаем. Ни касательно пирамиды Джосера, ни какой-либо другой пирамиды. Вот тут мы и достигли грани, за которой взгляды авторитетных египтологов начинают существенно расходиться, а их рассуждения все чаще завершаются различными вариантами фраз: «Здесь на самом деле далеко не все ясно».

Так, например, неясно, сколько людей работало на строительстве пирамиды Джосера и как долго оно продолжалось. Никаких свидетельств не сохранилось. Но не достаточно ли определить объем работ, сосчитать каменные блоки, учесть примерную выработку работника и т. д.? Да призвать на помощь сообщения Геродота?

Но проблема гораздо сложнее. Данные Геродота относятся к значительно более позднему времени. Хотя они весьма правдоподобны (у нас будет возможность в этом убедиться), но применимы лишь к пирамиде Хуфу, которая строилась не менее чем через сто лет после пирамиды Джосера. За это время египетские каменщики и строительные рабочие приобрели опыт и сноровку. Кроме того, блоки, из которых она построена, уже иных размеров, так что неизбежно и строили ее по-другому. Кубатура пирамиды Джосера примерно в десять раз меньше, чем кубатура пирамиды Хуфу, в то время как кубатура ее подземных коридоров примерно в двадцать раз больше. Если взвесить все

известные нам факты, то на основе сообщений Геродота мы могли бы сказать, что на строительство пирамиды Джосера затрачено примерно в пять раз меньше труда. Это значит, что если строительство ее продолжалось 20 лет, то на нем ежегодно в течение трех месяцев было занято 20 000 человек. Однако это предположение, за правильность которого не поручился бы ни один египтолог.

Сказать по правде, из формулировки Геродота не совсем ясно, строилась ли пирамида Хуфу всего три месяца в году или строительство велось непрерывно, а лишь каждые три месяца менялись работники. Почти все египтологи склоняются к первой мысли и обосновывают это экономически, утверждая, что египетское хозяйство не выдержало бы оттока ста тысяч рабочих на одну стройку, если учесть, что одновременно строились царские дворцы, гробницы сановников, храмы, крепости и т. п., да еще продолжалось строительство столицы. Причем существует предположение, опирающееся на весьма убедительные факты, что помимо сезонных работников на строительстве пирамид постоянно трудилось значительное число специалистов. Вполне возможно, что так же обстояло дело и на строительстве пирамиды Джосера, да и всех прочих. И тут мы подошли к другому и более важному вопросу: кто они были, эти работники, строившие пирамиды, из каких общественных классов или групп их набирали? Иными словами, были ли это рабы или свободные египтяне?

«Это были рабы!» — безапелляционно отвечают одни. «От Нила к расположенной неподалеку строительной площадке движется живой поток полуголых рабов — светлокожих и черных, толстогубых и с приплюснутыми носами, с бритыми головами, — распространяя смешанный запах дешевого масла, пота, редьки, лука и чеснока... Вскрикивая и взвизгивая под ударами бичей надсмотрщиков, они бредут по гранитным плитам дороги, протянувшейся от Нила к месту постройки; стеной от врезающихся в плечи веревок, они тащат огромные, медленно передвигающиеся на катках тачки, груженные камнями, каждый объемом более одного кубического метра. Так под стоны и крики росла на костях рабов пирамида». Категоричность тона и красочность описаний (проецированное выше взято из книги: К. В. Керам. Боги, гробницы и ученые. М., 1966 г., с. 140) побуждает исследователей задать вопросы: «Откуда вы это так точно знаете? Почему считаете, что непосильный труд был уделом одних лишь рабов?» Ведь из шумерских источников мы, например, знаем, что строительство зиккурата было обязанностью и правом (равно как воинская служба) исключительно свободных граждан, рабам же участие в этом категорически запрещалось. В Афинах даже возникли споры о том, можно ли использовать труд рабов при строительстве Парфенона; в конце концов закон ограничил их количество до четверти всех работающих. А греческое общество, безусловно, было более зрелым рабовладельческим обществом, чем египетское!

«Наверняка это были не рабы! — отвечают другие, и в том числе некоторые египтологи старшего поколения. — Хотя бы потому, что в те времена в Египте не существовало рабов, а если и были, то в весьма небольшом количестве». Это серьезное возражение, его в основном придерживался и известный чешский египтолог Ф. Лекса (например, в книге «Общественная жизнь в Древнем Египте»). Нельзя отрицать тот факт, что в письменных документах времен Древнего царства слово «хем», которое позже стало означать «раб», употреблялось не только в этом смысле. Тогда оно означало также «слуга», причем независимо от общественного положения данного лица; «службой божьим» был, например, сам верховный жрец, «службой царя» — каждый сановник.

Это обстоятельство и послужило причиной того, что некоторые египтологи несколько поспешно сделали вывод, будто рабов в Египте и ту пору не было совсем или их было немного. Они упустили из виду, что слово «хем» могло означать слугу, который был рабом, а в египетских текстах той поры существовало множество и других обозначений раба, например «джот» — «тело», «мерит» — «земледельцы и челядь, полученные во владение вместе с наделом», «исуу» — «работники, которые куплены», и т. п.; всего известно около 20 таких выражений. Но если бы египтяне даже и не имели тогда общего понятия «раб», это еще ничего бы не значило. Многие индейские племена в пору открытия Америки не имели слова «дерево», а знали лишь слова «ель», «сосна», «дуб» и т. д. Но ведь никто из этого не делал вывода, будто в Америке не было деревьев³.

В нашем кратком историческом экскурсе мы уже упоминали, что возникновение египетского государства сопровождалось и обуславливалось порабощением побежденных народов. Из надписей, сделанных древнейшими царями, мы узнаем, что они брали в плен и уводили в Египет десятки тысяч восставших (в одном случае — 120 000 человек из взбунтовавшегося Нижнего Египта), которых лишали личной свободы и превращали в рабов. Победоносные воинские походы во всех направлениях (за исключением северного, где было непреодолимое для тогдашних египтян море) привели к тому, что в стране оказалась масса иноземцев — рабов. Судя по документам, эти рабы становились достоянием царя; на рубеже царствования III и IV династий появляются свидетельства о рабах в собственности вельмож, получивших их в дар от царя (первый из таких документов — надпись в гробнице Мечена), к эпохе V и VI династий относятся документы о купле и продаже людей в частную собственность. Таким образом, мы можем предположить, что в пору правления III

династии, когда начали строить пирамиды, в стране и во владении царя было достаточное количество рабов, способных возвести эти сооружения своими руками.

Но только ли рабы строили пирамиды? Положение царя давало ему возможность пользоваться трудом не только рабов. Любую повинность, в том числе, разумеется, и трудовую, он мог возложить на любого из своих подданных, пусть даже лично свободного. Нет никаких причин, которые помешали бы ему, используя свою безграничную власть бога и царя, вменять подданным в обязанность осуществление такой важной государственной и религиозной задачи, как строительство его гробницы. Каким образом (говоря современным языком) производилась разверстка, мы не знаем; по более поздним документам можно судить, что набор рабочей силы, по всей вероятности, возлагался на правителей прилегающих к столице областей (номов), а возможно, и номов всего Египта. Главная тяжесть, безусловно, ложилась на плечи земледельцев-общинников и сельскую бедноту, т. е. на людей формально свободных. Именно они, скорее всего, могли (или, точнее, должны были) после жатвы отрабатывать три месяца на строительстве пирамиды.

Правда, и тут не все ясно, однако современная наука в равной мере отвергает оба категоричных мнения, будто пирамиды построены одними рабами или одними свободными работниками. Скорее всего, для их строительства использовались и свободные, и рабы. По-видимому, свободные работали главным образом сезонно, а рабы — круглый год. Из свободных, вероятно, создавались группы специа-р листов, живущих при стройке, рабы же преимущественно работали в карьерах, причем самые тяжелые виды работ, без сомнения, выполнялись военнопленными. Особой классовой дифференциации не предполагали здесь и классики марксизма-ленинизма. «...Грандиозные сооружения Древнего Египта обязаны своим возникновением не столько многочисленности египетского населения,— заметил в „Капитале" Маркс в связи с выводами Диодора,— сколько тому обстоятельству, что значительная часть его могла быть использована на это дело»⁴.

Говоря о «свободных» и «рабах», мы, правда, не должны забывать, что в условиях тогдашнего египетского деспотизма речь шла лишь о формальном различии: по отношению к царю свободные были такими же лишенными всяческих прав подданными, как и рабы. Что касается дисциплины на строительстве, то это была жесткая дисциплина, соответствующая воинской организации отрядов строителей. Дубинки надсмотрщиков наверняка существовали не только для того, чтобы на них опирались. Со времен Древнего царства до нас дошла надпись на стене гробницы, в которой начальник группы ремесленников из царского дворца хвастает тем, что его «с самого рождения ни разу не били перед каким-либо сановником». Если как исключение небитым остался начальник, то каким же было повседневное обращение с рядовым тружеником?

Согласно сообщениям Геродота, непосредственных строителей пирамиды «кормил царь». Обнаружена надпись, относящаяся к периоду VI династии, где о каменотесах и надсмотрщиках в карьере говорится, что «все они были на попечении царя»; судя по надписям в гробницах частных лиц, обученные ремесленники и вообще умельцы получали за свой труд «весьма хорошее вознаграждение». Подробности об этом, в особенности сколько и какую еду получали работники и получали ли они еще что-нибудь, отсутствуют.

Ранее мы упомянули зиккураты — месопотамские храмовые постройки в виде ступенчатых башен со святилищем на вершине. Обычно они состояли из трех ступеней и с фронтона имели трехпролетную лестницу; но по раскопкам нам известен и один одноступенчатый зиккурат, а по дошедшим до нас сообщениям — один восьмиступенчатый. Площадь прямоугольного фундамента составляла 60—80 X 40—60 метров, средняя высота — 20—40 метров. Самый высокий зиккурат, по сообщениям, достигал 90 метров. Строили их из кирпича-сырца, внутри конструкция имела сплошное заполнение, каждая ступень была выкрашена в свой цвет, а святилище облицовывалось изразцами. Начали их строить шумеры; после них зиккураты строили и другие народности, жившие между Тигром и Евфратом, последними — вавилоняне. Многие зиккураты сохранились и поныне, хотя со следами более поздних перестроек и в довольно плачевном состоянии. К числу старейших относятся зиккураты шумерского бога небес Ану и шумерской богини любви Инанны в Уруке (нынешней Варке), фундаменты которых заложены примерно в XXXI—XXVIII веках до н. э.; один из наиболее хорошо сохранившихся — зиккурат шумерского бога луна Наннара в Уре (близ нынешней Насрии), датируемый XXIX—XXVIII веками до н. э. Самый большой из них (по сообщению Геродота) — зиккурат Этеменанки в Вавилоне, построенный в VII—VI веках до н. э., «Дом оснований неба и земли», библейская Вавилонская башня.

Зиккураты на территории нынешнего Ирака — архитектурные антиподы египетских пирамид; многие из них и старте пирамид. Поэтому ученые справедливо задаются вопросом, не послужили ли

зиккураты примером для египтян при строительстве пирамид, в особенности ступенчатых. Большинство исследователей видели, конечно, и серьезные различия: в зиккуратах не было никаких внутренних помещений; лестницы у них всегда были наружные, тогда как у пирамид — внутренние; зиккураты заканчивались святилищем, пирамиды же — острием, а первая пирамида представляла собой срезанную призму; зиккураты были храмами, пирамиды — гробницами или надгробиями. Пока ученые не придавали этим функциональным и конструктивным различиям значения, они отвечали на поставленный вопрос положительно, особенно если относились к приверженцам несколько странной теории панвавилонизма, по которой все, что имеет хоть какую-нибудь ценность, происходило из Вавилона.

Сравнив на рисунке архитектурные реконструкции зиккурата и пирамиды, мы увидим в них немало общих элементов; но в действительности пирамида (в том числе и ступенчатая) на зиккурат вовсе не похожа. Пирамида вздымается к небу, вонзается в него острием, заставляет взгляд скользить от основания вверх, к вершине, и еще выше — к синему небу. Зиккурат с массивной нижней ступенью и снижающейся надстройкой кажется упавшим с неба; он точно развалился на земле, удерживая наш взгляд на оптическом центре тяжести внизу, у самого фундамента; если долго глядеть на зиккурат, то замечаешь, что вместо неба в поле зрения находятся бесконечные песчаные дюны. Пирамида геометрически проста, зиккурат довольно расчленен; обе постройки монументальны, однако монументальность зиккурата несколько тяжеловесна. Если бы Имхотеп или какой-нибудь другой египетский архитектор увидел зиккурат, тем более с деревьями на плоскости нижней ступени, то наверняка не нашел бы в нем вдохновляющего примера для перестройки мастабы в ступенчатую пирамиду. Но то, что он его видел, более чем сомнительно. О контактах между египтянами и шумерами в источниках и той и другой стороны нет никаких упоминаний.

Ныне уже никто не пытается защищать теорию «вавилонского образца» или «шумерского прототипа» пирамид. И в самом деле, нет причин сомневаться в том, что пирамиды исконно египетское творение, что они — реализация идеи, выросшей на египетской почве и из египетских представлений, и что свой конечный вид они приобрели в результате развития, которое началось с мастабы царей архаического периода и вело к постепенному превращению мастабы царя Джосера в ступенчатую пирамиду! Эта пирамида, на строительстве которой впервые использовались каменные блоки, ныне всеми считается первым шагом на пути к «истинной» пирамиде. Вторым шагом была пирамида царя Сехемхота, которую в 1952 году нашел Гонейм.

Пирамида Сехемхета с самого начала строилась как ступенчатая, по заранее разработанному плану и на основе опыта, приобретенного при строительстве пирамиды Джосера. Возможно, ее проектировал известный Имхотеп (его имя, начертанное красными чернилами, найдено на стене ограды пирамиды) или архитектор той же школы.

Для ее строительства использовались блоки из местного серого известняка, причем того же размера, что и блоки пирамиды Джосера, однако в конструктивном отношении заметен значительный прогресс. Как и у всех более поздних пирамид, у нее квадратное основание, а погребальная камера находится строго в центре, под точкой пересечения диагоналей. Коридоры, шахты и камеры для погребальной утвари расположены согласно точному плану и уже явно не напоминают «заячью нору». Ее наземная часть состоит из внутреннего ядра, к которому прилегают четырнадцать наружных слоев (по два для каждой ступени). Целесообразность такой структуры открыл еще строитель пирамиды Джосера; крепкое внутреннее ядро из грубо отесанных блоков, которые от основания к вершине постепенно сужаются, — опора всей постройки и гарантия ее прочности. Этому принципа придерживались все последующие зодчие пирамид Древнего царства.

Будь пирамида Сехемхета достроена, она была бы выше пирамиды Джосера метров на девять, с основания 120X120 метров она поднималась бы ввысь примерно на 70 метров и насчитывала бы семь ступеней. Работы по ее строительству были остановлены на второй ступени, скорее всего, из-за внезапной смерти царя; позже с нее сняли несколько тонн каменных блоков, так что осталась лишь первая ступень высотой около десяти метров и небольшой выступ второй ступени. Сехемхет здесь не был похоронен. Где он обрел последнее успокоение, равно как и его преемники, нам неизвестно. Возможно, что некоторые из них тоже повелели выстроить себе ступенчатые пирамиды — близ оазиат-эль-Ариана южнее Гизе, в Силе близ Фаюмского оазиса, а может быть, и в других местах. Остатки незавершенных или разрушенных пирамид свидетельствуют о том, что их проектировали и строили так же, как пирамиду царя Сехемхета в Саккара.

Около ста лет строились в Египте ступенчатые пирамиды, весь период правления III династии; возможно, ступенчатую пирамиду повелел построить и последний ее царь — Хуни. Место он выбрал близ нынешней деревни Медума, километрах в пятидесяти южнее Каира. Его архитекторы, вероятно, возвели три ступени, а возможно, и семь, потом, по-видимому, царь умер. Его преемник Снофру, первый царь IV династии, приказал продолжать строительство: была возведена и восьмая

ступень. Точно ничего не известно, но, вероятно, на этой стадии что-то произошло. Царь или его архитектор приказал заполнить пространство между ступенями, а все строение обложить плитами из турецкого известняка. Так пирамида, строившаяся как ступенчатая, обрела внешний вид «истинной» пирамиды.

Ныне пирамида в Медуме вообще не походит ни на ступенчатую, ни на «истинную» пирамиду. Местное население называет ее харам-эль-каддах — «ложная пирамида». Время изменило ее до неузнаваемости. Вся ее облицовка, а вместе с ней и большая часть поверхностных слоев, исчезла; из груды камня и песка, перемешанного с упавшими блоками, торчит лишь обнаженное ядро. Первоначально высота ее была больше, чем у всех предыдущих пирамид; при квадратном основании 146X146 метров она поднималась ввысь почти на 118 метров. Для ее строительства использовались такие большие блоки, что носильщики не могли их поднять; возникла проблема, как их доставить на нужную высоту. Пирамиду эту обследовали Лепсиус, Масперо, Питри, Уэйнрайт, но только Бор-хардту удалось в начале нашего века найти возле нее остатки платформ или насыпей, по которым каменные блоки доставлялись наверх. Подобную же находку в тридцатые годы сделал А. Роу; найденные им остатки платформы видны и поныне. Кирки ученых нового времени подтвердили, таким образом, правил мюстг. давнего сообщения Диодора, согласно которому тогдашние строители переправляли камни наверх «с помощью насыпей, ибо приспособления в ту пору еще не были изобретены».

На песчаном холме близ Медума мы наконец оказались у основания гробницы, которая имела форму правильной четырехугольной геометрической пирамиды. Но в указанную эпоху этот тип пирамиды еще не преобладал. К западу от нынешней деревни Дашур стоит несколько пирамид, две из которых построены по повелению царя Снофру.

Первая, южная, очевидно, возникла непосредственно после медумской, но на пути к правильной геометрической пирамиде представляет шаг назад. Издали она похожа на гигантскую палатку бедуина: почти до половины ее высоты стены поднимаются довольно круто вверх, затем резко меняют наклон и к вершине идут под значительно меньшим углом. Ее называют «ломаной пирамидой» или «пирамидой с двойным наклоном», а из-за великолепной, сверкающей на солнце облицовки еще «белой пирамидой».

Менее чем в двух километрах к северу от «белой пирамиды» над низкой линией горизонта пустыни выступает вторая пирамида Снофру — «розовая». Она большая, но словно бы прижата к земле: наклон ее стен весьма невелик, они поднимаются примерно под тем же углом, что и верхняя часть южной пирамиды; в соотношении с площадью фундамента она необыкновенно низка.

Она имеет еще два существенных отличия от южной пирамиды Снофру. Первое скрыто под ее поверхностью: каменные блоки наружных слоев уложены на ядро не вертикально, а горизонтально. Второе видно сразу: пирамида не ступенчатая, не ломаная и не ложная, а во всех отношениях истинная. Этой северной пирамидой Снофру мы можем окончить путешествие по стопам архитектурной эволюции пирамид. Это первая действительно истинная из сохранившихся пирамид. Любопытно, что первым человеком нового времени, вступившим в нее, был чех Вацлав Ремедиус Прутки.

Итак, пирамида обрела геометрически правильную форму в результате постепенного упрощения. Но почему надгробие египетского царя обрело форму пирамиды? Это уже другой вопрос, на который пока нет удовлетворительного ответа. Существует множество гипотез, среди них есть и весьма остроумные, но, как это бывает со всеми гипотезами, количество их находится в обратной пропорции к количеству точных сведений.

«Строя свою ступенчатую пирамиду, Джосер, скорее всего, просто стремился создать памятник, который высотой превзошел бы гробницы всех его предшественников и символизировал „Первозданную Гору" — вершину, возникшую на заре творения из первородных вод», — пишет Гонейм в книге «Потерянная пирамида». Это объяснение кажется вполне приемлемым, и уж во всяком случае, более достоверным, чем предположение, будто пирамида выполняла роль «ступеней» или «лесенки», ведущих прямо в небо. Дело в том, что в «Текстах пирамид» позднейших правителей, в особенности VI династии, есть надписи, где между тысячами других фраз можно найти и такие: «Я изготовил для себя это сияние твое в качестве лестницы под ноги мои, по которой я выйду к этой матери моей, живому урею на [челе] Ра...» (§ 1108). «Да сделает небо сильным солнечное сияние для тебя, да поднимешься же ты на небо подобно оку Ра...» (§ 1231).

Безусловно, надо обладать богатой фантазией, чтобы из этих (и еще менее определенных) формулировок сделать вывод о том, что «пирамида — это материализация идеи ступеней, ведущих на небо», или «идеи лестницы» (а по другой версии — «подымающегося вверх дыма кадильниц»).

В связи с проблемой возникновения «истинной» пирамиды Эдварде в своих «Египетских пирамидах» высказал любопытную мысль: «Интересный вид порой представляется нам в Гизе под вечер пасмурного зимнего дня. Если стоять на дороге, ведущей в Саккара, и смотреть на запад, в

направлении поля пирамид, то можно увидеть, что косые солнечные лучи падают примерно под тем же углом, что и стены Великой пирамиды. Создается впечатление, будто перед тобой нематериальный прообраз и его материальное воплощено». Это верное наблюдение: если небо над Гизе затягивается облаками, подобный эффект можно видеть и не только зимой, но крайне сомнительно, чтобы этим можно было объяснить пирамидальную форму тамошних гробниц и царских надгробий. Правда, Эдварде тоже не утверждает это категорически; с оговорками высказывает свой взгляд и Черный в «Древнеегипетской религии» (Лондон, 1952): «Как нам кажется, переход от ступенчатой пирамиды к истинной был следствием победы гелиопольского культа солнца, и форма пирамиды подсказана формой *бенбенега*, высокого заостренного конусообразного камня, которому поклонялись в Гелиополе как прибежищу солнца, чьи лучи во время утреннего восхода раньше всего касаются вершины *бенбенега*».

Разумеется, существует немало других не освещенных нами вопросов, связанных с рождением и эволюцией пирамид. О некоторых мы поговорим в «полевых условиях», т. е. лицом к лицу с самой пирамидой, другие оставим для заключительной главы. Но на один вопрос нам следовало бы ответить давно: почему пирамида называется пирамидой?

Согласно широко распространенному мнению, слово «пирамида» происходит от греческого «пирамис», в множественном числе «пирамидес», что означает «геометрическая пирамида». Этимологически это слово связано с «пир» — «огонь» (ибо пламя часто похоже на пирамиду) или с «пира», что, помимо прочего, означает «погребальные костры», а в переносном смысле — «могила». Однако тем же словом греки называли и пшеничный кулич, имевший форму пирамиды. Все эти объяснения вполне правдоподобны, даже последнее.

Тем не менее в греческих этимологических словарях обычно утверждается, что слово «пирамис», по всей вероятности, египетского происхождения. Но точного доказательства этому нет. В иероглифических и иератических текстах слово «пирамида» писалось знаками, передававшими звуки «м» и «р»; к ним добавлялся определитель в виде треугольника на узком прямоугольнике, символизовавший пирамиду с каменным ограждением.

Нынешние египтяне называют ее «аль-харам» во множественном числе — «аль-ахрам». Таким образом, ответа на вопрос, почему пирамида называется именно пирамидой, до сих пор нет.

Но мы уже предупредили читателя, что в египтологии еще далеко не все ясно. Это касается и пирамид, как нам не раз приходилось отмечать во время нашего путешествия по стопам их открывателей и исследователей.

Теперь мы сами отправимся в небольшую туристскую поездку по полям пирамид, чтобы посмотреть, как выглядят сейчас строения, некогда более всех приблизившиеся к солнцу и звездам.

III. ПИРАМИДЫ В СВЕТЕ НАУКИ

Глава VIII

СТУПЕНЧАТЫЕ ПИРАМИДЫ НАЧАЛА ДРЕВНЕГО ЦАРСТВА

Дорога к пирамидам начинается в Каире, городе с шестимиллионным населением, столице нового Египта и месте расположения основных научных учреждений, занятых изучением Древнего Египта. Девять пирамид, включая самые большие и самые прославленные, находятся прямо на территории города: Гизе — уже давно не деревня за рекой, а часть Большого Каира.

Поэтому мы не можем хотя бы на короткое время не задержаться в Каире. Это самый большой и красивый город Египта, а пожалуй, и всего арабского мира, всей Африки. Широкие бульвары с самыми современными десяти-и двадцатипятиэтажными зданиями чередуются с традиционными кривыми улочками Востока, в городе четыреста мечетей со стройными минаретами и сорок храмов с крестами на колокольнях; древние базары, укрытые в пассажах, соседствуют с роскошными торговыми домами и красочными рынками под открытым небом. Каир может похвастать двадцатью музеями, десятью театрами и пятью высшими учебными заведениями; в нем сотни парков и садов и одна из самых красивых набережных на свете. Днем Каир купается в сверкающем солнце, а вечером — в свете электрических ламп и неоновой рекламы; «звуковое оформление» создает непрерывный поток всех видов транспортных средств. На улицах встретишь

людей, одетых как в галабеи, так и по новейшей европейской моде. Город полон удивительных контрастов. Каир протянулся на 10 километров с севера на юг и на 6 в ширину, насколько позволяют ему скалистое Моккатамское нагорье на востоке и Ливийская пустыня на западе. Над городом господствуют цитадель с алебастровой мечетью Мохаммеда Али, почти стодевяностометровая башня эль-Борг в форме ятоса на нильском острове Гезире и пирамиды в Гизе.

С точки зрения египетской истории Каир — довольно молодой город; в 1969 г. он отмечал всего лишь тысячелетний юбилей. Основал его, а затем вслед за Дамаском и Багдадом превратил в новую арабскую метрополию верховный военачальник войска Фатимидов Джаухар, захвативший Египет по велению халифа аль-Муызза. Правда, город на этом месте стоял давно... и не один: в 870 году наместник Аббасидов Ахмед ибн Тулун основал аль-Катайю, а еще в 640 году первый арабский покоритель Египта, Амр ибн аль-Ас, заложил Фустат с военным кварталом Аскар. Задолго до того на территории южных кварталов нынешнего Каира стоял город Вавилон¹, укрепленный еще римлянами. А в пору, когда ни о римлянах, ни об арабах никто и слыхом не слыхивал (да и о вавилонянах из настоящего Вавилона), там, где сейчас находится северное предместье Каира, стоял древнеегипетский город Он, называемый греками Гелиополь, и был он древнее, чем древнейшая из пирамид...

Все эти фазы развития оставили в Каире свои следы. На почве древнейшего Она, нынешнего квартала Тель-Хасан, стоит двадцатиметровый обелиск царя Сенусерта I, относящийся к XX веку до н. э.; сам же Он прекратил свое существование еще в древности. В древнем Вавилоне, ныне носящем название Старый Каир, высятся две крепостные башни времен императоров Траяна и Адриана; тут же — один из старейших христианских храмов (св. Сергия), построенный на рубеже IV и V веков; старейшая египетская мечеть (заложена Амр ибн аль-Асом в середине VII века) и одна из древнейших синагог (как утверждают, времен Моисея, в действительности же — VIII века). От прежней аль-Катайи сохранилась великолепная мечеть (фундамент 143x119 метров) ибн Тулуна, построенная в конце IX века; обращают на себя внимание великолепные тройные аркады и минарет с витой каменной лестницей. О величии династии Фатимидов напоминает мечеть аль-Азхар конца X века, с XIII века ставшая пристанищем первого египетского мусульманского университета; ее украшают пять минаретов, шесть врат, двор с тремястами мраморными столбами и полученное ею название — «Драгоценная». Со времен Саладина над Каиром возвышается цитадель, образцом для которой послужили крепости крестоносцев; ее строительство было начато в середине XII века и продолжалось 50 лет. К XIV веку относится великолепное произведение мусульманской архитектуры — медресе султана Хасана с самыми высокими в Египте минаретами (86 м), она облицована плитами, взятыми с пирамид в Гизе. Постройки более позднего времени доказывают, что после падения Багдада Каир превратился в самый значительный город арабского мира; уже тогда он по величине занимаемой площади почти достигал сегодняшних своих размеров. Алебастровая мечеть в цитадели — эта сказка из камня — была достроена при хедиве Сайде в 1857 году и свидетельствует о последних турецких веяниях, сменившихся затем европейскими. Превращение Каира в современную столицу стало программой застройки, осуществляемой независимой Республикой Египет.

Центр Каира — площадь ат-Тахрир, т. е. площадь Освобождения. Она простерлась по правому берегу Нила, а на ее северной стороне, напротив правительственного дворца, за аллеей пальм и черной решеткой скрывается Египетский музей. Это одноэтажное здание в ложноклассическом стиле уже обветшало, однако оно по-прежнему остается Меккой всех путешествующих по дорогам египетской истории и главной приманкой Каира. В основу музейной коллекции легли экспонаты, собранные его основателем Мариеттом. Музей открылся в 1857 году и после временного пребывания в Булаке, а затем в Гизе в 1902 году по повелению хедива Аббаса II окончательно разместился здесь. Почти сто лет музеем руководили французы, уже известные нам по предыдущим главам: после Мариетта — Гребо, Морган, Лорэ, Масперо, Лако и Дриотон, который в 1952 году впервые уступил свое место египтянину (Мустафе Амеру). Более ста просторных залов заняты экспонатами; статуи размещены и во дворе; кроме того, множество предметов находится в запасниках. Это одни из наиболее значительных музеев мира, а ценностью и количеством художественных и исторических памятников Древнего Египта он давно уже произошел британский музей, Лувр, Государственный музей в Перлине и остальные собрания. Посещение этого музея оставляет память на всю одзнь даже в сознании человека, не особенно интересующегося египтологией; для специалистов же музей — исходная точка для понимания всей истории страны на Ниле. Разумеется, познанию истории Египта служат и осмотр пузья исламского искусства близ живописного квартала Муски, и посещение Коптского музея в Старом Каире. Коллекции этих

музеев являются как бы соединительным звеном между современным и Древним Египтом; то же можно сказать и о греко-римском музее, который, правда, находится в Александрии. Желающие быть в курсе всех последних достижений в области исследования Древнего Египта должны следить за работой египетской Службы древностей и египтологических институтов разных стран. Здесь работают Французский институт, Немецкий, Итальянский, Американский, Польский и наряду с остальными Чехословацкий египтологический институт Карлова университета, помещающийся на улице Пирамид в Гизе.

Но не только музеи и научно-исследовательские институты помогают нам в Каире приблизиться к Древнему Египту; многое позволяет понять обыкновенная прогулка по его улицам. Мусульманские и коптские «города мертвых» в восточных кварталах выглядят как продолжение древних захоронений; некоторые современные и совсем недавние гробницы своей роскошью не уступают мастабам, а гробницы халифов еще и превосходят их; саркофаги недавних египетских королей украшены, пожалуй, даже богаче, а мечеть у могилы президента Насера принадлежит к числу самых прекрасных мечетей, построенных в нашем столетии. В предместьях встречаешь мастеров, делающих вазы в той же технике и с таким же умением, что и их древние предки; то же можно сказать о чеканщиках: их инструменты ничем не отличаются от экспонатов эпохи Древнего и Нового царств, выставленных в витринах музеев, ибо они и не нуждались в улучшении. В центре города, на островах Рода и Гезира, вырастают двадцатиэтажные отели и жилые дома; возле них не гудят экскаваторы, нет стрел подъемных кранов, со всех сторон они окружены деревянными лесами, и египетские строители работают на них без всякой механизации. Когда мы видим их с корзинами цемента на голове где-нибудь на высоте 50—60 метров, то невольно закрываем глаза — и перед нами работники, которые строили пирамиды.

«Один мой знакомый англичанин рассказывал, как он с удивлением и трепетом наблюдал в Каирском музее за передвижкой гранитного колосса, весившего около ста тонн,— пишет Гонейм.— Несколько жилистых невысоких парней, одетых в галабеи... собрались вокруг статуи со своими железными ломками и несколькими деревянными брусками. Среди громких воплей и суеты статуя вдруг покачнулася, катастрофа казалась неминуемой. Я уже готов был зажмурить глаза и заткнуть уши, однако прошло совсем немного времени, и колосс был передвинут на десятки метров, а затем без единого повреждения установлен на новое место»².

Теперь, поскольку наш путь пролегает по следам истории, мы на время покидаем Каир и отправляемся к памятникам и постройкам более старым, чем пирамиды в Гизе, в древний Мемфис, к пирамидам Саккара.

Мемфис, как известно, был первой столицей объединенного Египта и стал ею примерно 5000 лет назад. Согласно преданию, основал его царь Мени (Менес), первый объединитель Египта, причем основал на западном берегу Нила, на границе Верхнего и Нижнего Египта. На карте он обозначен в 30 километрах южнее Каира, к нему ведет великолепная дорога, по правую сторону которой протянулась панорама гизехских и абухирских пирамид, а по левую — нильский канал Эс-Сауазль. Сейчас это место носит название Митрахине.

В действительности сейчас Мемфиса не существует: Это лишь пальмовая роща, красивая и большая, но тем не менее только роща, а Митрахине — лишь одна из деревень, возникших в ее тени. Древнегреческое название Мемфис здесь сохранилось лишь на вывеске небольшого ресторанчика; не верится, что находишься на земле, где устоял один из крупнейших и значительнейших городов мира. Рядом с редко заполняемой площадкой для машин, над десятиметровой безногой статуей Рамсеса II, висит современный павильон. Статуя лежит на том же месте, где ее в 1820 году выкопали Кавилья и Слоун. Им тогда не удалось поднять ее и вывезти в Лондон. В нескольких шагах отсюда сверкает на солнце белый алебастровый сфинкс (4,25 метра в высоту и 8 метров в длину); его в 1912 году открыл Питри; очевидно, некогда он сторожил вход в храм Птаха. В песчаной ложбине за густым тростником скрывается стол для мумификации священных быков; этот каменный блок, верхняя плоскость которого равна почти 17 квадратным метрам, относится к поздней эпохе. Вот и все, что может предложить здесь туристам Служба древностей, разве еще экспозицию фрагментов скульптур и стел, расположенную близ болота за павильоном, и табличку с сообщением, что один гранитный колосс, изображающий Рамсеса II, был перевезен отсюда в 1955 году в Каир и установлен перед центральным вокзалом. Кого это не удовлетворит, может бродить в роще под Мемфисом дни и недели, но найдет лишь небольшие остатки стен и следы безуспешных раскопок. Мрачное настроение охватывает здесь человека, оно чернее, чем дым из труб Хелуанского металлургического завода на противоположном берегу Нила... Как могло случиться, что вот так исчез город, который строила добрая сотня человеческих

поколений, город, насчитывавший в пору своей славы миллион жителей и занимавший такую же площадь, как Париж или Лондон?

Если верить Геродоту и его египетским информаторам, Мемфис был основан в большой излучине Нила, которая по велению Мени была осушена и ограждена плотиной. («Еще и поныне персы весьма заботятся об этой огражденной плотиной излучине Нила и каждый год укрепляют ее. Если река прорвет здесь плотину и разольется, то Мемфису угрожает опасность полного затопления»^{3.}) Здесь Мени повелел выстроить крепость со знаменитыми «белыми стенами» и большой храм бога Птаха. О городе больше всех позаботились правители Древнего царства, избравшие его своей столицей; они расширили его, ведя дворцовую застройку по направлению к нынешней Гизе. После падения Древнего царства Мемфис никогда больше не был постоянной резиденцией царей; однако всегда его почитали «подлинной столицей». Где бы ни жили египетские властители, забота о его расширении и украшении была для них вопросом престижа; да и завоеватели считали Египет покоренным лишь после того, как проводили ночь в стенах Мемфиса. Значение Мемфиса подкреплялось значением храма бога Птаха, куда стекались тысячи паломников со всей страны с дарами и жертвоприношениями. Кроме того, город был центром торговли, речным портом, здесь находились корабельные верфи, изготовлялись каменные и керамические изделия, ремесленники занимались чеканкой по золоту, металлу, производством оружия. Наибольшего расцвета город достиг при Рамсесе II, который назначил своего сына Хаэмвесе верховным жрецом Птаха. Разрушения, причиненные ассирийцами, ликвидировали цари Саисской династии; несмотря на то что персы разграбили Мемфис, во времена Геродота это был еще живой город с кварталами и храмами, населенный греками, финикийцами, ливийцами, арамеями, евреями. Основание Александрии положило конец его развитию; но он продолжал еще сохранять свое религиозное значение, о чем, помимо прочего, свидетельствует Розеттский камень.

Падение бога Птаха привело город Мени к упадку. Страбон, посетивший его на рубеже старого и нового летосчисления, еще написал, что этот город «всех других больше и наряднее». Плиний был восхищен его пальмовыми рощами. Тяжелый урон был нанесен Мемфису во время религиозных распрей III и IV веков н. э.; храмы его были опустошены, гигантские статуи повалены, дворцы разграблены. Население толпами покидало его; антиязыческий декрет Феодосия (393) зачитывался уже среди руин. Когда в город вошли арабы, они обнаружили здесь огромное количество строительного материала и использовали его для строительства Фустата; им воспользовались и строители Каира. Абд аль-Лятиф в конце XII века восхищался его развалинами («для их описания и самому красноречивому человеку не хватит слов»); но в XIV веке Абу-ль-Фида писал уже только об огромной площади, которую некогда занимал этот город. Потом разливы Нила стерли все следы его существования.

Место, где стоял Мемфис, удалось найти лишь в начале XIX века. Первые заступы вонзили в его почву саперы французской армии; но ученые из Египетской комиссии еще не были вполне уверены в том, что правильно определили его местонахождение. Более поздние раскопки дали результаты хотя и не соответствовавшие затраченным усилиям, но многое прояснившие. Особенно поразительны были сведения о его размерах: пешеходу требовалось четыре часа, чтобы пройти из одного конца города в другой. Ведь это был не современный город, а бесконечная вереница поселений городского типа, храмовых участков, дворцов с парками и огородами, военных лагерей и деревень, отделенных друг от друга полями и садами. Центр Мемфиса, очевидно, находился между нынешними деревнями Митрахине и Бедрашейн, где обнаружены развалины кирпичных стен, оставшиеся, по всей вероятности, от «белой стены», окружавшей крепость Мени.

Вдоль западной стороны этого длинного нарядного города тянулась голая равнина; и не только вдоль него, но и далеко на север и на юг. Ее центральная часть в радиусе примерно 8 километров ныне принадлежит близлежащей деревне Саккара. В древности здесь было мемфисское Цкладбище, где покой умерших сторожил бог с телом человека и головой сокола; звали его Сокар.

Равнина с мемфисским «Городом мертвых» лишь на несколько десятков метров больше древнего города живых. Склоны в складках, поверхность чуть волнистая; Кажется, будто вся она из песка. Но песком она засыпана лишь сверху; под слоем песка скрывается растрескавшийся хрупкий известняк, постепенно переходящий в твердое скальное основание, которое способно удержать и самые тяжелые постройки. В районе Саккара помимо сотен мастаб со времен от I до XIII династий расположены 12 царских пирамид. Выше всех — самая древняя, которую построил Имхотеп для царя Джосера.

Эта пирамида — один из самых внушительных египетских памятников древности благодаря не только своей монументальности, но и возрасту (4700 лет) и месту в истории мировой архитектуры. От Бедрашейна к ней ведет дорога, которую преграждает шлагбаум с будкой и служителем, взимающим входную плату. Сразу за шлагбаумом справа открывается вид на зеленую долину Нила, слева из дюн выступают первые развалины. Это еще не древнеегипетские руины, а разрушенные стены и поваленные колонны — то, что осталось от монастыря святого Иеремии, построенного в V веке н. э.; фрески из его капеллы представлены в каирском Коптском музее.

Лишь преодолев несколько витков извилистой дороги, видишь вершину пирамиды: она сверкает белизной, словно горный великан, обсыпанный свежим снегом. Потом появляются вторая и третья ступени, такие же белые, точно припорошенные снегом. Нижние ступени пока не видны: их закрывает сверкающая каменная ограда с выступами, отбрасывающими тень. Около этой стены и за ней всегда множество туристов; но бесконечное пространство и песчаный ковер приглушают их шаги и голоса. «Места счастливого погребения» первого царя Древнего царства стали приютом тишины.

Ограда выглядит совсем новой, и это действительно так: каменная стена, которую мы видим перед собой, возведена совсем недавно. От прежней сохранилась лишь нижняя часть, засыпанная песком уже много веков назад. Фёрс, Квибелл и Лауэр реконструировали эту стену во всех деталях, а арабские рабочие возвели ее заново. Притом частично они пользовались найденными там исконными «древними» блоками, остальные вытесали из турского известняка нынешние каменотесы и отшлифовали почти так же хорошо, как их древние коллеги. При реконструкции не ставилась цель полностью имитировать оригинал, восстановленная ограда должна была лишь дать представление о грандиозности древней постройки, и это правильно. Восстановлен, однако, только небольшой участок; первоначальная длина ограды составляла 1650 метров, ибо огорожен был прямоугольник со сторонами 554 X 277 метров, а высота ее достигала почти 10 метров. Из каменной стены выступали бастионы и выдвинутые вперед ворота; в ней также было много ниш и ложных колонн. Облицованная белыми шлифованными известняковыми плитами, эта ограда, очевидно, должна была напоминать городскую стену Мемфиса.

Насколько удалось установить, в ограде было 15 врат, причем 14 — ложные. Единственные врата, через которые можно было пройти, находились под башней на юго-восточной стороне. На них нет следов петель и дверного оклада, поэтому можно предположить, что врата были постоянно открыты и их стерегла вооруженная стража. Они и до сих пор служат входом в длинную колоннаду, верхняя часть которой тоже недавно была реставрирована. Ее образуют 14 четырехметровых колонн с нанесенными на них тонкими желобками, напоминающие тугие связки стеблей тростника — их природный прототип. Справа, примерно в середине колоннады, расположен вход в большую квадратную залу, перекрытие которой покоится на 8 пятиметровых столбах, каждая пара столбов соединена ртеной, словно бы их создатели еще не верили, что они удержатся сами. За колоннадой высится «Стена кобр», с ее галереи открывается прекраснейший вид на весь комплекс построек и руин. Справа видны развалины храма и молелен во дворе, предназначенном для праздника «сед», слева от них — остатки постаментов символических тронов Верхнего и Нижнего Египта, за ними — развалины Южного и Северного храмов. За пирамидой скрывается только заупокойный храм с сердабом и алтарем.

Вернемся к пирамиде: как мы уже говорили, ее первоначальное основание занимало площадь 125 X 115 метров, высота — примерно 61 метр (по Эдвардсу — 62,2 метра, по Лауэру — 59,8 метра). Ветер пустыни затупил острые грани ее ступеней, а поколения разрушителей и строителей сняли с нее великолепно отшлифованную облицовку. Ныне площадь ее основания равна 121 X 109 метров, а высота — 59 метрам. Она словно бы вырастает из песка, хотя, как нам известно, покоится на твердой известняковой скале, пробурванной множеством коридоров, общая длина которых — не менее километра. Кажется, что от «Стены кобр» до этой пирамиды рукой подать, но до нее не так-то близко. Ничто вокруг не может сравниться с пирамидой по величине.

Восхождение на пирамиду Джосера трудно и опасно, и поэтому подниматься на нее запрещено. В ее подземелье можно попасть только с проводником и по особому разрешению. За исключением царской погребальной камеры и входного коридора Саисской эпохи, ни одно помещение не освещается, здесь толстый слой пыли и огромное количество летучих мышей, от которых необходимо защищать лицо и глаза. Лабиринт Миноса на Крите по сравнению с подземельем пирамиды — радующий глаз цветущий сад. Здесь кроме археолога какое-то время может выдержать лишь трубочист или шахтер. Для любителей острых ощущений и этой преисподней богатые возможности: достаточно взглянуть па трещины в потолке. Вознаграждает за мучительный спуск лишь голубоватое мерцание изразцовой облицовки на стенах двух камер, находящихся на глубине 26 метров. Настенные панели с рельефами, изображающими Джосера во время праздника «сед», сейчас увезены в Каир; наличники дверей с именем Джосера еще со времен Лепсиуса находятся в Берлине. Сама погребальная камера пуста; здесь лежит только упавший гранитный блок, закрывавший ранее отверстие в ее кровле. Саркофага нет, да, очевидно, никогда и не было; сюда вошел бы самое большое деревянный гроб, и то с великим трудом.

Хотя пирамида Джосера принадлежит к числу наиболее хорошо изученных памятников

Древнего Египта, вокруг нее все еще довольно много загадок. Упомянем лишь одну из них — так называемую «южную гробницу». Дело в том, что близ «Стены кобр» находится шахта, которая ведет на глубину 27,5 метра и заканчивается камерой, выложенной гранитом; внешне она напоминает усыпальницу под пирамидой. Но эта камера еще меньших размеров, и гроб в ней наверняка бы не поместился; в коридорах вокруг нее находятся панели с рельефами, похожими на те, что были найдены под пирамидой, и надписи с именем Джосера. О назначении этой камеры существует множество догадок и теорий. «Трудно поверить, что эта комната вообще предназначалась для погребения человека,— пишет Квибелл в „Ступенчатой пирамиде“ (1953).— В псе еще можно просунуть труп сквозь отверстие в кровле, но уложить его во всю длину на полу совершенно невозможно: для этого комната слишком мала. ...Очевидно, у Джосера была какая-то вещь, которую нельзя было хоронить в самой пирамиде, одновременно это, видимо, представляло нечто настолько драгоценное, что заслужило палату отдельной роскошной гробницы. Но что это? Его плацента? Его сердце, ночью и прочее обычное содержимое канона? Или что-нибудь еще, совершенно неожиданное?»

К. Дж. Зелигман и М. А. Мюррей высказали мнение, что там в соответствии с давним обычаем африканских народов была погребена царская плацента; но большинство египтологов склоняются к мнению Лауэра, выраженному в его книге «Ступенчатая пирамида» (1936). Тот считал, что в камере были погребены каноны с царскими внутренностями. «Однако ни одного такого сосуда найти не удалось. Следовательно, ничто эту теорию не подтверждает и не опровергает»,— пишет Гонейм в «Потерянной пирамиде». Сам же он, напротив, утверждает, правда с некоторой сдержанностью, что «южная гробница была ложным погребением, служившим для символических похорон фараона во время „Празднества Сед“. Иначе говоря, она предназначалась только для Ка, или духа фараона, а хоронить в ней его тело никто никогда и не собирался»⁴.

Впрочем, Джосер, как известно, помимо пирамиды в Саккара велел еще выстроить символическую гробницу в Бет-Халлафе (в Верхнем Египте), на южной оконечности некрополя в Абидосе. Это была кирпичная мастаба таких размеров, что Денон счел ее развалинами крепости; высота ее — 10 метров, длина — 100 метров, в ней было 18 помещений. В 1900 году ее обследовал британский египтолог Дж. Гарстэнг и на погребальной утвари, которая состояла из бесчисленного множества ваз, прочел уже известное Лепсиусу имя Нечерхет. Но к тому времени уже было известно (из надписи на гранитном острове Сехель близ Асуана), что Нечерхет — это «имя Хора» царя Джосера...

Мы прощаемся с Джосером возле его сердаба. Через два небольших отверстия мы видим царя в натуральную величину: он сидит на троне в царской накидке на голове, с чуть надломленной священной накладной бородой, прикрыв бронзовое тело белым одеянием; царь смотрит на нас пустыми глазницами. Однако это лишь копия его подлинной статуи; оригинал Фёрс переправил в Каир. С остатками полихромии и с царским именем на постаменте он стоит ныне в 42-м зале нижнего этажа Египетского музея.

Примерно в полукилометре на юго-запад от входных врат, ведущих к пирамиде Джосера, находится изрытая вдоль и поперек равнина с остатками пирамиды царя Се-хемхета, сына и преемника Джосера. Пешком до нее добираться добрый час, надо пройти через лабиринт мастаб у пирамиды Унуса, затем подняться и спуститься по осыпавшимся склонам нескольких песчаных барханов. Ныне туда почти никто не ходит, и сторож кажется затерявшимся в пустыне. Он, конечно, не затерялся, но он действительно в пустыне.

В 1954 году, в июне и июле, когда даже проспекты туристских фирм не приглашают сюда, на этой равнине было оживленнее, чем на каирском базаре. Тут стояли «лэндроверы», «мерседесы» и «джипы», гудели генераторы осветительных установок, толпились кинооператоры, репортеры и журналисты, любопытные валили сюда валом; порядок поддерживали подразделения египетских пограничных войск, имевшие соответствующий опыт еще с раскопок кладов царя Псусеннеса (XXI династия) в Танисе, которыми руководил Монте. «В иные дни я не успевал одеться и позавтракать,— вспоминает об этих днях Гонейм,— когда рядом с домом уже слышался скрежет автомобильных шин по гравию, возвещающий о прибытии новой партии посетителей. Но это было еще не все. Со всех частей света на меня сыпались телеграммы и телефонограммы. Телефонист сельской почты в Бадрашейне, которому редко приходилось связываться с кем-либо дальше Каира, однажды утром поднял трубку и с изумлением услышал голос человека, вызывающего меня из какого-то Нью-Йорка в США!»⁵.

Из Нью-Йорка звонил Уильям К. Хейс, куратор Метрополитен-музея и автор «Египетского

жезла»; он сообщил, что вылетает в Каир. Из Гейдельбергского университета приехал Эльмар Эдель, из Мюнхенского — Ганс Шток, из Лондона — Леонард Котрелл, автор «Исчезнувших фараонов» и «Жизни при фараонах»; свою помощь предложили Гонейму Уолтер Б. Эмери, И. Э. С. Эдварде и, помимо прочих, разумеется, Ж.-Ф. Лаур. Гонейм в то время уже три года производил здесь раскопки с рабочими, которыми руководили Хофни Ибрагим и Гуссейн Ибрагим. Он открыл все, что было в этой незаконченной и затерянной пирамиде; выяснил и имя ее владельца, которого, впрочем, не упоминал ни один исторический источник. 27 июня в погребальной камере должны были открыть царский саркофаг. Первый нетронутый саркофаг в пирамиде! Газеты Ближнего Востока, Европы и далекой Америки сообщали о сенсации: «Золотое сияние из гробницы фараона!»

Как мы уже знаем, от этой пирамиды сохранились лишь первая ступень и остатки второй; площадь ее основания равнялась 120 X 120 метров, а высота — 10 метрам. Рядом темнели стены входной шахты, руины заупокойного храма и развалины каменной платформы, сохранившейся со времен постройки; на заднем плане сияла белизной восьмидесятиметровая известняковая ограда. Под стеной ограждения скрывалась погребальная камера длиной 9 метров, высотой и шириной около 5 метров; по периметру пирамиду с трех сторон окружал подземный коридор, от которого отходили 132 камеры для погребальной утвари. Инвентарный список обнаруженных здесь предметов был многообещающим: золотые браслеты (21 штука), золотые палочки и шпильки, золотая шкатулка для косметики в форме раковины, множество сосудов с печатью Сехемхета и, как ни странно, несколько сотен писанных демотическим письмом папирусов, которые, очевидно, попали туда много позднее. Погребальная камера была раскрыта в последние дни мая, и, насколько позволяли работы, посетители могли ее осмотреть, У выхода все подвергались строжайшему обыску, причем Гонейм настоял на том, чтобы и его осматривали, как всех. Каждая пирамида хранит в себе тайны, но эта особенно. Несмотря на то что она была недостроена, в ней находился царский саркофаг, старательно замурованный, как после погребения. Неужели царь велел похоронить себя в недостроенной пирамиде? Исчезла почти вся ее вторая ступень; и все же в погребальную камеру никто не проник. Стены перегородок не носили ни малейшего следа каких-либо попыток их пробить, на штукатурке — ни царапины. Неужели это единственная пирамида, которой не заинтересовались грабители? Нет, она не могла уйти от их внимания; это доказывали, помимо прочего, вторичные захоронения и папирусы Поздней эпохи. «Вы уверены, что саркофаг не ограблен и вы найдете в нем мумию царя?» — спрашивали Гонейма репортеры. Он отвечал: «Да, в погребальную камеру не ступала нога человека с того дня, как рабочие замуровали вход. Саркофаг не тронут. На нем даже лежит погребальный венок — как на саркофаге царя Тутанхамона!»

Наконец все было готово. В погребальную камеру провели электрическое освещение, а над саркофагом поставили леса с блоком и крепкими канатами; были приготовлены кинокамеры и консервирующие средства. Затем в камеру вошли Мустафа Амер, директор Службы древностей, Гонейм с двумя каирскими специалистами и десятники Хофни и Гуссулга. Еще раз взглянули на саркофаг, показавшийся им красивее всех, ииденных до сих пор. Он был вытесан из цельной алебастровой глыбы с чудесными прожилками, переливавшимися всеми красками — от золотой до розовой и красной; сверху его прикрывала плотно прилегающая панель. Еще раз напоследок внимательно оглядели всю поверхность саркофага: на нем не было ни малейшего повреждения. Шесть рабочих стояли наготове. Можно было начинать операцию.

«Двое из моих рабочих начали тянуть веревку, другие в это время поддевали панель ломом, стараясь просунуть их в щель менаду нижней частью панели и саркофагом. Люди напрягали все силы. Слышался скрежет металла по камню — и больше ничего. Панель намертво засела в пазах. Рабочие несколько раз возобновляли свои попытки, однако тяжелая каменная глыба противостояла всем нашим усилиям.

Но вот наконец она приподнялась, всего на какой-нибудь сантиметр. В отверстие тотчас были вставлены рычаги...

Всего этим делом было занято шесть рабочих, однако панель оказалась такой тяжелой — она весила около 227 килограммов — и была так крепко зацементирована смесью гипсового раствора и клея, что понадобилось почти два часа, прежде чем она медленно поползла инерх. Я нетал на колени и заглянул внутрь.

Саркофаг был пуст...»⁶.

Все стояли как громом пораженные; этого невозможно было понять. Потом, пошатываясь, 'Выбрались из двадцатиметровой глубины на дневной свет. Сотни людей осаждали выход, жужжали кинокамеры, пограничники еле удерживали свободный проход. Послышалось первое «ура», его подхватили все — и вдруг наступила тишина. Достаточно было взглянуть на лицо Гонейма. Ближайший репортер повернулся и побежал к своему «джипу». «Фиаско фараона!» — озаглавил он свою статью. «Они копали три года и не нашли ничего!» — написал второй. Пространство вокруг

пирамид обезлюдело.

«Что касается меня лично, то сначала это было тяжелым ударом. Допустим, я удовлетворился тем, что нашел новую пирамиду и установил имя доселе неизвестного фараона III династии. С точки зрения археологии это было само по себе триумфом... Но тайна пустого саркофага не выходила у меня из головы. Так или иначе я решил эту тайну раскрыть».

В своей книге «Потерянная пирамида», из которой взяты обе приведенные цитаты, Гонейм высказал предположение, что пирамида Сехемхета была «ложной» или «символической» гробницей и что саркофаг был предназначен для царского «Ка». Остальные египтологи приняли его предположение как гипотезу. В более поздних дискуссиях Гонейм не участвовал. Он трагически погиб в 1957 году.

О научных заслугах Гонейма свидетельствует его мраморный бюст перед Египетским музеем в Каире; он стоит напротив статуи Мариетта. Работы по изучению пирамиды Сехемхета продолжались еще несколько сезонов. Затем власти их приостановили.

Загадка пустого саркофага осталась нерешенной.

И все же существуют еще более затерянные пирамиды, чем пирамида Сехемхета, и еще более загадочные. От одной только III династии осталось полдюжины таких пирамид.

Первые две прячутся в пустыне, километрах в десяти на соворо-запад от Саккара, и к ним нет никакой дороги; они относятся к числу самых труднодоступных памятников Древнего Египта. Прежде к ним ездили на ослах или верблюдах; ныне к ним можно попасть — если вам очень повезет и удастся получить особое разрешение — на военном «газике», поскольку находятся они в закрытой зоне. Пирамиды эти не возвышаются над пустыней и, вероятно, никогда не возвышались; обе они недостроены, а то, что от них осталось, засыпано песком и слилось с окружающей местностью. Расстояние между ними чуть более километра; одну из них в народе называют «разрезанной пирамидой», другую — «Александровым творением». Официально же они называются ступенчатыми пирамидами в Завиет-эль-Ариане.

Более южная из них, по всей видимости, была достроена лишь до первой ступени, часть которой сохранилась поныне. У нее квадратное основание 83 X 83 метра, и она рассечена углублением, образовавшимся после того, как с нее сняли и увезли часть блоков; отсюда и ее название «разрезанная». В остатках ее поверхностной части можно различить 14 слоев, как и у пирамиды Сехемхета; очевидно, предполагалось строить 7 ступеней. На пирамиду Сехемхета она походила и своей подземной частью; кроме погребальной камеры под центром основания, к которой ведет отвесный колодец, она имеет еще одну горизонтальную галерею; эта галерея обрамляет основание, и от нее отходят 32 камеры для погребальной утвари. В пирамиде ничего не удалось обнаружить; в ее погребальной камере нет даже следов установки саркофага. В конце прошлого века ее изучали Масперо, Морган и Барсанти, после первой мировой войны — Рейснер, приписавший ее Хаба, одному из последних царей III династии. Но прямых доказательств он тоже не нашел, его предположение основано на надписях, обнаруженных и соседней гробнице того же периода. Северная пирамида, возможно, никогда не поднималась выше поверхности земли; это всего лишь огромная (8,5 метра в ширину и 110 метров в длину) траншея, вытесанная в скале и кончающаяся на глубине 25 метров. Она, должно быть, вела к подземной камере; в отличие от коридоров в прежних пирамидах, представлявших собой туннели, здесь использовался метод «открытой траншеи». По размерам траншеи и проведенным подготовительным работам на местности можно судить о том, что основание пирамиды должно было иметь форму квадрата со сторонами, несколько превышающими 120 метров. Следовательно, она должна была превзойти по размерам пирамиды Джосера и Сехемхета. Барсанти, работавший здесь в 1905—1912 годах, нашел в конце траншеи необычный эллипсоидный саркофаг из красного гранита. Он надеялся, что обнаружит за ним погребальную камеру, но демонтаж облицовочных плит привел его к другому открытию: на них красной краской были начертаны упрощенные иероглифы, которые могли читаться как «Небкара» или «Неферкара». В первом случае речь пошла бы об одном из малоизвестных царей III династии, во втором — о столь же загадочном царе V или VI династии. Но дело еще усложнилось тем, что неподалеку была обнаружена грифельная плита с именем царя Раджедефа (Джедефра) из IV династии, который повелел выстроить себе пирамиду близ Абу-Роаша... Поражающий всех ров с каменным коридором, расположенный посреди пустыни, в сознании окрестных жителей до сих пор связан с памятью Барсанти. Его называют, как мы уже упоминали, «Александровым творением» — по имени Барсанти.

Почему пирамиды в Завиет-эль-Ариане остались недостроенными? Скорее всего, по той же причине, что и пирамида Сехемхета в Саккара и многие другие пирамиды позднейших времен: царь, который повелел их строить, преждевременно умер. Притом, вероятно, умер неестественной смертью; в противном случае его законный преемник, обычно старший сын, скорее всего, приказал бы до-

строить гробницу. Египетские правители, считавшиеся богами, не могли быть лишены своего поста или отозваны с него; обретенную при коронации божескую и царскую власть они сохранили до самой смерти. И потому, если надо было освободить место для другого, они должны были умереть — естественным или насильственным путем; а с побежденным врагом или с его трупом победитель никогда не церемонился. Вполне возможно, что трупы царей, погибших во время дворцовых переворотов или вооруженных восстаний последних лет существования III династии, были уничтожены по приказу узурпаторов трона; ни их гробниц, ни каких бы то ни было сведений о них не обнаружено.

Принадлежала ли более южная из этих пирамид Хаба, а северная — Небкара, или Небка (если это вообще не одно лицо), с полной достоверностью не установлено; это лишь догадки на основании косвенных данных, среди которых важное место занимает техника их строительства. Они, без сомнения, моложе пирамиды Сехемхета, ибо при их строительстве уже был использован предшествующий опыт. Вместе с тем они наверняка старше пирамиды Снофру в Дашуре, ибо начиная с IV династии цари приказывали строить (для себя, а иногда и для своих жен) «истинные» пирамиды. Ступенчатые пирамиды характерны для III династии.

Еще меньше, чем о пирамидах в Завиет-эль-Ариане, мы знаем о малой ступенчатой пирамиде в Силе в восточной части Фаюмского оазиса; она почти полностью разрушена, и никто до сих пор тщательно не обследовал ее. То же относится к поврежденной ступенчатой пирамиде на скалистом нагорье близ Завиет-эль-Мейтина в Центральном Египте, юго-восточнее города Эль-Минья. Рядом разбивал лагерь Лепсиус, копировавший надписи в соседних гробницах, но и он не обратил на нее внимания. В Верхнем Египте таких пирамид, насколько нам известно, не менее двух; одна в Негаде, южнее Дендеры (Тен-горы) со знаменитым храмом богини Хатор, другая близ деревни Эль-Куле, за Эсне (Эснетом).

Пирамида близ Негады, своеобразной деревни со множеством похожих на башни голубятен, напоминает курган на одном из двух тамошних кладбищ; именно поэтому она привлекла внимание Флиндерса Питри. В 1896 году он снял с нее нанос песка и открыл основание; оказалось, что первоначально она имела 4 ступени и квадратное основание со сторонами примерно 20 метров, вместо облицовки она была покрыта гипсовой штукатуркой. Никакого входа в пирамиду не было; под ее центром была вытесана отвесная шахта, заканчивающаяся на почти двадцатиметровой глубине простой погребальной камерой. После окончания строительства эта камера становилась совершенно неприступной; тем не менее в ней ничего не нашли — одни голые стены.

Пирамида близ Оль-Куле, примерно в 11 километрах к западу от Нила, заинтересовали ученых лишь после, второй мировой войны; в 1955 и 1956 годах здесь работали бельгийские археологи под руководством Жана Капара. Они выяснили, что пирамида первоначально имела три ступени и квадратное основание со сторонами 18 метров; в отличие от остальных пирамид она обращена к северу не стороной, а углом. Входа в нее найти не удалось; что скрывается в ее подземелье, так и осталось тайной. То же относится и к трем другим соседствующим с ней пирамидам.

Сколько пройдет времени, прежде чем мы узнаем, кому принадлежали эти пирамиды, почему их построили так далеко от Мемфиса и что скрывается под ними? Неизвестно! В Египте еще столько неизученного! Но когда-нибудь дойдет очередь и до этих мини-пирамид.

«Медумская пирамида господствует над всем пейзажем на много километров вокруг. Поистине во всем Египте едва ли найдется хоть несколько памятников, которые могут по грандиозности сравниться с этим похожим на цитадель сооружением»⁷, — писал Гонейм, который всем сердцем был привязан к Саккара.

Согласно путеводителям и картам, эта пирамида находится в 50 километрах южнее Каира; но это лишь по прямой линии, ибо спидометр, поставленный по выезду из Гизе на нуль, покажет на 30 километров больше. Едешь по знакомой дороге к Мемфису, затем дальше на юг, мимо пирамид Дашура и Лишта; от деревни Медум до нее 3 километра на юго-запад. Она выступает из песчаных наносов и развалин как маяк в пустыне; ее обнаженное ядро еще издали объясняет, почему местное население называет ее «ложной». При этом она была как раз «истинной» пирамидой (по крайней мере до своего превращения в развалины) с основанием 146 X 146 метров и высотой 118 метров. Ныне от входа, который расположен в самом низком ее открытом слое, примерно в 20 метрах над основанием, она поднимается приблизительно на 45 метров, т. е. достигает меньше половины первоначальной высоты.

Медумской пирамиде около 4600 лет, и ныне солнце освещает лишь остатки ее третьей и четвертой ступеней. Первые две скрыты в окружающих развалинах, от пятой остался лишь небольшой выступ, от двух или трех последних сохранились упавшие блоки; раскопки в ее непосредственной близости позволили обнаружить множество отполированных известняковых облицовочных плит. Вход в пирамиду нашли в 1882 году рабочие Масперо; относительно того,

кого считать первым исследователем, вступившим в ее погребальную камеру, в литературе существуют забавные разногласия: согласно «Египетским пирамидам» англичанина Эдвардса, это был француз Масперо, по «Справочнику египетской археологии» француза Вандье — англичанин Питри. В камере были найдены лишь обломки деревянного гроба, который по своему стилю явно относился к эпохе Древнего царства. Однако против ожидания саркофага там не оказалось, хотя камера по размерам (5,90 X 2,65 метра) явно была рассчитана на него. То, что саркофаг некогда там находился, в первую очередь подтверждает толстая балка со следами каната, с помощью которого опускали саркофаг в камеру. А почему его там нет, объяснить довольно просто. Вынести саркофаг из этой пирамиды было гораздо легче, чем из любой другой.

Внутренняя структура Медумской пирамиды — простейшая из всех, нам известных: создается впечатление, будто ее архитектор совершенно забыл об осторожности. В пирамиде лишь один коридор, по которому в нее входили (и входят поныне). Начинается он на северной стороне и круто опускается вглубь примерно на 7 метров ниже основания, где расширяется, превращаясь в две горизонтальные «прихожие»; точно под вершиной расположен вход в погребальную камеру. Этот вход имеет интересную особенность: в отличие от всех других пирамид в камеру попадают не сбоку и не сверху, а снизу, через отверстие, проделанное в ее полу. Погребальная камера выложена тщательно отшлифованными плитами из турецкого известняка; потолочное перекрытие из необычайно мощных блоков, тоже известняковых; снизу они вытесаны полукругом, так что ироизподят впечатление свода. Камеры для погребальной утиари, которых в более ранних пирамидах было такое множество, здесь, как ни странно, отсутствуют совсем. Тщетно их искали французские, английские, немецкие и американские археологи. Их не нашли даже древние грабители, а это уже кое-что значит; грабители оставили после себя в стене лишь дыру, которая никуда не вела.

Мы уже говорили, что первоначально эта пирамида была построена как ступенчатая и лишь на третьем или четвертом этапе строительства ее превратили в «истинную», заполнив уступы каменной кладкой. Реконструкция ее архитектурной эволюции была для современных ученых нелегкой задачей, и кто знает, как долго она оставалась бы неразрешенной, если бы на помощь египтологам не пришел неизвестный древнеегипетский строитель. Как правило, при раскопках приходится перемещать тысячи и десятки тысяч кубометров песка и щебня. Вот тут-то и подтвердилось, насколько важно осматривать каждый обломок: на известняковой плитке был обнаружен стилизованный чертеж, изображавший пирамиду сначала с двумя, а потом с тремя и четырьмя ступенями. Выполнил этот чертеж какой-то древний «прораб». К сожалению, не нашлось записи с его именем, неизвестно также, кому и когда пришла в голову идея заполнять уступы каменной кладкой и покрывать возникший таким образом ровный склон пирамиды сплошной облицовкой. Не сохранилось и прямого свидетельства о том, какой египетский царь повелел построить эту пирамиду.

До недавнего времени предполагалось, что пирамиду строили для царя Снофру, основателя IV династии, и по двум причинам: во-первых, в ее окрестностях были найдены мастабы его сановников и, во-вторых, в ее заупокойном храме обнаружены надписи древних посетителей, которые приписывали храм (а значит, по всей вероятности, и пирамиду) именно Снофру. «Двенадцатого дня 4-го месяца Жатвы⁸ 41-го года правления царя Тутмоса (III) пришел сюда писец Аахеперра-сепеб, сын Аменмесу,— написал один из предшественников тех современных туристов, которые любят увековечить свое имя на стенах древних памятников,— дабы видеть сей великолепный храм царя Снофру, и нашел его (таким), словно бы в нем пребывало само небо с сияющим солнцем». Тем не менее ныне большинство египтологов полагают, что Снофру лишь повелел закончить эту пирамиду, а первоначальным ее строителем был Хуни, последний царь III династии (а возможно, и его отец) — В пользу такого предположения также говорят два доказательства, и, по-видимому, более убедительных. Во-первых, вся постройка в своей первоначальной архитектурной концепции соответствует тем традициям строительства пирамиды, которые существовали при III династии, и, во-вторых, позднее, очевидно, после окончания этой пирамиды, с учетом опыта ее строительства, Снофру приказал воздвигнуть для себя две пирамиды в Дашуре.

Вокруг Медумской пирамиды, так же как вокруг пирамиды Джосера, сохранились значительные остатки примыкающих к ней построек. Но у них был уже несколько иной архитектурный замысел, и они представляют собой прототип архитектурных комплексов, возводившихся вокруг всех пирамид более поздних правителей Древнего царства. Каменная ограда включала в себя не весь ареал; по ее остаткам можно установить, что с севера и юга она отстояла от пирамиды примерно на 54 метра, с остальных сторон — примерно на 34 метра. Внутри огражденного пространства кроме пирамиды

находились еще лишь две постройки: на юге — малая пирамида-спутница и на востоке — заупокойный храм. От малой пирамиды, возможно, предназначенной для царицы, сохранилось лишь несколько слоев кладки, прикрывающих ее подземную часть; храм сохранился почти целиком. Это небольшое здание из известняковых блоков имеет в плане площадь 10X9 метров; в нем и сейчас стоит алтарь для яств и напитков, приносимых умершему царю. От ворот в стене ограждения, по бокам которых были найдены постаменты двух статуй, изображающих царя на троне, идет к Нилу хорошо сохранившаяся каменная дорога. Длина ее около четверти километра, ширина — примерно 3 метра; по краям ее кое-где еще видны остатки двухметровой каменной ограды. Первоначально она вела к так называемому нижнему (или долинному) храму, от которого к реке был прорыт канал, так что прямо к нему могла пристать «погребальная ладья» с телом царя. Кроме того, у северо-восточного угла пирамиды стояла большая мастаба, очевидно, не имевшая к пирамиде прямого отношения. С севера и с юга к сторонам пирамиды подходили наклонные насыпи для доставки материала; их остатки, некогда открытые Борхардтом и Роу, ныне снова погребены под слоем песка.

Большинство нижних храмов пали жертвой времени; их тысячелетиями подмывали воды Нила, строительный материал, которым были богаты их развалины, можно было легко вывезти на судах. Напротив, заупокойные (или верхние) храмы, стоявшие непосредственно у пирамид, в ряде случаев совсем неплохо сохранились; некоторые из них даже можно реконструировать по их остаткам. В нижнем храме, вероятно, производилось бальзамирование тела правителя, привезенного на судне по Нилу; потом торжественная процессия доставляла его по «восходящей» дороге в заупокойный храм. Там в присутствии сонма жрецов и сановников свершались погребальные обряды, в результате которых умерший царь должен был «восстать для новой жизни в царстве Осириса». Руководил ими обычно царский сын и преемник (или назначенный верховный жрец), одетый в шкуру леопарда. Обряды эти состояли из более чем сотни сложнейших священнодействий. Руководитель обрядов должен был соответственно ритуалу омыть мертвое тело, окурить его благовониями, смазать глаза и рот семью священными маслами, коснуться различными магическими предметами (среди прочих — передним копытом специально забитого теленка) разных частей трупа, произнести предписанные молитвы и т. д. Главной составной частью этого церемониала было так называемое «отверзание уст», чтобы на том свете царь мог есть и пить, а также «повелевать людьми и вещами». Существовали специальные обряды для того, чтобы вдохнуть жизнь в его ушебти, оживить его сердце (согласно воззрению египтян — орган мышления), оживить его руки и ноги. Только после всего этого и еще многого другого, а главное, после торжественного погребального пиршества тело царя укладывалось в соответствующие гробы, а те — в саркофаг, приготовленный к тому времени в погребальной камере. Оба храма впоследствии посещались главным образом по случаю празднования очередной годовщины ухода царя в вечность.

Известные нам подробности о погребальных обрядах египетских царей мы хотя бы частично с удовольствием обменяли бы на знание других, более важных моментов из истории Древнего Египта, которая содержит еще много неразрешенных загадок... И постоянно возникают все новые.

Это относится и к Медумской пирамиде. Например: отчего она так изуродована? Обычные ссылки на губительное воздействие времени и «использование камня для других построек» тут не подходят. Ведь большинство ее блоков и облицовочных плит и поныне осталось на месте, в развалинах у ее подножия.

Или еще один вопрос: если в Медуме завершилась эволюция пирамиды, то почему имела место некоторая «заминка», прежде чем начали строить исключительно «истинные» пирамиды? Как различались между собой ступенчатая и «истинная» пирамиды — только ли внешне или же и конструктивно? Одинаковым ли способом их строили? И как, собственно, их строили?

Но обо всем этом мы поговорим уже на пути к самым большим и самым прославленным пирамидам в Гизе.

Глава IX **«ГОРЫ ФАРАОНОВ» IV ДИНАСТИИ В ГИЗЕ**

Самые большие и самые прославленные пирамиды находятся на территории Каира: достаточно перейти через мост Эль-Гизе, построенный чехословацкими специалистами, и проспект Аль-Ахрам, т. е. проспект Пирамид, приведет нас прямо к их подножию. Но так как осмотр этих чудес Древнего Египта мы будем проводить соответственно последовательности их возникновения, то свернем на старую, хорошо известную нам дорогу, ведущую на юг, и у деревни Дашур, примерно в 10

километрах за рощей, выросшей над развалинами Мемфиса, выйдем в открытую пустыню. Перед нами возникает пять сверкающих треугольников: три на возвышенности за полосами обработанной земли и два чуть западнее, на песчаном плато. Направимся к более отдаленным — это предшественницы гизехских пирамид. Их повелел построить перед 2600 годом до н. э. основатель IV династии Снофру, отец царя Хуфу.

С пирамидами Снофру в Дашуре мы уже знакомы по предыдущим главам: их открытие означало шаг вперед в познании Древнего Египта, а их строительство ознаменовало перелом в конструктивной эволюции пирамид. Обе они чрезвычайно своеобразны, не похожи на иные и даже друг на друга; при взгляде па них не верится, что они относятся к одной и той же эпохе. Южная - несколько старше, примерно лет на двадцать, — но является пирамидой с точки зрения геометрии. Ее основание — 185,5X 185,5 метра, высота — 92,3 метра, и заканчивается она как бы срезанной верхушкой. Стены сначала поднимаются под смелым углом в 50°41', но на высоте 45 метров неожиданно «переламываются» и далее идут вверх под углом 42°59'. Если бы ее достроили с первоначальным наклоном стен, она достигала бы высоты 125 метров; в настоящее же время высота ее равна 100 метрам. Из-за непривычной формы местные жители считают ее ненастоящей, «ложной» пирамидой. В чехословацкой египтологической литературе ее, как нам уже известно, называют «пирамидой с двумя склонами» или «ломаной пирамидой», в английской — «изогнутой пирамидой», во французской — «ромбовидной», в немецкой — «изломанной».

Но внешний вид южной пирамиды Снофру — не единственная ее особенность. Приближаясь по облику к «истинной» пирамиде, по внутренней своей конструкции она еще напоминает ступенчатую пирамиду; блоки уложены вертикально, прилегают к ядру и опираются на него. От других пирамид Древнего царства она прежде всего отличается тем, что имеет два входа: один, как обычно, с северной стороны, другой — с западной. Северный вход расположен примерно в 10 метрах над землей, и от него круто вниз идет коридор к камере, находящейся на 25 метров ниже основания. Западный вход расположен на высоте 30 метров, а коридор, ведущий от него, кончается в камере, находящейся на уровне основания. Обе камеры просторны и необычайно высоки; их потолок сужается, образуя ложный свод высотой соответственно 20 и 25 метров. Первоначально они не были соединены, но грабители прорубили между ними узкую шахту. Сейчас в нижнюю камеру можно спуститься только через эту шахту, так как входной коридор завален; в ней нет ничего, кроме пыли на полу; судя по всему, камера эта так и не была достроена. Стены верхней камеры тщательно отшлифованы; в ней сохранились остатки деревянных опор из кедра.

Когда в 1837 году в эти камеры вступил Перринг, он не нашел и них ни саркофага, ни мумии; там валялись лишь остатки тростниковой корзинки, дохлая сова да скелеты пяти летучих мышей. Но во время нового обследования в 1943 году А. Барий, французский археолог, работавший в Египте, обнаружил на блоке в верхней камере сделанную охрой надпись; другую такую надпись он нашел позднее на одной из упавших облицовочных плит в северо-восточном углу пирамиды. Египтологи без труда прочли эти надписи: в обоих случаях это было «имя Хора» царя Снофру, которое звучало как Небмаат («Владыка истины»). В 1950 году Служба древностей Египта послала образцы кедра на радиоуглеродный анализ, который определил их возраст — 4800 (±210) лет. Нижняя граница этого предела совпадает с общепринятой датировкой правления Снофру.

Правда, уже давно было известно, что эта пирамида, так же как ее северная соседка, принадлежала Снофру. Египтологи узнали об этом после расшифровки нескольких иероглифических текстов времен V и VI династий, в одном из которых было даже приведено название: «Снофру сияет». Возможно, так называлась северная пирамида, но сейчас такое название больше подходит для южной. На ней сохранилась большая часть белой облицовки из турецкого известняка, все еще так ослепительно сверкающего на солнце, что, когда мы направляем на него экспонетр, стрелка сразу подскакивает к самому крайнему показателю. Как выяснилось в результате недавнего обследования, под песчаными наносами вокруг пирамиды сохранились и прилегающие к ней постройки. Они разбросаны на площади почти в 6 гектаров.

Южная пирамида Снофру была окружена каменной стеной, отстоявшей от нее примерно на 50 метров; от стены на восток отходила ныне засыпанная песком каменная дорога более полукилометровой длины, которая вела к нижнему храму. Храм ограждала такая же стена. Египетский археолог Ахмед Фахри в 1951—1954 годах обнаружил здесь развалины шести молелен, колоннаду из десяти колонн, вестибюль с двумя просторными помещениями и обширный двор; здесь были найдены также две стелы, рельефы, изображающие жертвенный обряд, и три статуи Снофру. По расположению этого нижнего храма можно с уверенностью сказать, что стоял он не на берегу Нила, а на естественной террасе, к которой от Нила вел специально прорытый канал. Заупокойный

(верхний) храм находился к востоку от пирамиды; судя по развалинам, его впоследствии реконструировали и увеличили. С южной стороны на линии каменной ограды стоит малая пирамида-спутница.

Малая — лишь относительно: имея основание 55 X X 55 метров и первоначальную высоту 32 метра, она ненамного меньше большинства царских пирамид, в частности пирамид Тети и Унуса и Саккара. У этой пирамиды есть собственная ограда и подземная камера, облицованная отполированным известняком.

Первым ее обследовал в 1855 году коллега Мариетта М. Каби, позже и более тщательно — Абд эс-Салям и Барий, но никто в ней ничего не нашел. Мнения о назначении этой пирамиды-спутницы, одной из самых древних среди сохранившихся до нашего времени, расходятся.

Некоторые египтологи считают, что это гробница супруги царя, другие — что это гробница для каноп с царскими внутренностями, третьи — специальная гробница для царского Ка. Как показали исследования на других полях пирамид, пирамиды-спутницы по их назначению можно разделить на две группы: одна принадлежала царским женам, другая служила для выполнения неведомой нам ритуальной функции. Предполагается, что эта пирамида-спутница была ритуальной, поскольку нет никаких свидетельств о том, что здесь был кто-то похоронен, как, впрочем, и в соседней большой пирамиде.

Но если Снофру не похоронен в южной пирамиде, не был ли он погребен в северной? Весьма возможно, но доказательств тому нет. Вацлав Ремедиус Прутки в середине XVIII века не нашел никаких следов погребения; ничего не обнаружил и Перринг в 1837 году. С тех пор никто ее не обследовал обстоятельно; в первые две камеры еще можно попасть, но третья, имеющая - горизонтальную проекцию $83 \times 4^{\wedge}, 2$ метра и высоту почти 15 метров, недоступна, ибо вход в нее загораживают обвалившиеся глыбы. Нам ничего не известно о непосредственном окружении этой пирамиды, о ее заупокойном храме, оградительной стене и т.д., даже о том, была ли у нее пирамида-спутница. Нельзя не согласиться с Ж. Вандье, который писал: «Египетской Службе древностей следовало бы предпринять новые раскопки в столь значительном и многообещающем месте».

Пока не дошла очередь до этих раскопок, приходится довольствоваться уже известными сведениями: основание северной пирамиды Снофру равно $218,5 \times 221,5$ метра, а высота - 104,4 метра. С ее вершины обвалилось всего несколько блоков, но тем не менее при таком основании она кажется чрезвычайно низкой; наклон ее стен ($43^{\circ} 60'$) примерно соответствует наклону верхней части южной пирамиды. Внешняя ее облицовка давно снята, поэтому видна внутренняя масса из красноватых блоков, добытых в близлежащей каменоломне. В отличие от южной «белой пирамиды», эта пирамида «розовая», и, насколько нам известно, она – первая «истинная» пирамида на территории Египта. К тому же она принадлежит к числу самых больших пирамид, уступая по величине лишь пирамидам Хуфу и Хафра в Гизе.

Жара вынуждает искать воду и тень, но человеческая любознательность в конце концов берет верх: откуда взялась странная форма южной пирамиды? Она выглядит так, словно архитектор задумал построить ее в форме «истинной» пирамиды, но, достигнув трети планируемой высоты изменил план и радикально ее снизил. Но если это так, то чем вызвано подобное решение? Преждевременной смертью царя? Но ведь позднее Снофру приказал построить для себя еще одну пирамиду в 2 километрах к северу! Почему наклон стен этой пирамиды приблизительно соответствует наклону стен верхней части южной пирамиды? И почему у нее совсем иная внутренняя структура? Блоки в прилегающих к ядру слоях расположены горизонтально, а не вертикально, т. е. иначе, чем во всех предшествующих пирамидах. Что подсказало зодчим такое решение? И независимо от этого: почему Снофру велел построить себе две пирамиды? Ведь он мог быть похоронен только в одной!

Относительно формы южной пирамиды еще более ста лет назад британский египтолог Дж. Г. Уилкинсон высказал мнение, что «ее верхнюю часть изменили ввиду спешки, чтобы поскорее закончить». Когда Перринг обследовал блоки этой верхней части, то заметил, что они уложены менее тщательно, чем в нижней. Для чего и кто так спешил «вести пирамиду в эксплуатацию», если, судя по всему, Снофру в ней не похоронен? А если бы его должны были в ней похоронить, то наверняка прежде всего закончили бы внутренние камеры...

Варий, напротив, полагал, что речь шла не об изменении плана во время строительства, а о «намеренной архитектурной реализации» известного «дуализма царской особы», т. е. о символическом выражении двух царских титулов, которое наличествует, к примеру, в соединении белой и красной корон Верхнего и Нижнего Египта. Но как тогда объяснить, что другие цари не строили пирамид с ломаными гранями, хотя тоже были властителями «Обеих земель»!¹

Большинство египтологов в этом вопросе присоединилось к Уилкинсону, в том числе Вандье и Эдварде.

Но существуют и другие теории. Одна из наиболее примечательных была высказана в 1970 году британским физиком Куртом Мендельсоном, никогда не занимавшимся египтологией и посетившим Египет в качестве туриста. Медумская пирамида навела его на мысль, что «огромные кучи обломков, окружающие ее, упали с ее вершины». Мендельсон определил их объем и рассчитал, что он примерно соответствует объему упавшей части. Отсюда он сделал вывод, что «пирамида, вероятно, обрушилась в результате катастрофы, а вовсе не стала жертвой вандализма». Зодчие строили ее так же, как ступенчатую пирамиду в Саккара, но в отличие от той покрыли ее гладкой облицовкой под углом 52°. «Облицовка не выдержала, треснула, и вся верхняя часть обвалилась». То же можно видеть и на пирамидах в Дашуре.

Таким образом, согласно этой теории, плиты облицовки не удержались на крутых склонах Медумской пирамиды; причиной могло быть и то, что блоки, опирающиеся на ядро, были поставлены вертикально. Если это так, то архитектор Снофру, должно быть, испугался и приказал снизить наклон стен южной пирамиды. При строительстве же новой, северной пирамиды он велел укладывать блоки горизонтально, что обеспечивало лучшую устойчивость конструкции. Из предосторожности он решил не делать наклон стен пирамиды слишком крутым и возводил их под углом, проверенным на верхней части южной пирамиды.

Выглядит эта версия довольно убедительно, однако специалисты по древнеегипетской архитектуре еще не сказали своего последнего слова.

На вопрос, почему Снофру приказал построить две пирамиды, египтологи пока не нашли ответа. Попытки найти ответ предпринимали и неегиптологи. Но об этом мы поговорим в заключительной главе, и не только потому, что сейчас это бы нас очень задержало.

Наконец мы можем ехать к пирамидам в Гизе! Мы уже видели их с каирской цитадели, откуда они казались маленькими темными треугольниками на границе города и пустыни; время от времени они выныривали на горизонте, когда мы ездили в Саккара, Медум, Дашур. Сейчас, со смотровой террасы за конечной остановкой автобусов, мы увидим их вблизи и «в полный рост». На покрытой песком известняковой возвышенности они вздымаются как настоящие каменные горы: направо — пирамида Хуфу, или Хеопса; посередине — пирамида Хафра, или Хефрена, с остатками первоначальной облицовки у вершины; налево — пирамида Менкаура, или Микерина. Перед ними — Большой сфинкс, их тысячелетний страж и неотъемлемая деталь пейзажа...

Мы наслаждаемся неповторимым видом или по крайней мере стараемся им насладиться. Тут слишком много людей, в том числе, разумеется, туристов, но прежде всего драгоманов-самозванцев, владельцев дромадеров и ослов, торговцев сувенирами и т. д., которые навязывают нам свои услуги, а главное — здесь толпы детей с ладонями, протянутыми за бакшишем. Хотя в свое время был создан кооператив гидов и полиция делает все, что может, факт остается фактом: эти люди изрядно портят нам впечатление от встречи с пирамидами. Остается лишь молча и сохраняя внешнее спокойствие отрешиться от окружающего. (Раньше, правда, было еще хуже: посетителей осаждали мириады назойливых мух, а вечернюю прогулку к Великой пирамиде можно было совершить только в сопровождении солдата с заряженной боевыми патронами винтовкой, который должен был защищать вас от сотен одичавших собак.) Вопреки помехам на просцениуме вид перед нами великолепен. Зрелище превосходит все описания и ожидания.

От смотровой террасы к пирамидам ведет асфальтированная дорога, несколько выше Сфинкса она разветвляется: если свернуть направо, то попадаешь к юго-восточному углу Великой пирамиды. Ее тупая вершина очень скоро заслоняется стенами из блоков желтого цвета; с каждым шагом они все более похожи на лестницу для гигантов, уходящую в бесконечность. Более двухсот слоев таких блоков громоздятся здесь друг на друга; у подножия они достигают величины от одного до полутора метров, потом постепенно уменьшаются и наконец сливаются в сплошную бугристую массу. Время от времени на них можно увидеть похожего на жучка или муравья пирамидолаза, пренебрегшего официальным запретом совершать восхождения. Мы понимаем его, но поступок этот в самом деле рискованный: если он соскользнет, то упадет на каменную площадку у подножия. При попытках подняться на пирамиду было больше жертв, чем при штурме всех вершин Высоких Татр, и если бы здесь существовало «символическое кладбище», как под горой Остерва, здесь были бы и могилы земляков автора этой книги. Те времена, когда на вершине Великой пирамиды можно было провести романтическую лунную ночь, к нашему сожалению, безвозвратно ушли.

Великая пирамида в самом деле чудо света — древнего и современного. От подножия до

вершины она достигает 137,3 метра, а до того, как утратила верхушку, высота ее была 146,7 метра. Еще сто лет назад она была самым высоким сооружением в мире, только в 1880 году ее превысили две надстроенные башни Кельнского собора (на 20 метров), а в 1889 году — Эйфелева башня. Стороны ее основания равны 230,4 метра, а до потери облицовки — 232,4 метра. Площадь ее составляет 5,4 гектара; на ней уместились бы дворцы всех правящих ныне королей или же 1000 трехкомнатных квартир (по стандартам, действующим в ЧССР). При наклоне стен $51^{\circ}52'$ первоначальный ее объем был равен 2520000 кубических метров; сейчас он примерно на 170000 кубических метров меньше, ибо в течение веков пирамиду использовали как каменоломню. На сооружение ее пошло около 2 250 000 каменных блоков, объемом каждый более кубического метра; этого материала было бы достаточно, чтобы построить город со стотысячным населением. Вес ее — 6,5—7 миллионов тонн — превышает тоннаж всего военного флота США, включая авианосцы. Если бы она была полой, в нее вошла бы пусковая установка для космических ракет. Но она представляет собой спрессованную каменную массу, и, по мнению специалистов, ее не уничтожила бы даже атомная бомба, сброшенная на Хиросиму. А ведь построена она 4000 лет назад!

С внутренней конструкцией Великой пирамиды мы уже ознакомились, следуя за темп, кто прокладывал путь в нее таранами, порохом и другими способами; подведем теперь итоги их открытий. Пирамида таит в себе три камеры, соответствующие трем стадиям ее строительства, поскольку царь желал в любой момент располагать готовой гробницей. Первая камера вытесана в скале на глубине примерно 30 метров ниже основания и не совсем точно посередине его; площадь ее — 8×14 метров, высота — 3,5 метра. Она осталась незаконченной, так же как и вторая, которая находится в ядре пирамиды, точно под вершиной, на высоте примерно 20 метров над основанием; площадь ее — $5,7 \times 5,2$ метра, сводчатый потолок достигает высоты 6,7 метра; когда-то ее называли «усыпальницей царицы». Третья камера — усыпальница царя; в отличие от двух других она закончена; в ней и был найден саркофаг. Сооружена она на высоте 42,3 метра над основанием и немного южнее оси пирамиды; ее протяженность с востока на запад — 10,4 метра, с севера на юг — 5,2 метра; высота — 5,8 метра. Облицована она безукоризненно отшлифованными и тщательно пригнанными друг к другу гранитными плитами; потолок образуют девять монолитов, весящих около 400 тонн, над потолком находятся пять разгрузочных камер, общая высота которых — 17 метров, самая верхняя заканчивается двускатной крышей из огромных блоков, которые принимают на себя тяжесть примерно миллиона тонн каменной массы, чтобы она не давила прямо на погребальную камеру.

Во всех трех камерах есть «прихожие», и все они соединены между собой коридорами или шахтами. Некоторые шахты в нижних камерах заканчиваются тупиком и вытесаны в каменной кладке уже позднее. Из царской усыпальницы к поверхности пирамиды ведут две такие шахты, выходящие наружу примерно посередине северной и южной стен. Их первоначальное назначение нам достоверно неизвестно, но, безусловно, одно из их назначений — обеспечивать вентиляцию.

Царская усыпальница открыта для посетителей и освещена неоновыми лампами; вход в остальные камеры запрещен, огорожен и строго охраняется. Первоначальный вход в пирамиду расположен на северной стороне на высоте 25 метров над основанием, и его можно видеть через дыру, оставленную таранами аль-Мамуна. Сейчас в пирамиду ведет другой вход, расположенный примерно на 15 метров ниже прежнего, почти в самом центре северной стороны. Узкий и низкий горизонтальный коридор протяженностью не более 40 метров кажется очень длинным, ибо идти приходится все время пригнувшись; мало кто при этом не убеждается на собственном опыте, что известняковые блоки пирамиды тверже, чем его голова. Прорубили этот коридор не для удобства туристов, над ним трудились древние грабители, и относится он, возможно, еще ко временам смут, наступившим после падения Древнего царства. В конце коридора поставлена деревянная лестница, по которой посетители поднимаются в низкую гранитную «прихожую». Переступив ее порог, мы оказываемся в сердце пирамиды.

Большая галерея — уникальное сооружение даже в сравнении с такой постройкой, как Великая пирамида. Когда мы вступаем в нее, она кажется бесконечно длинной, потому что отшлифованные стены отражают свет электрических ламп, как металлические плиты, и прямоугольник входа среди них совершенно теряется. Длина галереи — 47 метров, высота — 8,5 метра, угол подъема — 26° . Известняковые плиты облицовки уложены друг над другом в восемь слоев, причем каждый последующий слой на 5—6 сантиметров заходит за предыдущий. По сторонам ее обрамляют две сплошные полосы полуметровых каменных выступов с пазами как для зубчатой железной дороги; для прохода между ними остается лишь немногим более метра. Саркофаг шире входа в погребальную камеру. Он вытесан из одного куска коричнево-серого гранита, без даты и надписи, довольно сильно поврежден. Стоит он в западном углу усыпальницы, прямо на полу. Его поместили сюда еще во время строительства, и, видимо, с тех пор никто не сдвигал с места. Саркофаг этот выглядит так, будто его отлили из металла. От человека, который должен был найти в нем вечный покой, не осталось и пылинки.

Великую пирамиду — это творение тысяч рук — окружали ничуть не менее трудоемкие и дорогие постройки. Геродот, видевший дорогу, ведущую от верхнего (заупокойного) храма к нижнему, которая была выложена полированными плитами и имела ширину 18 метров, назвал ее сооружение работой «едва ли не столь же огромной, как постройка самой пирамиды». Покок, французы из Египетской комиссии и Лепсиус еще застали ее остатки с фрагментами декоративных рельефов; сейчас от нее сохранились какие-нибудь 80 метров. Дорога эта исчезла в конце прошлого века во время строительства деревни Назлат-эс-Симман, ныне, как и Гизе, статной частью Большого Каира. Где-то на месте ее глинобитных домишек, быстро освобождающих пространство под современные виллы, стоял нижний храм. Этот очень красивый храм возвышался над землей на 30 метров; вероятно, еще в древности он пал жертвой людей, искавших строительный материал.

Из построек, окружавших Великую пирамиду, сохранились лишь развалины верхнего (заупокойного) храма и три пирамиды-спутницы. Следы храма открыл в 1939 году египетский археолог Абу Сейф, начатые им раскопки после войны завершил Лауэр. Как обычно, храм находился к востоку от пирамиды, и фронтон его имел протяженность 100 египетских локтей (52,5 метра); он был построен из турецкого известняка, имел двор с 38 квадратными гранитными столбами, 12 таких же столбов стояло в вестибюле перед небольшим святилищем. По обе стороны от него, примерно в 10 метрах, при раскопках были найдены два выдолбленных в известняковом плато «дока», где, вероятно, держали «солнечные ладьи», третий такой «док» был обнаружен слева от дороги к нижнему храму. К сожалению, «доки» оказались пусты, но в 1954 году археологи были вознаграждены более или менее случайной находкой еще двух таких доков. В одном из них покоилась великолепно сохранившаяся ладья — самый древний корабль мира. Длина ее 44 метра и сделала она из кедра. После того как она была извлечена и подвергнута консервации, ее поместили в специально построенный павильон рядом с пирамидой.

Пирамиды-спутницы тоже стоят восточнее Великой пирамиды, хотя обычно их строили южнее; очевидно, религиозные предписания пришлось нарушить из-за препятствий, связанных с характером местности. Пирамиды расположены с севера на юг «по росту», сторона квадратного основания первой пирамиды равна 49,5 метра, второй — 49, третьей — 46,9. У каждой из них была каменная ограда, заупокойная молельня и погребальная камера «с прихожей», в которую вела отвесная шахта; кроме того, рядом с первой находился «док» для «солнечной ладьи». Большинство ученых считает, что эти пирамиды принадлежали женам Хуфу, из которых первая (главная), по древнему обычаю, вероятно, была его сестрой. Имена первых двух нам неизвестны, третью звали Хенутсен; во времена XX династии она была отождествлена с богиней Исидой. В Саисскую эпоху ее заупокойную молельню превратили в храм, где ей поклонялись как «Госпоже пирамид».

Все три пирамиды-спутницы довольно хорошо сохранились и только лишены внешней облицовки, их подземные части и окружающее пространство тщательно обследованы.

Судя по всему, к востоку от первой предполагалось построить еще одну, больших размеров, но строительство было прекращено еще до завершения работ в погребальной камере. Согласно гипотезе Рейснера, который вел здесь раскопки в двадцатые годы, она предназначалась для царицы Хетепхерес, супруги Снофру и матери Хуфу, ибо ее гробница была ограблена вскоре после похорон. В конце концов Хуфу решил соорудить для нее несколько севернее тайную гробницу в скале. Эту гробницу ему и в самом деле удалось утаить... до января 1925 года, когда у фотографа Рейснера провалился в щель между маскировочными блоками штатив. Потом члены Гарвардско-Бостонской экспедиции в течение трех месяцев выносили сокровища: тысячи маленьких золотых блях, предметы мебелировки и домашней утвари; золотые и серебряные браслеты, косметические коробочки с «теньями» для подведения глаз (синевато-серыми и зелеными), ножички для маникюра, шкатулки с именем царицы, наполненные драгоценностями. Были найдены и каноны с ее внутренностями, и алебастровый саркофаг, который, однако, оказался пуст. Рейснер и другие египтологи долго искали объяснение этой загадки, предложенная им версия могла бы послужить сюжетом для детектива. Согласно ей, грабители выкрали мумию царицы, сняли с нее драгоценности, а затем уничтожили. Стража и чиновники из страха перед царем утаили это, и Хуфу с соблюдением торжественного церемониала похоронил пустой гроб. Однако не исключено, что Хуфу узнал правду, но, чтобы сохранить престиж, сделал вид, будто ничего не случилось, и устроил для своей матери вторые торжественные похороны. Так это было или иначе, но, во всяком случае, это первая и до сих пор единственная найденная нетронутая гробница члена царской семьи эпохи Древнего царства.

По древним источникам, Великая пирамида была обнесена десятиметровой каменной стеной, развалины которой показывают, что она имела 3 метра в толщину и отстояла от пирамиды на 10,5 метра. Около нее в соответствующем отдалении располагались мастабы сановников, почти сотня их сохранилась с северной стороны, более десяти — с южной, примерно сорок — с восточной. Ныне они почти недоступны, но большинство находок, сделанных в них со времен Мариетта, хранится на

стендах и в запасниках Египетского музея. Мы остановимся на двух из них.

Первая датируется 1837 годом, и заслуга первооткрывателя принадлежит Визу. Это имя царя Хуфу на блоке разгрузочной камеры в сердце пирамиды. Написал его какой-то каменотес, чтобы было ясно, на какую стройку этот блок отправлять. Надпись сделана красной краской, и иероглифы разборчивы.

Вторая находка была сделана в 1946 году в заупокойном храме. Это фрагмент стелы, обнаруженный Лауэром и подтверждающий то, в чем никто уже не сомневался, а именно что пирамида принадлежала Хуфу. На стеле написано ее имя: «Относящийся к небосклону— (это) Хуфу».

Если мы уделили пирамиде Хуфу немного больше внимания, чем остальным, то объясняется это не только ее прославленным первенством. Дело в том, что вокруг нее возникла некая «цифровая мистика», в интересах которой часть измерений была подогнана, а другие — придуманы; кроме того, различные толкователи ее загадок поместили в нее камеры и шахты, попросту иллиющпся плодом их фантазии. Поэтому нам надо было обстоятельно ее осмотреть и дополнить основные характеристики рядом других, заимствованных нами, как и в остальных случаях, из официальных документов египетской Службы древностей.

Пирамида Хафра, или Хефрена, несомненно, не вызывает столь значительного интереса. Посетители Гизе обычно довольствуются осмотром издали, хотя от пирамиды Хуфу до нее можно пройти за несколько минут. Это и понятно: ведь она всего лишь вторая... Хотя она ненамного уступает пирамиде Хуфу и по величине и по возрасту. Когда ее построили, примерно в середине XXVI века до н. э., она достигала 143,5 метра в высоту и, следовательно, была лишь на 3,2 метра ниже, чем пирамида Хуфу; сейчас от ее подножия до вершины 136,5 метра, так что теперь ей не хватает меньше метра, чтобы сравняться со своей знаменитой соседкой. Стороны ее квадратного основания первоначально равнялись 215,3 метра, сейчас они равны 210,5 метра. При небольшом различии в длине сторон двух пирамид (меньше 10%) и при более крутом наклоне стен ($52^{\circ}20'$) пирамида Хафра кажется выше пирамиды Хуфу; этот оптический обман усиливается еще тем, что она стоит на самом высоком месте гизехского некрополя. Однако она превосходит пирамиду Хуфу своей неприступностью. Для восхождения на нее группе альпинистов требуется почти час, причем им нужно преодолеть мощный известняковый навес, которым можно воспользоваться как крышей и отдохнуть в его тени. На вершине ее отсутствует лишь гранитный «пирамидной», *бенбенет*, острие которого должно ловить первые и последние лучи солнечной ладьи Ра.

Внутренняя структура пирамиды Хафра относительно проста. Две камеры и два входа на северной стороне, один — примерно на высоте 15 метров, другой — под ним, на уровне основания. Сейчас внутрь пирамиды попадают из верхнего входа по коридору, который под самым основанием выравнивается и приводит к погребальной камере. Коридор, ведущий от нижнего входа, сначала опускается на десятиметровую глубину, а после небольшого ровного отрезка снова поднимается и приводит к верхнему коридору; сбоку у него имеется отвод в небольшую камеру, оставшуюся незавершенной. Погребальная камера находится примерно на оси пирамиды, она вытянута с востока на запад на 14,2 метра, с севера на юг — на 5 метров, высота ее — 6,8 метра. Камера вытесана в скале, только сводчатый потолок уходит в каменную массу пирамиды. В этой камере до сих пор стоит пустой саркофаг с разбитой крышкой, обнаруженный Бельцони в 1818 году; сделан саркофаг из прекрасно отшлифованного гранита. Больше в пирамиде нет никаких камер и шахт, туннель Бельцони тоже уже занесен песком. Эта пирамида представляет собой самую компактную постройку на свете: при объеме известняковых блоков 1 629 200 кубических метров свободное пространство в ней составляет менее 0,01%.

«Хафра велик» — так называлась эта пирамида, велики были и прилегающие к ней постройки. Те из них, которые сохранились, по размерам превосходят все другие известные нам сооружения такого рода, относящиеся к эпохе Древнего царства. Заупокойный храм этой пирамиды еще в XVIII веке (н. э.) находился в довольно приличном состоянии, потом местное население растащило стены, но по развалинам его можно достаточно точно реконструировать. Он стоял к востоку от пирамиды на специальной гранитной террасе за стеной ограды и занимал площадь 145 X 45 метров, в нем было пять молелен с прихожими и двор с 12 скульптурными изображениями царя. Полукилометровая каменная дорога шириной 5 метров вела от него к нижнему храму, который стоял юго-восточнее Большого сфинкса прямо перед нынешней смотровой террасой. По форме он напоминал большую мастабу; его площадь в плане была 45X45 метров, высота — 12 метров. В центральном зале стояли 23 тронные статуи царя, большей частью из алебаstra и сланца, и 16 гранитных колонн; два его входа сторожили четыре лежащих сфинкса. Сейчас его называют «Гранитным храмом», чтобы отличать от «Храма Сфинкса», который находится по соседству и открыт только в нашем веке.

Пирамиду Хафра, как и всякую другую, окружала каменная ограда; судя по раскопкам основания этой стены, она имела толщину 3,4 метра и отстояла от пирамиды на 10,1 метра. По бокам

заупокойного храма обнаружено пять «доков» для «солнечных ладей», все они оказались пустыми. К югу от каменной ограды, точно по ее центру, на искусственной террасе когда-то возвышалась маленькая пирамида-спутница. Наземная ее часть исчезла, но по остаткам основания и обломкам облицовочных плит можно было установить ее размеры (20,1 X 20,1 метра) и наклон стен (52°20'). Подземная часть сохранилась полностью, включая туннель, через который в погребальную камеру (на глубине 12 метров) проникли грабители. Вероятно, здесь была похоронена супруга Хафра, однако в камере оказались лишь две жемчужины, оброненные грабителями, и пробка от какого-то сосуда, на которой удалось прочесть имя Хафра.

Окрестности пирамиды довольно хорошо обследованы, самые значительные находки сделаны еще в минувшем столетии. На западной стороне Питри обнаружил в 1881 году развалины сооружения, имевшего 91 длинное и узкое помещение размерами 26X3 метра; сопоставление с подобными же сооружениями в Мединет-Абу и Иллахуне подтвердило, что это были жилища древних мастеров, постоянно занятых на строительстве пирамид. Среди художественных находок первое место принадлежит прекрасно сохранившейся статуе царя Хафра из темно-зеленого диорита; он изображен на троне с нарядным платом на голове, уреем на лбу и соколоподобным богом Хором позади головы. Статую нашел Мариетт в 1860 году среди развалин нижнего храма; она принадлежит к числу самых драгоценных экспонатов Египетского музея в Каире.

Относительно слабый интерес туристов к пирамиде Хафра был компенсирован интересом ученых. Возникла серия монографий о ней, в которых результаты своих изысканий вслед за Мариеттом и Питри излагали многие исследователи из разных стран. А в самые последние годы к ним присоединился ученый, чье имя хотя и было известно египтологам, но лишь по списку лауреатов Нобелевской премии в области физики. Нобелевскую премию он получил в 1968 году за открытие так называемой «холодной» ядерной реакции. Это был профессор Калифорнийского университета Луис У. Альварес.

«Пирамида Хафра до сих пор не выдала своей тайны, молчит, как Сфинкс у ее подножия», — провозгласил Л. У. Альварес. Тайны всегда влекли его, а поскольку он умел их раскрывать, то решил действовать. В 1969 году с помощью Американской комиссии по атомной энергии и при поддержке египетского правительства Альварес установил в погребальной камере пирамиды Хафра счетчики частиц космического облучения, посредством которых он надеялся сделать некий теневой снимок пирамиды, где, как при рентгенокопии, были бы выявлены ее пустые пространства. Это помогло бы найти, где скрыты мумия фараона и сокровищницы. Альварес верил в их существование и почему-то полагал, что они находятся примерно на шестидесятиметровой высоте у самой оси пирамиды. «А что, если и с помощью космических лучей не удастся открыть нахождение этих тайников?» — спросил его один журналист. «Тогда я буду уверен, — ответил Л. У. Альварес, — что в этой пирамиде не существует никаких тайных усыпальниц и сокровищниц».

Египтологи отнеслись скептически к опыту американского физика. Аналогия с пирамидой Хуфу казалась им несостоятельной. Структура пирамиды Хафра убеждала, что при ее строительстве не было никаких коренных изменений первоначального плана, тогда как в пирамиде Хуфу первоначальный план менялся не менее трех раз. Если учесть обычаи в эпоху Древнего царства, то выше царской погребальной камеры не должно было находиться никаких помещений. А если они и были, их уже давно нашли и разграбили. Куда ученым-атомщикам с их современной лампой Аладина тягаться с древними грабителями! И все же египтологи желали Альваресу удачи.

Все проходило точно по плану, приборы действовали великолепно. Но пустых помещений они не обнаружили.

«Божествен Менкаура» называлась меньшая из трех великих пирамид в Гизе. Она стоит в юго-западном углу плато, на почтительном расстоянии от гробниц Хуфу и Хафра, словно бы стыдясь своего низкого роста и молодости. Но зря она стыдится: ей уже более 4500 лет, основание ее — 108,4 X 108,4 метра, высота — 02 метра. Первоначально она была метра па четыре и выше, но длину сторон сохранила, ибо наносы песка защитили нижнюю часть ее облицовки. Облицовка эта — из красного асуанского гранита — первоначально покрывала пирамиду почти на треть ее высоты, дальше ее сменяли белые плиты из турецкого известняка, а вершина, по всей вероятности, тоже была красная, гранитная. Такой двухцветной она была еще в XVI веке, пока ее не ограбили мамелюки. По свидетельствам очевидцев, она была прекраснейшей из всех пирамид.

Геродот рассказывает, что Менкаура, получив из города Буто предсказание оракула, по которому ему оставалось править всего шесть лет, «приказал изготовить множество светильников. По ночам царь велел зажигать их, стал пить вино и непрестанно веселиться днем и ночью... Так поступал он, превращая ночи в дни, чтобы уличить оракула во лжи и сделать из шести лет двенадцать»¹. Это в общем-то всего лишь легенда, и Манефон утверждает, что Менкаура процарствовал 63 года; однако по пирамиде и постройкам вокруг нее создается впечатление, будто Менкаура на самом деле

правил недолго и предчувствовал свою раннюю кончину. Как свидетельствует первоначальный вход, при дальнейшем строительстве перекрытый, сперва пирамида имела основание примерно 60 X 60 метров и только позднее оно было почти вдвое увеличено. Погребальную камеру Менкаура повелел вытесать всего в 6 метрах под основанием; но на следующей фазе строительства опустил ее на более безопасную глубину. Для строительства пирамиды он приказал использовать крупные блоки, по размерам намного большие, чем в пирамидах Хуфу или Хафра. Он хотел ускорить строительство и поэтому не заставлял рабочих очень тщательно обрабатывать камень. Но, несмотря на спешку, которая чувствуется и через тысячелетия, до окончания строительства пирамиды Менкаура явно не дожид. Вероятно, он умер, когда она достигала примерно двадцатиметровой высоты, т. е. уровня гранитной облицовки; возможно, ее всю предполагалось облицевать гранитом, так по крайней мере считает Эдвардс; но преемник царя облегчил задачу. В заупокойном храме мы даже находим письменное подтверждение этого. Начали его строить из камня, но потом перешли на кирпич; в его развалинах обнаружена надпись, что так повелел «Шепсескаф, царь Верхнего и Нижнего Египта, для своего отца, царя Верхнего и Нижнего Египта, Осириса Менкаура».

В отличие от остальных пирамид Менкаура стоит не на скальном основании, а на искусственной террасе из известняковых блоков. Погребальная камера сравнительно мала — всего 6,5 X 2,3 метра и высотой 3,5 метра. Потолок составлен из двух блоков, снизу вытесанных наподобие полуарки, так что создается впечатление свода. Стены погребальной камеры и входного коридора выложены отшлифованным гранитом, коридор с первоначальной усыпальницей и помещениями для погребальной утвари соединяла лестница. Схема всех этих подземных помещений довольно сложна и отражает по меньшей мере три изменения первоначального архитектурного замысла. Притом не исключено, что некоторые коррективы относятся уже к Саисской эпохе.

Ныне ареал пирамиды — это куча развалин, занесенных песком, однако многолетние раскопки позволяют довольно точно его реконструировать. Заупокойный храм, который, согласно описанию 1755 года, в ту пору был в полной сохранности и занимал площадь 45 X 45 метров, одна половина ее приходилась на двор, другая — на культовые и складские помещения. В полукилометре к востоку стоял нижний храм примерно таких же размеров. Его изучение показало, что при VI династии он был реставрирован и расширен. Вероятно, это было сделано из почтения к умершему царю, но в основном, думается, для того, чтобы жрецы укрепили фундамент своего безбедного существования. Оба храма соединялись дорогой из отшлифованных известняковых блоков, преодолевавшей двадцатиметровую разницу в высоте. Следы ее можно обнаружить и поныне.

Намного лучше, чем храмы, сохранились пирамиды-спутницы, которые стоят, как обычно, на южной стороне за оградой. Всего их три, причем две не закончены. Самая большая — восточная — с основанием 44,3 X 44,3 метра и высотой 28,3 метра; на ней кое-где еще сохранилась гранитная облицовка. Две другие (стороны по 31,5 метра и высота 21,2 метра) ступенчатые, что, если принять во внимание время их постройки, весьма странно; очевидно, планировалось придать им форму «истинных». В 1837 году Виз обнаружил в восточной пирамиде большой гранитный саркофаг, в средней — остатки деревянного гроба и человеческих костей, в западной — лишь пустую и незаконченную погребальную камеру. Каждая из трех пирамид имела заупокойный храм, и все это было огорожено общей каменной стеной. По предположению Рейснера, который в двадцатые годы заново провел их обследование, восточная пирамида принадлежала первой (главной) жене Менкаура. Владельцев или владелиц двух остальных он, как, впрочем, и другие ученые, не рискнул назвать.

Подъем на пирамиду Менкаура требует физической выносливости и специального разрешения. Обычно поднимаются по северной стороне, вдоль гигантского шрама, оставленного в ней мамелюками, пытавшимися добраться до кладов. Здесь больше дела рукам, чем ногам: взбираясь на блоки, нужно подтягиваться, как на перекладине. Вид с вершины, которая кончается небольшой площадкой, сполна вознаграждает за все труды. Пирамида Хафра с обнаженными пластами под остатками серовато-белой облицовки кажется отсюда еще более величественной, чем снизу, притом она немного возвышается над пирамидой Хуфу, отчего возникает как бы удвоенное изображение.

Наносы песка над развалинами древних построек превращают окружающий пейзаж в макет археологических раскопок, включающий треугольники пирамид Абусира и Саккара. На западе сверкающая солнцем пустыня бесконечна... Вид открывается как будто с вертолета, только пол под вами не дрожит, а над головой ничто не грохочет.

Вход в пирамиду расположен как раз под тем местом, где мамелюки отказались от своих поползновений. Гранитный коридор покрыт слоем песка, за ним — только пустые камеры со спертым

воздухом. Саркофаг Менкаура, найденный в 1837 году Визом, ныне лежит на дне океана где-то за мысом Трафальгар; мы знаем его лишь по описаниям и рисунку Перринга. Саркофаг был сделан из базальта и украшен рельефами, изображавшими фасад царского дворца, а следовательно, достаточно интересен, чтобы вызвать среди египтологов разнотолки. По мнению Борхардта и Зете, саркофаг не мог относиться к эпохе Менкаура, ибо по стилю не соответствует уже известным саркофагам периода Древнего царства. Однако позднее такие саркофаги были найдены, и потому большинство египтологов признали его исконным. В 1954 году это же подтвердил Вандье. Но теперь мы снова сомневаемся. Британский музей послал фрагмент крышки деревянного гроба, найденного в камере Визом, на радиоуглеродный анализ, который показал, что крышка с именем Менкаура относится, скорее всего, к Поздней эпохе. Таким образом, возникает предположение, что погребальная камера была ограблена еще в древние времена, но мумию грабители оставили и саисские правители приказали уложить ее в новый гроб. А возможно, и в новый саркофаг, который позднее снова был ограблен...

Утрату саркофага Менкаура частично возмещает богатая коллекция скульптур, обнаруженная Рейснером в заупокойном храме. Самые лучшие из них сейчас хранятся в Египетском музее в Каире и Музее изящных искусств в Бостоне. В Каире они представлены собранием больших сланцевых рельефов царя Менкаура. В Бостоне же хранится сланцевый групповой портрет, изображающий Менкаура и его главную супругу.

На этом мы могли бы закончить осмотр поля пирамид в Гизе. Но... здесь ведь находится еще и Большой сфинкс!

«Уже пять тысяч лет каждое утро я вижу бога солнца, восходящего вдали на берегах Нила. Его первые лучи освещают мое лицо... Я видел зарождение истории Египта, а завтра снова увижу, как восток пылает новой зарей. Я верный страж у ног моего повелителя, столь бдительный и преданный, что он дал мне свое лицо. Я спутник фараона, я сам фараон. На протяжении веков я получил множество имен от людей, приходивших поклоняться мне с набожным восхищением... Но имя, которое я сохранил, дал мне греческий путешественник, отец истории Геродот. Он назвал меня Сфинксом, точно я родился в его земле. И это имя осталось за мной навсегда».

Это «обращение» Большого сфинкса к зрителям передается стереофоническими установками под перемежающийся свет красных, желтых, зеленых и фиолетовых прожекторов. Семь раз в неделю он произносит свои слова (трижды по-английски, дважды по-французски, один раз по-немецки и один — по-арабски) в грандиозном представлении «Звук и свет», которое, несмотря на яркие эффекты, еще не превратилось в полную безвкусицу. Правда, в его прекрасной поэтической речи немало спорного; во всяком случае, он сильно ошибается, когда утверждает, что имя ему дал Геродот. Правильней сказать, ошибается автор текста, вложенного в его уста, хотя этот текст и утверждён двумя египетскими мифисторстами. Дело в том, что Геродот в своей «Истории» о Сфинксе совсем не упоминает. Он, вероятно, вообще не знал о его существовании, потому что в ту пору (как нередко до и после) Сфинкс был в буквальном смысле слова по уши засыпан песком. Первым, кто посетил Египет и упомянул о нем, был Плиний. Это произошло значительно позднее.

Сфинкс — действительно греческое слово, но египетского происхождения. Греки называли так мифическое чудовище с женской головой, львиным телом и птичьими крыльями. Это было порождение стоголового великана Пифона и его жены-полузмеи Ехидны; от них же произошли и другие знаменитые мифические чудовища: Цербер, Гидра и Химера. Жило это чудовище на скале близ Фив и задавало людям загадку; кто не мог ее разгадать, того Сфинкс убивал. Так губил Сфинкс людей, пока его загадку не разгадал Эдип; тогда Сфинкс бросился в море, поскольку судьба предопределила, что верного ответа он не переживет. (Между прочим, загадка была довольно проста: «Кто ходит утром на четырех ногах, в полдень на двух, а вечером на трех?» — «Человек! — ответил Эдип. — Во младенчестве он ползает на четвереньках, в зрелом возрасте ходит на двух ногах, а в старости опирается на клюку».) В египетском понимании Сфинкс не был ни чудовищем, ни женщиной, как у греков, и не загадывал загадок; это была статуя правителя или бога, чью силу символизировало львиное тело. Называлась такая статуя *шесеп-анх*, т. е. «живой образ» (правителя), уже позднее возникло его греческое название, впоследствии вернувшееся в Египет.

Хотя египетский Сфинкс загадок не задавал, сама огромная статуя под пирамидами в Гизе была воплощенной загадкой. Многие пытались объяснить его таинственную и несколько презрительную улыбку, особенно авторы путевых заметок и романов. Ученые задавались вопросами: кого эта статуя изображает, когда она создана, как была вытесана? После ста лет изучения, в процессе которого не обошлось без буровых машин и пороха, египтологи раскрыли настоящее имя Сфинкса. Окрестные арабы называли статую Абу'л Хол — «Отец ужаса», филологи выяснили, что это народная этимология древнего «Хорун». За этим названием скрывалось несколько еще более древних, и в конце цепочки

стояло древнеегипетское Хоремахет (по-гречески Хармахис), что означало «Хор на небосклоне». Хором назывался обожествляемый правитель, а небосклоном — место, где после смерти этот правитель сливается с ботом солнца. Полное название означало: «Живой образ Хафра». Итак, Сфинкс изображал царя Хафрас телом царя пустыни и с символами царской власти, т. е. Хафра — бога и льва, стерегущего свою пирамиду.

Нет и не было в мире статуи, превышающей размерами Большого сфинкса. Он вытесан из единой глыбы, оставшейся в карьере, где добывался камень для строительства пирамиды Хуфу, а затем Хафра. В нем соединены замечательное творение техники с прекрасным художественным вымыслом; по сравнению с другими скульптурными портретами Хафра, несмотря на стилизованность изображения, внешность царя передана верно, реалистически, с индивидуальными чертами (таковы, например, широкие скулы и большие отстающие уши). Как можно судить по надписи у ног статуи, она была создана еще при жизни Хафра; следовательно, этот Сфинкс не только самая большая, но и самая древняя монументальная статуя на свете. От ее передней лапы до хвоста — 57,3 метра, высота статуи — 20 метров, ширина лица — 4,1 метра, высота — 5 метров, от верхушки до мочки уха — 1,37 метра, длина носа — 1,71 метра. В своем «обращении» к зрителям Сфинкс несколько преувеличивает свой возраст, хотя в этом нет особой надобности: ему более 4500 лет.

Сейчас Большой сфинкс сильно поврежден. Лицо изуродовано, как будто по нему били долотом или стреляли ядрами. Царский урей, символ власти в виде приподнявшейся на лбу кобры, безвозвратно исчез; царский немее (праздничный плат, спускающийся с затылка на плечи) частично обломан; от «божественной» бороды, символа царского достоинства, остались лишь обломки, найденные у ног статуи. Время и пустыня объединились в стремлении уничтожить ее; несколько раз песок засыпал Сфинкса, так что торчала одна голова, да и та не всегда целиком. Насколько нам известно, первым повелел ее раскопать Тут-мос IV в конце XV века до н. э. Согласно легенде, Сфинкс явился ему во сне, попросил об этом и в награду пообещал двойную корону Египта, что, как свидетельствует надпись на стеле, поставленной между его лап, впоследствии и исполнил. Затем его освободили из плена песков саисские правители в VII веке до н. э., после них — римский император Септимий Север в начале III века н. э. В новые времена Сфинкса первым откопал в 1818 году Кавилья, сделав это за счет Мухаммеда Али, который заплатил ему 450 фунтов стерлингов, что по тем временам представляло большую сумму. В 1886 году его работу пришлось повторить Масперо. В последний раз такие раскопки производились египетской Службой древностей в 1925—1926 годах; руководил работами французский архитектор Э. Барэз, который частично отреставрировал статую и возвел ограду, защищающую ее от новых заносов. Сфинкс за это щедро его вознаградил: между передними лапами оказались остатки храма, о котором до тех пор никто из исследователей поля пирамид в Гизе и не подозревал.

Однако время и пустыня нанесли Сфинксу не такой значительный ущерб, как человеческая глупость, которая обычно возрастает пропорционально размерам провоцирующего ее объекта. Раны на лице Сфинкса, напоминающие следы от ударов долотом, действительно нанесены долотом: в XIV веке так изуродовал его некий набожный шейх, дабы выполнить завет Мухаммеда, запрещающий изображать человеческое лицо. Рапы, похожие на следы от ядер, тоже таковыми и являются. От драгоманов мы узнаем, что их нанесли французы и англичане. В действительности же это мамелюки использовали голову Сфинкса как тренировочную мишень для своих пушек.

Но, несмотря на разрушительную силу времени и пустыни, несмотря на религиозный фанатизм и не слишком почтительное отношение мамелюков к памятникам культуры, Большой сфинкс все еще стоит и сторожит некрополь в Гизе. И это великолепное произведение Древнего Египта будет стоять до тех пор, пока будут стоять сами пирамиды.

Но пирамиды не всегда стояли на плато в Гизе. А можем ли мы представить себе этот горизонт и это солнце без них? Способны ли мы мысленно вернуться на 4500 лет назад и вообразить себе гизское плато как строительную площадку?

Сто тысяч людей, согласно утверждению Геродота, трудились на строительстве Великой пирамиды на протяжении 20 лет. Это единственное сообщение такого рода, сохранившееся с древних времен, и оно, конечно, может быть неточным и недостоверным. Между людьми, которые строили эту пирамиду, и темп, от кого получил сведения Геродот, пролегли два тысячелетия. И потом еще более двух тысячелетий все, кто писал о пирамидах, повторяли их вслед за Геродотом; многие даже принимали их за основу при подсчете числа рабочих на других стройках. Первым, кто решил проверить Геродота, был Питри; он сделал это в своей книге «Пирамиды и храмы в Гизе» (1883).

Допустим, сказал себе Питри, что предполагаемое количество каменных блоков в пирамиде — 2,3 миллиона — верно. Значит, в течение 20 лет нужно было ежегодно укладывать около 115 тысяч блоков. Примерный вес блока 2,5 тонны; с таким весом спокойно может справиться группа из восьми человек. Из соотношения количества блоков и числа занятых на стройке людей вытекает, что каждая такая группа должна была уложить за три месяца 10 блоков. Иными словами, укладка одного блока требовала от восьми рабочих девятидневного труда. Это, безусловно, в человеческих возможностях и при самых примитивных вспомогательных средствах, пожалуй, даже ниже этих возможностей. Таким образом, сообщение Геродота не выходит за рамки возможного или правдоподобного.

Разумеется, Питри знал, что это чисто механический подсчет; он, конечно, понимал и то, что 100 тысяч человек на строительной площадке мешали бы друг другу. Опираясь на проведенные Борхардтом подсчеты количества рабочих, занятых на строительстве Медумской пирамиды, и египтологи и архитекторы после долгих споров пришли к выводу, что на гизехской строительной площадке; одновременно могли работать не более 32 36 тысяч человек, т. е. примерно треть количества, названного Геродотом. Но и это не опровергает Геродота; остальные, несомненно, были заняты доставкой каменных блоков и добычей их в карьерах, причем разделение труда явно повышало его производительность. В общее число работавших на строительстве необходимо включить и мастеров-каменщиков, скульпторов и других квалифицированных специалистов, составлявших постоянные кадры. Судя по остаткам их жилья, найденным вблизи Великой пирамиды Питри и позднее Рейснером, их могло быть не менее 4000, а по некоторым предположениям, даже 10000. Если учесть высокие требования, предъявляемые к храмовым постройкам, подходным путям и т. п., а также к их отделке, то, вероятно, ближе к истине вторая цифра. То же подтверждает и множество каменных отходов вокруг Великой пирамиды, составляющих, по предположению Питри, «чуть ли не половину ее объема».

Согласно Геродоту и Диодору, на строительстве Великой пирамиды рабочие пользовались «механизмами»; очевидно, и на строительстве пирамид Хафра, Менкаура и всех последующих и, естественно, позднейших пирамид. Это были, правда, лишь «приспособления, устроенные из коротких деревянных досок (жердей)», с помощью которых поднимались каменные блоки. Известные науке вспомогательные средства, которые могут соответствовать этому лаконичному упоминанию, относятся к эпохе Нового царства; они напоминают опоры кресла-качалки, соединенные перекладинами. Француз А. Шуази в «Строительном искусстве египтян» (1904) отождествлял эти приспособления с Геродотовыми «механизмами», а его земляк Ж. Легрен назвал их «качающимися подъемниками»; Питри же полагал, что тяжелые каменные блоки поднимались с помощью массивных конструкций из толстых досок, и называл их «колыбелями».

Немецкий инженер Л. Кроон в книге «Строительство пирамиды» (1925), напротив, высказывает предположение, что тут речь шла о предшественнике шадуфа («журавля») — поныне используемого приспособления для черпания воды, основанного на принципе рычага. Приспособления такого рода нам известны по настенной росписи в древнеегипетских гробницах; но они все же значительно проще, чем предлагаемая Крооном модель «переносного шадуфа», которая хотя и действовала в лабораторных условиях, но на практике оказалась непригодной. Гонейм предполагал, что эти вспомогательные приспособления Геродота — всего лишь «обыкновенные рычаги».

Если мы подытожим все, что высказывалось по этому вопросу египтологами (а также историками строительства и др.), то, скорее всего, склонимся в пользу «колыбели» Питри и «рычагов» Гонейма. Итак, это были чрезвычайно простые приспособления; тем более должны восхищать нас изобретательность и ловкость тогдашних рабочих. Длинные каменные блоки поднимали, сначала пропустив под них поближе к центру тяжести две заостренные призмы; затем нажимали на блок с одной стороны, так что весь вес приходился на одну призму, а под другую призму, в тот момент освобождавшуюся, подкладывали каменную плиту; потом переносили вес блока на вторую призму и подкладывали каменную плиту под первую и т. д. Под блоки с примерно равными сторонами подкладывали уже упомянутые «деревянные колыбели», что давало возможность раскачивать их; поднятую часть подпирали деревянными клиньями. Древние египтяне пользовались также деревянными жердями в качестве рычагов. Если мы добавим еще деревянные катки и сани для передвижения грузов, то этим исчерпывается перечень их механических средств.

Транспортировку блоков с низшей ступени на высшую «враскачку» старшее поколение египтологов считало главным (или даже единственным) способом постройки пирамиды. Позднее возникла другая теория. Согласно ей, строительство пирамиды начиналось с внутреннего ядра, к которому по окончании, т. о. доведении ее до запланированной высоты, постепенно со всех сторон пристраивали дополнительные слои. Первый способ прост и приемлем, второй кажется неправдоподобным. Доло в том, что он предполагает использование полиспастов, а их египтяне в ту

пору не знали, или же невероятные затраты труда при строительстве платформ для доставки материала, которые по завершении каждого слоя нужно было бы разрушать и заново строить для следующего слоя. Сейчас уже не вызывает сомнений, что непосредственно прилегающие к ядру слои кладки возводились одновременно с ним, чтобы своим наклоном с самого начала обеспечивать стабильность постройки. Изучение пирамид в Медуме, Лиште и, наконец, пирамиды Сехемхета в Саккара показало, что каменные блоки доставлялись на нужную высоту на деревянных санях по насыпям, о которых говорил еще Диодор. Остатки таких платформ обнаружены не только возле упомянутых пирамид, но и, например, в Гизе — у неоконченного заупокойного храма царя Менкаура, в Карна-ке — возле неоконченного первого пилона. В гробнице вельможи Рахмира, высшего сановника царя Тутмоса III, мы до сих пор можем видеть ее изображение на настенном рисунке.

«По мере того как пирамида становилась все выше, насыпь тоже надстраивали в высоту и в длину, одновременно ее верхняя часть делалась постепенно все уже, в соответствии с сужением пирамиды к вершине,— пишет Эдвардс в „Пирамидах Египта".— Если угол наклона сторон пирамиды равнялся 52° , то и двум боковым сторонам насыпи придавали угол наклона 52° . Таким образом, исключалась опасность оползания или обвала. Три стороны пирамиды, не подпертые насыпью, должны были иметь опорные насыпи, достаточно широкие наверху, чтобы на них могли разместиться рабочие и материалы. Но поскольку по ним не втаскивали снизу каменные глыбы, их внешняя сторона могла быть весьма крутой — лишь бы они не обрушились от собственной тяжести. На насыпи укладывали деревянные балки, образовавшие прочную дорогу для полозьев, на которых перетаскивали каменные блоки».

Однако строительство пирамиды не было всего лишь технической проблемой. «Нужна была сложная и разветвленная административная система из целой армии писцов,— пишет Гонейм.— Писцы ведали подсчетом, в случае необходимости маркировкой блоков, а главное — устройством жилья и питания многочисленных строителей, каменщиков, мастеров и других рабочих, занятых на постройке.

Время от времени мы находим остатки орудий этих древних строителей, корзины для переноски грунта, точно такие же, как сегодня, кремневые сверла и скребки, медные инструменты, обрывки веревок».

Мы знаем также, что эти работники были организованы по-военному в «команды», «смены», «звенья». Сохранились названия некоторых отрядов, работавших на строительстве Великой пирамиды: команда «Хуфу пробуждает любовь», команда «Белая корона Хуфу могуча». Одна рабочая группа на строительстве пирамиды Менкаура называлась довольно странно: «Менкаура-пьяница». Египтологи утверждают, что перевод точен; впрочем, некоторые из них отдают предпочтение более полисемантическому слову «опьяненный». Так или иначе, но о пристрастии Менкаура к попойкам писал еще Геродот...

Как жили работники, превратившие пустынное плато у Гизе в одно из знаменательных мест Египта? К сожалению, мы знаем об этом меньше, чем хотелось бы. Какое-то представление мы можем составить только об их жилищах, и то лишь о тех, в которых обитали постоянные работники. Жили они к западу от пирамиды в специальном огражденном поселке. Раскопки Питри и Рейс-нера показали, что поселок состоял из длинных барачных казарменного типа. Возможно, каждая семья имела свой барак, который внутри был разделен деревянными перегородками или рогожами на ряд помещений. Пол представлял собой утоптаный песок, сцементированный илом. Ни в одном из барачных домов ничего не сохранилось из мебели и предметов обстановки. Улицы были немощеные, посреди улицы проходила сточная канава, мягко говоря — «поверхностная канализация». Сезонные работники, по-видимому, жили в палаточных лагерях, тоже обнесенных каменными оградами. Кое-где обнаружены остатки таких оград, они, безусловно, служили охраной от песка и диких животных пустыни, но наверняка также препятствовали побегам работников.

Некоторые исследователи, исходя из толщины ограды, делают предположение, что бараки в поселении были двухэтажные; это не исключено, однако ученые расходятся в данном вопросе. Иные пытаются возместить недостаток достоверных сведений за счет аналогий с рабочими поселениями, раскопанными в Мединет-Абу и Иллахуне, где в самом деле были вполне приличные квартиры; самые маленькие состояли из передней, жилой комнаты, спальни, кухни и кладовой, в домах побольше было еще несколько помещений и двор. Но эти поселения, где жили квалифицированные каменщики и скульпторы, относятся уже к гораздо более позднему времени: в Иллахуне — ко времени правления XII династии, в Мединет-Абу — даже XIX. Остатки их благоустроенных домов часто приводят в доказательство того, что жизненный уровень тогдашних строителей выше (особенно если принять во внимание египетские климатические условия), чем жизненный уровень рабочих в промышленных районах крупных европейских и американских городов начала нашего века. Однако никак нельзя переносить все это на работников эпохи Древнего царства. А главное, нельзя смешивать

квалифицированных постоянных работников и их семьи с неквалифицированной сезонной «рабочей силой».

Как строителей пирамид «кормил» царь, как их вознаграждали за труд, нам неизвестно. Только Геродот записал, «сколько редьки, лука, чеснока съели рабочие», полагаясь на сведения, полученные от переводчика, который якобы прочел это на Великой пирамиде. Якобы израсходованные на это 1600 талантов серебра приблизительно равны 12—14 миллионам свободно конвертируемых крон, точно определить тогдашнюю стоимость серебра и его покупательную способность практически невозможно. Кажется, что это огромная сумма, но при ее делении на количество рабочих получается 30—35 крон в год. Больше уже ничего из этой цифры, даже если она верна, извлечь нельзя. Судя по надписям, сделанным в более поздние времена, каменщики и скульпторы при строительстве частных гробниц «вознаграждались очень хорошо», вероятно, так же они «вознаграждались» и на строительстве пирамид.

Поэтому мы вполне можем согласиться с Гонеймом, когда он в связи с этим пишет в «Потерянной пирамиде»: «Высшие слои ремесленников и их семьи, по-видимому, жили в скромном достатке, но что касается и без того измученных наводнениями крестьян, выполнявших грубую, неквалифицированную работу, то они, очевидно, жили в страшной нищете. Единственное, что они получали,— это пищу».

И это было вознаграждение за создание творений, которые живут тысячелетия! Как еще основная масса строителей, в большинстве состоявшая из земледельцев, не умирала с голоду, и притом сразу после жатвы?!.. Вот, значит, как процветал Египет под властью царей, повелевавших строить себе самые большие пирамиды!

Пирамиды и правда вопреки Гигину и Кассиодору² не поглощают свою тень. Наоборот, они отбрасывают ее на тысячелетия назад. Все зависит от того, как на них смотреть.

Мне пришлось поставить несколько подчеркнуто «земных» вопросов, чтобы приглушить восторг по поводу только что увиденных нами чудес света. Тем не менее покидать их не хочется, а если уж это необходимо, то отправимся к ближайшей долине с древним арабским кладбищем, откуда открывается один из самых прекрасных видов на гизехскую панораму... Но ведь пирамиды есть и в других местах. Нам осталось осмотреть только одну пирамиду периода IV династии. Ее повелел построить царь Джедефра, одна из загадочнейших личностей на египетском троне. В «Абидосском» и «Саккарском» списках царей он назван между Хуфу и Хафра. Манефон, возможно, упоминает его под именем Ратоисес и ставит за Менкаура. Но большинство египтологов (среди них Бре-стэд и Гардинер) считают его сыном и, по всей вероятности, преемником Хуфу; Дриотон и Вандье полагают, что он преемник царя Менкаура. Рейспер высказывает предположение, будто он был сыном Хуфу от ливийской (побочной) супруги. Джедефра властвовал восемь лет и, видимо, добился царской короны путем насилия. Предположение, что он был узурпатором, совпадает со сведениями о смутах на закате IV династии; это позволяет также пролить свет на некоторые поясности, сниженные с его пирамидой. В том числе и па тот факт, что, по исей нероятности, она не была окончена и вскоре после его смерти, тоже, очевидно, насильственно подверглась ограблению.

Пирамида Джедефра — самая сонорная из всех египетских пирамид — расположена у деревни Абу-Роаш (своим названием эта деревня обязана некогда находившемуся здесь коптскому монастырю св. Роха), примерно в 9 километрах северо-западнее Гизе. Она находится во впадине за остроконечным утесом недалеко от другой, значительно более молодой пирамиды и сейчас представляет собой лишь жалкую кучу руин. Начали ее строить на основании, равном примерно 100 X 100 метров, но ни запланированной, ни достигнутой строителями высоты выяснить уже невозможно. Ныне самый высокий ее выступ не достигает и 10 метров. Более или менее удовлетворительно сохранилась лишь ее подземная часть, доступная почти до погребальной камеры; дело в том, что строилась она методом «открытой ямы» и после разрушения поверхностной части так и осталась открытой. Длина входного коридора — около 50 метров, наклон стен — 22°, облицована пирамида гранитом, погребальная камера засыпана упавшими камнями. От кирпичного заупокойного храма у ее восточной стороны почти ничего не осталось; развалины нижнего храма, пожалуй, еще можно было бы отыскать под песком, если идти по «восходящей» дороге, трасса которой частично прослеживается на протяжении 750 метров. Восточнее заупокойного храма в серой скале зияет устрашающе темная траншея десятиметровой глубины, длиной 35 метров и шириной 3,7 метра. Она, несомненно, была высечена для царской «солнечной ладьи», дно ее покрыто красноватой известняковой крошкой и обломками. В них легко узнаются фрагменты статуй, разбитых, без сомнения, умышленно и одновременно.

Первое сообщение об этой пирамиде мы находим у Перринга, посетившего и измерившего ее по поручению Виза в 1837 году. Шестью годами позже сюда пришел Лепсиус, изучавший перед тем по соседству с ней остатки другой пирамиды, которую Перринг не заметил. Лепсиус заново перемерил пирамиду Джедефра и сделал ее чертеж; согласно его сообщениям, она еще была далеко но так

разрушена и достигала в высоту более 12 метров.

В 1900 году Французский археологический институт в Каире направил сюда небольшую экспедицию под руководством Э. Г. Шассина. Ценнейшими трофеями этой экспедиции были две головы царя Джедефра, одна из них и поныне в Каире, другая — в Лувре, причем обе из кремня, что соответствует выражению лица владыки. Шассина сделал попытку проникнуть в погребальную камеру, однако в своем сообщении (вышедшем только в 1921 году) с сожалением констатировал: «Я не мог приказать очистить ее из-за недостатка средств. Возможно, на ее дне, под массой камней, раздавленный их тяжестью, все еще находится царский саркофаг».

Со времени скромных работ Шассина минуло уже почти три четверти столетия, но никто не продолжил их. Пирамида Джедефра, как и ее соседка, не возбудила интереса археологов и египетской Службы древностей. Не ездят туда и туристы, хотя Абу-Роаш находится в нескольких километрах от Каира.

Последний властитель IV династии, Шепсескаф, приказал построить уже не пирамиду, а известную «Мастабу фараона». Это надгробие в виде большого саркофага из цельной гранитной глыбы; только его постамент и (некогда существовавшая) облицовка были из известняка. Первоначальное основание имело площадь 100 X 75 метров, высота надгробия, как предполагают, достигала 20 метров. Но мастабу оно напоминает лишь по внешнему виду, в действительности это массивный каменный блок без внутренних помещений. К востоку от него находился заупокойный храм, от которого мощеная, длинной, очевидно, в километр дорога вела к нижнему храму. «Мастаба фараона» была окружена двойной оградой. В отличие от внешних сооружений подземная часть гробницы хорошо сохранилась: низкий коридор ведет в «переднюю» погребальную камеру и в пять продолговатых кладовых. Площадь погребальной камеры — 7,8 X 4,1 метра, высота — 4,4 метра; камера выложена гранитными плитами; внутри ее до сих пор находятся обломки саркофага из черного песчаника. Исходя из общей концепции гробницы, старшее поколение ученых считало ее неоконченной пирамидой. В 1843 году первым обследовал эту постройку Лепсиус, затем — Мариетт (в 1859 году), их работу завершил в 1924/25 году Жекье, который впервые определил имя ее владельца.

Шепсескаф поразил этой постройкой не только своих современников, но и нас. Почему он избрал для своего надгробия такую форму, какой не избирал до него ни один египетский царь? Почему не приказал похоронить себя по соседству с Менкаура, Хафра и Хуфу? Почему выбрал для своей гробницы голую расщелину в одном из немногих мест некрополя Саккара, откуда не видны пирамиды Гизе и Дашура? Создается впечатление, будто видом и местом своего погребения он демонстративно хотел отличаться от всех своих предшественников. Впрочем, это был бы не первый его поступок такого рода: в отличие от прежних царей он не включил в свое имя имя бога Ра.

Колоссальные постройки царей IV династии обескровили страну больше, чем проигранные войны. Предание гласит, что народ взбунтовался против мании величия своих царей, хотя и считал их богами, и властители на великом троне Египта сменяли друг друга не совсем по правилам. Может быть, поэтому Шепсескаф не хотел или не мог выстроить пирамиду. Возможно, не будучи приверженцем культа Ра, он не слишком заботился о том, чтобы его гробница кончалась священным *бенбенетом*. Однако это всего лишь догадки, свои тайны Шепсескаф унес с собой в могилу.

Так или иначе, династия строителей самых больших пирамид завершилась царем, который не построил себе пирамиды. Прекратилось ли с его смертью строительство пирамид? Как нам известно, отнюдь нет.

Глава X ПИРАМИДЫ V И VI ДИНАСТИЙ

«Горы фараонов» IV династии остались непревзойденными. Цари V династии после еретической выходки Шепсескафа снова вернулись к пирамидам, но отказались от соперничества со своими предшественниками; их последователи из VI династии о таком соперничестве даже и не помышляли. Экономические и политические причины вынуждали их к скромности; разумеется, к скромности в понимании египетских царей. Вместо миллионов каменных блоков они повелели нагромоздить на свои гробницы лишь сотни тысяч, вместо ста тысяч подданных мобилизовали на строительство десятки тысяч; снизились и требования к качеству работ. Они окончательно покинули гизехское плато и начали строить пирамиды там, где их скромная величина не так бросалась в глаза: в древнем некрополе Саккара и в новом — в Абусире.

Основателем V династии был царь Усеркаф, связанный с предыдущей династией по материнской линии. Очевидно, трон он завоевал с оружием в руках, и не исключено, что при этом ускорил

переселение Шепсескафа в царство Осириса. В отличие от Шепсескафа он был ревностным приверженцем Ра и до вступления на престол выполнял обязанности его верховного жреца в Оне (Ге-лиополе). В честь Ра он велел построить и солнечный храм в Абусире, являющийся одним из старейших египетских храмов бога (т. е. самого бога, а не обожествляемого правителя), и там ежедневно приносил в жертву, как записано на Палермском камне, «дни быка и два гуся». Его победа знаменовала победу культа Ра; тому же культу остались верны и его преемники, из коих первые два, Сахура и Нефериркара, по всей вероятности, были сыновьями царя Шепсескафа.

Для своей пирамиды Усеркаф выбрал «чистые места» в самом центре некрополя Саккара, но построил ее так небрежно, что сейчас она уже мало чем напоминает пирамиду. Туристы, которые поднимаются на ее вершину, чтобы сделать панорамный снимок района пирамиды Джосера, порой вообще принимают ее за грудку камней. Дело в том, что ее строили из плохо обработанных каменных блоков и после утраты наружной облицовки она частично осела; по-видимому, уже в Саисскую эпоху пирамида была в таком состоянии, что от ее реставрации отказались. Площадь ее основания первоначально составляла 70,4 X X 70,4 метра, а высота — 44,5 метра: она была меньше любой построенной до нее царской пирамиды. В новое время первое ее обследование провел в 1839 году Перринг. Наиболее хорошо сохранившаяся ее сторона имела тогда длину 63,8 метра, высшая точка находилась на высоте 32,8 метра; ныне пирамида Усеркафа стала еще на несколько метров ниже. От дальнейшего оседания под ногами туристов со всех концов света ее охраняет теперь редкая колючая проволока.

Сейчас мало кто отваживается на осмотр подземной части этой пирамиды: во-первых, потому что спуститься в нее очень непросто, а во-вторых, там мало интересного. Первоначальный вход был расположен на северной стороне, но он уже много веков как засыпан, и нам придется воспользоваться шахтой, которую прорубили грабители. Погребальная камера примерно на 10 метров ниже основания, на ее полу (7,8 X 3,1 метра) еще сохранились следы саркофага, разбитого грабителями, а на сводчатом потолке видны остатки известняковой облицовки. Кроме этого в подземелье есть только камера для погребальной утвари, пол которой покрыт тонкой песчаной пылью без следов посетителей.

Изучение пирамиды Усеркафа и ее окрестностей в 1928 — 1929 годах было поручено Фёрсу, в 1945—1948 годах его повторил Лауэр. Их реконструкции первоначального вида пирамиды во многом расходятся, но узнать, как все тут на самом деле выглядело 4500 лет назад, уже невозможно. Очевидно лишь то, что заупокойный храм стоял не традиционно с восточной стороны, где сейчас большое углубление в скале, а с южной; он давно уже развалился, и в Саисскую эпоху на его месте построили несколько гробниц. Двор храма был с трех сторон окаймлен колоннами; из крытого колонного зала вел вход в помещение с пятью нишами для статуй царя; западнее храма стояли две пирамиды-спутницы. Большая из них, со сторонами примерно в 25 метров, очевидно, принадлежала первой (главной) супруге Усеркафа; меньшая, со сторонами в 22 метра, выполняла ритуальную функцию.

Находки в окрестностях пирамиды Усеркафа оказались гораздо важнее всего, что было найдено в ней самой. В развалинах заупокойного храма, под остатками саисских построек Фёрс выкопал обломки каменных плит; когда он очистил их от налипшей земли и соединил, получились великолепные рельефы, изображавшие охоту Усеркафа в зарослях Нильской дельты. У ограды Фёрс нашел огромную голову из розового гранита, оставшуюся от статуи сидящего царя. Голова без короны, но и так достигает почти трех четвертей метра в высоту. Некогда она глядела на эту пирамиду, теперь смотрит на нас у входа во двор Египетского музея в Каире.

Пирамиды в Абусире — это уже символ нового экономического подъема Египта и могущества его правителей. Хотя они и меньше пирамид в Гизе, но представляют собой самый величественный архитектурный комплекс периода V династии.

Абусирское песчаное плато, склоны которого поднимается прямо из черной возделанной земли, с древнейших времен было частью Мемфисского некрополи. Однако местом последнего упокоения это плато набрал только Сакура, второй царь V династии, вступивший на престол «где-то в начале XXV века до н.э.; после него там были похоронены его преемники Нефериркара, Ниусерра. Их пирамиды стоят здесь до сих пор; к югу от них из песка вступают остатки еще одной пирамиды. Она должна была стать пирамидой царя Неферефра (Ренеферефа), но осталась недостроенной. Кроме того, тут некогда стояли и палые пирамиды царских жен, возможно, — ритуальные пирамиды, количество которых некоторые египтологи определяют до десяти. Однако существует мнение, что в основном это всего лишь мастабы; как пирамиды до недавних пор были идентифицированы лишь две¹ из них.

В 1976 году к ним прибавилась третья, малая пирамида царицы Хепткавес. Эту пирамиду, как мы уже упоминали, открыла экспедиция чехословацкого Института египтологии. Рядом с большими пирамидами сохранились руины заупокойных храмов, а у двух из них — остатки нижних храмов и «восходящих» дорог. К северо-западу от долей пирамид из песка торчат развалины двух солнечных храмов, подобных которым не было во всем Египте. После их открытия и изучения чехословацкие

египтологи пере-дпинули раскопки чуть дальше к югу. Под руководством М. Ворнера тут они открыли и изучили, кроме упомянутой пирамиды царицы Хенткавес, еще несколько мастаб (царского наследника Несеркаухора, сановника Иду и Мернефу, дочери Хакерефнебта), и еще комплекс построек. Этот комплекс относился к концу правления VI династии и как бы служил местом заупокойного культа для членов царской семьи. Со времен Древнего царства ничего подобного этому известно не было. Первооткрывателем того, чем мы ныне можем восхищаться на Абусирском плато, был Л. Борхардт, который руководил здесь раскопками немецких археологов в 1901 — 1908 годах; кроме того, назовем Г. Рикке и Г. Штока, руководителей швейцарско-немецкой экспедиции 1955—1957 годов, а также проделавших большую работу в Лбусиро чехословацких египтологов, которые в 1960 году иод руководством З. Жабы начали обследование мастабы Птахшеисоса. Эти работы, законченные после шести нтапом раскопок в 1974 году, завершились, как известно, открытием самой крупной из ныне известных нецарских гробниц Египта.

Древнейшая из абусирских пирамид — пирамида Сахура, сохранившаяся фактически лучше всех. Основание ее первоначально составляло квадрат площадью 78,1 X X78,1 метра, высота — 49,6 метра; ныне она метров на 15 ниже, но точнее сказать трудно, поскольку она примерно на четверть занесена песком. Погребальная камера находится на уровне основания, т. е. в ядре постройки и точно иод вершиной; камера эта необычайно больших размеров (площадь — 15,3 X 15,3 метра, высота — 3,6 метра). Потолок ее образуют поставленные друг против друга массивные блоки, на которых покоятся другие блоки, дабы равномернее распределить давление верхних слоев. Входили в нее по коридору с северной стороны, но сейчас попасть в нее нельзя — потолок обвалился. Если представить себе, что некоторые из потолочных блоков имеют более 10 метров в длину и весят более 50 тонн, то можно понять отчаяние работников Службы древностей: не в человеческих силах вернуть эти блоки на прежнее место, не ломая стен пирамиды. При царях V династии уже не строили так солидно, как в прежние времена,— потолки их пирамид не выдержали и 4400 лет.

По своему силуэту пирамида Сахура походит на ступенчатую пирамиду, какие были в моде несколько столетий ранее. Это поразило еще Борхардта, и он, решив разобраться во всем досконально, начал зондирование. Выяснилось, что строили ее подобно Медумской пирамиде, т. е. с ядром и добавочными слоями, и что первоначально она имела шесть ступеней. Позже эти ступени были заполнены горизонтально уложенными блоками и покрыты облицовкой из турецкого известняка. По окончании строительства гробница Сахура имела вид «истинной» пирамиды с углом наклона стен чуть более 50°. Когда позднее с нее были сняты облицовочные плиты, блоки, использовавшиеся для «заполнения», обвалились, и ступени частично обнажились; об остальном позаботились ветер пустыни и время. Но почему зодчий вернулся здесь к старому, давно забытому строительному методу, каким пользовались на рубеже III и IV династий, мы не знаем. К тому же методу обратились и архитекторы всех других пирамид этого некрополи.

Пирамида Сахура была ограждена традиционной стеной, которая защищала и заупокойный храм. Это было великолепное сооружение, состоявпгее из трех частей. У восточной стороны пирамиды стояло его главное здание со святилищем и большим залом, потолок которого подпирали пятиметровые гранитные колонны с капителями II форме папирусов; помимо всяческих обрядовых помещений и пей находились ниша для статуи царя, а также 27 кладовых, каждая из которых представляла собой настоящий сейф с гранитной дверью. Перед этим зданием был продолговатый, открытый, мощный базальтом двор с навесом, державшимся на 16 колоннах с капителями в виде пальмовых листьев. Восточную часть храма занимала «передняя», от которой начиналась «восходящая» дорога. Сама эта дорога была, сущности, крытым коридором, ибо по обе стороны шла пятиметровая каменная ограда, несшая сплошное перекрытие с проемами для света. Нижний храм состоял из двух сооружений разной высоты с боковыми колоннадами, от каждого из них к Нилу вел пандус. Пирамида-спутница стояла в юго-восточном углу огороженной площади и была отделена собственной оградой. Борхардт считал ее пирамидой царской супруги; ныне преобладает мнение, что она служила для ритуальных целей.

Размеры этих построек весьма внушительны. Заупокойный храм со стороны пирамиды имел в длину 50 метров, а весь его комплекс был длиной более 100 метров; нижний храм по застроенной и вымощенной площади почти равнялся ему, а «восходящая» дорога имела длину 235 метров. Площадь основания пирамиды-спутницы составляла 15,7X15,7 метра, наклон стен — примерно 66°, высота — 11,6 метра. Все это не выходит за рамки общепринятого, однако тут мы сталкиваемся с одним настолько поразительным сообщением, что первоначально отказываемся ему верить. Принадлежит оно Борхардту и позже многократно проверялось: заупокойный храм был покрыт рельефами на известпнковых плитах, большей частью раскрашенными, и поверхность их составляла почти 10000 квадратных метров! Сохранилось лишь 150 квадратных метров, не считая простейших украшений (например, усеянного золотыми звездами потолка), но композиционные

связи и надписи полностью подтверждают, что в первоначальном виде рельефы эти достигали указанных выше фантастических размеров. Притом, насколько можно судить по найденным фрагментам, они отличались чрезвычайно высоким уровнем художественного исполнения.

Большинство рельефов находится сейчас в собственности берлинских государственных музеев, наиболее известные из них — с северной и южной стен открытого двора. На них показано, как Сахура одерживал победы над азиатами и ливийцами; царь изображен не где-нибудь на заднем плане среди сановников, а в первых рядах сражающихся с оружием в руках. На ряде рельефов запечатлена военная добыча, захваченная в Ливии; под множеством различных животных написано, что приведено было 123440 голов рогатого скота, 223400 ослов, 232413 диких зверей, пойманных на охоте, и 243 688 овец, т. е. в целом 822941 животное. Однако улыбка, вызванная такой точностью древних писцов, быстро сходит с лица, когда мы оказываемся перед другой картиной: Сахура собственноручно убивает пленного ливийского правителя, да еще на глазах его жены и детей... К этому трудно привыкнуть, хотя перед нами один из самых обычных сюжетов египетского искусства, известный еще по палетке Нармера.

Преемник Сахура Нефериркара велел построить себе пирамиду примерно на четверть километра южнее и несколько больших размеров. По сообщению Борхардта, добравшегося до гранитной облицовки самых нижних слоев, эта пирамида имела основание площадью 104 X 104 метра и высоту около 73,5 метра. Высоту он вычислил по наклону сторон пирамиды ($53^{\circ}5'$), ибо в то время ее высота равнялась лишь 44 метрам. Возможно, что, кроме нижней части и вершины, она была облицована известняковыми плитами, давно с нее сорванными; также лишились облицовки входной коридор и большая часть погребальной камеры. Прилегающие к пирамиде постройки во времена Нефериркара не были закончены; заупокойный храм велел построить уже царь Ниусерра, но значительно скромнее, чем планировалось. Что касается нижнего храма и «восходящей» дороги, то тут произошло нечто такое, перед чем бледнеют и злодеяния древнеегипетских грабителей пирамид. Положение храма и направление дороги показывают, что эти строения должны были относиться к пирамиде Нефериркара. Однако Ниусерра приказал направить дорогу к своей пирамиде, а храм просто-напросто присвоил. Короче говоря, украл эти священные постройки у своего божественного отца, или, если назвать его действия юридическим термином, учинил грабеж. Царь, очевидно, мог позволить себе все.

Между Нефериркара и Ниусерра короткое время правили еще два царя. О первом из них мы знаем только, что его звали Шепсескара; вторым был его преемник Неферефра. Он приказал построить себе пирамиду в самой южной точке Абусирского плато, но вскоре после начала строительства умер. Ниусерра о продолжении строительства не позаботился, так что осталась от этой пирамиды только нижняя ступень, да и та не целиком — сохранились лишь края ее, внутренние блоки увезли и использовали для других построек. Сейчас она совсем не похожа на пирамиду, а напоминает скорее теннисный корт. Когда сюда пришел Борхардт, то уже не мог определить первоначальных размеров пирамиды; но нашел он и следов заупокойного храма и других прилегающих построек. Эта пирамида наверняка была бы меньше всех прочих пирамид Абусирского некрополя: стороны ее могли иметь максимально 75 метров, а высота — не более 50 метров. Ее назвали в честь царского Ба, точно так же как и пирамиды двух предшественников Неферефра. Однако Ба в ее названии почему-то употреблено во множественном числе: «Ба Неферефра божественны».

Пирамида царя Ниусерра стоит непосредственно у северо-восточного угла пирамиды Нефериркара и находится в плачевном состоянии. Вероятно, она не достигает и половины первоначальной высоты, сверху закруглена, снизу завалена упавшими глыбами, по сторонам «обглодана» на глубину нескольких метров; кто собирается подняться на нее, должен быть осторожен, чтобы не привести в движение лавину выветрившихся камней, которая может увлечь его вниз, до самого подножия. Борхардт приказал откопать ее с востока и выяснил, что стороны основания имели длину 78,8 метра; исходя из наклона облицовочных плит (52°), он высчитал ее первоначальную высоту — 50,1 метра. Входной коридор ему найти не удалось (он и до сих пор не найден), но в погребальную камеру он все же проник — через туннель древних грабителей, о котором узнал из дневника Перринга. Исследования Борхардта показали, что по своему общему замыслу эта пирамида похожа на пирамиду Сахура; то же относится и к прилегающим к ней постройкам, включая небольшую пирамиду-спутницу. Есть, конечно, и различия: например, заупокойный храм не соотнесен с осью пирамиды, а из-за какого-то естественного препятствия сдвинут несколько к югу, капители колонн открытого двора имеют форму не пальм, а папирусов и т. п. А главное — храм очень разрушен и его рельефные украшения почти полностью утрачены. Но впечатление эти развалины производят неизгладимое, благодаря цветовому контрасту черных и красных гранитных плит с плитами из белого известняка, разбросанными в сверкающем золотом песке.

Поскольку мы на Абусирском плато, нельзя не посетить расположенные на нем солнечные храмы. По памятникам письменности нам известно о существовании шести таких храмов; до

настоящего времени найдены всего два. Оба находятся в нескольких сотнях метров северо-западнее поля пирамид, а так как дороги к ним нет, приходится брести по глубокому горячему песку. Более близкий к нам храм построил Усеркаф; здесь сохранились фундамент огромной четырехугольной террасы и остатки ограды, от которой неизвестно куда ведет мощеная дорога. Более отдаленный храм стоит на месте, которое по традиции называется Абу-Гураб, его руины напоминают сейчас небольшую пирамиду со срезанной в нескольких метрах от земли и как бы унесенной куда-то вершиной. В начале нашего века этот храм изучали Борхардт и Шефер; они выяснили, что выстроен он по приказу Ниусерра.

Это очень своеобразное святилище, не похожее на другие египетские храмы. Стоит оно на небольшой возвышенности, сверху выровненной и вымощенной. Позже склоны ее укрепили и придали им форму террас. Возвышенность эта имела вид неправильного косоугольника, длинная сторона которого равнялась 106 метрам, короткая — 82 метрам. На ее западной стороне находилась терраса с массивной усеченной призмой, служащей постаментом для большого, но не слишком высокого обелиска. Перед обелиском стоял алтарь с огромными алебастровыми чашами для крови приносимых в жертву животных; позади храма — ряд зданий с культовыми помещениями и кладовыми. Все это было окружено оградой, от которой крытая, вымощенная камнем дорога вела к Нилу. Словно бы для того, чтобы сходство с пирамидой было еще близким, у одной стороны ограды сохранились отпечатки тридцатиметровой ладьи (сделанной, однако, из кирпича). Она явно должна была изображать ладью, в которой перемещается по небу бог солнца Ра.

«Причина, по которой Солнечный храм отличается от храмов других богов,— пишет Я. Черный в „Древнеегипетской религии“,— очевидно, кроется в том, что этот храм своим устройством являлся подражанием храму Ра в Геллополе (Оне). Там тоже центральной точкой храма был обелиск, называемый *бенбсетом*. Он был на песчаной возвышенности обиталищем бога солнца, которого в отличие от иных богов не изображала никакая статуя».

В Абусире мы можем передохнуть и поговорить об одной из самых интересных проблем, касающихся пирамид, причем о такой, которая волнует людей на протяжении многих столетий². В Гизе мы воздержались от этого разговора — и не только от избытка впечатлений; нам хотелось собрать побольше материала. Теперь мы уже осмотрели 37 пирамид, из них 16 царских. Этого, пожалуй, достаточно.

Речь пойдет о точной астрономической ориентации пирамид. Разумеется, еще до приезда в Гизе мы знали, что пирамиды поразительно точно ориентированы относительно сторон света; с середины XVII века, когда вышла книга Гривса «Пирамидография», об этом говорится во всех книгах о Древнем Египте. И все же эти как бы выстроенные в затылок друг другу пирамиды поразили и нас, вероятно, как всякого, кто впервые окунется в море и удивится, что оно соленое, хотя давно об этом слышал и читал. В Абусире все повторилось сызнова: здешние пирамиды стоят как на военном параде. Притом пирамида Ниусерра ориентирована относительно сторон света с почти абсолютной точностью. Отклонение ее северо-южной оси от полюсов практически равно нулю.

Приведем несколько данных такого рода о пирамидах, которые мы уже посетили, опираясь на работу «Астрономическая ориентация в Древнем Египте и прецессия земной оси» (1953) З. Жабы и книгу Л. Борхардта «Протяженность и направленность четырех сторон Великой пирамиды в Гизе» (1926). Отклонение северо-южной оси от северного полюса у пирамиды Джосера примерно на 3° к востоку, у пирамиды Сахура примерно на 1°45' к западу, у пирамиды Нефериркара примерно на 30' к востоку, у Медумской пирамиды на 24'25" к западу, у пирамиды Менкаура на 14'3" к востоку, у южной пирамиды Снофру на 9'12" к западу, у пирамиды Хафра на 5'26" к западу. У пирамиды Хуфу, где были проведены самые точные замеры, западная сторона отклоняется от северного полюса на 2'30", а восточная — на 5'30" (по сведениям Питри — на 5'26") к западу; северная сторона отклоняется от линии экватора на 2'28", а южная — на 1'57" к югу. Если не считать пирамид Джосера и Сахура, все отклонения не превышают одного градуса, а у пирамиды Ниусерра — долей минуты!

Эти данные в самом деле поразительны и означают по меньшей мере две вещи: во-первых, древние египтяне намеренно старались точно ориентировать пирамиды по сторонам света и, во-вторых, обладали знаниями и умели добиваться такой ориентации. Этим вопросом занимались астрономы, геодезисты и египтологи; из астрономов, кроме прочих, Дж. Гершель и Р. Проктор. Но те, кто знал измерительные инструменты, не имели достаточных знаний о древнеегипетских реалиях, египтологи же недостаточно знали астрономию и геодезию, и, поскольку не сотрудничали с другими учеными, проблема долго оставалась нерешенной. Уже после второй мировой войны французский египтолог С. Сонерон, историк древнеегипетской науки и техники, констатировал,

что об ориентации пирамид (и других культовых построек) «мы пока не имеем достаточной информации, чтобы сделать серьезные выводы». В пятидесятые годы этим вопросом начал заниматься З. Жаба, и притом в особо благоприятных условиях: он был учеником основателя египтологии в Чехословакии Ф. Лексы, который первоначально был математиком с астрономическим уклоном, и Я. Черного, выдающегося знатока письменных памятников египетских строителей пирамид. Это дало З. Жабе возможность после основательной египтологической и астрономической подготовки впервые подойти к этой проблеме комплексно; он успешно справился с поставленной задачей и снискал международное признание. Однако продолжают существовать и возникают все новые взгляды; именно поэтому вопрос о точной астрономической ориентации пирамид остается вопросом.

Все египтологи сходятся на том, что стремление египтян к точной ориентации пирамид относительно сторон света основывается на древних религиозных представлениях, согласно которым умерший царь (возможно, его «Ка») поднимается на небо к звездам, где занимает место над Северным полюсом. Древнейшие письменные свидетельства таких представлений обнаружены в пирамиде Униса, более поздние — на стенах подземных камер в пирамидах царей VI династии. «Ты, [мертвый царь], который очень высок меж звезд неунничтожаемых, [т. е. около 1 полярных звезд, которые не опускаются за горизонт], ты не зайдешь никогда», — можем мы прочесть в «Текстах пирамид» (§ 878). «Поднимается [мертвый царь] на небо меж звезд, меж звезд неунничтожаемых» (§ 940), «[...мертвый царь] — это звезда неунничтожаемая» (§ 1469), «...его помещает [богиня неба] Нут как неунничтожаемую звезду» (§ 782) и т. д.; однако мы можем прочесть и то, что «[мертвый царь] Унис покоится в жизни на западе... сияет вновь на востоке» (§ 306). В соответствии с этими представлениями выходной (или входной) коридор всех пирамид Древнего царства обращен исключительно на север, чтобы облегчить духу мертвого царя путь к Полярной звезде.

Немало свидетельств о подобных представлениях сохранилось и от более поздних времен, но ни в одном из них точно не названы ни звезда, в которую превратился царь после смерти, ни место, занимаемое ею на небе. Что речь идет о Полярной звезде (или о созвездии над Северным полюсом), египтологи заключают на основе косвенных, но недвусмысленных доказательств, а именно на основании частых упоминаний о звезде на конце созвездия, название которого переводится как «Бедро». Это, в сущности, наша Большая Медведица, но упомянутая звезда оказалась не нашей Полярной звездой, т. е. альфой Малой Медведицы, а, согласно астрономическим вычислениям, альфой созвездия Дракона, которую мы видим на небе между Большой и Малой Медведицами. Ориентация пирамид по этой звезде явно не представляла для строителей слишком большой трудности; если бы царю пришлось занимать место на полюсе, это было бы сложнее. Полярная звезда Древнего царства находилась не точно над Северным полюсом, так же, впрочем, как и наша Полярная звезда. Ныне ее отклонение от полюса равно 58', и, таким образом, она описывает вокруг него за 24 часа круг в пределах 2°. А поскольку пирамиды строились на протяжении тысячи лет, тут проявилось и влияние прецессии земной оси.

Однако если египтяне стремились достичь точной астрономической ориентации пирамид, то как они этого добивались? Необходимая теоретическая подготовка у них была; их звездочеты обстоятельно и близко знали своих «богов, на небе сияющих». Они зарегистрировали несколько сотен небесных тел, отличали неподвижные звезды от планет и еще в древнейшие времена создали «изображения» созвездий; на основе наблюдений за Солнцем и Луной завели солнечный и лунный календари. Из древнеегипетских источников известно, что они знали и окрестили по-своему более 30 созвездий (которые, правда, имели иной состав, чем наши), звездное скопление Плеяды (которое они считали созвездием и называли «животом [богини] Нут») и пять планет Солнечной системы: Меркурий, Венеру, Марс, Сатурн, Юпитер (так, например, Марс они метко называли «Красным Хором»); вели наблюдения за созвездиями Орион, Кассиопея, Лебедь, Лев и др., а также систематически и весьма точно отмечали восход и закат звезды Сопдет (Сотиса) — Сириуса³. К более поздним временам относятся изображения созвездий, к примеру, на росписях в гробницах царя Сети I и зодчего храма Хатшепсут Сенмута, на рельефах в Рамессеуме⁴ и в храме Хатор в Дендера, на папирусах. Хотя по уровню астрономических знаний египтяне, видимо, несколько отставали от вавилонян, однако не подлежит сомнению, что они умели использовать сведения о небесных светилах для земных целей.

При наблюдении за звездным небом египетские астрономы должны были рассчитывать на свои глаза и простейшие приспособления; подзорной трубы они не знали, от ее изобретения их отделяло в десять раз больше времени, чем Галилея от радиотелескопа. Их вспомогательными приспособлениями были обыкновенные измерительные шесты, шнуры, отвесы и угольники, кроме

того, два инструмента, названия которых египтологи читают как «мерхет» и «баи». Первый дословно переводится как «инструмент познания», он представлял собой простую деревянную перекладчину со шнуром и каменной гирей. Название другого можно перевести как «стебель пальмового листа», это была простая обрубленная ветка с клиновидным надрезом на верхней части и четырехугольным вырезом посередине. «Познание», которому служил этот инструмент, касалось времени; как объяснил З. Жаба, с помощью его можно было по высоте определенной звезды над горизонтом определять время ночью. Для астрономических наблюдений «мерхет», вне всякого сомнения, объединялся с «баи». Это давало возможность определить любую точку на небе с точностью, на какую способен человеческий глаз. Когда было нужно, так же определяли и местонахождение Северного полюса.

Об использовании этих инструментов и способе установления местонахождения полюса возникло множество теорий, которые одна за другой отвергались и заменялись более приемлемыми. Существенной модификации подверглись и остроумные теории Борхардта и Лексы, но рассказ об этом занял бы слишком много времени, и потому мы ограничимся двумя наиболее обоснованными гипотезами. Первую выдвигает Эдвардс в «Египетских пирамидах», причем в переиздании 1961 года он учитывает и некоторые результаты работы Жабы. Гипотеза Эдвардса предполагает наличие «искусственного горизонта», образуемого стеной на круглом основании неподалеку от строящейся пирамиды. Наблюдатель стоит в центре этого круга и с помощью надреза в «баи» определяет точку восхода над искусственным горизонтом нужной звезды из окружения Полярной; затем он дает знак помощнику, чтобы в этом месте искусственного горизонта тот укрепил «мерхет». С помощью другого «мерхета» отмечалась точка захода этой звезды за искусственный горизонт; точное направление на север определялось делением пополам обозначенного расстояния. З. Жаба в своей работе склоняется к той гипотетической методике определения севера, которую выдвигают И. Полак и статьи «Астрономическая ориентация египетских храмов и пирамид», напечатанной в «Царстве звезд» (1952). Для определения Северного полюса, по его мнению, не нужен был искусственный горизонт; достаточно было с помощью названных инструментов установить точки прохождения звезд Фекда и Мегрец (т. е. гаммы и дельты Большой Медведицы) через вертикаль, ибо во времена строительства первых пирамид соединяющая их прямая, будучи продолженной, проходила в непосредственной близости от древнеегипетской Полярной звезды.

Существуют, естественно, и другие теории, например, что египтяне определяли стороны света по восходу и закату солнца в пору равноденствия или, что более, вероятно, по движению Ориона определяли юг. Однако это не представляется убедительным: при ориентации пирамид египтяне всегда старались определить только север. То же относится и к ориентации некоторых других построек религиозного назначения; из позднейших памятников письменности нам известно, что во время обряда основания храма царь «поднимал глаза к небу, наблюдал звезды и обращал свой взор к Большому Бедру», где находилась Полярная звезда. Правда, существуют и определенные сомнения, как, например: с такими примитивными инструментами нельзя достигнуть столь точных измерений. Однако опыт показывает, что тысячекратное повторение одних и тех же наблюдений позволяет свести ошибку к минимуму. Нет недостатка и в мнениях, по сравнению с которыми все эти теории просто блекнут. Часть из них возникла совсем недавно в связи с появлением теории «перемещения континентов».

Приведем одно такое мнение. Как считает немецкий египтолог Г. Кеес, известный знаток древнеегипетской религии и культовых сооружений, проблема вообще надуманна. «Большинство египетских построек этого типа имеет лишь весьма приблизительную ориентацию,— сказано в его книге „Египет“ (1933),— и многократно воспетая, мошеннически используемая для фантастических календарных выкладок точность ориентации пирамиды Хеопса по отношению к северной земной оси, как доказывают соседки этой пирамиды, есть лишь результат случайности».

Что к этому добавить? Вероятно, только одно: мы лишь хотели поговорить о проблеме точной астрономической ориентации пирамид, но отнюдь не решить ее. Мы не можем претендовать на то, чтобы за время обычного туристского путешествия проникнуть дальше, чем высококвалифицированные специалисты. Тем более что мы знаем: покинув Абусир, мы больше ни у одной пирамиды с такой точностью не встретимся.

И еще: точная ориентация большинства пирамид, которые мы уже посетили, достигнута не чудом, а исключительно средствами, доступными человеку. При этом были использованы знания, накопленные поколениями предшественников нынешних астрономов, и простейшие инструменты. А если этой точности строители пирамид достигли благодаря случайности, то надо сказать: счастливая случайность посещает только тех, кто хорошо к ней подготовлен.

Все правители Древнего царства после Ниусерра строили свои пирамиды в Саккара, разумеется, если они вообще их строили. Исключение составили непосредственный его преемник Менкаухор, правивший очень недолго, и второй царь VI династии Усеркара. О гробницах этих двух царей ничего не известно; то же относится и к гробницам предполагаемых преемников столетнего царя Пиопи II из VI династии, при которых Египет распался, а возможно, и утратил самостоятельность.

Новые пирамиды в некрополе Саккара были уже не «горами фараонов», а всего лишь «холмиками». За исключением одной, все они по величине намного уступали абусирским (не говоря уже о гизехских) и ныне превратились в бесформенные груды камней, самая высокая из которых не достигает и 20 метров. Построены эти пирамиды из грубо обработанных блоков неправильной формы; старательно отделялась лишь внешняя облицовка, которую они уже давно утратили. Конструктивно они были весьма схожи; особенно внутренние помещения были выстроены словно бы по одной схеме. В археологическом отношении они и поныне недостаточно хорошо изучены; так, например, нам неизвестны томные первоначальные размеры ни одной из этих пирамид. Тем не менее они небезынтересны, благодаря, с одной стороны, обширным остаткам заупокойных храмов, с другой — удивительно хорошо сохранившимся подземным камерам. Полос того, они могут похвастать и кое-чем совсем новым, доселе невиданным: так называемыми «Текстами пирамид».

Первая из этих пирамид высится точно башня старого замка на крутом скалистом взгорье, прямо над деревней Саккара. Местные жители метко прозвали ее «Харам-эш-Шоваф» — «Сторожевая пирамида»; долгое время так называли ее и египтологи, ибо им было неизвестно имя ее владельца. Узнали его лишь в 1945 году Абд эс-Салям и А. Варий, впервые подробно обследовавшие эту пирамиду. К сожалению, оба умерли, не успев опубликовать результаты своих трудов. Мы знаем лишь, что построить ее приказал преемник Менкаухора — Джедкара, который назвал ее по своему личному имени «Исеси прекрасен», еще знаем, что в ее погребальной камере в разбитом саркофаге были найдены остатки мумифицированного тела человека, возможно самого Джедкара. Из всех новых пирамид эта была самой большой; стороны ее основания равнялись примерно 86,5 метра. Необычайно велик был и ее заупокойный храм; в нем оказались поваленные колонны с капителями в виде пальм и фрагменты рельефов, изображавших охоту в пустыне и процессию женщин с жертвенными дарами. Нижний храм этой пирамиды не был найден. Подземные помещения еще не были украшены «текстами», их обнаружили только в пирамиде преемника Джедкара — царя Униса.

Пирамиду Униса знают все посетители Саккара, она стоит сразу же за юго-западным углом ограды, окружающей пирамиду Джосера. Выглядит она как террикон какой-нибудь покинутой шахты, и не только потому, что вокруг много вагонеток. Она стала в два раза ниже (ее первоначальная высота — около 48 метров), верхушка скруглена, стены выветрились, подножие (у основания 67 X 67 метров) завалено упавшими блоками. На восточной стороне к ней примыкают руины заупокойного храма со святилищем и более чем 20 помещениями. Внутренний двор этого храма некогда окаймляли 1(1 колом м с капителями в форме пальм. Прекрасно реконструированная мощеная дорога ведет от остатком двора к нижнему храму, стоявшему где-то за нынешними развалинами коптского монастыря св. Иеремии. Некогда эта дорога имела длину 670 метров, ширину (5,7 метра, из-за неровностей рельефа дважды отклонялась от прямой, была ограждена стенами, перекрытыми на высоте 3,2 метра каменными блоками. С внутренней стороны эти стены были украшены рельефами со сценами сражений и охоты, с бытовыми зарисовками, картинами земледельческих работ, с изображением мастерской скульптора. На одном совершенно уникальном фрагменте мы видим умирающего с голоду бедняка, воспроизведенного так убедительно, точно тогдашний художник специально стремился оставить свидетельство того, о чем при египетских царях официально не говорилось. От ограждения этой пирамиды сохранились лишь незначительные остатки. В ее юго-восточном углу на основании 12 X 12 метров стояла культовая пирамида. Севернее этой стоны царь велел построить мастабы для своих жен Хенут и Нобет, для дочери Ипут и для нескольких сановников; их стены украшают великолепные многоцветные рельефы. На дороге, ведущей к мастабам, зияет огромная квадратная яма глубиной 25 метров, высеченная в Саисскую эпоху для гробницы военачальника Аментафнахта.

Предположение, что упомянутая выше пирамида принадлежала Унису, или, по Манефону, Онносу, высказывали еще Шампольон и Лепсиус; в 1881 году подтвердил его и Масперо. Первые измерения провел Перринг, вход (через туннель, прорытый древними грабителями) открыл Мариетт, заупокойный храм нашел Фёрс, «восходящую» дорогу откопал Селим Хасан, завершил работы, благодаря которым мы сегодня так много знаем о ней и о ее окружении, старейшина археологов в Саккара Лауэр. Однако самая большая заслуга в том, что эта пирамида, несмотря на свой неприглядный вид, известна и знаменита, принадлежит Масперо, который первым проник в нее и обнаружил на внутренних стенах ее помещений «Тексты Униса».

В настоящее время это единственная из 12 царских пирамид на равнине Саккара, чье подземелье

открыто для туристов. Здесь вам не угрожает никакая опасность, спускаться удобно, к вашим услугам неоновое освещение.

Входят в пирамиду коридором, по которому несли умершего царя на место вечного покоя, а не через туннель грабителей. Коридор начинается посреди выложенной каменными плитами площадки перед северной стороной пирамиды, и длина его более 30 метров; сначала он идет под небольшим уклоном вниз, потом, после небольшого расширения, горизонтально и за тремя пазами для замыкающих блоков приводит посетителей в квадратную переднюю камеру. Далее коридор разветвляется: левый ведет в камеру с тремя нишами, правый — в облицованный алебастром погребальный покой, где стоит саркофаг из черного базальта. Величина погребальной камеры обычна (около 7 X 3 метра, высота потолка — 6 метров), но, когдаходишь в нее, кажется, что попадаешь в какую-то сказку: стены камеры и «передней» сверху донизу покрывают бесконечные столбцы надписей, сделанных прекраснейшими зелено-синими иероглифами, а двускатный потолок усеян зелено-синими звездами. Пожалуй, прочесть эти надписи способен один из ста тысяч посетителей, один из тысячи, возможно, знает их по переводам, но все разглядывают их, словно висящую на стене газету с каким-то сенсационным сообщением. Тут умолкают самые шумные туристы и стоят в немом удивлении, пока чей-нибудь восторженный возглас не нарушит поистине гробовую тишину... «Великолепны места [упокоения] Униса!» — таково и название этой пирамиды.

Таковыми же великолепными надписями говорят с людьми нашего времени и пирамиды преемников Униса, представителей VI династии. Первый из них, Тот, выбрал для своей пирамиды место северо-восточнее ограды Джосера, поблизости от пирамиды Усеркафа. Назвал он ее «Вечные места [упокоения] Тети» и приказал построить с основанием примерно 64 X 64 метра и высотой 43 метра; однако более половины этой рассчитанной на вечность постройки исчезло. В 1839 году Перриг не нашел входа в эту пирамиду, удалось его найти лишь в 1881 году Масперо, который позднее писал: «Вот где наглость грабителей достигла предела!» До недавнего времени внутренние помещения этой пирамиды были совершенно недоступны для посетителей, поскольку потолочные блоки с течением времени сдвинулись и опирались один на другой лишь узкой полоской боковой грани. В 1974 году работники египетской Службы древностей провели чрезвычайно рискованную акцию: подперли их железными балками и тем самым уберегли от обвала. Хотя здесь бесчинствовали древние грабители, тексты на стенах погребальной камеры по большей части остались нетронутыми и, как ни странно, сохранился даже саркофаг Тети из серого базальта (причем с именем царя). Из относящихся к пирамиде построек нам известны лишь развалины верхнего заупокойного храма с малой пирамидой-спутницей, нижний храм и «восходящая» дорога так и не найдены. Примерно в 100 метрах к северу довольно хорошо сохранились остатки другой небольшой пирамиды; Лоре обнаружил в ней глубокую отвесную шахту, а на дне ее — саркофаг из известняка. Как потом оказалось, это была пирамида царицы Ипут, супруги Тети и матери Пиопи I.

Преемником царя Тети, который, по мнению Мане-фона, был убит личной стражей, стал Усеркара; о его кратком правлении мы не знаем ничего, не найдена и его гробница. Пирамиду велел себе построить лишь Пиопи I, и то вдалеке от своих родителей, на небольшой возвышенности в пустыне, к западу от Саккара. Он назвал свою пирамиду «Пиопи — пребывающий [правитель] и прекрасный», что, если учесть судьбу его предшественников, звучит весьма подозрительно. Во времена Перринга основание пирамиды равнялось примерно 76 X 76 метрам, высота — 12 метрам, ныне ее руины почти не отличишь от окрестных барханов. Заупокойный и нижний храмы не обнаружены. Перринг отмечал, что натолкнулся на часть «восходящей» дороги, но сейчас никаких следов не видно. Несмотря на свое плачевное состояние, в истории изучения пирамид эта пирамида сыграла значительную роль: именно в ее подземных помещениях найдены первые «Тексты пирамид». Их открыл в 1880 году Масперо, который проник в пирамиду Пиопи I, полагая, что это какая-то мастаба; он изготовил эстампажи текстов и послал их Мариетту, не обозначив, откуда они; Мариетт определил: это надписи Пиопи I, хотя до того времени сам упорно утверждал, что «пирамиды немые». От своей ошибочной теории он тем не менее отказался не сразу — не так-то легко менять убеждения, сложившиеся в течение всей жизни. Но поскольку Мариетт был настоящим ученым, ставящим объективную истину выше субъективных воззрений, то решил вскрыть следующие пирамиды. И в конце концов признал свою ошибку уже на смертном одре в декабре 1880 года в Каире, когда Бругш принес ему подобные тексты из пирамиды царя Меренра, находящейся неподалеку от гробницы Пиопи I.

Меренра был преемником Пиопи I и построил себе пирамиду примерно в полукилометре к юго-западу. Она сохранилась намного лучше, чем ее предшественница, очевидно потому, что была менее доступна. Перринг в 1839 году частично откопал ее и нашел у ее подножия остатки гранитной облицовки; и ту кору стороны ее квадратного основания равнялись 715 метрам, а высота — 26,5 метра. Первоначально она могла быть на 7—8 метров больше у основания и почти и дни риза выше. Однако и

после того, как в 1880 году ее открыл Масиеро, она оставалась неизученной; в ней до сих пор стоит великолепный саркофаг из черного гранита, но оба ее храма вместе с «восходящей» дорогой скрыты иод песком. Египтологи пока изучали лишь настенные тексты в ее камерах, выдавшие тайну названия пирамиды: «Меренра сияет и прекрасен».

Последним царем VI династии, который еще правил всем Египтом, был преемник Меренра Пиопи II. Он удержался на троне почти 100 лет и выбрал место для своей пирамиды близ гробницы последнего царя IV династии — Шопсескафа. Ныне его пирамида изучена лучше всех построек конца Древнего царства благодаря Жекье, проработавшему в ней почти 10 лет (1926—1936). Она не отличается слишком большими размерами (что уже само по себе оироноргает устаревшую теорию Лепсиуса, по которой размеры пирамиды были прямо пропорциональны длительности правления ее строителя): основание ее первоначально равнялось 78,6 X 78,6 метра, высота — 52,1 метра. Построили ее из не очень крупных блоков, тем же методом, каким возводились ступенчатые пирамиды; после возведения шестой ступени ее облицевали известняковыми плитами, остатки которых были найдены среди обвалившихся и лежащих у ее подножия обломков верхних слоев. Подземные камеры точно такие же, как в пирамиде Униса, они отличаются лишь своей раскраской. В потолке погребальной камеры — такая же темная дыра, проделанная грабителями. Однако это не были вандалы — царский саркофаг без ущерба пережил их посещение, даже крышка не была унесена, не повреждены и настенные тексты. Тексты подземной части этой пирамиды — самые длинные из известных нам и наиболее красивые.

Пирамида Пиопи II — единственная из пирамид VI династии, у которой сохранились остатки нижнего храма; правда, мы не знаем, насколько он был для той поры типичен. Храм этот состоял из двух частей: одна находилась прямо над Нилом (или над нильским каналом), а другая позади — на возвышенности. Нижняя часть храма была очень длинная и узкая; ее фронтоны были растянут почти на 100 метров, по обе стороны от него отходили крытые коридоры, ведущие к спускам к Нилу.

Когда Жекье откопал пирамиду из песка, он обнаружил в ней десятки тысяч фрагментов рельефов; на них был изображен царь в победоносных битвах с ливийцами и азиатами: избиевание неприятеля на поле брани, массовое убийство пленных в путях, превращение их в рабов, вывоз воинских трофеев и т. п., но были и более мирные сцены, запечатлевшие, например, царя во время охоты на бегемотов и львов, царя, принимающего почести от сановников. Помимо бесчисленных изображений царя здесь можно было видеть и какого-то парнишку, который быстро взбирается по шесту за подвешенным на нем призом — роголиком или пирогом.

От нижнего храма, верхняя часть которого состояла из культовых и складских помещений, к пирамиде вела «восходящая» дорога длиной свыше полукилометра и также крытая. Кончалась она вестибюлем заупокойного храма, который, как это было принято, делился на две части: внешнюю — перед оградой, доступную всем людям, и внутреннюю — отведенную для жрецов. В юго-восточном углу ограды стояла ритуальная пирамида. Результаты дальнейшего обследования непосредственного окружения пирамиды поразили даже самых искушенных египтологов. Там же, в углу ограды, из песка виднелись остатки еще одной малой пирамиды со своей заупокойной молельней и оградой, а возле них — остатки совсем маленькой ритуальной пирамиды. То же повторилось в северо-восточном углу ограды.

Итак, Пиопи II приказал построить восемь пирамид: самую большую, разумеется, для себя, три для своих жен, и возле каждой — по ритуальной пирамиде. Самая западная из пирамид цариц принадлежала его супруге Нейт; основание пирамиды было равно приблизительно 45 X 45 метрам, наклон стен — около 60° (!), и, таким образом, высота равнялась примерно 37 метрам. Пирамиды цариц Ипут и Уджебтен были почти в два раза меньше, только ритуальные пирамиды всех цариц имели одинаковые основания (5 X 5 метров). Однако мы знаем еще двух его супруг. Одна из них, Имтес, ему изменила и в наказание осталась без пирамиды. Другая, пятая по счету, хотя и носила красивое имя Анхесенпиопи, что можно перевести как «Та, которая живет ради Пиопи», но чем-то Пиопи не угодила, или он не угодил ей — теперь уж не разберешься. Известно только, что ей пришлось удовольствоваться мастабой среди мастаб высоких сановников.

Если бы супруги Пиопи вели себя, как положено супругам царя, то последний правитель Древнего царства по числу пирамид мог бы поставить рекорд. А так его опередил Сенусерт I, который построил их без одной дюжину. Правда, уже через три столетия, когда в истории Египта началась глава, называемая Средним царством.

Прежде чем покинуть пирамиды последних царей Древнего царства, мы хотели бы выяснить один вопрос. Каково содержание той зримой симфонии в их погребальных камерах, которая именуется «Текстами пирамид»?

Против всех правил начнем свой ответ с того, чего эти «Тексты» не содержали. Прежде всего, здесь не увековечены никакие тайные премудрости египетских жрецов, которые имели бы общечеловеческое и вневременное значение; не содержится здесь и ничего из их астрономических, математических, медицинских и тому подобных знаний. Не приводятся ни сведения о жизни тогдашних людей, ни предсказания или послания для веков грядущих. Нет здесь и царских проклятий, которые должны вызывать кару на головы нарушителей покоя мертвых, будь то грабители или археологи. Здесь нет даже никаких оснований для того, чтобы строить о чем-то подобном догадки. Это надписи религиозного характера, назначение которых то же, что и назначение самой пирамиды и ее храмов: обеспечить царю печную жизнь, причем в качестве бога и в сонме других богов. Характер их подсказан религиозными представлениями древних египтян, их верой в магическую силу писаного слова; тексты содержат множество красивых метафор и поэтических образов, но в остальном это довольно разнородный набор обрядовых формул, которые значительно более привлекательны на глаз, чем при чтении. Тематически их можно разбить на три группы: ритуальные формулы, сопутствующие, мумификации тела царя, магические формулы, обеспечивающие благополучное странствие царского духа по загробному миру, и, наконец, формулы-обращения к богам, которые должны принять царя в свой сонм как равного.

Для египтологов эти тексты оказались твердым орешком. Во-первых, с филологической точки зрения: написаны они древним языком, словарный состав и грамматику которого долгое время не могли по-настоящему изучить из-за недостатка сравнительного материала. Во-вторых, с точки зрения их интерпретации: помимо незнакомых слов в текстах встречаются ссылки на неизвестные мифы, так что некоторые места не поддавались точному переводу. И, наконец, написаны они без всякой системы; абзацы и фразы обычно взаимно не связаны, представляя собой как бы молитвенник, страницы которого были разрезаны на части, а потом без ладу и складу наклеены на стену. Трудности для понимания были сопряжены даже с орфографией этих текстов; в них встречаются необычные знаки, для расшифровки которых требовалось особое их изучение. Дело в том, что, по представлениям древних египтян, в надписях в гробнице не должно быть ничего, что способно повредить мертвому.

Например, если в слове использовался иероглифический знак, изображающий льва, то этот знак нужно было опустить, поскольку лев представлял опасность, а слово нужно было написать как-нибудь иначе. Случалось, писцы решали эту проблему, разрезав льва пополам, чтобы он уже не мог причинить зла мертвому, скорпиона же изображали без ядовитого жала и т. п. (Как ни странно, они не избегали знаков, напоминающих змей, но всегда избегали рыб, ибо, по древнеегипетским поверьям, рыбы приносят несчастье — наверное, так же, как в наш век научно-технической революции перебегающая дорогу кошка или встреченная монахиня.) Но труднее всего было понять древнеегипетские символы и сокращения, проникнуть в образ мышления тогдашних людей.

Ныне «Тексты пирамид» полностью изданы и существуют их переводы на французский, немецкий и английский языки. Первое их собрание в 1894 году опубликовал Масперо под заголовком «Надписи пирамид Саккара»; в 1908—1922 гг. К. Зете издал «Древнеегипетские Тексты пирамид» с комментарием и переводом на немецкий язык. При изучении «Текстов пирамид» это издание до сих пор считается основополагающим. Позднее их переводы выходили на французском (Л. Шпелерса, А. Пианкова) и английском (С. Мерсера) языках. На чешском избранные «Тексты пирамид» еще в 1921 году опубликовал Ф. Лекса⁵. Последний перевод «Текстов пирамид», состоявший из 759 разделов («частей») и 2291 параграфа, в 1969 году под названием «Древнеегипетские Тексты пирамид» издал английский египтолог Р. О. Фолкнер.

Отрывки из некоторых «частей» мы уже приводили, выберем теперь для примера еще несколько наиболее типичных, в той последовательности, которая как-то соответствует логике содержания. В качестве вступления, пожалуй, могут послужить два текста с саркофагов.

«Говорит Нут, Великая благодетельница: Царь — мой старший сын, который взошел из моего лона. Он мой родной сын, [к которому я питаю пристрастие!]» (§ 1). «Говорит великая Нут, которая пребывает в Нижнем доме [Оне]: Царь — мой любимый сын, мой перворожденный сын на тропе Геба, к которому питает [Геб] пристрастие и дал ему [трон] как свое наследство в присутствии Великой девятки [богов]» (§ 2). «Все боги радуются и совместно восклицают: Как прекрасен царь! Его отец Геб питает к нему пристрастие!» (§ 3).

Как известно, важнейшей частью погребального церемониала был обряд «отверзания уст». Тело царя обкладывали множеством жертвенных даров, главным образом сосудами с благовонными маслами, кувшинами с водой и вином, корзинами с хлебом и съедобными изделиями, тканями, амулетами и т. п., а также сосудами с различными химическими смесями из смол и натрия. Жрецам в одеяниях богов во время исполнения обрядов предписывалось произносить специальные формулы такого характера: «Осирис Унис! Прими белые зубы бога Хора, которые украсят твои уста! Пять зубков чеснока. Сказать четырежды: Царская жертва для Ка Униса» (§ 35). «Осирис Унис! Отвори

свои уста тем, что тобой схвачено! Вина один кувшин из черного камня» (§ 36); «Сделай так, чтобы он [мертвый царь] обрел власть над своим телом! Яви ужас перед ним очам всех духов, которые взглянут на него, и всякому, который услышит его имя! Одна мера кедрового масла» (§ 53). Мертвым царям многократно предлагается «Око Хора», которое принадлежит им по праву богов и символизирует их власть и могущество. «Осирис Унис! Приносится тебе око Хора, предназначенное для твоего чела! Одна мера ливийского масла» (§ 54). «Осирис Унис! Возьми око Хора, которое ищешь! Повторить четырежды: Один кусок мяса быка» (§ 80).

После нескольких сотен подобных формул во всех текстах — за исключением имени царя, одинаковых — жрецы переходят к следующим элементам обряда. «Сказать: Осирис Пиопи! Твоя мать Нут распростерлась над тобой! Охраняет тебя от всего дурного. Нут охраняет тебя от всего вредоносного. Ты самый большой из ее сыновей!» (§ 825). «Осирис Пиопи! Приди, приди! Все у тебя будет. Твоя мать придет, чтобы все у тебя было. Великая охранительница придет, чтобы [не случилось, что] у тебя чего-то нет!» (§ 827). И точно в соответствии с мифом об Осирисе: «Она вернет тебе голову, она соберет твои кости, она соединит твои члены, она принесет сердце, которое вернется в твою грудь!» (§ 828). Заключительную часть церемониала составляло «очищение царя».

«Сказать: Осирис Пиопи! Пробудись! Встань! Поднимись! Ты чист, твое Ка чисто, твое Ба чисто, твой Ах чист! Пришла к тебе твоя мать, Нут к тебе пришла, Великая охранительница явилась к тебе! Она тебя очистит» (§837).

После этих обрядов умершим царь мог «отправляться» к богам. «Изготовлена была для него лестница на небо, чтобы он вступил туда на дымо великого воскурения. Пиопи летит как птица и садится как скарабей на пустой трон, который в твоей ладе, Ра!» (§ 365). Безопасность на этом пути должны были обеспечить многочисленные формулы. «Каждый дух, каждый бог, который поднимет руку против Пиопи, когда тот поднимается на небо по лестнице бога, [пусть знает]: не будет для него возделываться земля, не будут для него убивать [жертвенных] животных» (§ 978). «Чудовище, ляг и исчезни! Ты, находящееся в кустах, исчезни во имя Нут! Отврати свою морду, крокодил, [лежащий, как] пастух! Змей с дурным [глазом], скройся в ночи, ибо тебе принадлежит запах земли!» (§§ 2257-2259).

Путь к богам должен был, естественно, завершиться благополучно, и царь оповещает о своем появлении: «Сказать: Ра-Атум! Этот Унис пришел к тебе, неуничтожаемый дух!.. Твой сын пришел к тебе, этот Унис к тебе пришел! Будете вместе бродить по небу, соединитесь в темноте, появись на небосклоне, в месте, где хорошо для вас!» (§ 152). После ряда формул, с помощью которых царь представился всем наиболее значительным богам, Ра-Атум принял его в их сонм. «О Унис! Ты пришел не мертвый, ты пришел живой! Сядь на трон Осириса, [возьми] свой жезл, чтобы повелевать живыми, возьми жезл... чтобы повелевать теми, чьи места скрыты!» (§ 134). Так он стал равен богам, и его преемник Тети — тоже, хотя начальник личной стражи отправил этого царя к богам и против его воли. Однако последние правители Древнего царства уже считали себя выше богов.

В пирамиде Меренра обнаружена такая надпись: «Когда он вышел на небо, он нашел Ра стоящим, чтобы встретить его. Меренра сел рядом с ним. Ра не дал ему склониться к земле, [ибо] знал, что Меренра больше его самого, что ого сын Меренра больше любого из богов, что Меренра больше дух, чем все духи, что он отменнее всех отменных, что он длительнее всех вечных [богов]» (§§ 812—813). А Пиоид II, в спую очередь, считал себя выше Меренра. «Сказать: Встань передо мной, мой отец! Встань, Осирис Меренра! Это я, ткой сын, я Хор! Я пришел к тебе, очистил я тебя, сделал я чистым тебя! Я дал тебе жизнь, отец Мерепра!» (§ 1083). Он считал себя даже выше верховного бога Ра, который хоть и был вездесущ, но всюду появлялся лишь вслед за ним, как сказано в одном из параграфов «Текстов пирамид» Пиопи II: «Ра взойдет на востоке и на небосклоне найдет Пиопи. Ра придет на запад и найдет там Пиопи, живого, вечного. Куда ни пойдет Ра, всюду он найдет там Пиопи» (§ 919).

Конечно, из разрезанной на кусочки партитуры «Текстов пирамид» можно извлечь и другие ценные сведения. Примерно из сотни отрывков можно было бы сложить прасновою мифа об Осирисе, по множеству намеков реконструировать погребальные обычаи тех давних времен, когда цари еще не строили пирамид; в различных формулировках можно было бы обнаружить противоречия между более древними «астральными» и⁴новейшими «осирически-ми» представлениями о загробной жизни. Из этих текстов можно было бы составить также собрание гимнов, и они наверняка нашли бы своего читателя.

Тщетно мы стали бы искать в «Текстах пирамид» бесчеловечность и жестокость; в этом отношении они резко отличаются от других произведений египетского искусства, особенно от рельефов на «восходящих» дорогах и в храмах. Ничем не ужасен даже так называемый «Канни-

бальский гимн», где царь Унис «в качестве бога ест своих отцов и питается своими матерями... пожирает людей и живет богами... глотает духов их [богов]» (§§ 394—404). Тут ведь речь идет всего лишь о выражении отживающих тотемистических представлений с совершенно прозрачной символикой; если все понимать дословно, то и христиане людоеды и богоеды, ибо и они, причащаясь, едят «тело господне». Жестокости не было места в гробнице царя; достаточно он видел ее вокруг себя при жизни, достаточно жесток был сам, и после смерти ему хотелось обрести покой.

Что касается мудрости древних египтян, то ее мы найдем в литературных произведениях иного рода, в «поучениях», исторические же анналы и естественнонаучные сведения — в других памятниках письменности. О строителях пирамид и храмов в текстах на стенах пирамид не говорится по простой причине: царей не интересовали их подданные. Царского же высокомерия в «Текстах пирамид» более чем достаточно для того, чтобы оно стало предвестием, если не причиной, падения Древнего царства.

Существует, однако, еще одна пирамида, о которой нам следует упомянуть и этой главе. Она относится уже не к эпохе Древнего царства, а к последующему периоду упадка Египта, когда почти не возводилось значительных построек.

Открыл ее Жекье в 1932 году во время раскопок «восходящей» дороги Пиопи II, и то почти случайно, словно бы нащупав ее под песком рентгеновским взглядом археолога. Когда же он проник и ее погребальную камеру, то обнаружил там настенные надписи, подобные «Текстам» в соседних пирамидах; из них он узнал, что строить эту пирамиду повелел царь Иби. Это был малоизвестный царь, который мог править между XXIII и XXI веками до н. э. Судя по Туринскому папирусу, он, возможно, был одним из царей VI династии, из тех, что правили после Пиопи II; если же судить по Абидосскому списку, то он скорее принадлежал к числу последних царей VIII династии. Ныне египтологи относят его к VII или VIII династии. Так и не удалось выяснить, кто был его предшественником, скорее всего, правил он недолго, и можно с уверенностью сказать, что правил уже не всем Египтом.

Так же загадочна, как сам царь Иби, и конструкция его пирамиды. «Нельзя уже определить, какую систему использовал ее архитектор,— написал по окончании обследования этой пирамиды Жекье,— однако она резко отличается от архитектурной системы пирамид VI династии»: ее подземные камеры строились в открытой яме, но еще до ее перекрытия начинали класть крайние слои, так что собственно ядро завершалось под конец.

Кажется, возвели и его, но так поспешно и небрежно, будто просто побросали туда небольшие, неправильной формы блоки. Подземные помещения свидетельствуют о более добросовестной работе: их стены были покрыты «Текстами», обширные фрагменты которых сохранились, а саркофаг из гигантского гранитного блока был вмурован в стену погребальной камеры. Имела ли пирамида облицовку, теперь уже выяснить невозможно; нельзя разобрать и в обломках примыкающих к ней построек из необожженного кирпича. Об ориентации этой пирамиды на север явно никто не заботился; она отклоняется к западу более чем на 15°. Что же касается размеров, то это действительно была мини-пирамида: ее основание равнялось примерно 31,5x31,5 метра.

Ныне эта царская мини-пирамида превратилась в песчаный кратер посреди песчаной пустыни, диаметр его около 25 метров, края поднимаются на 3—4 метра. Если бы в углублении этого кратера не оставили следов гиены, а по сыпучим склонам не ползали желтые скорпионы, его можно было бы считать образчиком лунного пейзажа, перенесенным сюда космонавтами. Теперь же эта пирамида, говоря словами Вандье,— «лишь символ смутных времен, которые были свидетелями ее появления на свет».

Станным образом совершается наш путь от пирамиды к пирамиде! Начали мы с гор, дошли до холмиков и, наконец, добрались до кротовой норы. Разумеется, до кротовой поры в масштабах древних египтян: гробница почти неизвестного царя Иби все же была больше, чем мавзолей императора Августа на берегу Тибра в Риме... Но дела у египетских царей явно шли все хуже и хуже.

Какие же пирамиды оставили после себя цари Среднего царства?

Глава XI ВОЗРОЖДЕНИЕ И ГИБЕЛЬ: ПИРАМИДЫ СРЕДНЕГО ЦАРСТВА

Скажем сразу: правители Среднего царства оставили после себя пирамиды, несомненно заслуживающие внимания. Но построены они отнюдь не близ туристских и международных трасс, поэтому люди посещают их еще реже, чем коптские монастыри. Самая отдаленная из этих пирамид находится примерно в 80 километрах к югу от Каира, за Фаюмским оазисом, в Иллахуне; самая близкая — примерно в 40 километрах от Каира, в Дашуре. К некоторым пирамидам ведет дорога, проложенная по пустыне, или скорее намек на дорогу; когда едешь по ней, шины буксуют, воздушный фильтр забивается песком. К иным пирамидам лучше идти от ближайшей деревни пешком. Нигде тут не найдешь ларьков с сувенирами и прохладительными напитками, к счастью, нет здесь и драгоманов. Две или три пирамиды находятся в таком уединении, что кроме змей и скорпионов компанию им порой составляет лишь фата-моргана¹.

Всего этих пирамид девять, не считая пирамид-спутниц, и построены они при XII династии, правившей Египтом с начала XX до конца XVIII века до н. э. К ним относят и еще одну пирамиду, принадлежавшую царю Ментухотепу I из предшествующей XI династии. По это была не настоящая пирамида — не царская гробница, а всего лишь надстройка над символической гробницей царя и украшение его заупокойного храма. Для осмотра того, что от нее осталось, нам придется отправиться за 500 километров к югу от Каира, на западный берег Нила напротив Луксора.

Пирамиды XII династии имели такое же назначение и внешний вид, как и только что осмотренные нами пирамиды Древнего царства, но в остальном тут существуют значительные расхождения. В отличие от более древних пирамид у них было некое унифицированное основание, стороны которого всегда равнялись 200 египетским локтям, т. е. 105 метрам; только у двух последних пирамид этой династии размеры были ровно в половину меньше. Как правило, они казались более стройными и воздушными; наклон стен достигал 56°. При ориентировке этих пирамид не придавалось слишком большого значения тому, как их стороны соотносятся со сторонами света; входные коридоры не всегда глядели на север, иногда были направлены на юг, а в одном случае и на запад. Подземелья этих пирамид представляли собой сложные лабиринты коридоров и камер; саркофаг мог оказаться в самом неожиданном месте. Заупокойные храмы всегда находились ниже уровня основания пирамиды, отчего пирамида выглядела более высокой; отличались они и четырехугольной формой огражденного пространства, в котором были расположены гробницы членов царской фамилии, характером прилегающих построек и другими деталями. Однако наибольшее различие заключалось в их конструкции: это были уже не «каменные горы», а горы «из щебня и глины».

Итак, правители Среднего царства при строительстве своих пирамид отказались от использования обтесанных блоков и заменили их необожженным кирпичом и каменной крошкой, а для заполнения и герметизации пазов — даже песком.

В чем заключалась причина этого новшества?

Чаще всего говорится об «упадке могущества и богатства» правителей Среднего царства, о том, что они уже не располагали такими материальными средствами, как их предшественники времен Древнего царства. Упоминается также, что «в Египте ощущалась нехватка рабочих рук из-за сокращения количества населения». Но ни одна из этих причин не представляется достаточно убедительной. После междоусобиц Переходного периода страна вновь была объединена под эгидой царя, и его власть, несмотря на обычные династические споры, укрепилась; в экономическом отношении Древний Египет в это время достиг вершины своего расцвета. Создавались невиданные оросительные системы, закладывались города, возникали новые культовые и светские постройки, к временам правления XII династии относится, например, и знаменитый Лабиринт, который ставился Геродотом выше колоссальных храмов в Фивах и пирамид в Мемфисе. Количество населения, напротив, возросло; в результате победоносных войн в Нубии и Азии возросло и число рабов; но свидетельствам источников, их раздавали сановникам и продавали частным лицам. При таких обстоятельствах маловероятно, чтобы царям приходилось экономить именно на пирамидах — самых важных для них постройках — или чтобы для строительства пирамид не хватало рабочих рук. Причина перехода от каменных пирамид к кирпичным, несомненно, заключалась в другом.

Опыт смутного времени, наступившего после падения Древнего царства, показал, что большие каменные пирамиды не выполняли главного своего назначения, т. е. не спасали тела захороненных царей и погребальную утварь от грабителей. Царям пришлось убедиться в том, что величина и массивность пирамиды не обеспечивают им вечного покоя, и они решили защитить свои гробницы иначе. Приказали прорыть под землей множество запутанных коридоров, часто заканчивавшихся тупиками, чтобы сбить грабителей с толку; погребальные камеры они превратили в неприступные блиндажи и размещали их так, чтобы грабители, незнакомые с внутренним

устройством пирамиды, наверняка бы их не нашли. Из этого вытекало, что наземная часть гробницы — собственно пирамида — в значительной мере утратила свое назначение. Следовательно, она могла быть построена из менее солидного материала, хотя по виду и не должна была выдавать этой тайны. Пирамида сохраняла свое белое облачение из турецкого известняка, и все было в порядке.

Строительство «глиняной пирамиды» не требовало такого количества рабочих и такого каторжного труда, как строительство каменных пирамид; тем большей изобретательности требовало оно от архитектора. Каменные блоки предшествующих пирамид были неподатливы и держались друг на друге благодаря собственному весу, в то время как слои кладки из необожженных кирпичей могли легко уплотниться и осесть. Шумеры и вавилоняне для упрочения своих зиккуратов использовали тростниковые рогожи, которыми прокладывались слои кирпичей; египтяне разрешили эту проблему самостоятельно и более действенным способом. Они изобрели для строительства кирпичной пирамиды особую технологию, представлявшую собой некий прообраз секционного метода строительства. Если пирамида должна была стоять на выровненном скальном основании, то сначала из угла в угол по диагонали выкладывались каменные перегородки, с двух сторон под косым углом пристраивались поперечные каменные стенки, так что возникало подобие креста; если можно было использовать скальное ядро, вокруг него строились каменные переборки наподобие решетки. Созданный таким способом каркас позднее заполняли кирпичами или щебнем, а щели засыпали песком. Материал доставлялся по земляным насыпям на деревянных санях или в корзинах, как при строительстве каменной пирамиды. Особенное внимание уделялось внешним слоям, чтобы их выступы могли надежно держать плиты облицовки. Низ пирамиды иногда укрепляли гранитной облицовкой; на вершину ее всегда клали гранитный пирамидной — последний каменный блок в форме маленькой пирамиды.

«Не ставь меня ниже каменных пирамид...» — гласила, по свидетельству Геродота, надпись, вытесанная на одной из этих кирпичных пирамид. Вне всякого сомнения, уже в то время они были лишены каменной облицовки, и путешественники не обращали на них особого внимания; не проявляли к ним интереса и жители окрестных деревень, нуждавшиеся в строительном материале. Да и кому захочется ради необожженных кирпичей предпринимать утомительное путешествие по раскаленной пустыне! До конца минувшего столетия их не замечали и археологи.

Но неожиданно весть о них разнеслась по всему миру. Первый раз это случилось в 1894 году, когда Морган открыл «Дашурское сокровище», второй — в 1920 году, когда на подобное же сокровище натолкнулся близ Иллахуна Питри.

Ментухотеп I, основатель XI династии, который вывел Египет из двухсотлетнего периода смут и в середине XXI века до н. э. восстановил единство Египта, был родом из Фив. На фиванском кладбище он велел построить себе гробницу с заупокойным храмом, причем в том месте, которое через 500 лет избрала для своего прославленного храма царица Хатшепсут, — в Дейр-эль-Бахри.

Дейр-эль-Бахри в буквальном переводе означает «Северный монастырь». Это напоминание о времени, когда в местных храмах древних богов и царей поселились христианские монахи. Кажется, не существует более романтического места во всем Египте: оно напоминает песчаный залив, вклинившийся в дикие и почти отвесные утесы из песчаника, склоны которых ниспадают на землю со стометровой высоты как окаменевший водопад. Мы можем попасть туда из Луксора по Нилу и затем автобусом; длинная ровная дорога среди оросительных каналов приведет нас сначала к «Колоссам Мемнона», затем свернет на север, а за руинами Рамсессеума снова на запад, где и закончится перед террасами храма Хатшепсут. Остатков построек Ментухотепа турист обычно даже не замечает.

В самом деле, сейчас от пирамиды Ментухотепа и вообще от всего этого погребального комплекса мало что сохранилось. Как они выглядели когда-то, мы можем себе представить по развалинам и следам, обнаруженным в начале нашего столетия швейцарцем Э. Навилем и англичанином Г. Холлом, а после первой мировой войны американцем Г. Уинлоком. Этому будет способствовать и осмотр храма Хатшепсут, который при всем своем великолепии является во многих деталях всего лишь копией заупокойного храма Ментухотепа. Если некоторые колонны и стены в храме Хатшепсут покажутся нам чересчур новыми, сие не должно нас смущать: через 200—300 лет никто этого уже не заметит. Их реконструкция — большая заслуга польских археологов, которые, как мы уже отмечали, начали работать здесь под руководством К. Михаловского в 1962 году. Но в храме Хатшепсут мы не найдем пирамиды. На всем обширном Фиванском некрополе приказал себе построить пирамиду один только Ментухотеп.

Дело в том, что гробница в форме пирамиды не соответствовала обычаям Фив; она была

привилегией царей объединенного Египта, резиденцией которых был Мемфис. Все правители Фив, включая позднейших царей объединенного Египта, покоились в скальных гробницах. Ментухотеп I тоже первоначально повелел построить себе такую гробницу в нескольких километрах к северу отсюда, в местности, носящей название Дра абу-ль-Негга. Там находится около сотни гробниц, в том числе гробницы двух Инте-фов, правивших Фивами в конце Первого переходного периода. Исследователи старшего поколения считали остатки массивных надгробий и молелен в этом некрополе руинами небольших пирамид, но они заблуждались. Первую пирамиду здесь велел построить Ментухотеп I, очевидно, чтобы продемонстрировать, что он преемник и наследник всех привилегий древних царей объединенного Египта. Но использовал он ее лишь как символическую гробницу, т. е. как кенотаф; похоронить же себя велел согласно фиванским обычаям в скальной гробнице.

«Великолепны места Небхепетра» — назвал Ментухотеп I новый погребальный комплекс в Дейр-эль-Бахри по своему тронному имени. Погребальную камеру он приказал вытесать под подножием скального массива; перед его обтесанными и выровненными стенами располагались святилище и заупокойный храм. Святилище имело горизонтальную проекцию 40X22 метра, его плоская крыша держалась на 108 колоннах; со двора святилища в погребальную камеру вел подземный коридор длиной 150 метров. Заупокойный храм состоял из двух ступенчатых террас, окруженных крытыми колоннадами; нижняя имела в плане площадь около 60X50 метров, верхняя — приблизительно 42X40 метров; всего их окружало 254 колонны. Из центра храма выростала пирамида на массивном цоколе с основанием 21X22 метра, с каменным каркасом, заполненным мелкими камнями и щебнем, не очень высокая и облицованная плитами из белого известняка.

Пирамида господствовала над этим фантастическим многоколонным храмом; то, что она была кенотафом, выяснилось благодаря случайности, которая оказалась так кстати, словно ее специально подстроили. В 1901 году Говард Картер, еще никому не известный молодой человек, перед развалинами храма упал с коня; конь на ровном месте ни с того ни с сего вдруг споткнулся, и его нога застряла в какой-то щели. Когда Картер попытался высвободить ногу лошади, щель расширилась; Картер нанял нескольких феллахов с ломами и вскоре очутился в подземном коридоре. Как он позднее установил, этот коридор тянулся на 150 метров и вел в камеру, которая находилась точно под вершиной пирамиды или, точнее, под пересечением диагоналей цоколя, который от нее остался. В камере он обнаружил царскую статую из раскрашенного известняка и деревянный гроб с надписью «Сын Ра Ментухотеп». Гроб был закрыт и пуст, что было обычным явлением в символических гробницах. В самой погребальной камере, вытесанной в скале за храмом, напротив, не нашлось ничего, кроме входа в туннель, через который в нее пробрались грабители.

Весь этот комплекс был огорожен традиционной каменной стеной, ограничивающей пространство неправильной формы с осями примерно 160X120 метров. Западнее храма было обнаружено шесть гробниц с саркофагами царских жен и дочерей; немного в стороне стояла еще одна, значительно более нарядная гробница; в ней была похоронена официальная любовница царя Комсит, по профессии жрица богини любви Хатор. С восточной стороны к террасе храма вел пандус, от него начиналась мощеная дорога к нижнему храму, который не сохранился. По следам дорожного покрытия удалось установить, что она достигала более 1200 метров в длину и 33 метров в ширину, т. е. была такой же, как взлетная дорожка современного аэродрома. Все это еще можно вообразить, хотя порой мы и замираем от изумления. Но одно украшение, придуманное Ментухотепом для своих «Великолепных мест», превосходит всякую фантазию.

Перед остатками колоннады, представлявшей собой фронтон заупокойного храма, до сих пор видны следы более чем от 60 ям. Они вытесаны в скале через определенные промежутки, и те из них, которые окаймляют «восходящую» дорогу, имеют диаметр и глубину до 10 метров. Нигде в Древнем Египте ничего такого не было, назначение этих ям можно объяснить вполне определенно. Это были огромные цветочные кадки, подобные тем, что спустя много столетий появились под акрополем и в которых до сих пор растут зеленые кипарисы. В Дейр-эль-Бахри в них было посажено более полусотни тамарисков; в восьми самых больших ямах по обеим сторонам пандуса росли благовонные сикоморы, отбрасывавшие тень на статуи, превышавшие человеческий рост и изображавшие стоящего царя в облике Осириса. Итак, нынешнее безлюдное песчаное плато перед развалинами храма Ментухотепа было скульптурной галереей с декоративным садом прямо-таки на французский манер...

Ментухотеп II пытался скопировать построенный отцом архитектурный комплекс, но рано умер. От начатого строительства остались лишь незаконченные фундаменты в нескольких метрах к западу; судя по вытесанной в скале площадке, он собирался построить и пирамиду. Его преемник Ментухотеп III исчез без всякого следа вместе со своей гробницей. Зато приказал себе построить

пирамиду высший сановник Ментухотепа III — победоносный полководец Аменемхет. Правда, уже позднее — когда он стал преемником Ментухотепа III на престоле и основателем XII династии.

XII династия была одной из величайших в истории Египта. Не потому, что некоторые властители, принадлежавшие к этой династии, подчинили себе обширные области Нубии, Синая, Ливии, Палестины, Сирии; это умели делать и другие египетские цари до них и после них. И не потому, что они сооружали в свою честь огромные памятники и правили твердой рукой; для Египта тут также не было ничего нового. Но из этой династии вышли самодержцы, умевшие обеспечить стране мир и строить общественно полезные сооружения; в египетских условиях это было явлением настолько исключительным, что упомянутые правители заслужили благодарность своих современников и похвалу потомков. «Он делает зеленым [Египет] более, чем великий Хапи,— читаем мы в одном „поучении“ об Аменемхете III, организаторе больших оросительных работ в Фаюмском оазисе,— он дает пищу тем, кто ему служит».

Аменемхет I (по Манефону — Амменемес), правивший первоначально в Фивах, перенес свою резиденцию на север, на границу Верхнего и Нижнего Египта, и построил здесь новую столицу, Иттауи — «Та, что овладела Обеими землями». Она была основана около 2000 года до н. э. неподалёку от нынешнего Лишта; однако точное местоположение этого города нам неизвестно, потому что до сих пор не установлены его следы. Аменемхет I приказал построить поблизости и пирамиду, причем уже не как символическую, а как подлинную гробницу, чем продолжил традицию правителей Древнего царства. Примеру Аменемхета I последовал его соправитель и преемник Сенусерт I; остальные цари династии Иттауи строили себе пирамиды в других некрополях.

До пирамиды Аменемхета I мы лучше всего доберемся из деревни Матание, которая находится примерно в 60 километрах южнее Каира; отсюда до пирамиды еще 3 километра на запад. Нам опять понадобится разрешение военных властей и, кроме того, немного везения, чтобы без долгих плутаний найти эту пирамиду. Дело в том, что она не очень большой высоты, метров 15, и сливается с окружающей пустыней. Основание со в 105x105 метров, ставшее нормой для последующих пирамид, засыпано песком; входной коридор на северной стороне тоже засыпан. Но нам не следует огорчаться; в коридоре нет ничего примечательного, а погребальная камера недоступна. За все прошедшее с тех пор время туда никто не попадал; это не удалось ни французским и американским археологам начала нашего века, ни, вероятно, грабителям последних тысячелетий, оставившим после себя пять незаконченных шахт. Погребальная камера пирамиды Аменемхета I уже много веков залита водой, проникающей туда через какую-то подземную трещину из Нила, а Нил невозможно вычерпать; слишком большому риску подвергся бы и водолаз, который осмелился бы спуститься в размытые водой и полуобвалившиеся камеры. Поэтому археологи ограничились обследованием подземной части пирамиды, развалин заупокойного храма и прилегающих гробниц. Согласно Готье и Жекье, Аменемхет I приказал строить свою пирамиду тем же способом, каким построена храмовая пирамида Ментухотепа в Дейр-эль-Бахри, т. е. из небольших неправильной формы камней, укрепленных каркасом, и повелел облицевать ее отшлифованными плитами, многие из которых были сняты с разрушенных гробниц Древнего царства.

Сенусерт I (по Манефону — Сесонхосис) приказал построить свою пирамиду примерно в двух километрах южнее. Она стоит среди песчаных дюн и выглядит несколько лучше, чем пирамида Аменемхета I; от первоначальной высоты (61 метр) сохранилось более трети, а на стенах еще держатся остатки облицовки из известняка. Вход в нее находится на северной стороне и скрыт развалинами, которые первоначально были молельней; рядом с ним — отверстие одного из двух туннелей, проделанных грабителями. Однако примерно на двенадцатиметровой глубине грабители опять-таки натолкнулись на воду и вернулись ни с чем; не проникли дальше и археологи. Тем тщательнее обследовали они наземную часть. Масперо первый в 1882 году по надписям на остатках погребальной утвари установил имя владельца этой пирамиды. Пирамиду подвергли зондированию, которое показало, что ее каменная масса армирована каркасом из 8 уложенных по диагонали блоков и 19 перегородок. В результате раскопок были открыты развалины заупокойного храма, построенного по тому же архитектурному плану, что и храм Пиопи II; нашлись и остатки ритуальной пирамиды, имевшей основание 21x21 метр и достигавшей в высоту 19 метров. После того как были найдены девять замечательных царских статуй более чем в человеческий рост и две деревянные статуи поменьше, археологи обнаружили наконец то, что прославило эту пирамиду: десять гробниц жен и дочерей Сенусерта и развалины еще десяти маленьких пирамид!

Трое из четырех преемников Сенусерта I избрали для своих пирамид старый некрополь в

Дашуре, но поместили их несколько восточнее от древних пирамид царя Снофру, на возвышенном плато пустыни над долиной Нила. Самая древняя из пирамид преемников Сенусерта принадлежит царю Аменемхету II (по Манефону — Амманемесу); при ее строительстве применяли камень, и поэтому она была выше двух соседних кирпичных, аналогично тому как — если говорить современным языком — пятиэтажный дом выше трехэтажного. В ее подземелье можно попасть через вход на северной стороне, но для успешного осмотра нужен проводник или хотя бы план. Погребальная камера скрыта в одной из ниш просторного помещения со сложной горизонтальной проекцией и облицовкой из больших гранитных плит; саркофаг сделан из блоков песчаника и неприметно для глаза вмурован в пол. В окрестностях этой пирамиды, в гробницах царских дочерей Ити и Хнумит, де Морган открыл в 1895 году одно из знаменитых «Дашурских сокровищ». Вместе с сокровищами, которые он за год до этого извлек из гробниц Сат-хатор и Мерит, дочерей Сенусерта III, это самые прекрасные образцы чеканки по золоту и вообще ювелирного искусства Среднего царства.

Пирамида Сенусерта III находится приблизительно в километре к северу. Она серо-коричневая, ибо ее открытое внутреннее наполнение состоит из кирпича-сырца, высота ее незначительна. Однако первоначально это была самая стройная царская пирамида в Египте и — соотносительно с площадью основания — самая высокая; как установил де Морган по наклону сохранившихся угловых блоков (56°), высота ее достигала 77,7 метра. Ее строители по примеру пирамиды Сенусерта II отступили от строгого требования, согласно которому входной коридор должен был иметь ориентацию на север, и направили его на запад. Хотя тем самым духу царя был затруднен путь к неугасимой звезде над полюсом, зато появилась еще одна гарантия сохранности материальной основы его существования, т. е. мумии. По крайней мере так думал царь; но, несмотря на эту радикальную меру, несмотря на систему крайне запутанных коридоров и колодцев, его тело со всем «снаряжением» исчезло. В погребальной камере, покрытой броней гранитных плит и дополнительно защищенной тремя огромными блоками, остался только пустой саркофаг.

Третья из этих пирамид, южная, принадлежала царю Аменемхету III (по Манефону — Лахаресу). Это был преемник Сенусерта III, который, однако, в отличие от него искал славу не в завоевательных походах, а в крупномасштабном строительстве. Он приказал построить себе сразу две пирамиды, но, на удивление, самых обычных размеров и из обычного необожженного кирпича; гранит использовался только для укрепления камер и для пирамидиона (одного из немногих, которые удалось найти).

В Дашурской пирамиде он приказал сделать два входа: один — на традиционной северной стороне — вел в лабиринт коридоров, заканчивавшихся тупиками; через другой — в юго-восточном углу — можно по такому же лабиринту спуститься в погребальную камеру с красным саркофагом. Этими мерами предосторожности он совершенно сбил с толку грабителей, но еще более тем, что велел не хоронить себя там. Настоящую усыпальницу он приказал построить в пирамиде на юго-восточной окраине зеленого Фаюмского оазиса, который уже тогда был «садом Египта», близ нынешней деревни Хавара-эль-Макта.

Хаварская пирамида была центром вновь основанного царского некрополя, к которому, возможно, принадлежал и прославленный Лабиринт². Сейчас от нее остался лишь приплюснутый глиняный конус диаметром около 100 метров и высотой 20 метров. При взгляде на него решительно никто не сказал бы, что найдет в нем погребальную камеру, доселе еще невиданную. С южной стороны вниз ведет каменная лестница, от которой идут тупиковый коридор и коленчатый проход, заканчивающийся на десятиметровой глубине. Сама камера — прямо-таки чудо древнеегипетской техники: огромная усыпальница вытесана из цельной глыбы необычайно твердого желтого кварцита и весит свыше 100 тонн. Стороны камеры отшлифованы как алебастровая ваза; объем ее — 6,6X2,4X1,8 метра, крышка из кварцита имеет толщину 1,2 метра и вес около 45 тонн, сверху камера перекрыта двускатной крышей из двух известняковых блоков весом по 50 тонн каждый. На нынешнее место камеру опустили уже в готовом виде. Делалось это, вероятно, так: из-под камеры постепенно выгребали песок, которым была заполнена заранее подготовленная шахта. В 1889 году Питри тщетно пытался добраться до этой усыпальницы, но так и не нашел вход в пирамиду; тогда он по примеру древнеегипетских грабителей с помощью арабских рабочих начал копать туннель. После многих недель изнурительного труда он достиг цели, но через разбитую крышу в камеру проникла вода. Питри не отступил; разделся донага, погрузился в вязкую жижу (не обращая внимания на то, что мог заболеть бильгарциозом, ревматизмом, воспалением легких и т. п.) и в конце концов установил, что его опять опередили «эти чертовы парни, умевшие ограбить любую гробницу». Питри нашел в камере разбитые каменные поставцы для каноп и два саркофага. Он подумал, что глотнул слишком много виски из своей полевой фляги: два саркофага в одной

пирамиде? Нет, у него не двоилось в глазах. Факт оставался фактом. Впоследствии он из надписей узнал, что в одном из них вопреки всем обычаям похоронена дочь Аменемхота Птахнефру, которой, впрочем, принадлежала еще и расположенная неподалеку малая пирамида, а в другом — сам Аменемхет III...

Осмотр поля пирамид в Дашуре и Хаваре увел нас в сторону от пирамиды преемника Аменемхета II, которым был его сын Сенусерт II (по Манефону — Сесострис). Теперь мы уже не пройдем мимо нее — она стоит в 10 километрах юго-восточнее Хаварской пирамиды, в пустыне за деревней Иллахун. Формой и цветом она издали напоминает горб верблюда и возвышается над окружающей местностью на 15 метров; нижняя ее часть засыпана песком, кирпичи настолько выветрились, что лучше на нее не карабкаться, а если карабкаться, то босиком. Как установил при обследовании этой пирамиды в 1889 и в 1918 годах Питри, ее построили вокруг ядра из естественной скалы, которое перекрыли решетчатым каркасом из коротких, прилегающих друг к другу каменных блоков. При строительстве пирамиды исключительное внимание уделялось мерам предосторожности против грабителей: вход в нее впервые переместили с северной стороны на южную, подземные коридоры превратили в лабиринт с колодцами-западнями, погребальную камеру поместили примерно в 20 метрах сбоку от центра основания, где она, согласно обычаю, должна была находиться, и на глубине около 12 метров. Питри нашел в ней великолепный саркофаг из красного гранита и белый алебастровый жертвенный стол; в отвердевшей жиже на полу он обнаружил единственные известные к тому времени драгоценности, добытые из недр пирамиды: золотых священных змей-уреев с царской диадемы, случайно оброненных грабителями. В северной части комплекса он открыл восемь мастаб и руины малой пирамиды, принадлежавшей царице; в одной из гробниц на южной стороне, где была погребена дочь Сенусерта Сатха-гориунут, перед ним вновь заблестело золото (это было в 1920 году). Большую часть этого «Иллахунского сокровища» приобрел Метрополитен-музей в Нью-Йорке, остальное вместе с сокровищами из Дашура представляет наиболее ценные экспонаты «Зала драгоценностей» в северной галерее второго этажа Египетского музея в Каире.

Простившись с этой самой одинокой пирамидой, остановимся на обратном пути в деревне Мазгуна близ Дашура: там находятся развалины двух последних пирамид Среднего царства. Обе имеют основание 52,5X52,5 метра, в обеих — подземные лестницы с лабиринтом коридоров, в обеих — наземные части из необожженного кирпича.

У южной пирамиды сохранились остатки каменной ограды, тоже из кирпича-сырца; в погребальной камере этой пирамиды был найден саркофаг из кварцита, который ради сохранности увезли в Каир. В северной пирамиде такой же саркофаг еще стоит на своем месте; его тяжелая кварцитовая крышка лежит на полу, готовая к погребению уже без малого 3800 лет. К погребению, которое не состоялось... Ассистент Питри Э. Маккей, открывший в 1911 году эти пирамиды, южную приписал царю Аменемхету IV, северную — его сестре Себекнефрура, последней царице XII династии.

Но действительно ли принадлежали эти пирамиды у Мазгуны Аменемхету IV и Себекнефрура, с полной уверенностью сказать нельзя. В самих пирамидах не удалось обнаружить ни одной надписи, решительно это подтверждающей; не нашлось ни одного древнеегипетского документа, который бы об этом свидетельствовал. Но общим архитектурным замыслом и отдельными деталями они настолько похожи на пирамиды последних лет существования XII династии, что, по всей вероятности, Маккей не ошибся. С ним согласился Питри, согласилось и большинство египтологов, хотя некоторые из них осторожности ради за именами владельцев этих пирамид ставят вопросительные знаки.

При определении владельцев некоторых пирамид возникают трудности, а порой даже бурные споры и драматические события. Нелегко найти владельца развалин тысячелетней давности, если он не оставил на них следов; еще труднее найти для предполагаемого владельца пирамиду, если неизвестно, где он приказал ее построить. Археологам приходится опираться на косвенные данные, на различные «улики», на интуицию, подкрепленную знанием предмета; иногда им не остается ничего иного, как ждать счастливого случая и верить в удачу. Легко себе представить, сколько ошибок может при этом возникнуть, на скольких перекрестках грозит опасность выбора ошибочного пути, во сколько тупиков можно упереться. Такие поиски ничуть не проще работы следователя. Жаль, что какую-нибудь из этих историй не выбрала в качестве сюжета, например, Агата Кристи, которая хорошо знала Египет. Однако применительно к царям Шепсескара и Менкау-

хору (V династия), Усеркара (VI династия) и другим это были бы детективные романы без развязки. Так же пришлось бы завершить и детективные истории примерно 10 пирамид.

Вспомним, например, осмотр пирамидного комплекса Тети: мы видели там развалины заупокойного храма с малой пирамидой-спутницей и почти не обратили на них внимания. Эту малую пирамиду открыл в 1920 году Фёрс и после подробного обследования приписал ее царю Мерикара, что произвело среди египтологов сенсацию. Во-первых, потому, что Мерикара был царем IX или X Гераклеопольской династии, со времен которой не сохранилось ни одной другой пирамиды, а во-вторых, потому, что этот царь был необычайно примечательной личностью. Хотя его имя не встречается ни в «Царских списках», ни у Манефона, но мы знакомы с ним, так как к нему обращено известное «поучение» («Поучение гераклеопольского царя своему сыну Мерикара»), представляющее в своем роде явление совершенно исключительное,— ведь это, вероятно, первое политическое сочинение в мировой литературе. В нем приводятся принципы, которых должен придерживаться властитель, и многие из них весьма разумны: «Не отличай сына знатного человека более простолюдина, а приближай [человека] согласно его делам... Остерегайся карать несправедливо; не казни... пусть будет осужден [лишь] мятежник, злые умыслы коего доказаны... Возвеличивай сановников твоих, чтобы они творили твои законы». Хотя непосредственно в самой пирамиде Фёрс никаких надписей не нашел, он приписал ее Мерикара потому, что в окрестностях были найдены мастабы его сановников с его именами и титулами. «Этот аргумент не лишен здравого смысла,— написал Вандье в „Руководстве по египетской археологии“ (1954) после нескольких лет дискуссий и споров,— и все же, судя по расположению этой (малой) пирамиды и по отсутствию возле нее модельни, кажется более правдоподобным, что перед нами всего лишь ритуальная пирамида». Такая точка зрения перевесила, и сейчас весь бум вокруг этой пирамиды напоминает круги на воде, оставшиеся от затонувшего корабля. Ни Лауэр в «Проблеме египетских пирамид», ни Эдварде в «Египетских пирамидах» не проронили о ней ни слова.

Или другой пример. Когда мы находились возле развалин пирамид в Завиет-эль-Ариане, нам не оставалось ничего другого, как признать, что их владельцы нам с достаточной достоверностью неизвестны. С рядом пирамид дело обстоит еще хуже. Это касается прежде всего малых пирамид в Силе, Завиет-эль-Мейтине, Негаде и Эль-Куле; всего их, как мы видели, семь, и с некоторой долей вероятности о них можно сказать лишь то, что они относятся к периоду III династии. Мы не знаем даже владельцев двух больших пирамид в самых известных некрополях. Одну из них мы уже посетили: она лежит в развалинах к юго-западу от пирамиды Джедефра в Абу-Роаше. Вторая представляет собой самую южную пограничную отметку погребального комплекса в Саккара.

Безымянную пирамиду в Абу-Роаше открыл в 1843 году Лепсиус. Он осмотрел ее и измерил то, что от нее осталось; спустился он и в ее погребальную камеру и нашел там саркофаг, но без надписи. Отсутствие достаточного количества сравнительного материала не позволило ему определить время ее постройки; хотя с тех пор археология продвинулась вперед, процесс разрушения пирамиды опередил развитие этой науки. Когда в 1947 году сюда пришли голландские археологи, получившие концессию на обследование прилегающего к пирамиде погребального комплекса, они вынуждены были констатировать то же, что и британские археологи в 1922 году: к сожалению, мы пришли слишком поздно. От старожилов они узнали, что перед войной «неверных» 300 верблюдов в течение многих месяцев переносили отсюда строительный материал в Каир...

Безымянная пирамида в Саккара, незаконченная и разрушенная, скрывается среди песчаных барханов примерно в километре к юго-востоку от «Мастабы фараона» Шепсескафа. Открытие ее включил в список своих находок Жекье, который в 1929—1930 годах производил здесь раскопки. Площадь ее в плане примерно 80X80 метров, над землей выступает лишь несколько слоев необожженных кирпичей и сохранившаяся кое-где кирпичная ограда. В подземную часть пирамиды спускается каменная лестница, от которой отходит несколько коленчатых коридоров, ведущих мимо ряда помещений к двум погребальным камерам. Все коридоры и помещения облицованы белыми известняковыми плитами; в меньшей камере находится кварцитовый саркофаг, большая — вся из кварцита, а размерами и весом (160 тонн) даже превышает погребальную камеру Хаварской пирамиды... Время ее возникновения достоверно определить не удалось; она относится к концу XII династии, возможно, к началу XIII или XIV.

«Просто поражаешься, когда обнаруживаешь столь совершенное архитектурное творение в такую бедную значительными сооружениями эпоху...— писал Вандье.— Подземная часть безымянной пирамиды в Саккара заставляет вспомнить о подземелье пирамиды Хуфу и по праву вызывает у нас величайшее восхищение».

Таково поистине неожиданное завершение нашего путешествия по пирамидам, владельцев

которых египтологи до сих пор не нашли. Однако существует еще одна царская пирамида, построенная после падения Среднего царства, владельца которой мы почти не знаем.

Последнюю царскую пирамиду в Египте, которую удалось открыть и идентифицировать, приказал построить не очень известный властитель начала Второго переходного периода Хинджер. О нем ничего не говорит Манефон, его не упоминают «Абидосский» и «Саккарский» списки царей; имя его зафиксировано среди сотни других столь же мало известных имен лишь в Туринском папирусе. Большинство египтологов, например Дриотон и Вандье, Эдвардс, Шток и др., относят его к XIII династии; иные, в том числе З. Жаба, — к XIII—XIV династиям, ибо при нынешнем уровне наших знаний эти династии еще нельзя четко отделить друг от друга. Правил он в XVIII—XVII веках до н. э., и, кажется, очень недолго; власть его, вероятно, распространялась лишь на Нижний Египет.

Для своей пирамиды Хинджер избрал небольшую возвышенность в южной части некрополя Саккара, примерно в 200 метрах к северу от безымянной пирамиды. В 1931 году открыл и откопал пирамиду Хинджера все тот же Щекье. От наземной части уже мало что оставалось, от построек в округе пирамиды — тоже; но для установления ее основных параметров этого оказалось достаточно. До разрушения площадь ее основания равнялась 52,5X52,5 метра, наклон сторон — 56°, а высота — 37,4 метра; построена она была из необожженного кирпича и облицована белыми известняковыми плитами, вершину украшал черный гранитный пирамидион. Пирамиду ограждали две стены: внутренняя — из известняка и внешняя — из кирпича-сырца; между ними скрывались три гробницы, а в северо-восточном углу стояла пирамида-спутница. Ориентация пирамиды относительно сторон света была не слишком точна, заупокойный храм находился на восточной стороне, вход в подземелье был расположен к югу от центра западной стороны.

По своей поверхностной части и прилегающим постройкам эта пирамида родственна пирамидам конца XII династии, а подземной частью даже очень близка им. Мы не знаем, старше она или моложе соседней безымянной пирамиды, но несомненно меньше и скромнее ее. В подземелье надо спускаться по 53 ступеням лестницы, вырубленной в естественной скале; за нею лежит трижды меняющий свое направление под прямым углом и местами расширяющийся коридор, от которого ведут три прохода к погребальной камере. Эта камера опять-таки представляет собой саркофаг, вытесанный из необычайно твердого желтого кварцитового монолита и весящий около 60 тонн; перекрывает ее мощная кварцитовая крышка; над нею — высокая двускатная кровля из известняковых плит. В пирамиду погребальная камера была спущена уже готовой; яма, на дне которой она покоится, имеет глубину 12 метров. Гребень кровли почти достигает основания пирамиды; над ним — свод из необожженного кирпича, который призван рассредоточивать давление верхних слоев. Свод этот после раскопок Жекье остался открытым — это первый и самый древний истинный свод, который до сих пор освещается солнцем.

Вся подземная часть, на удивление, хорошо сохранилась, так же как коридоры и камеры пирамиды-спутницы. Ее основание имело площадь 26,3X26,3 метра, построена она была тоже из необожженного кирпича и облицована известняком. Вход расположен на восточной стороне; от лестницы ведет коридор с двумя боковыми помещениями; пройдя их, мы оказываемся в передней двух погребальных камер. Камеры того же типа, что и в главной пирамиде, однако практически они не были использованы. Скорее всего, в них должны были обрести вечное упокоение жены царя; возможно, они его пережили и пали жертвами какого-нибудь переворота, так что их погребение перестало быть делом государственной важности... Самого царя по всем правилам похоронили в пирамиде, а затем его гробницу также по всем правилам ограбили.

От заупокойного храма сохранились лишь разбросанные камни, от «восходящей» дороги — только следы, от нижнего храма не сохранилось ничего. Однако у северной стороны пирамиды Жекье откопал остатки молельни, про-валившийся потолок которой украшал необычный рисунок, изображавший гигантскую змею. Из трех гробниц, что находились между внутренней и внешней стенами, Жекье обследовал лишь одну; нашел в ней два саркофага из кварцита и один из известняка. В каменном крошеве и слежавшемся песке вокруг пирамиды он вместе со своими работниками собрал сотни осколков различных сосудов и мелких предметов из царской погребальной утвари, потерянных грабителями или выброшенных ими за ненадобностью; среди них был и разбитый пирамидион. На нем, как и на фрагментах нескольких сосудов, обнаружены надписи с именем Хинджера.

Развалины пирамиды Хинджера не только выдали имя ее строителя и владельца — они

сохранили для нас и его портрет. Это небольшая, довольно грубо изваянная статуя, ныне затерявшаяся среди прекрасно обработанных величественных статуй Аменхетов и Сенусертов в нижней западной галерее Египетского музея в Каире. Хинджер в соответствии с традиционной трактовкой образа царя изваян с коротким нарядным платом на голове и священной зме-ей-уреем на лбу. Своих соседей и предшественников он напоминает лишь чрезмерно большими оттопыренными ушами; низкий лоб, почти негроидные черты несколько мясисто-го лица, строгое и мрачное выражение глаз. А может быть, мы все это придумали, однако кажется, словно в лице его какая-то растерянность с оттенком пессимизма.

Нам известно то, чего Хинджер не знал или что в лучшем случае лишь предчувствовал: дни его власти были сочтены, и вскоре страна должна была надолго подпасть под гнет чужеземцев. Возможно, он сам способствовал этому, оказавшись не в состоянии удовлетворить потребности народа и защитить границы государства; возможно, большая вина лежала на его предшественниках и преемниках. Но это вопрос, на который не дают ответа ни каменное лицо Хинджера, ни его пирамида.

«Насколько нам известно», как обычно говорят египтологи, преемники Хинджера уже не строили себе пирамид ни в период бурь перед гиксосским потоком, ни находясь под его беспокойными, мутными водами в течение 108 лет, ни в то время, когда из отхлынувших вод вынырнуло Новое царство.

Вполне понятно, что столь большие и дорогостоящие постройки, какими были пирамиды, оказались не по плечу правителям, кратковременно находившимся у власти после падения Среднего царства. В длинной их веренице Хинджер был поразительным исключением, как и его анонимный сосед. Что касается гиксосских правителей, то тут дело тоже ясное — пирамиды были гробницами египетских царей, а гиксосских царей хоронили по их собственным обычаям. Но почему не вернулись к строительству пирамид правители Нового царства?

Средства на это у них имелись: они вновь правили объединенным Египтом, были такими же равными богам деспотами, как и их предшественники времен Древнего и Среднего царств, а богатством и могуществом даже превосходили их. Земля давала щедрые урожаи, царские житницы столетиями не оскудевали, торговля с другими странами впервые приносила правителям Египта неведомые дотоле товары и доходы, победоносные войны обеспечивали поступление дани с завоеванных областей и приток рабов; слово фараона было законом от нубийских порогов до ливийских оазисов и от ливийских оазисов до берегов Евфрата. Храмы Аменхотепа III и Рамсеса II (а также и менее великих властителей) доказывают, что ими владела настоящая строительная лихорадка. Им ничто не могло бы помешать, если бы они вздумали построить такие же достигающие небес гробницы, как Великая пирамида; сотни тысяч людей на обоих берегах Нила, подобно трудолюбивым муравьям, выполнили бы их повеление.

О причинах, побудивших их отказаться от строительства пирамид, эти цари не оставили нам сообщений. Но ясно как божий день: их научил исторический опыт. Пирамиды Древнего царства были крепостями, которых не смогла бы взять атакой ни одна тогдашняя, а может быть, и современная армия... И все же они капитулировали перед грабителями. Ни к чему оказались миллионы каменных блоков, защищавших усыпальницы с телами мертвых царей и погребальной утварью; ни к чему оказались стены, которые их огораживали, и тяжелые глыбы, преграждавшие путь внутрь пирамид; неэффективными оказались все грозные религиозные и юридические санкции против нарушителей их неприкосновенности...

Пирамиды Среднего царства превзошли и эти крепости — не массивностью, а хитроумной системой защитных мер. Их тщательно замаскированные входы были расположены как раз там, где менее всего можно было ожидать; их коридоры превратились в подземные лабиринты с тупиковыми шахтами, с тайными выходами в потолке или в полу; подступы к погребальным камерам были завалены камнями и преграждены провалами-западнями; саркофаги превратились в непроницаемые сейфы. Но все было напрасно — мумии царей опять-таки ничто не спасло.

Мы восхищались зодчими Древнего царства: как мастерски разрешили они задачи, поставленные перед ними правителями и жрецами, как хорошо умели мыслить и считать в таких гигантских масштабах! Мало того, архитекторы Среднего царства сделали практические выводы из технологии и методики грабителей и даже заставили своих заказчиков отказаться от выполнения строгих ритуальных предписаний. Никакое задание не казалось им невыполнимым, если речь шла о надежности защиты царской гробницы, а рабочие-строители всякий раз с поразительным совершенством реализовывали их замыслы. Только представим себе, как трудно было, например, вытесать саркофаг или целую погребальную камеру из глыбы, весящей свыше ста

тонн, причем из кварцита, по твердости равного стали! А чего стоили доставка такого саркофага на место строительства и спуск его в яму глубиной 10 метров и более!

Какой это был адский труд — в непроницаемой тьме, в удушающей пыли пробивать подземные коридоры длиной в несколько сот метров! Это был предел человеческих возможностей — архитекторы Нового царства уже не могли предложить своим повелителям никаких усовершенствований.

Но к панегирику этим древним архитекторам и рабочим мы должны присоединить и слова восхищения в адрес тех, кто делал бессмысленными все их усилия,— в адрес древнеегипетских грабителей. Оставим в стороне моральную оценку их действий, ведь применительно к людям, противопоставившим себя царям, она неуместна; не станем даже говорить о «восстановлении справедливости». Питри проклинал древнеегипетских грабителей словами, которые ввиду бедности английского языка ругательствами вынужден был заимствовать у местных погонщиков ослов и верблюдов; но изобретательностью и упорством этих грабителей он восхищался не менее, чем изобретательностью и упорством строителей пирамид. Масперо, Лоре, Борхардт, Картер и многие другие, не говоря уж о Бельзони, зайдя со своим археологическим опытом в тупик, всегда спрашивали себя: «Как бы поступил на моем месте древнеегипетский грабитель?»

Профессионалы, стоящие на стороне закона, тем самым отдавали должное профессиональному мастерству врагов закона; примерно так же следователь способен оценить ловкость взломщика сейфов или работник контрразведки — изворотливость шпиона. Если археологи в чем-то и упрекали грабителей, так только в том, что, «к сожалению, они слишком хорошо знали свое дело». И впрямь, фантастические вещи совершали эти парни! Они прорубили в Великую пирамиду коридор, по которому мы входим в нее и по сей день, при этом они вынули каменную массу, примерно в два раза превышающую тот объем, который отряды аль-Мамуна устранили с помощью таранов. Они прорыли туннель в пирамиду Унуса, по которому в нее проник Масперо; для Фёрса провели туннель в пирамиду Усеркафа, для Бор-хардта пробили вход в пирамиду Ниусерра; если какому-нибудь археологу и удавалось вступить в какую-то пирамиду через ее первоначальный вход, то исключительно благодаря тому, что этот вход открыли до него грабители. Причем в 90% случаев они шли к цели кратчайшим путем; когда Питри сонсршил подкоп иод Канарскую пирамиду, он натолкнулся на лаз, выкопанный грабителями; когда грабители остановились перед погребальными камерами пирамид в Лиште, на том же самом месте пришлось остановиться и археологам. Грабители всегда точно знали, где кончается тайный коридор, когда выход из лабиринта нужно искать в потолке, а когда надо вынуть плиту из пола. Замыкающие блоки грабители умудрялись разбить или обходили, прорубив боковую штольню; в неприступной погребальной камере Хинджера, не видя иного выхода, просверлили небольшое отверстие, в которое спустили на канате ребенка и с его помощью «выудили» содержимое. Успех, которого эти грабители достигали в каждом отдельном случае, настолько полный, что это нас даже раздражает.

Проходя сегодня по подземелью какой-либо не посещаемой туристами пирамиды, мы кажемся себе необыкновенными смельчаками. Луч карманного фонаря превращает стены в кулисы страшного замка, пыль щиплет глаза, во рту пересохло, скрип камней под ногами звучит так, будто за нашей спиной закрываются адские врата. А грабители здесь работали! С медным долотом и молотком из долерита, в слабом свете масляной лампы, на животе, под обломками обваливающихся камней, в постоянном страхе они трудились до изнурения долгие недели, месяцы, а может быть, и годы! Как они выдерживали это, если нас даже обычное посещение таких мест настолько изматывает, что сорокаградусную жару под кобальтовым небом мы воспринимаем как избавление от мук? И как сумели они избежать ловушек и западней царских архитекторов, как удавалось им ускользнуть с награбленными сокровищами? Питри как-то заявил, что тут не обошлось «без вмешательства нечистой силы». Он имел в виду не чары и волшебства, а «профессиональную помощь» и пытался обнаружить ее следы — ведь это тоже имеет отношение к загадкам пирамид. Он отправился по стопам грабителей и установил, что те большей частью шли наверняка — по следам архитекторов.

Несомненно, всегда бывали люди, в особенности из рядов надсмотрщиков и десятников, которые запоминали тайну входа и размещение камер и хотя бы на смертном одре сообщали ее сыновьям; сыновья этих сыновей дожидались поры, когда в связи с упадком государственной власти пирамиды переставали охранять, и превращали свои знания в золото. Не исключено, что эту профессиональную помощь предоставляли грабителям (естественно, за соответствующую долю прибыли) сановники и жрецы, в обязанности которых входила забота о пирамидах; весьма вероятно даже, что при анархии, наступавшей в «переходные периоды», они сами и организовывали ограбление гробниц своих царей и богов. Прямых свидетельств о грабежах в пирамидах, относящихся к эпохе

строительства пирамид, до нас не дошло, но в нашем распоряжении есть документ периода Нового царства об ограблении царских гробниц в Долине царей — папирус с судебным протоколом обследования гробниц и допроса грабителей во время царствования Рамсеса IX. Шайка грабителей состояла из лиц низкого общественного и имущественного положения: каменотеса Хапиура, плотника Ирамуна, крестьянина Аменемхеба, гребца Ахауи, раба-нубийца Ахаутинефера и др. Однако создается впечатление, что каким-то образом в этом деле были замешаны и высокопоставленные вельможи — члены суда: начальник западной части Фив, т. е. сановник, которому был доверен надзор над Долиной царей, Паверо и даже сам начальник всей Фиванской области, верховный сановник Хаэмуас. Кто и как грабил пирамиды, мы не знаем и, вероятно, уже не узнаем. Передадим, однако, слово Картеру, который живописно воссоздает картину ограбления гробниц фараонов Нового царства:

«Можно себе представить, как грабители готовились в течение долгих дней, как по ночам они тайком собирались у скал, подкупали или оглушали стражу Города мертвых, а затем под покровом темноты начинали с лихорадочной поспешностью рыть подземный ход. Сквозь узкую нору проникали они в погребальную камеру гробницы, при колеблющемся свете факелов беспорядочно обыскивали ее, собирая сокровища... Фараоны, окружая свои мумии изысканными и дорогостоящими предметами, которые, по их мнению, были необходимы для поддержания царского достоинства, сами обрекали свои погребения на гибель. Искушение было слишком велико. В гробницах покоились сокровища, превосходящие самые алчные мечты, и, чтобы овладеть ими, нужно было только найти способ добыть их. И могильные воры рано или поздно добирались до этих богатств»³.

Итак, тысячелетний опыт показал, что пирамиды не выполняют свою главную и важнейшую функцию. Это не было, однако, единственной причиной, по которой перестали их строить. Египтологи с самого начала указывали на это, и не их вина, что многие авторы научно-популярных книг о Египте, не придав сему должного внимания, упростили всю проблему. Правители Нового царства были родом из Фив и в отличие от царей XII династии не переселились на север; они остались верны и старой фиванской традиции, по которой умерших царей хоронили в подземных скальных гробницах. Первый фараон Нового царства, Яхмос, еще колебался; так же как Ментухотеп, он повелел увенчать свою символическую гробницу в Абидосе небольшой пирамидой. Но похоронить себя он приказал в скальной гробнице у подножия горной цепи Дра абу-ль-Негга, неподалеку от своих давних предшественников из династии Интефов. Последующие фараоны продолжили эту традицию; опыт захоронения в пирамидах они использовали только для того, чтобы надежнее укрыть свои гробницы. После Яхмоса преемники Аменхотепа I даже покинули слишком хорошо известный и легкодоступный некрополь под Дра абу-ль-Негга, и Тутмос I основал новый за узкой скальной расщелиной, которую можно было без труда охранять, — в нынешнем Бибан-эль-Мулук, или Долине царей. В Долине царей, где пирамиду напоминает лишь оваянная ветрами вершина Эль-Корн, повелевали вытесать для себя гробницы все фараоны Нового царства, причем, так же как Тутмос I, проявляли большую заботу о со-хранении тайны захоронения. «Я сам надзирал за строительством царской скальной гробницы в уединении. Никто этого не видел, никто этого не слышал», — приказал высечь на стене своей гробницы главный архитектор Тутмоса I Инени. «Инени, надо думать, нашел средство заставить их (строителей.— В. З.) молчать,— замечает по этому поводу Картер.— Не исключена возможность, что в работе участвовали военнопленные. По окончании ее их всех перебили».

Итак, от достигающих неба гробниц, которые своей величиной как бы заявляли: «Нам есть что скрывать», самые могущественные цари Египта перешли к скрытым от посторонних глаз гробницам без надгробий, к строго засекреченным усыпальницам под землей. Но и это им не помогло; кроме небольшой гробницы фараона Тутанхамона, их подземные тайники были ограблены с такой же ловкостью и с такой же основательностью, как и пирамиды...

Однако пирамиды на египетской почве еще появлялись. Правда, это были уже не царские гробницы, а всего лишь небольшие, высотой в несколько метров, кирпичные надгробия, снаружи оштукатуренные, а внутри сводчатые. Их строили для себя чиновники и ремесленники в Дейр-эль-Медине на западном берегу Нила, напротив Луксора, и в других местах погребений, в том числе в далекой Анибе, к югу от Асуана. Их возводили за склепом, а иногда даже на крыше склепа; верхушку обычно украшал декоративный пирамидион. Последние такие пирамиды относятся к концу Нового царства.

По образцу египетских пирамид строили себе надгробия и цари Куша в нынешнем Судане рядом со своими столицами Напата (у Четвертого нильского порога) и Мероэ (между Пятым и Шестым

порогами). Сохранилось около 120 таких пирамид; самые древние относятся к концу VIII века до н. э., т. е. ко времени XXV династии, самые поздние — к середине IV века до н. э. Ни одна из этих пирамид не имеет основания более 12 метров в длину и, несмотря на крутой наклон стен, не достигает более 20 метров в высоту.

Одна пирамида возникла в древности и на территории Европы. В конце I века до н. э. она была построена в честь бывшего римского претора в Египте Гая Цестия. Площадь ее основания— 29,5X29,5 метра, высота — 36,4 метра, кладка монолитная, внутри — сводчатый потолок, снаружи пирамида облицована плитами из белого мрамора. Она стоит у ворот собора святого Павла, и, как ни странно, это наиболее хорошо сохранившийся древний архитектурный памятник Рима.

Но я упоминаю об этом лишь ради полноты освещения темы. С последней настоящей пирамидой мы расстались на белом, залитом солнцем плато в Саккара — в той самой Саккара, где мы познакомились и с первой пирамидой. Все же перечисленные нами под конец пирамиды — лишь небольшие памятники, о которых никто не скажет: «Их величества пирамиды».

IV. ПРИЛОЖЕНИЕ

Глава XII ПОСЛЕДНИЕ ЗАГАДКИ

Наше странствие по следам древнеегипетских пирамид завершилось: мы осмотрели 34 царские пирамиды и 43 пирамиды-спутницы; останавливались и у развалин, о которых трудно сказать, остатки это пирамиды или какого-нибудь иного сооружения. Мы ознакомились со свидетельствами древнегреческих и римских путешественников, средневековых арабских авторов, европейцев, посетивших Египет в новое время, и самих древних египтян. Проследили за теми, кто стремился приподнять завесу над тайнами пирамид: от первых смельчаков, взобравшихся на них и проникших в их недра, до современных исследователей из европейских и американских университетов и египетской Службы древностей. Мы остановились на самом главном и существенном из того, что известно о пирамидах и что считается еще не решенным. На этом можно было бы поставить точку.

Тем не менее мы не спешим расстаться с пирамидами. Осталось множество не затронутых нами вопросов, которыми занималось немало людей, и множество сочинений, о которых мы не упомянули. Авторы этих сочинений, людей, занимавшихся этими вопросами, принято называть «пирамидологами». Звучит это внушительно. Однако ученые исключают их из своего круга. А многие даже считают, что их не следовало бы так называть, поскольку слово «логос» в данном случае употреблено не к месту. П. Ф. Уилер, старый соратник Рейснера по раскопкам в Гизе, предложил именовать их «пирамидиотами»; впоследствии этот неологизм ввел в литературу Котрелл в «Горах фараонов» (1956), назвав главу о великом магистре этой дисциплины, астрономе шотландского королевства Смите «Великий пирамидиот». Борхардт для обозначения подобной деятельности пользовался термином «пирамидомания».

«Пирамидиотизм» или «пирамидомания» отнюдь не лестные названия для дисциплины, провозглашающей себя научной, но — увы — очень точные. Дело в том, что это не научная, а псевдонаучная дисциплина, имеющая к египтологии такое же отношение, как алхимия к химии. Притом алхимики все же были предшественниками химиков и в поисках камня мудрости и золота открыли различные новые вещества; здесь же речь идет о людях, злоупотребляющих открытиями египтологии. На вид их деятельность выглядит безвредной и порой даже не заслуживает внимания, но иногда они вторгаются на территорию науки, и той приходится защищаться. Распространяя догадки и вымыслы, выдаваемые за научные теории, подобные псевдоученые не могут нанести человечеству слишком большой ущерб, но и малый ущерб — тоже ущерб.

Египтологи стараются не обращать внимания на «этих людей», но подчас у них лопаются терпение, и они берут слово, чтобы предостеречь общественность. Лауэр посвятил «этим людям» две главы своей книги «Загадки египетских пирамид», Вандье в «Руководстве по египетской археологии» отвел им целый раздел; оба столь серьезно сопоставили их вымыслы и расчеты с фактами, что само собой возникает ироническое отношение к пирамидологам. Капар тоже использовал против них юмор и сатиру: в книге «Мемфис в тени пирамид» он охарактеризовал их как изобретателей некоей математическо-мистической религии пирамид. Жекье придерживался

мнения, что «эти бредни, плод ума и фантазии», не заслуживают внимания, как отмечено им в статье «Так называемые секреты Великой пирамиды», по счел нужным «оградить общественность от их предсказаний, подкрепленных наукообразными рассуждениями». С немецкой пунктуальностью Борхардт свел с ними счеты в лекции «Против цифровой мистики вокруг Великой пирамиды в Гизе», которую завершил словами: «Собственно, даже не знаешь, жалеть ли автора или осуждать издателя, распространяющего такую ахинею». Не будем цитировать прочих наших старых знакомых, с которыми мы встречались, путешествуя по полям пирамид, ограничимся лишь ссылкой на Эрмана, который писал в «Египте фараонов»: «...даже в наши дни все еще можно видеть вспышки подобных бредней, хотя, казалось бы, целый век исследований давно должен был заставить их исчезнуть».

«Пустая фантазия», «бредни», «ахинея» — с такими выражениями мы до сих пор у египтологов не встречались. Что спровоцировало их на столь резкие высказывания (которые, между прочим, доказывают, что они отнюдь не ученые сухари, а люди, способные на эмоции)? Уж не гнев ли на то, что какие-то любители и дилетанты при исследовании пирамид достигли большего, чем официальная наука? И в чем, собственно, сущность этих решительно осуждаемых, но, несмотря на это, упорно бытующих теорий?

Итак, приступим к изложению по всем правилам: первооткрыватели самых сокровенных тайн пирамид, тайн, с которыми мы пока не имели удовольствия познакомиться, традиционно делятся на две группы. Первую составляют «религиозные мистики», вторую — «цифровые мистики»; их можно подразделить также на «истолкователей» и «пророков». Благодаря всеобщему прогрессу науки и техники мы можем присоединить к ним сегодня еще и «фантастов космического века».

Между отдельными группами «пирамидологов» нет постоянной и точной границы; во многом они различаются, но во многом и совпадают. Поэтому будет целесообразнее сначала выяснить, что их объединяет, а потом уже поговорить об отдельных представителях «пирамидологии». Понятно, не обо всех, только о самых известных.

Этих людей объединяет прежде всего высокомерное отношение к египтологии и пренебрежение к ее «приземленным данным». Большая часть их не затрудняла себя изучением египетской истории, культуры, религии, погребальных обычаев и, как это ни странно, даже архитектуры. Никто из них никогда не утверждал, будто умеет прочесть иероглифический или иератический текст; за некоторыми исключениями, они не знают памятников египетской письменности даже по переводам. Мало кто из них видел пирамиды собственными глазами и допускает, что это были гробницы. Они почти всегда говорят не о пирамидах, а только об одной Великой пирамиде в Гизе. Как будто других и не существует.

«Было много споров о назначении пирамид,— писал более ста лет назад (в 1872 году) Мариетт,— но почему-то одна лишь пирамида Хеопса всегда служила отправной точкой для различных вымыслов. Мы хотели бы обратить внимание на то, что нет причин считать, будто пирамида Хеопса имела иное значение, чем остальные шестьдесят с лишним египетских пирамид». Полстолетия спустя (в 1922 году) Борхардт сказал: «Великая пирамида, к которой относятся все эти теории, основанные на цифрах и мерах, не скрывает в себе никаких тайн. Это одно из надгробий среди множества других, и от прочих надгробий этого рода ничем существенным не отличается. Даже величина этой пирамиды не дает оснований особо ее выделять, как это постоянно практикуется. Да, когда-то она была примерно на 3,5 метра выше, чем вторая гизехская пирамида, но я решительно не уверен, что кто-нибудь замечал это, когда обе они еще были в полной сохранности, дело в том, что основание этой второй пирамиды находится на 11,11 метра выше основания первой». Кроме того, что сейчас нам известно большее число пирамид, чем столетие назад было известно Мариетту, к этому нечего добавить.

Основателем пирамидологии считается Джон Тейлор, автор сочинения «Великая пирамида: для чего и кем она построена?» Он был книгопродавцем в Лондонском университете (а не профессором его, как это иногда утверждается) и свое сочинение издал в 1859 году после тридцатилетней подготовки, причем опирался на результаты измерений Гривса, Виза и Перринга и в особенности на знание Библии и элементарной математики; Египта он никогда не посещал. По его убеждению, Великая пирамида не была гробницей и строителями ее были не египтяне. Возникла же она «около 2400 года до рождества Христова», как он рассчитал на основе Библии, «т. е. через 1600 лет после сотворения богом Адама». Правда, состояние математических, астрономических, архитектурных и других знаний было тогда на таком низком уровне, что люди не смогли бы ее построить, и, следовательно, им неминуемо должен был помочь бог, который им эти знания внушил». Но поскольку египтяне были язычниками, «крайне сомнительно, чтобы бог оказал им такую милость». В самом деле, как нам известно из египетской истории, «эта страна была покорена властителями пастухов с Востока», принадлежавшими к «избранной богом расе», и «те потом построили Великую пирамиду». Итак,

пирамида — творение божье или по крайней мере вдохновенное богом, и именно под этим углом зрения ее надо рассматривать.

Другие пирамиды Тейлора не интересовали, одна только Великая; не интересовали его ни прилегающие постройки, т. е. верхний и нижний храмы, ни «восходящая» дорога, ни что-либо другое в окрестностях пирамиды. Не беспокоило его и противоречие, связанное с тем, что, когда «властители пастихов», т. е. гиксосы, вторглись в Египет, эта пирамида, по его же собственным расчетам, стояла там уже многие века. Ему было также ясно, что это не гробница какого-нибудь языческого царя, и он даже не затруднял себя аргументами: ведь бог не унизился бы и не стал помогать язычникам в таком строительстве! А как же быть с погребальной камерой и саркофагом, притом еще насильственно вскрытыми и ограбленными? Разве это не доказательство того, что там кто-то был похоронен? Но Тейлор отвергал и этот довод. У постройки было иное назначение, куда более высокое. Бог явил и прямо материализовал в ней «основы математических и геометрических знаний, дабы навеки сохранить их для тех, кто способен их понять и ими пользоваться». На этом Тейлор и сосредоточил свое внимание.

Главная задача изучения пирамиды, которую поставил перед собой Тейлор, заключалась в том, чтобы установить, какими единицами измерения пользовались ее строители. Поскольку о египетских мерах длины Тейлор ничего не знал, ему пришлось их «сконструировать», т. е. выдумать; в 1864 году он издал специально посвященное этому исследованию «Битва за стандарты». Еще ранее этой проблемой занимались Ньютон (в связи с «Пирамидографией» Гривса), Жомар (в «Описании Египта») и др., но Тейлор пришел к неизмеримо более интересным результатам — он изобрел так называемый «пирамидальный дюйм», который с отклонением всего в одну тысячную равнялся английскому дюйму (2,54 см), а затем и так называемый «пирамидальный локоть», равный 25 «пирамидальным дюймам» и 25,025 английского. Вдобавок он установил, что объем саркофага составлял 4 английских квартера (290,94 л) с небольшим отклонением, т. е. что это не саркофаг, а прототип английской меры зерна. Данные, на основе которых он вычислил «пирамидальные единицы измерения», отличаются от действительной длины сторон пирамиды на 2,1 — 2,3 метра, а от действительной высоты пирамиды — на 2,5 метра; хотя это и не большое расхождение, тем не менее с помощью этих данных Тейлору удалось доказать, что «периметр основания пирамиды равен длине окружности, радиусом которой является высота пирамиды». Это был первый шаг к целому ряду фантастических открытий. Строители пирамид, оказывается, знали Лудольфово число, «золотое сечение», способ вычисления длины окружности, даже квадратуру круга.

У Тейлора, как у всякого основоположника нового учения, естественно, были предшественники. К ним принадлежали, например, Юлий Гонорий и Туранний Руфин, жившие в IV и V веках н. э. и считавшие пирамиды творениями евреев, и в особенности аль-Масуди, живший в IX—X веках н. э.; согласно его сообщению, царь Су-рид повелел оставить в пирамидах записи о достижениях науки и о мудрости жрецов. Тейлор, несомненно, знал о своих предшественниках, хотя бы по упоминаниям и цитатам в труде Виза и Перринга. Но он, вероятно, не знал сочинений Фридриха Рёбера, который первый утверждал, будто строителям пирамид было известно «золотое сечение» (т. е. такое соотношение двух отрезков, при котором более короткий относится к более длинному так же, как более длинный к сумме обоих), хотя открытие «золотого сечения» обычно приписывается лишь Пифагору, а сам термин — Кеплеру. Сочинения Рёбера с очень длинными названиями вышли в Дрездене в 1854 и 1855 годах, но каким образом их автор (торговец, дилетант в архитектуре) пришел к своим открытиям, мы, к сожалению, не знаем; даже Борхардту, по его собственному признанию, не удалось «постичь этот метод».

Большинство последователей Тейлора оставило почву христианской религии, хотя и не всегда — почву Библии; некоторые из них даже нарекли Великую пирамиду «каменной библией», из которой можно вычитать всю мудрость, все прошлое и все будущее человечества, нарекли «календарем судеб человечества». Тем самым они возвысили изучение этой пирамиды над всеми науками; к чему заниматься историей, политикой, философией, социальным прогнозированием и т. д. (включая экономическое планирование, добавили бы мы сегодня), если все прошлое и грядущее на этом спето уже каким-то образом запечатлено в Великой пирамиде? Достаточно вычитать это из нее: из ее размеров и из соотношений между ее размерами, из углов наклона ее коридоров и расположения камер, из символического значения отдельных помещений, из ее местонахождения в «центре тяжести континентов» и т. п. Все дело лишь в методе: одни отдавали предпочтение математическому подходу, другие — мистическому. Однако многие вообще не раскрыли нам, каким путем они шли, и даже скрыли от нас результаты своих исследований.

Менее всего удалился от христианской религии англичанин Дж. Р. Скинвер, выступивший с книгой «Ключ к еврейско-египетской тайне источников мер» (1894). Но он не встал над христианством, а погрузился в его ветхозаветные истоки, причем, чтобы лучше их понять, обратился к кабале¹. Он был убежден, что Великая пирамида в системе своих мер, т. е. «в цифрах и символах», выражает ту же древнюю мудрость, которую «в слове и графике» содержат старинные

еврейские тексты. Он так глубоко проник в тайное учение кабалы, что его сочинения могут понять только посвященные. То же можно сказать о сочинении его французского последователя Э. Шуре «Великие посвященные», из которого явствует лишь то, что в Египте существовало «владычество приверженцев тайной религии», стремившейся возвести «свод синтеза различных наук, известный под именем Осирис, т. е. Духовный государь», и что «Великая пирамида была ее символом и математическим гномом»².

Значительно дальше ушли мыслители, полностью оторвавшиеся от христианства и иудаизма, от символики цифр, математики и т. д., а заодно и от логики. К числу их представителей принадлежат француз Ж. Барбарен с сочинением «Тайна Великой пирамиды, или Конец Адамова мира» (1936) и его русская предшественница, писавшая по-английски, Е. П. Блаватская с книгами «Исида без покрывала» (1877) и «Тайная доктрина» (1888). Согласно Барбарену, в Великой пирамиде «нет ни одного ответвления, отрезка или направления, ни одного объема, уклона или выступа, не имеющих особого, точного, возвышенного и определенного значения». Благоклонная судьба явила ему этот скрытый смысл Великой пирамиды: ее внешние очертания выражают «основные формулы Вселенной», ее внутренние помещения «относятся к современной истории человечества», а по своему назначению она «место посвящения посвящаемых». Госпожа Блаватская (теософка и прорицательница, а судя по фотографиям — довольно тучная дама со взглядом истерички) пришла к такому же выводу, но только на более высоком уровне. «Внешними формами Великая пирамида символизирует принципы, легшие в основу создания природы, одновременно иллюстрируя тем самым принципы геометрии, математики, астрологии и астрономии. Внутри она была величественным храмом, в тенистых уголках которого свершались таинства и стены которого были свидетелями посвящения царской семьи», — писала она в первой из названных книг. Во второй она уже допускала, что эта привилегия могла распространяться и на людей нецарских кровей. «Посвящаемый... должен погрузиться в глубокий сон... и пребывать в нем три дня и три ночи; за это время его духовное „я“ начинало ощущать, что общается с богами»; затем он должен был спуститься в преисподнюю Земли и исполнить там высокие предназначения во имя невидимых существ, человеческих душ или чистых духов; на третий день его «клали в саркофаг в Царской камере» и переносили к входу в Великую пирамиду, где «в определенный час лучи солнца обильно освещали его лицо», и он в экстазе пробуждался, «дабы принять посвящение от Осириса и Тота, бога Мудрости». В этом же духе она написала еще немало (все это можно найти в ее девятитомном Собрании сочинений, изданном в 1962—1968 годах в Индии, в Мадрасе), но тем не менее, видимо, сообщила нам о Великой пирамиде не все, что было ей известно. Дело в том, что, судя по ее замечанию на последней странице «Тайной доктрины», «посвященные не желают, дабы знания эти слишком распространились по свету».

Посвященные иного толка, пророки, были в этом смысле более щедры и предоставили свои знания в распоряжение человечества. Нужно объективно признать, что даты многих минувших событий они определили совершенно правильно: например, убийство Цезаря в 44 году до н. э.; сожжение Жанны д'Арк в 1431 году; основание Великой ложи свободных каменщиков в Лондоне в 1717 г.; смерть Наполеона в 1821 году (и даже его рождение в 1769 году); покушение на Линкольна в 1865 году и др. Что же касается событий будущего, им — бог весть почему — счастье уже не сопутствовало. В частности, Ж. Гар-нье, отставной полковник британской армии и автор кпи-ги «Великая пирамида, ее строитель и ее пророчества» (1-е изд.—1905 год, 2-е —1912 год), на 1922 год предсказал «уничтожение огнем большей части Европы, так же как и других континентов», и «одновременно истребление войск Антихриста при Армагеддоне³ и явление из разверзшихся небес Христа в сонме святых». У. Уин, английский священник, во втором, исправленном издании своей книги «Что произошло и что должно произойти» (1933) предсказал, что упомянутая битва при Армагеддоне должна произойти самое раннее в 1936 году, «после того как Святая земля будет завоевана Россией и ее союзниками», но «вопреки всем ожиданиям бог встанет на сторону Британии». Кроме пророчества типа «и весь мир постигнут беды и голод», ничто из обещаний «Свидетельства Великой пирамиды» (1828) Б. Стюарта, из «Книги мастера» (1898) У. М. Адамса и ряда книг других авторов не исполнилось. Не подтвердилось даже предсказание великого интерпретатора Великой пирамиды Д. Дэвидсона, который рассчитал, что «Июля 1927 года ислам будет провозглашен государственной религией Андорры». Последняя из известных книг этого рода, «Великая буря по предсказаниям Нострадамуса⁴ и хронология Великой пирамиды», которая вышла в Каире в начале 1942 года, тоже, к нашему сожалению, не исполнила обещанного. Ведь, по мнению ее автора, некоего Р. Форетиша, вторая мировая война должна была кончиться еще 19 сентября 1942 года. Но Великая пирамида во всем этом не виновата. И пирамиды, которые меньше

ее, тоже. И уж решительно тут ни при чем люди, которые их построили.

Религиозная мистика, связанная с культом Великой пирамиды, от которого, кстати сказать, отмежевались представители всех религий, была только одной частью наследства, доставшегося нам от Тейлора. Вторую часть составила известная цифровая мистика, внешне выглядывшая отнюдь не как Мистика, а как применение к данным египтологов методов «самой точной из всех наук». К тому же среди пионеров и пропагандистов этой мистики были люди с академическими титулами, достигшие в своих областях признанных успехов,—математики, астрономы, геодезисты, инженеры.

Наиболее значительным из этих наследников и продолжателей Тейлора, «учеником, который превзошел учителя», был уже многократно упоминавшийся нами шотландский королевский астроном Чарлз Пиаци Смит. Он родился в 1819 году в Неаполе (его отец был британским адмиралом) и свою должность получил в результате выдающихся научных успехов в 1845 году, т. е. в 26 лет; в том же году ему было присвоено звание профессора Эдинбургского университета. В 1854 году Смит стал членом Королевского общества, или, по нашей терминологии, академиком, что, учитывая его возраст (неполных 35 лет), в викторианской Англии считалось совершенно неслыханным. Через 20 лет он отрекся от этого звания, поскольку Королевское общество отказалось поддержать его интерпретацию Великой пирамиды. С тех пор о нем больше не было слышно; умер он в 1900 году.

Специально Древним Египтом Смит не занимался ни до своих работ о Великой пирамиде, ни после них; история Египта была для него «великим неизвестным», а египетская культура его отталкивала. «На самом деле он ненавидел Древний Египет,— писал Котрелл,— и если вы интересуетесь Древним Египтом ради него самого, если вы восхищаетесь искусством и культурой древних египтян, вы никогда не станете правоверными учениками Чарлза Пиаци Смита». О египтянах он отзывался как о «народе нильских гончаров» и чаще всего именовал их «мицраитами» (по библейскому названию Египта). В творениях египетских ваятелей Смит видел всего лишь «языческих идолов», в египетских литературных памятниках — «записи чудачеств» и проявление «религии, чрезмерно склонной к графике»; о надписи на саркофаге Менкаура он сказал, что это «какое-то идолопоклонническое посвящение в мицраитских иероглифах», а открытие Мариеттом Серапеума охарактеризовал как «еще одно довольно успешное разгребание древнего идолопоклонничества». Большой сфинкс был для него «отвратительным идиолом» (так же как для Плиния), но вдобавок «с симптомами, отражающими самую низкую психическую организацию». На этого идола пялятся «с вызывающим величайшее негодование восторгом прежде всего французы и приверженцы римско-католической церкви». Как считал Смит, для англичан викторианской эпохи и шотландских пуритан этого вполне достаточно; наверное, достаточно этого и для нас.

Великая пирамида составляла исключение. Как ни удивительно, ученый Смит поверил почти всему, что написал дилетант Тейлор, и еще присовокупил к этому немало от себя. «Разумеется, это была не гробница,—повторяет Смит за Тейлором,— это был таинственный, инспирированный богом компендиум мер и весов». И не только мер и весов, но и «всех знаний, которые бог раскрыл в ней человечеству». Да, да, включая прошлое и будущее человечества, включая «весь наш удел!» Надо лишь правильно интерпретировать секреты пирамиды, правда, не с помощью каких-то абстрактных спекуляций, а с помощью математики... Она, конечно, была творением не «этих язычников-мицраитов», а «вдохновенных самим богом предшественников избранного народа!» Ведь египтяне «не проявили своего интеллекта в создании ее плана, а лишь осуществили этот план, сами его не понимая; потому что в указанную эпоху и не могло быть иначе!» Да, да, это в самом деле слова Смита, так же как и следующие: «Ее чистая и совершенная поверхность из безукоризненного камня исключает всякое подозрение в идолопоклонничестве и в грехе». Так он об этом написал, дабы убедить общественность, в книге, изданной в 1864 году под названием «Наша судьба в Великой пирамиде».

Книга вызвала большое удивление, и многие сомневались, что Смит писал ее серьезно. Но сомневался и Смит: достаточно ли точны данные Тейлора и не остановился ли он в своих выводах на полпути? Однако Тейлор как раз в год издания книги Смита умер, и тому не оставалось ничего иного, как решать эти проблемы самостоятельно. «Вскоре после смерти сэра Тейлора я решил на собственные средства посетить Египет,— пишет он в предисловии к следующей книге,— и провел там четыре месяца у пирамиды, дабы, используя различные научные приборы, произвести множество измерений этого могучего монумента, причем некоторые с большей точностью, чем это делал кто-либо ранее». Хотя во время работы его постоянно отвлекали «пахнущие табаком джентльмены, неустанно прибывавшие на пассажирских пароходах», а главное — «всевозможные малоприятные арабы, черные, коричневые, серые», но все эти и менее значительные напасти он одолел. В 1867 году, всего

через два года после возвращения, он издал в подтверждение своей теории четырехтомный труд со множеством диаграмм и расчетов — «Жизнь и работа у Великой пирамиды в 1865 году».

Ни в одном из расчетов, приведенных в этой книге, критики Смита не обнаружили ошибок. Зато они без труда обнаружили ошибки в его методе: книга изобиловала софизмами и волюнтаристический подход к фактам чередовался в ней с жонглированием цифрами. Для облегчения расчетов он заимствовал, например, у Тейлора «пирамидальный дюйм» и определил его как 1,001 английского дюйма. Но тут же словно бы забыл, что взял эту единицу измерения у Тейлора, который ее просто выдумал, и начал оперировать ею так, будто это была единица измерения древних египтян; затем достигнутые результаты Смит объявил доказательством того, что это в самом деле была единица измерения древних египтян. Однако порой ему не удавалось добиться успеха с помощью этой меры длины, и тогда он пользовался другими, вымышленными им самим единицами измерения — «старинным мирским локтем языческого Египта, составляющим 20,7 английского дюйма», или «священным локтем иудеев, равным 25,025 английского дюйма».

Вопреки своей антипатии «ко всему французскому» он без колебаний пользовался метрами, литрами и килограммами. При таких условиях, казалось бы, все должно прекрасно сойтись, но вопреки ожиданиям у него, как он сам заметил, получалось, «конечно же, несколько больше или меньше...» Ведь речь шла о «таком колоссальном монументе» с «такой таинственной структурой», относящемся к «такой давней патриархальной поре человечества»!

Что же в конце концов высчитал и вычитал Смит из Великой пирамиды? Мы можем оставить в стороне его теории и привести лишь небольшое число результатов, как это сделал Борхардт. Периметр пирамиды равен 36 254 «пирамидальным дюймам», что при якобы существующем соотношении 100 дюймов = 1 дню равнозначно одному году. Высота пирамиды, выраженная в дюймах и помноженная на девять десятых, якобы соответствует расстоянию в милях от Земли до Солнца. Пирамида будто бы стоит в центре круга, с которым частично совпадают очертания нынешнего побережья Нильской дельты. Вся суша Земли якобы разделена на две равные части меридианом, на котором стоит пирамида. По направлению входа египтяне будто бы могли определить так называемый «год Плеяд». И так далее и тому подобное. Лишь на коварный вопрос: «А как соответствует пирамида денежным системам?», который иногда задавали Смигу, он не знал ответа, ибо деньги суть «нечто земное, как прах и пепел, человеческая тщета и тлен, нечто преходящее, меж тем как пирамида возвещает Вечное, Возвышенное, Небесное».

После появления труда Смита могло показаться, что математические интерпретации Великой пирамиды навсегда дискредитировали или по крайней мере исчерпали себя. Но в 1885 году инспектор табачной фабрики в Годонине А. Яролибек сообщил Императорско-королевской академии наук в Вене, что обнаружил в Великой пирамиде «золотое сечение». Правда, тут Моравия, как нам известно, не могла претендовать на первенство; однако в 1890 году Яролибек поправил дела «Математическим ключом к пирамиде Хеопса», где возвестил миру о новом открытии — «золотой лесенке» (т. е. цифровой последовательности, где каждое последующее число равно сумме двух предыдущих). По этой лесенке он добрался до одиннадцатой перекладины (1, 2, 3, 5, 8, 13, 21, 34, 55, 89, 144), на которой и остановился; очевидно, это была первоначальная высота пирамиды, но какой от его лесенки прок, он почему-то так и не объяснил. Оказалось также, что астроном Смит не извлек из Великой пирамиды всех астрономических сведений; его соотечественник М. Б. Котсворт, врач по профессии, в 1902 году в книге «Рациональный альманах» обогатил их, установив, что Великая пирамида в действительности была «солнечным календарем, ибо своей тенью показывала времена года, месяцы, недели и дни». По его утверждению, «величина плит, которыми с северной стороны вымощено пространство вокруг пирамиды, почти в точности соответствует длине, на которую ее тень уменьшается за день, т. е. на 1,356 метра, так что древнеегипетские жрецы, наблюдая за этой измерительной сеткой, могли определить продолжительность года с точностью до 0,24219 дня». Почему такими же плитами было вымощено пространство вокруг пирамиды и с других сторон, куда тень не падала, и почему размеры сотен плит отличаются от приведенной и почти точной длины порой чуть ли не на 50%, Котсворт сколько-нибудь вразумительно не объяснил. Не прояснил он и еще один момент: перелезали ли жрецы во время этих измерений через каменную ограду десятиметровой высоты, и если перелезали, то как?

Многие последователи Смита поняли, что применение математических методов в исследовании пирамиды открывает значительно более широкие перспективы, чем установление «золотого сечения» или «золотой лесенки», дат календаря и т. д. В 1921 году Ф. Ноэтлинг, военнопленный немец, ознакомившийся в Австралии с трудами Смита, опубликовал «Космические числа пирамиды Хеопса — математический ключ к единым законам Вселенной». Он доказывал, что если воспользоваться

«египетским локтем», выдуманным им самим, то сторона пирамиды будет равна 365 540 903 777 единицам, «что соответствует самой точной продолжительности солнечного года, выраженной с точностью до одной миллиардной дня». Кроме того, он высчитал многое иное, в том числе и атомные веса отдельных химических элементов, якобы давно известные египтянам и зашифрованные ими в Великой пирамиде. Англиканский священник Д. Дэвидсон, о котором мы уже упоминали, открыл в конструкции пирамиды так называемый «фактор смещения», с помощью которого можно было вычислить все что угодно. Египтологам, отказывавшимся понимать его, он отвечал, что этот фактор имеет «трансцендентную ценность» и «проявляется таким образом, что человеческий мозг решительно не способен это представить». Но «Эвереста пирамидологии» достигли в 1910 году братья Джон и Мортон Эдгары из Глазго книгой «Коридоры и камеры Великой пирамиды, которые показывают, как Великая пирамида в Гизе символически и результатами измерений подтверждает философию и пророчества давних времен о божественном плане веков...». Это примерно половина заглавия книги, окончание которого мы опустим, так же как и характеристику ее содержания: что поделаешь с глупостью, если она еще и скучна?

Прочих учеников Смита мы можем со спокойной совестью обойти вниманием. Исключения заслуживает лишь его земляк Уильям Питри, первоначально химик, а затем инженер-железнодорожник и конструктор различных электротехнических устройств. Теории Смита так воодушевили его, что он изобрел ряд приборов, дабы подтвердить и дополнить его измерения непосредственно на Великой пирамиде. Идеей путешествия в Египет он увлек и своего сына, относившегося ко всему этому несколько скептически, но, поскольку он все откладывал день отъезда, сын в 1879 году отправился в Египет один, захватив с собой отцовские приборы. Остальное мы уже знаем: молодой Уильям Мэтью Флиндерс Питри стал одним из крупнейших египтологов, который, хотя это было отнюдь не главной его заслугой, не оставил от теорий Смита камня на камне. Правда, смести их с лица земли и он был не в силах, ему не помогло даже то, что он застиг некоего доктора Глоувера, преданного ученика Смита, на месте преступления: тот стачивал 5 рашпилем какой-то выступ в передней погребальной камеры Хуфу, чтобы этот выступ точно соответствовал Сми-тову «пирамидальному дюйму».

Что к этому добавить? Что египтология благодарна Сми-ту за Питри, т. е. что даже самые сомнительные книги могут принести положительные результаты? Это было бы слишком смелое обобщение, едва ли не возводящее исключение в правило. Прочитируем лучше слова изобретателя термина «пирамидиотизм» Н. Ф. Уилсра, приведенные Кот-реллом в «Горах фараонов», в заключительной части главы о Чарлзе Пиацци Сми-те. Их можно отнести и к его предшественникам и последователям:

«В самом деле, не существует никаких особых причин, чтобы эти мистики избрали предметом своего внимания именно пирамиду Хуфу или чтобы они ею ограничились. Борхардт в указанной выше публикации бескорыстно предоставил в их распоряжение тот факт, что у пирамиды-спутницы Абусирской пирамиды Сахура отношение половины периметра основания к высоте равняется Неперову основанию натуральных логарифмов „e" (2,71828). Но мы могли бы пойти дальше и вместо пирамиды Хуфу предметом расчетов избрать хотя бы лондонский Хрустальный дворец. Если бы мы произвели большое число его измерений, то получили бы множество данных, из которых могли бы выбрать точные меры для очень многих вещей. Когда избирается подходящая единица измерения — скажем, верста, двойной фут, морской узел, — можно без труда установить точный эквивалент расстояния до Тимбукту при помощи длины потолочных балок или количества уличных фонарей на Бонд-стрит; точно так же можно было бы установить единицу густоты грязи или средний вес взрослой золотой рыбки».

Но оставим, наконец, мистиков и мистификаторов и обратим внимание на более интересных людей. Таких, что не вперяют взор в одну лишь Великую пирамиду, а охватывают им все пирамиды в Египте и вне Египта и видят в них «ключ к пониманию древних высоких цивилизаций на обоих берегах Атлантики».

Наиболее известный человек, который нам в этой связи сразу же приходит на ум, — это прославленный норвежский исследователь и мореплаватель Тур Хейердал. Хотя сам он такого тезиса или теории не выдвигал, точно так же как и ни один другой ученый, ему постоянно их приписывают. «Существуют поразительные параллели в развитии древних зрелых культур по обеим сторонам Атлантики, — можем мы, к примеру, прочесть в „Еуропеуме" (июнь 1970 года) и — с разными вариациями — в других журналах. — Так, пирамиды строились не только па Ниле, но и в стране майя в нынешних Мексике и Гондурасе. Египтяне, так же как инки, имели сеть оросительных каналов, календарь и,

подобно им, поклонялись Солнцу как богу. Тур Хейердал погрузился в соответствующие главы истории культуры и вскоре открыл соединительное звено — папирусную лодку».

У этих теорий есть длинная предыстория. Первым, кто при взгляде на пирамиды в Мексике и Гондурасе (а также в Гватемале) задал вопрос, имеют ли они отношение к пирамидам в Египте, был немецкий естествоиспытатель Александр фон Гумбольдт. Но в своем тридцатитомном «Путешествии в экваториальные области Нового Света» (1807 г. и последующие) он уделил им всего несколько строк и как критически мыслящий ученый из-за недостатка доказательств уклонился от выводов. Намного смелее был Эдвард Кинг, лорд Кингсборо, который в своих девяти томных «Мексиканских древностях», изданных в 1831—1840 годах, отстаивал тезис, будто американские индейцы — потомки «десяти затерявшихся колен Израиля» и что, следовательно, тамошние пирамиды построены евреями. Французский путешественник Жан Ф. де Вальдек в книге «Путешествие живописца и археолога по провинции Юкатан» (1838) провозгласил их «творениями потомков тех же самых египтян, пирамидами которых он некогда любовался на Ниле» как участник экспедиции Наполеона (Вальдек прожил 109 лет; родился он при Людовике XV, а умер во времена Третьей республики). Некоторые авторы считали эти пирамиды делом рук индийских или финикийских переселенцев, другие — созданиями спасшихся обитателей исчезнувшей Атлантиды и т. д., но нас это уже не касается. Согласно последнему слову популяризаторов подобных теорий (большой частью публицистов, таких, как немец А. Блуменштейн или итальянец Э. Маргрио, статьи которых мы цитировали), творцами этих пирамид опять-таки были египтяне.

В действительности древнеамериканские пирамиды не слишком-то похожи на египетские; они скорее напоминают месопотамские зиккураты. В большинстве своем это ступенчатые или похожие на башни постройки с крутыми широкими лестницами и небольшими площадками наверху, предназначенными для святилищ с высокими фронтонами крыш. Стоят эти пирамиды обычно группами, из чего можно сделать вывод, что они являлись культовыми центрами тогдашних городов; по своей функции это были храмы, но в некоторых из них хоронили властителей и жрецов. Первоначально их строили из кирпича-сырца, позднее из кирпичей, облицованных камнем, или прямо из камня; обычно они были богато украшены пластикой и рельефами. Было установлено, что пирамиды через определенные промежутки времени надстраивал ист, (вероятно, каждые 52 года), а вокруг существующей постройки возводилась новая, значительно больших размеров. По форме и размерам они существенно отличались друг от друга. Самая большая имела четыре ступени на основании примерно 540X540 метров, т. е. покрывала площадь приблизительно в пять раз большую, чем пирамида Хуфу, но в высоту имела всего 54 метра; ступени ее довольно быстро сужались, и поэтому объем ее был гораздо меньше, чем объем пирамиды Хуфу.

У некоторых из этих пирамид было до шести ступеней с нишами и нависающими крышами, так что они напоминали пагоды; самые маленькие были, собственно, всего лишь террасами для массивных храмов. Почти так же выглядели южноамериканские пирамиды и в Перу, и у озера Титикака в Боливии.

Хотя сравнение американских и египетских пирамид обнаруживает больше различий, чем сходства, мы не можем априорно исключить возможность их общего происхождения. Что же касается остальных «атлантических параллелей», то тут дело обстоит иначе. Искусственное орошение было известно не только египтянам, но и древним китайцам, индийцам, малайцам и т. д., даже некоторым доисторическим обитателям отсталой в ту пору Европы, и определенно все эти народы восприняли его не от египтян. Культ Солнца распространен среди всех народов мира, и археологические находки позволяют датировать его истоки временем, когда Египет еще не был населен людьми. Календарь также создан многими народами, и у древних китайцев он ничуть не менее точен, чем у древних египтян. Нет оснований полагать, будто Египет был единственной колыбелью культуры и цивилизации, а египтяне были учителями всех народов, не обладавших опытом и интеллектом, необходимыми для самостоятельного изобретения искусственного орошения, измерения времени и календаря, для того, чтобы самим оценить благодатную силу солнца. Это относится и к тольтекам, ацтекам, майя в Центральной Америке, а если перечислять всех заокеанских строителей пирамид, то и к мочика, чиму, инкам в Южной Америке.

Но если мы даже допустим, что именно египтяне побудили американские народности строить пирамиды, пусть и не слишком похожие на их собственные, нам придется ответить на несколько вопросов. Почему египтяне ознакомили их только с пирамидами и не раскрыли заодно и технику мумификации, столь тесно с ними связанную? Почему не приобщили их к своим представлениям о загробной жизни и вообще к своей религии (которая в отличие от религии американских народностей не требовала, чтобы у живых людей, приносимых в жертву, вырезалось сердце, и не признавала ритуального убийства детей)? Почему не передали свою письменность, почему не научили выращивать пшеницу и использовать при обработке земли животных, почему скрыли от них

изобретение колеса? Отсутствие этих параллелей ставит под сомнение египетское происхождение американских пирамид, более того — опровергает такое их происхождение.

Но это еще не все.

Несмотря на многие неясности в хронологии доколумбовой Америки, не вызывает сомнения, что тамошние пирамиды в сравнении с египетскими очень молоды. Самыми древними считаются пирамиды в окрестностях столицы Мексики, особенно в Теотиуакане, Куикуилько, Туле, Чолуле, Шочикалько и Монте-Альбане. Американисты до сих пор не пришли к согласию в споре об их датировке; одни относят их к первым столетиям нашего летосчисления, другие — к последним столетиям до нашего летосчисления и в качестве ближайшей временной границы приводят начало III века до н. э. Самые древние пирамиды на территории Гватемалы, т. е. пирамиды в Мирафлоресе и Вашактуне, с достаточной достоверностью датируются I— IV веками н. э.; самая древняя гондурасская пирамида в Конане — концом II века н. э. (Ради интереса сообщаем: знаменитая пирамида в Тикале построена около 750 года; Эль-Кастильо в Чичен-Ице — около 1000 года; южноамериканская пирамида в Тиауанако — после 500 года. Но только нашего летосчисления.) Пирамиды начали строиться в Америке спустя примерно тысячу лет после того, как их перестали строить в Египте. Между первой египетской и первой американской пирамидой лежит временная пропасть более чем в 2000 лет!

Итак, речь идет прежде всего о «мосте», перекинутом не только через океан, но и через тысячелетия. Если бы египтяне попали в Америку в то время, когда они еще строили пирамиды, почему должна была пройти тысяча лет, прежде чем им удалось побудить местных жителей тоже строить пирамиды? Что они не попали в Америку (или даже не отправлялись туда) в последние века до нашей эры, мы знаем почти достоверно: это уже была эпоха Птолемеев, со времен которой сохранилось столько документов, что сообщения о подобном плавании не могли остаться неизвестными. То же можно сказать и о предположительной отправке подобной экспедиции, даже если бы она не вернулась назад, и о предположительном прибытии какой бы то ни было экспедиции из Америки в Египет. Что же касается более древних времен, то в ту пору египтяне не были достаточно опытными мореплавателями; обычно они не рисковали отплывать и на несколько сотен километров от берега, а войско большей частью добиралось до Сирии и Финикии пешком. Когда Нехо II в конце VII века до н. э. приказал обследовать побережье Африки, он поручил это не египетским, а финикийским морякам. Египтологи не находят в источниках ничего, что бы допускало существование подобных «соединительных звеньев».

А что говорят американисты? «Ни один ученый не думает, будто Америку населяли люди, которые перебрались сюда через Атлантический или Тихий океан, хоть и нельзя полностью исключить более поздних влияний, пришедших в Новый Свет из Полинезии,— читаем мы, например, в хорошо известной работе Дж. Э. С. Томпсона „Возникновение и падение древних майя" (1955).— Археологи сходятся в мнении, что Америку заселили люди, пришедшие сюда через Берингов пролив из Азии. Однако не существует единого мнения, когда именно произошло первое перемещение народов. Большинство нынешних археологов считает, что это было примерно 20000 лет назад. Согласно общему мнению, речь шла не о большом одноразовом переселении, а о проникновении небольших групп, на протяжении тысячелетий постепенно заселявших Новый Свет. Возможно, что первые группы пришли еще в пору, когда оба континента были соединены перешейком». Связь с Египтом в таком контексте археологи решительно исключают.

«Но Тур Хейердал доказал это!» Да, в 1970 году он переплыл Атлантический океан — от Западной Африки до Малых Антильских островов, так же как и в 1947 году Тихий океан от Перу до Полинезии. В нашей памяти еще живо это отважное предприятие норвежского ученого и его друзей. В 1969 году это ему не удалось. По его указанию под пирамидами в Гизе был построен пятнадцатитонный плот из папируса, который был назван в честь египетского бога Солнца «Ра», и Хейердал отправился на нем из Марокко в океан; однако, проплыв на этом плоту 5000 километров, после одной из бурь он вынужден был покинуть «Ра», да еще в океане, кишашем акулами. Хейердал повторил попытку на новом, более усовершенствованном парусном плоту «Ра-2», построенном для него в Марокко четырьмя южноамериканскими индейцами, на этот раз с семью спутниками и под флагом ООН. 17 мая 1970 года буксир вывел плот из порта Сафи в открытое море, и после 57 дней плавания, во время которого, кроме коротковолновой радиостанции и навигационных приборов, члены экипажа не пользовались никаким современным оборудованием, Хейердал успешно пристал к острову Барбадос. Плот преодолел расстояние в 6300 километров, и хотя оно составляет менее половины маршрута по прямой от египетских пирамид в Гизе через марокканский порт Сафи к мексиканским пирамидам на Юкатане, это, не имеет значения; вне

всякого сомнения, пройден самый трудный отрезок пути и наиболее проблематичная часть «соединительного звена» между Старым и Новым Светом. Египтологи и американисты сердечно поздравляли Хейердала с успешным окончанием плавания. «Что он этим доказал?» — спрашивали их журналисты. И они отвечали: «Это блестящий спортивный результат! Тур Хейердал проявил отвагу, достойную потомка викингов!» На конкретные вопросы, какое же значение этот подвиг имеет для науки, ученые, как правило, ограничивались ссылкой на то, что советский врач Юрий Сенкевич, специалист по исследованию реакций человеческого организма на существование в крайне затрудненных условиях, наверняка собрал во время этого плавания немало ценного материала. Некоторые особенно педантичные египтологи не забывали напомнить, что египтяне вплоть до Поздней эпохи ничего не знали о море за Гибралтаром, а для плавания по морю всегда пользовались не тростниковыми плотами, а деревянными ладьями. Точно так же педантичные американисты спешили подчеркнуть, что среди сотен изученных ими доколумбовых находок не нашлось ни одного предмета, свидетельствующего о египетском происхождении или влиянии. Также единодушно подтвердили они и мысль, что пирамиды в Америке и Египте возникли совершенно независимо, из внутренних духовных потребностей и творческого потенциала этих народов, и что о взаимовлиянии и связях между тогдашним Старым и Новым Светом не может быть и речи.

Что сказал об этом сам Хейердал? «На „Кон-Тики" я действительно хотел нечто доказать, а именно теорию, разработкой которой перед тем занимался на протяжении десяти лет. Когда же я отправился в плавание на „Ра-2", никакой теории у меня не было», — заявил он в интервью по возвращении в Европу. Плавание на «Кон-Тики» было практической проверкой гипотезы, согласно которой Полинезию заселили люди из Южной Америки. Но на конкретный вопрос, допускает ли он, что задолго до Колумба в Америку приплывали люди из Африки, повлиявшие затем на возникновение высоких культур в этой части света, Хейердал ответил весьма осторожно: «К такому выводу я не пришел».

Однако дело не ограничилось межконтинентальными параллелями: проблема пирамид стала рассматриваться и в космическом масштабе. Так поставил вопрос вскоре после преодоления людьми границ земного притяжения автор «Воспоминаний о будущем» Эрих фон Деникен.

В своей книге Деникен уделяет большое внимание пирамидам, но считает их лишь одной из бесчисленных нерешенных загадок человеческого прошлого на нашей планете. По его мнению, этими загадками должны заниматься «ученые нового типа», оснащенные «самой совершенной и самой остроумной технологией» и одаренные «фантазией нашего технического века»; эти исследования нужно вести «честно и непредвзято», принимая во внимание предположение, что «в древности наши предки были свидетелями визита из космоса». Вероятная цель такого изучения — использовать разгадки этих тайн в качестве «уроков прошлого» для достижения «лучшего будущего на Земле» и в «населенном людьми космосе». В книге уже намечаются решения некоторых загадок, хотя их автор отнюдь не имел в своем распоряжении желаемой «технологии». Дело в том, что он не состоял даже членом какой-либо научной организации, а был владельцем отеля в швейцарском горном курорте Давосе, еще ранее — официантом, а по пристрастиям — путешественником по следам инопланетян. Познания он приобрел благодаря чтению, беседам с посетителями своего отеля и, главное, в результате путешествий; он изъездил полсвета поначалу как стюард на океанских пароходах, потом как частный исследователь. Правда, регулярным путешествиям порой препятствовала решетка, за которую он попадал из-за тех способов, какими добывал необходимые для этого деньги.

Кроме названной книги он написал еще ее продолжения — «Назад к звездам» и «Посев и космос».

«Если существуют на свете убеждения, которые нельзя опровергнуть, то ими твердо и без конкуренции владеет фон Деникен. К осознанию своей миссии на земле этот разорившийся владелец отеля пришел, сидя в каталажке и размышляя, что же делать дальше. Год назад, точнее 6 марта 1972 года, он самонадеянно покончил с существованием автора каких-то science fiction⁵ и провозгласил себя мессией и пророком, который перевернет вверх дном сомнительный порядок, установившийся на нашей земле», — писал о нем в заметке по поводу его спора с каким-то венгерским эмигрантом, якобы открывшим в Эквадоре «металлическое книгохранилище» давних космонавтов, гамбургский «Der Spiegel». Однако вовсе нет надобности повторять насмешливый тон газеты в адрес противника или подчеркивать одни лишь отрицательные стороны сложной жизни Деникена (так, например, он нередко проявлял личное мужество и готовность к

самопожертвованию) и дискредитировать руководившие им мотивы. Факт остается фактом: его «Воспоминания о будущем» за пять лет, прошедших после первого издания (в феврале 1968 года), в оригинале и переводах достигли десятиmillionного тиража и так или иначе повлияли на десятки миллионов людей; по ним был снят фильм, они стали предметом страстных дискуссий и споров. И потому мы не собираемся включать их «как утопию в число книг, о которых лучше не говорить, ибо высказанные в них взгляды и доказательства не уместятся в натужно слепленную и закоснелую школьную премудрость», как писал во вступлении сам автор. Тем не менее ограничимся частями, прямо касающимися пирамид.

С пирамидами Деникен ознакомился во время нескольких путешествий в Египет, первое из которых он осуществил в 1954 году (при довольно драматических обстоятельствах и с еще более драматическим концом — шестнадцатимесячным тюремным заключением). Источников своих знаний о пирамидах он нигде не называет. В книге упомянута лишь работа Смита «Наша судьба в Великой пирамиде» в связи с утверждением, что «вокруг пирамиды Хеопса возникли сотни глупых и необоснованных теорий». В одном месте он цитирует и «Историю» Геродота, но неточно, а в другом обращается к свидетельству аль-Масуди, которого, как ни странно, называет «коптским автором». Его апологеты П. Рохолл и В. Роггенсдорф, кроме того, упоминают (в «Удивительной жизни Эриха фон Деникена», 1969), что он читал книгу Макса Эйта «Сражение за пирамиду Хеопса», вышедшую в 1902 году, и будто бы она привела его в восторг. (Это роман о Чарлзе Пиацици Смите, который выступает в нем под именем Жюэ Тинкера; в главе 14 преподносятся и его теории. Однако сам автор явно отмежевывается от «пирамидальных фантазий несомненно достойного всяческого уважения преподобного Жюэ Тинкера», или же «того полоумного англичанина». Однако он полагал, что достаточно просто привести эти теории и расчеты, чтобы их бессмысленность стала ясна всякому; впрочем, как заметил еще Борхардт, Эйт явно «переоценил критические способности некоторых читателей».) Сам Деникен заявлял, что не читал ни одной египтологической книги. И потому смелость, с какой он при подобных обстоятельствах взялся за дело, поистине поразительна.

Прежде всего Деникен отрицает, что Великая пирамида была гробницей. «Какой чудак поверит, что эта пирамида была всего лишь могилой какого-то царя?» — цитировали мы его книгу еще во Введении. Однако он ничем свое мнение не аргументирует и нигде не сообщает, чем бы ей тогда надлежало быть, если не гробницей. Лишь единожды он упоминает о пирамиде Хуфу как о «памятнике непостижимого прошлого» (одном из тех, что «всегда вызывают... странный холодок в области желудка»); зато в другом месте в мало измененной форме повторяет: «Что касается строительства пирамиды, то мы почти совсем не знаем ответа на вопросы, касающиеся ее способа, смысла и эпохи, с ним связанной. Перед нами стоит искусственный холм почти стопятидесятиметровой высоты и весом 31,2 миллиона тонн. И говорят, будто этот колосс не что иное, как гробница заурядного правителя! Пусть верит, кто может...»

Мы опасаемся, как бы читатель не устал от повторений, ибо мы уже говорили о том же, рассказывая о людях, которые пришли к пирамидам задолго до Деникена, причем с египтологической и археологической подготовкой. Но все они были такими чудаками, что поверили, будто пирамида была гробницей царя, поскольку убедились в этом научным путем. Причем не просто гробницей какого-то царя, а египетского царя, которого в большинстве случаев можно было назвать по имени и о котором можно было сказать, когда он правил. Такими же чудаками поныне остаются все египтологи без исключения, а вместе с ними и все люди, которые ставят научные данные выше ничем не доказанных утверждений, их отрицающих. Между прочим, такими же чудаками были и давние египетские грабители, опустошившие эти гробницы... Нигде не упоминает Деникен, что в пирамидах обнаружены саркофаги, причем даже с именами похороненных в них царей; нигде не упоминает ни о погребальной утвари царей, остатки которой были найдены в пирамидах и их окрестностях, ни о памятниках египетской письменности, сообщающих названия пирамид и имена похороненных в них царей, ни об обрядах и погребальных молитвах, обнаруженных в «Текстах пирамид», ни о «восходящих» дорогах, ни о верхних и нижних храмах, ни о культе мертвых царей, ни о «штате» жрецов при пирамидах. «Пусть верит, кто может!» А для Деникена всего этого, и верно, не существует,

Но для него не существует и пирамид; исключение составляют только одна пирамида — Великая и только один царь — ее создатель Хеопс, т. е. Хуфу. Хафра уже не кажется Деникену достаточно эксцентричным, хотя тот велел построить себе пирамиду всего лишь на три метра ниже; не интересуют его ни Меикаура, ни какие-либо иные правители Древнего и Среднего царств (и двух переходных периодов), ни даже Сенусерт I, повелевший пристроить к своей пирамиде еще десяток

малых пирамид; просто он все это не принимает во внимание. Из всех пирамид в Египте он упоминает еще пирамиду Джосера, но говорит о ней не как о гробнице, и пирамиду Тети, о которой, напротив, говорит не как о пирамиде (для него она только «могила Тети», точно так же как пирамида Сехемхета, которого он вообще не называет по имени; для него она лишь «неограбленная могила»). Насчет пирамиды Хуфу он позже замечает: «Ныне фараоном, повелевшим строить Великую пирамиду, безапелляционно провозглашается Хеопс, ибо все обнаруженные надписи и доказательства свидетельствуют в его пользу. Однако мы исключаем возможность, что эта пирамида построена в течение одной человеческой жизни. Что, если Хеопс приказал изготовить, фальшивые надписи и прочие доказательства, дабы прославиться?»

Во-первых, строителем Великой пирамиды Хеопс провозглашен отнюдь не сегодня — у нас, в Европе, уже более 2400 лет назад, т. е. со времен Геродота, а в Египте уже более 4500 лет назад, со времен ее строительства, при-, чем это подтверждено устной традицией и письменной документацией. Никаких надписей Хеопса, прославлявших его имя, в пирамиде или на пирамиде не было найдено. Нам известны лишь простые пометки каменщиков на блоках в разгрузочной камере, помещенные почти недоступно для человека, да еще так, что имя властителя на них перевернуто; во всем окружении пирамиды сохранилась лишь одна стела с его именем. Надо сказать, что идея о фальсификации Хеопсом надписей и прочих свидетельств никому до Деникена в голову не приходила, и психологически интересно, что она пришла на ум именно Деникелю.

Если он иронизирует над беспорядочными сведениями египтологии как над «безапелляционными заявлениями», тут уж ничего не попишешь. Мы и действительно издавна знаем, кто повелел строить Великую пирамиду: царь IV династии Хуфу (по-гречески Хеопс).

Утверждение Деникена, будто пирамида не могла быть построена в течение одной человеческой жизни, единственное из всех его суждений о пирамиде, которое он удостоивает аргументации. «Если бы строителям в самом деле удалось завершить этот гигантский, поистине ударный труд,— пишет он,— т. е. ежедневно укладывать по десять блоков, то 2,5 миллиона блоков составили бы недурную пирамиду за каких-нибудь 250 000 дней, что означает 664 года... Это тем более похоже на шутку, что вся стройка возникла по прихоти эксцентричного правителя, который явно не дождался бы до торжественного окончания строительства... Какая трагедия! Не стоит серьезно доказывать, что вся эта совершенно серьезно провозглашаемая теория просто смешна». Однако перелистаем несколько страниц назад, где приведен сделанный Питри расчет возможной продолжительности постройки Великой пирамиды и использованных на ней работников; его результат совсем иной, он подтверждает реальность сообщения Геродота, согласно которому строительство продолжалось двадцать лет. Присовокупим к этому еще слова К. Михаловского, известного польского археолога и египтолога, который в 1972 году писал: «Подробный расчет, включающий количество строительного материала, обработку облицовочных плит, размещение рабочих групп и т. п., подтверждает верность сообщения Геродота, и, что еще важнее, если бы сегодня мы приняли программу такого строительства с использованием достижений кибернетики, мы бы пришли к оптимальному решению реализации этого плана, которое совпало бы с тогдашним». Но каковы доказательства Деникена?

Не будем говорить, что это похоже на шутку, скажем: Деникен привел в своей аргументации произвольную дневную норму определенной группы «строителей», но не сообщил, сколько в такой группе человек и сколько всего таких групп. Говоря языком математики, он предлагает нам решение уравнения, в котором одно из чисел произвольно, а остальные неизвестны; даже ученики младших классов знают, что такое уравнение лишено смысла. Временной показатель — 250 000 — Деникен получил, просто-напросто разделив предполагаемое число блоков в пирамиде, т. е. 2,5 миллиона, на десять, но почему именно на десять, не обосновал. Кроме ошибок в предпосылке и выводах в его расчеты вкралась и цифровая ошибка, ибо при тех данных, которыми он оперирует, у него должно было бы получиться 684 года. Но это не единственная цифровая ошибка Деникена: неверно рассчитал он и приведенный выше вес пирамиды. Если бы он правильно помножил ее объем (приблизительно 2,52 миллиона кубических метров) на вес 1 кубического метра известняка (в соответствии с египетской практикой — 2600—2800 килограммов на кубический метр, по западноевропейским нормам — 2550 — 2750 килограммов на кубический метр, по словацким нормам — 2500 килограммов на кубический метр), то получил бы не 31,2 миллиона тонн, а всего 6,5—7 миллионов тонн. Цифровые мистики были более точны в своих расчетах.

На какую «весьма серьезно провозглашенную», но попросту смешную теорию намекает Деникен? На теорию технологии строительства пирамиды, им же самим созданную. Прочитываем целиком ее изложение, включая многоточия, которые он ставит между фразами, дабы читатель

удивился и задумался. «Нам предлагают все новые и новые объяснения: наклонные плоскости, наклонные песчаные насыпи, по которым поднимались блоки, леса, платформы... и, естественно, труд сотен тысяч египетских муравьев — феллахов, крестьян, ремесленников. Ни одно из этих объяснений не выдерживает критики. Великая пирамида является — и, как знать, может быть, и останется — наглядным доказательством существования никем не разгаданной технологии. Ни один современный архитектор не сумел бы построить пирамиду Хеопса, будь даже у него в руках технические средства всего мира. 2 600 000 огромных каменных блоков было добыто в каменоломнях, отшлифовано, доставлено на строительную площадку и там подогнано друг к другу с точностью до миллиметра. Стены коридоров внутри пирамиды были украшены многоцветной росписью... Место, на котором стоит пирамида, выбрано по капризу фараона... Недостижимые классические меры и пропорции пирамиды осенили се строителей по чистой случайности... Сотни тысяч рабочих толкали и тащили на (несуществующих) катках с помощью (несуществующих) канатов двенадцатитонные блоки тью песчаным насыпям... Эта армия питалась (несуществующими) злаками... Ночевала в (несуществующих) хижинах, которые фараон велел построить прямо перед своим летним дворцом... Благодаря (несуществующим) рупорам, из которых непрерывно звучало подбадривающее „раз-два — взяли!“, ритм объединял работников, и двенадцатитонный блок полз наверх...»

Прежде всего необходимо заметить, что Деникен не рассматривает тут критически теорию какого-либо египтолога, а излагает слепленные без ладу и складу обрывки различных взглядов, дополняя их собственными догадками; то, над чем он иронизирует,— плод его собственной фантазии. Кроме того, он приводит целый ряд неверных сведений. Например, «внутри» Великой пирамиды, о которой идет речь, не было и нет коридоров со стенами, украшенными разноцветной росписью. Деникен их просто выдумал, в чем может убедиться любой из сотен тысяч ее ежегодных посетителей. (Роспись существует лишь в более поздних пирамидах царя Унуса и его преемников; точнее говоря, и это не роспись, а иероглифические надписи, и находятся они не столько в коридорах, сколько на стенах камер.) С «точностью до миллиметра» не подогнано и не было подогнано 2,6 миллиона блоков (или 2,5 миллиона, как автор говорит в другом месте), ибо свыше 90% их было обработано довольно грубо; о точности до миллиметра можно говорить лишь в связи с облицовочными плитами. От так называемых «несуществующих канатов» сохранилось немало остатков, в том числе и со времен строительства Великой пирамиды, нашлось также немало инструментов для обработки камня; частично они находятся в запасниках Египетского музея в Каире (а также в некоторых европейских и американских музеях). Неподалеку от пирамид Хуфу и Хафра и поныне существуют откопанные Питри и Рейснером фундаменты так называемых «несуществующих хижин» (жилых помещений) строителей; между прочим, они не огорожены и доступны взглядам любого желающего. И наоборот, ничего не известно о существовании древнеегипетского царского «летнего дворца»; дворец, вернее, бельведер возле Великой пирамиды, ныне превращенный в ресторан, велел построить для себя король Фарук перед второй мировой войной. Даже ирония над «раз-два — взяли» не выдерживает критики; еще переводчик книги Деникена на чешский язык (Л. Соучек) счел необходимым сопроводить это место примечанием, что «подобного типа песни не только пелись в Древнем Египте, но и сохранились до нашего времени, например очень ритмичная: „Шагай шире, шагай шире, по широким дорогам, в мире, в мире...“ и т. д.». Из всех утверждений Деникена правильно лишь то, что в Древнем Египте не пользовались рупорами.

Слова Деникена о «никем не разгаданной технологии», как явствует из контекста, не самокритика, а выражение безнадежности: мол, нам (людям нашего века, и особенно египтологам и историкам строительства) не удалось и, наверное, не удастся раскрыть тайну строительства пирамид. Мы, конечно, многого еще не знаем и многое знаем неточно, но все же нам известно гораздо больше, чем кажется Деникену. Об этом и о людях, посвятивших этим вопросам годы жизни, мы уже говорили в главах VII и IX. И потому ограничимся лишь замечанием по поводу наиболее важной технико-организационной проблемы, за решение которой Деникен великодушно сулит целое царство. Он полностью исключает возможность получения древесины для катков, необходимых при доставке блоков, из той «горстки деревьев, в основном пальм, которые растут в Египте», и потому, с его точки зрения, оставался единственный вариант — импорт из-за границы, что «потребовало бы большого флота, а после выгрузки древесины в Александрии дальнейшей транспортировки против течения до Каира». Во-первых, количество необходимых для ее доставки судов он явно преувеличивает; во-вторых, египтяне могли переправлять древесину и без флота, т. е. по суше, как они доставляли, например, воинскую добычу и иноземные товары; в-третьих, доставка против течения Нила вовсе не исключена, и парусные суда, подгоняемые ветром (который здесь нередко дует как раз против течения) и влекомые людьми, были и поныне остаются в Египте обычными

транспортными средствами; в-четвертых, если египтяне доставляли по Нилу блоки и обелиски весом в несколько тонн, то без затруднений доставили бы и древесину. И, в-пятых, но это уже только порядка ради: когда строились пирамиды, в Александрии ничего выгрузить не могли, равно как ничего оттуда не транспортировали. Ведь, как известно, она была основана Александром Великим только в 332 году до н. э.

Помимо этих проблем и загадок вокруг Великой пирамиды Деникен приводит еще множество иных, в большинстве случаев — по Смиуту или по Тинкеру Макса Эйта. Выберем из них лишь «несколько фактов, над которыми стоит немного призадуматься», — как говорит он сам. «Простая ли это случайность, что высота пирамиды Хеопса, помноженная на миллиард, весьма приблизительно соответствует расстоянию между Землей и Солнцем, т. е. 147504000 километров?» Если хоть немного поразмыслить — это действительно случайность, так как древние египтяне вообще не знали расстояния от Земли до Солнца и при тогдашних астрономических представлениях производить такие измерения им и в голову не приходило. Между прочим, подобных случайностей немало: высота Великой пирамиды, помноженная на тысячу, весьма приблизительно соответствует воздушной трассе Каир — Мекка, т. е. 1490 километрам; длина стороны этой пирамиды в метрах, помноженная на тысячу, также весьма приблизительно равняется расстоянию от Гизе до Тимбукту в английских мерах, т. е. 2340 милям, и т. п. «Случайность ли, что меридиан, проходящий через пирамиду, делит сушу и океаны на две совершенно равные половины?» Это случайность, ибо египтяне не имели представления о форме Земли и расположении на ней суши и океанов; они даже не знали, что Земля круглая. Однако надо заметить, что две половины лишь приблизительно равны. Кроме того, сушу и океаны также приблизительно делит пополам и меридиан, на котором император Диоклетиан основал свою столицу в Никомедии и на котором Петр Великий заложил Петербург. «Случайно ли, что основание пирамиды, деленное на удвоенную высоту, составляет известное Лудольфово число 3,1416?» — спрашивает далее Деникен, хотя известно, что точный расчет дает не Лудольфово число, а 3,1684. «Случайно ли, что, исходя из размеров пирамиды, можно подсчитать вес Земли и что скальное основание, на котором она стоит, было с максимальной точностью нивелировано?» — так звучит последний из этих вопросов. О нивелировке основания мы уже говорили в главе VII, а также об обрядах, которые при этом совершались; эта нивелировка была результатом точного измерения и нелегкого труда, а вовсе не случайности. Что же касается вычисления «веса Земли», необходимо лишь повторить, что из размеров любой пирамиды можно вычислить все что угодно, вплоть до уже упомянутого среднего веса золотой рыбки. Нужно только пользоваться методом, описанным столетия назад Уилером.

Однако вернемся к одному положению Деникена, мимо которого мы прежде прошли без внимания. «Ни один современный архитектор не сумел бы построить пирамиду Хеопса, — читаем мы второй раз, — даже будь у него в руках технические средства всего мира». Это, конечно, преувеличение. Даже в самом Египте возникла постройка более крупная, чем Великая пирамида, т. е. с большим количеством затраченного материала и требовавшая более совершенной техники, и притом на наших глазах: это высотная Асуанская плотина. Более крупные сооружения построены в Сибири и других районах Советского Союза, а также в Соединенных Штатах; в Западной Европе с этой точки зрения Великую пирамиду превзошли несколько укрепленных районов линии Мажино. Американская фирма, выстроившая «восьмое чудо света» — Empire State Bilding, беретса построить копию «первого чуда света» — Великой пирамиды — и вручить ее заказчику «вместе с ключами»; и хотя это всего-навсего реклама (начертанная золотыми буквами на стене «Зала восьмого чуда», этого до недавнего времени самого высокого здания Нью-Йорка), однако, без сомнения, фирма выполнила бы свое обещание. Да и другие крупные строительные организации сделали бы то же самое, по крайней мере те, которые предоставили свои расчеты авторам западногерманского «Словаря античности» (1950), в котором говорится, что расходы на постройку пирамиды составили бы примерно 400 миллионов марок. Чехословацкие строительные организации, используя соответствующую технику, сумели бы построить ее с 500 рабочими за 20 (как, по сообщению Геродота, в Древнем Египте) или с тысячей рабочих, ибо слишком большое количество трейлеров и подъемных кранов только бы мешало, примерно за 10 лет. А возможно, и несколько скорее; разумеется, это лишь приблизительные данные.

Наверняка этого уже достаточно: мы остановились на самом интересном, разбираясь в сообщениях религиозных и цифровых мистиков; не будем анализировать и всех рассуждений Деникена. Иначе нам пришлось бы заниматься и вопросами вроде следующих: могли ли в Египте «все, абсолютно все кормиться скромными урожаями сельского хозяйства Нильской дельты» (между прочим, одной из самых плодородных областей нашей планеты); почему в гробницах «ни потолки,

ни стены не почернели от сажи и нигде нет признаков, доказывающих, что кто-нибудь эти следы сажи или дыма устранял» (сажа и дым — через четыре с лишним тысячелетия!); как расценивать утверждение, будто «Древний Египет неожиданно и без перехода оказался в центре фантастической цивилизации»? И т. д. Однако зачем же Деникен занимается всем этим в книге под названием «Воспоминания о будущем»?

«Не вызывает никаких сомнений,— говорит он сразу же во введении,— что с нашим прошлым давностью в тысячи и миллионы лет не все в порядке. Оно кишит неведомыми божествами, которые в составе экипажей космических кораблей посещали старую добрую Землю. Мы находим тут тайное оружие, даже оружие массового уничтожения, и свидетельства других поразительных технических знаний, которые частично и по сей день нам еще недоступны». А конкретно о пирамидах он говорит (после рассказа о загадках их строительства, об их размерах, расположении и т. д.): «При наличии такого множества аргументов против прописных школьных истин да будет нам дозволено задать вопрос, не сказали ли тут свое слово „боги“».

Задать такой вопрос не возбраняется, тем более что под этими «богами» Деникен обычно подразумевает высокоинтеллектуальных космонавтов-инопланетян давнего прошлого. Существование внеземных цивилизаций и их контактов с Землей в достаточной мере правдоподобно; проблема эта уже перешла из царства фантазии в сферу научного изучения. Только пирамиды тут ничего не доказывают: известного о них хватает с лихвой, чтобы мы могли вполне ответственно сказать, что в их строительстве не участвовали ветхозаветные евреи, точно так же как их не приказал строить допотопный царь Сурид (кем бы он ни был), точно так же как и господь бог не зашифровал в них «судьбу человечества». Это постройки, сооруженные людьми и человеческими средствами, творения древнеегипетских зодчих и рабочих, постройки древней, но все-таки исторической эпохи.

Разумеется, на вопросы, поставленные Деникеном, можно ответить и иным образом; причем ему не откажешь в литературном даровании, живом языке, умении увлечь читателей (чего можно было бы пожелать многим египтологам), богатой фантазии. Но вопреки этим положительным сторонам книги и ее успеху у читателей необходимо сказать, что ничего из того, что в ней написано о пирамидах, нельзя принимать всерьез.

Было бы, однако, несправедливо упрекать в вымыслах и ошибках, накопившихся вокруг пирамид, только религиозных и цифровых мистиков, маньяков из рода изобретателей перпетуум-мобиле, восточных сказочников и фантастов. Свою лепту (причем солидную) внесли и изъездившие весь свет путешественники, и публицисты, и представители различных областей науки. Много ошибок допустили и сами египтологи.

Но ошибка ошибке рознь: заблуждение на пути науки — это нечто совершенно иное, чем неуклонное продвижение вперед по дороге, уводящей в сторону. «Ошибка египтолога» качественно отлична от «истины пирамидолога». Одно — ошибка первооткрывателя, продирающегося через неизведанную чащу, и совсем другое — ошибка человека последующего поколения, который не имел на нее права, потому что должен был знать, как ее избежать. Существует также различие между рабочей гипотезой ученого, которая может оказаться неправильной, и навязыванием такой гипотезы обществу с заверениями, будто речь идет о научных данных. Разумеется, путь науки вымощен ошибками, но не только ошибками, а и преодолением их. Это и относится и к исследованию пирамид: ошибку тут не допускал лишь тот, кто довольствовался повторением установленных истин.

Конечно, мы помним, что старые египтологи относили начало истории Египта, т. е. его «объединение Менесом», к VI—V тысячелетиям до н. э. Из этого вытекало, что Великая пирамида могла быть построена — по Шампольону — в начале V тысячелетия до н. э., по Мариетту — во второй половине V тысячелетия до н. э., по Лепсиусу — в начале второй половины IV тысячелетия до н. э. Однако нам известно, что у египтологов тогда еще не было достаточных данных для получения более правильных результатов; такие результаты получили их последователи. Мариетт, например, долго отстаивал взгляд, будто в пирамидах нет надписей, поскольку ни в одной из них он этих надписей не нашел; когда такие надписи были обнаружены в позднее открытых пирамидах, он, естественно, отказался от своей точки зрения, хотя и с тяжелым сердцем,— ведь горестно сознавать, что всю жизнь ошибался. Лепсиус создал ошибочную теорию, согласно которой величина пирамиды прямо пропорциональна продолжительности правления царя, приказавшего ее построить; несмотря на бесспорный авторитет Лепсиуса, эта теория была опровергнута. Ошибся и Питри, когда объяснял, как укреплялись блоки в углах пирамиды; Борхардт заменил его теорию новой и более достоверной. Не исключено даже, что отдельные детали и причинные связи египтологи и до

сих пор объясняют неправильно, хотя они строго различают, что можно считать лишь правдоподобным и к чему следует относиться как к твердо (или почти) установленному. Но насколько эти ошибки и неправильные сведения ближе к истине, чем, к примеру, утверждение, будто пирамиды возникли во времена ветхозаветного Иосифа, или предположение, будто в создании их принимали участие космонавты-инопланетяне! В связи с проблемой ориентации пирамид мы упомянули о двух знаменитых британских астрономах. Джон Гершель в приложении к «Операциям, осуществленным на пирамидах. Гизе и в них» Виза и Перринга указал, что нижний входной коридор Великой пирамиды был ориентирован на тогдашнюю Полярную звезду, т. е. на альфу созвездия Дракона, и что минимальное отклонение (на $3^{\circ} 42'$) имело тут место в 3400 и 2160 годах до н. э. Это так, однако сделанный из этих расчетов вывод, что пирамиду построили в один из этих годов, скорее всего в первый, в свете позднейших египтологических данных оказался неверным. Ричард А. Проктор издал в 1888 году работу «Великая пирамида», направленную против выводов Смита, в которой подтвердил расчеты Гершеля. Но одновременно он выступил с гипотезой, что на первой стадии строительства эта пирамида была «астрономической и астрологической обсерваторией». Ее большая галерея якобы имела такую глубину и такой наклон, что около 3400 года до н. э. из нее можно было днем и ночью наблюдать прохождение альфы Кентавра. По времени это совпадало с моментом минимального отклонения альфы Дракона от направления нижнего коридора. Несомненно, древние египтяне могли бы вести такое наблюдение (если бы подтвердились остальные предположения Проктора), хотя нет никаких свидетельств в пользу того, что они интересовались альфой Кентавра. Однако его предположения не подтвердились, и около 3400 года до н. э. никто не мог наблюдать за этой звездой с Великой пирамиды, ибо построили пирамиду много веков спустя, а именно около 2550 года до н. э. Но и тут мы можем сказать: насколько выше такая ошибка убеждения, что Великая пирамида была прибежищем для всех знаний человечества в дренную эпоху!

К иной категории относятся теории и гипотезы, авторы которых стремятся разрешить некоторые связанные с пирамидами проблемы при помощи аналогий с современным техническим прогрессом. Например, польский архитектор В. Козиньский, сотрудник археологической экспедиции К. Михаловского в Египте, в работе «Организация процесса капитального строительства пирамиды Хеопса» (1969) высказал предположение, будто для решения такой сложной технической и организационной задачи, какой было создание пирамиды Хеопса, необходимо было некое «специализированное государственное предприятие», которое осуществляло строительство «по заранее разработанному строгому графику». При реализации такого архитектурного замысла инженеры не могли опираться только на планы и чертежи, а должны были пользоваться и «макетами», как это обычно делается в современном капитальном строительстве. Макеты древних египтян, по его мнению, сохранились: это как раз «три пирамиды-спутницы на восточной стороне пирамиды Хеопса, изготовленные в масштабе примерно 1:5», причем каждая из них соответствует «одной из трех известных нам стадий ее строительства». Эта гипотеза вызвала у египтологов большие сомнения, ибо не согласовалась с имеющимися данными о функции пирамид-спутниц; кроме того, Козиньский не принимал во внимание остальные пирамиды-спутницы, у которых, как правило, иной наклон, а часто и совсем иная структура, чем у главной пирамиды. Но, несомненно, теория эта примечательна, и К. Михаловский сказал об ее безвременно умершем авторе: «А не был ли он в принципе прав?»

Помимо «технических» теорий и гипотез время от времени появляются и «экономические». С наинovelшей и ныне наиболее известной выступил британский физик и видный специалист по сжижению гелия К. Мендельсон, о котором мы упомянули в связи с пирамидами в Медуме и Дашу ре. Толчком к ее созданию послужила долго дискутировавшаяся и до сих пор не решенная проблема: почему некоторые цари не довольствовались одной пирамидой? В 1974 году Мендельсон опубликовал объемистую книгу «Загадки пирамид», а до этого ряд статей, одну из которых назвал «Пирамиды для безработных?». В этой статье он высказывает предположение, будто египетские цари старались обеспечить в стране полную занятость и для этого решили прибегнуть к непрерывному строительству пирамид. «Едва строительство какой-нибудь пирамиды завершалось и переставало приковывать к себе большое количество рабочей силы, как сразу же начинали строить новую. Так строительство пирамид стало экономической неизбежностью независимо от того, было ли достаточное количество фараонов, чтобы хоронить их в этих пирамидах». Выходило, что пирамиды были чем-то вроде средневековых «голодных стен» или известных нам по эпохе капитализма «общественных работ». Это кажется вполне приемлемым, но лишь до тех пор, пока мы не осознаем, что тут под одним названием подразумеваются совершенно разные вещи, а понятия современного денежного хозяйства переносятся на древнее натуральное. В первом случае речь идет о благотворительных работах,

главной целью которых было дать людям заработок; но рядовые строители пирамид ничего не зарабатывали, а лишь выполняли трудовую повинность. Деньги и заработная плата в нашем смысле в ту пору в Египте еще не существовали; вознаграждались за труд (натуральными продуктами и без учета конкретной производительности) только квалифицированные специалисты, в то время как основная масса строителей в лучшем случае получала пропитание (из того, что ранее она сама отдала царю в качестве подати). Речь тут, конечно, не шла и о «борьбе с безработицей». Это ясно хотя бы из того, что царей, побелевших построить для себя больше чем одну пирамиду, было немного. Во всей египетской истории их было всего двое: Снофру и Аменемхет III.

Нетрудно заметить, что во всех этих и им подобных теориях или гипотезах, как они ни интересны, имеет место явная внеисторическая модернизация, которая обесценивает их значение для науки. Египтологи привыкли объяснять загадки Древнего Египта данными, которые представляет сам Древний Египет; это касается и проблем, связанных с пирамидами; они больше доверяют своей науке, чем идеям, рождающимся вне ее. И все же египтологи не могут просто пройти мимо них, «ведь и за забором науки растут пальмы и тоже приносят плоды». Большой частью египтологи не комментируют этих гипотез и почти никогда не полемизируют с их авторами, ибо считают более целесообразным развивать позитивные знания; кроме того, они не видят в подобных авторах своих врагов. Свой гнев они чаще обращают против лжеинформаторов, распространителей всяческих вымыслов, ловких публицистов, безответственно относящихся к написанному,— правда, насколько у них самих хватает на это энергии и времени.

Несерьезные книги о Древнем Египте имеют гораздо более отрицательное воздействие, чем труды «пирамидоманов» или «пирамидиотов». Мистику читатель распознает довольно легко; с мистификацией дело обстоит хуже, особенно если она нашпигована цитатами из трудов ученых и преподносится в научной упаковке. К сожалению, таких сочинений великое множество, они появляются снова и снова с регулярностью нильских наводнений. Интерес к Древнему Египту не ослабевает, а поскольку это своего рода неохранный участок, о нем можно писать что угодно; конечно, не в книгах, написанных учеными для ученых, а именно в книгах и статьях, предназначенных для широкого читателя. Ведь никому не принесет вреда, если кто-то перепутает династию, вложит в уста египетского жреца изречение Аристотеля или принципы христианской морали, чародеев назовет философами, а военачальника генералом или капитаном. Иной раз такая мистификация имеет и другое значение, когда, например, египетскому обществу приписываются проблемы, с которыми можно встретиться и при капитализме (из чего в таком случае вытекает, что они «вечны» и «неразрешимы»), или когда обстановка в Египте настолько идеализируется и достижения египтян настолько, преувеличиваются, что тем самым, собственно, отрицается исторический прогресс.

Как пример такой мистификации в науке можно привести книгу, Альберта Нейбургера «Техника в древности», которая вышла в Берлине в 1919 году и разошлась по всем странам Центральной Европы, где ее встретили с тем традиционным уважением, с каким принято относиться к обстоятельности и добросовестности немецких ученых. Но в Германии выходили не только серьезные книги; существующая там ситуация способствовала, и, пожалуй, в еще большей мере, чем в других странах, появлению книг, подрывающих престиж науки. Представители официальной науки были чрезвычайно чопорны и считали недостойным унизиться до популярной работы, тем самым они освобождали поле деятельности для различных компиляторов и публицистов, преследовавших чисто коммерческие цели. (В Англии и во Франции, где особенно пышно расцвела «пирамидология», произошло резкое разграничение «света» и «тени», и главная заслуга в этом принадлежит ведущим ученым; Питри, Бедж, Мариетт, Масперо и другие написали ряд популярных книг, которые читаешь с большим увлечением.) Книга Нейбургера, несмотря на большой объем и прекрасное оформление,— просто стряпня из домыслов и вымыслов. Как научно доказанные факты здесь приводятся все теории и рассуждения Смита, а теория Лепсиуса о постепенном росте пирамиды провозглашена последним словом науки. Автор утверждает, что Великую пирамиду невозможно было построить в течение одной человеческой жизни; в дополнение к нашему старому знакомому Хуфу, или Хеопсу, он придумал еще Хеопса II, но и тот якобы до конца жизни не успел закончить пирамиду.

Немецкие ученые поступили с книгой Нейбургера, как она того заслуживала; когда в 1922 году Борхардт перечислял свидетельства «последней сильной вспышки пирамидной эпидемии, в свое время свирепствовавшей в Германии», он назвал ее на первом месте. Но вопреки столь резкой, дискредитирующей оценке книга Нейбургера долго еще пользовалась уважением у авторов всяких путевых очерков, между прочим и в Чехословакии. Один наш писатель, притом довольно уважаемый,

охарактеризовал ее даже как «обобщение всех сведений о древней технике, имевшихся в распоряжении науки после первой мировой войны», и представил ее сомнительные тезисы в качестве не подлежащих сомнению научных данных. Вдобавок он умолчал об отношении египтологов к цифровой и прочей мистике, так что читатель получил совершенно одностороннюю информацию, причем антинаучные взгляды были рекомендованы ему как научные. Это кажется невероятным, но только сейчас: в то время, когда издательства не требовали на книги с подобной тематикой отзывов' специалистов, это было в порядке вещей.

При таких обстоятельствах и в стране ей столь богатой египтологической традицией, как Чехословакия, могли выходить книги о Египте, в которых значилось, что знаменитая XXVI (Саисская) династия была «порой владычества ассирийцев», что египетская медицина была основана на «научных опытах», что в Древнем Египте «дети ходили в школу еще с четырех лет» и т. д. Что же касается пирамид, приведем из неверных информации такого сорта хотя бы одну. Рабы «именно в период строительства пирамид были весьма немногочисленны и мало что значили с экономической точки зрения», «поэтому на строительствах храмов и гробниц прежде всего работали квалифицированные специалисты, объединенные в организации, предшествующие цехам; эти организации имели собственное судопроизводство, заключали совершенно законные договоры о коллективной оплате труда (время от времени обнаруживаемые археологами) и в случае нарушений со стороны заказчика умели весьма энергично отстаивать эту плату посредством забастовок, голодных маршей и тому подобных действий. Огромное количество письменных свидетельств, которые сохранились и были с абсолютной надежностью прочитаны египтологами, позволило прийти к выводу, что именно на строительстве пирамид появились „заводские врачи" нашего типа, получавшие не произвольную мзду за разовое оказание помощи, а постоянную плату за все оказанные ими в течение определенного времени услуги» и т. д. и т. п.

Прокомментируем эту длинную цитату лишь кратко: все сказанное в ней с начала до конца не соответствует истине. И эти организации рабочих с собственным судопроизводством, и эти коллективные договоры с заказчиком (царем!), и эти заводские врачи, и это множество письменных свидетельств... Что же касается сообщений о забастовках и голодных маршах, то они дошли до нас не со времен строительства пирамид, а со времен Рамсеса III или Рамсеса IV. Кроме этой маленькой ошибки на много столетий, все остальное выдуманно.

Что еще сказать о книгах подобного рода? Пожалуй, лишь то, что от писателя требуется не только владение слогом; в первую очередь он должен знать материал, о котором пишет, даже если речь идет о далеком Древнем Египте и его пирамидах.

Но давайте простимся по-доброму и с героями нашей последней главы; ведь они говорили и писали все это без злого умысла. Это относится и к авторам, не принадлежащим к сей компании, но в пылу увлечения Древним Египтом утверждавшим, будто «наследием его была великолепно выраженная гуманность, наложившая отпечаток на мир, в котором мы живем», что решительно не соответствует истине. Право же, лучше всего мы чувствовали себя среди трезвых ученых, но и людей подобного рода, а главное — их сочинения нельзя сбросить со счетов, когда мы говорим о пирамидах. Поэтому мы не хотели напоминать тех страусов из арабской пословицы, которые суют голову в песок и радуются, что ничего не видят.

Но помимо гор исписанной бумаги, достигающих высоты пирамид, нагроможденных различными мистиками, мистификаторами и авторами несерьезных сочинений, существует, к счастью, и богатая литература, на которую мы можем положиться. Не только специальная, в достаточной мере недоступная, но также научно-популярная и художественная. Создатели ее поняли, что путь в глубины прошлого ведет через груды книг, через коллекции музеев всего мира, через лагерь археологов и т. п. и что этот путь автор должен проделать сам. Специфическую разновидность представляет здесь документальная литература, все более вытесняющая литературу, не уважающую факты. Так что положение не столь безотраднo, как могло бы показаться после знакомства со множеством упомянутых в этой главе сочинений. Как раз наоборот! Достаточно вспомнить о книгах, названных в предшествующих одиннадцати главах!

Простившись с книгами о пирамидах, простимся и с самими пирамидами. Собственно, мы это уже сделали — на прославленной равнине Саккара, в торжественной тишине пустыни. Однако вскоре после вылета из Каира под свист реактивных моторов мы снова увидим внизу, под собой, пирамиды в Гизе; бросим на них последний взгляд. Они стоят так же неподвижно, как и четыре с половиной тысячелетия назад, сохранив величие и после того, как их превратили в забаву для туристов. Они огромны, даже если глядишь на них с высоты, с которой все кажется маленьким, и будут там стоять столетия — когда уже не останется в живых никого из тех четырех миллиардов людей,

которые населяют сейчас нашу планету, когда не будут жить и дети их детей, когда от первого года нашей эры пройдет больше лет, чем уткло с момента постройки пирамид до ее начала... И хочется даже сказать — будут стоять вечно.

Будут стоять там как памятники могущества и славы древних властителей страны на берегах Нила? Разумеется... но в то же время и как памятники их теократического деспотизма. И как памятники культуры и цивилизации, которым они обязаны своим возникновением. А главное — как памятники древнеегипетского народа, который должен был обеспечить бессмертие своим властителям, но вместо этого построил бессмертный памятник собственному величию. И люди, каких бы взглядов на назначение пирамид они ни придерживались, всегда будут восхищаться ими как одним из величайших творений рук человеческих и воистину первым чудом света.

ИСТОЧНИКИ СВЕДЕНИЙ О ДРЕВНЕМ ЕГИПТЕ В РОССИИ В XI—XVIII ВЕКАХ

В. Замаровский — известный чехословацкий популяризатор в области древней истории. Некоторые его книги уже переведены на русский язык и пользуются большим и заслуженным успехом у читателей. Но (как это ни выглядит на первый взгляд парадоксальным!) у нас почти нет научно-популярных книг о первом из семи чудес света — египетских пирамидах. За последние двадцать лет вышли всего лишь две небольшие книги, посвященные этому интереснейшему явлению в истории человеческой культуры¹.

Поэтому уже по своей теме настоящая книга не может не вызвать интерес. Кроме того, она обладает рядом достоинств. Самое главное — она построена на очень большом научном материале. Автор использовал не только лучшие современные труды о пирамидах (Ж. Ф. Лауэра, И. Эдвардса и многих других), но и поистине необозримую литературу по истории Древнего Египта и истории египтологии.

Другим достоинством книги можно считать увлекательность и живость изложения. В немалой степени этому способствуют экскурсии в самые различные области древнеегипетской культуры: письменность, литературу, математику, астрономию, право, религиозные представления и др. Но, пожалуй, это является следствием главным образом как писательского дара автора и его искреннего интереса к тому, о чем он пишет, так и его собственных впечатлений от посещения пирамид и других достопримечательностей Египта.

Нельзя не отметить и удачное построение книги. Три основных раздела книги — «Каменные чудеса на Ниле», «Вопросы и ответы из царства мертвых» и «Пирамиды в свете науки» — последовательно знакомят читателя с комплексом проблем, связанных с пирамидами: от постепенного раскрытия тайн египетских пирамид до современного состояния их изучения. Четвертый раздел книги состоит всего из одной, но крайне важной главы — «Последние загадки». Она посвящена критике всевозможных мистических, религиозных и фантастических теорий, возникших в результате ненаучных и предвзятых представлений о пирамидах и, к сожалению, имеющих хождение до сих пор. В. Замаровский очень остро и иронично разоблачает взгляды создателей этих теорий — от Джона Тейлора, основателя «пирамидологии», до Э. фон Дешшена, автора «Воспоминаний о будущем».

При всех достоинствах книги В. Замаровского она не лишена и некоторых недостатков, проистекающих в основном из того, что автор не является специалистом-египтологом. С недопустимой легкостью он иногда пытается разрешить весьма трудные египтологические проблемы и делает ошибочные выводы. Например, автор высказывает мнение, что концом истории Древнего Египта следует считать исчезновение иероглифического письма, что явно неправильно. Под историей Древнего Египта нужно подразумевать период от Менеса до окончательной утраты Египтом независимости и включения его в состав империи Александра Македонского, в то время как иероглифическим письмом пользовались иногда даже в IV веке н. э.

Другой недостаток книги вытекает из желания автора охватить чрезмерно большой круг вопросов, часто мало связанных с основной темой повествования — историей строительства и изучения пирамид. Следствием этого является иногда некоторое смещение акцентов и ввод большого числа второстепенных моментов в ущерб главной теме. К чести автора, он сознает эти недостатки книги и, говоря, например, о проблеме ориентации пирамид, высказывает соображение, которое можно отнести ко всей книге в целом. «Мы не можем претендовать на то, — пишет В. Замаровский, — чтобы за время обычного туристского путешествия пытаться проникнуть дальше, чем

высококвалифицированные специалисты в результате работы „в поле“ и в прекрасно оснащенных кабинетах».

Думается, однако, что, несмотря на указанные выше недочеты, книга В. Замаровского не оставит безучастным читателя в отношении круга проблем, связанных с «их величествами пирамидами», и будет способствовать пробуждению интереса к египтологии вообще.

Сейчас же нам представляется необходимым более подробно остановиться на источниках знаний о Египте в России до возникновения египтологии. Дело в том, что в насыщенной фактами главе III о посещении европейцами Египта В. Замаровский приводит большой и интересный материал о путешественниках из разных стран, начиная по меньшей мере с XIV века, но лишь вскользь упоминает трех русских путешественников. А между тем история проникновения сведений о Египте, так же как и о других странах Востока, в Россию очень интересна и поучительна и тоже входит в наше великое наследие. Более того, без нее совершенно непонятны ни тот интерес, с которым было встречено в России великое открытие Ж. Ф. Шампольона, ни закономерность появления русской и советской египтологической школы.

Первые сведения о Древнем Египте стали проникать на Русь с принятием христианства, т. е. около тысячи лет назад. В библейских книгах, несмотря на богословские установки, содержались исторические данные не только о Палестине, но и о народах, с которыми сталкивались Израиль и Иудея, в том числе и о египтянах. Весьма подробны, например, сообщаемые Библией факты о войнах между позднеегипетскими фараонами и позднеавилонскими царями за Сирию и Палестину.

Но подлинным источником самых разнообразных сведений о Египте стали в Древней Руси византийские хроники, на которые русские летописцы обратили внимание в связи с определением места России среди других стран во всемирной истории. Многие из этих хроник переводились на древний славяно-русский язык. Наибольшей популярностью пользовались древние хроники Георгия Сипкелла (VIII век), Иоанна Малалы (VI век) и Георгия Амартола (IX век).

Как известно, именно у первых двух хронистов сохранилось больше всего выдержек из труда Манефона (IV—III века до н. э.) — египетского жреца, современника Птолемея I и II, создавшего на греческом языке труд об истории Египта («Египтиака») на основе древнеегипетских летописей. До сих пор за основу периодизации истории Египта принято деление Манефона на три царства и на династии фараонов. В его труде указывалась продолжительность правления отдельных царей и династий и сообщались различные исторические сведения. Из переводов хроник И. Малалы и Г. Синкелла древнерусские книжники получали, так сказать, из первых рук эллинистические представления и сведения о Древнем Египте. Например, в переводе второй книги хроники И. Малалы упоминается и сам Манфон (т. е. Манефон) и приводятся выдержки из его труда. При этом переводчик перерабатывает хронику и для лучшего понимания, видимо, отождествляет первых правителей Египта — по Манефону, богов — Гефеста (древнеегипетского Птаха) с древнерусским Сварогом, а его сына бога Солнца с Дажьбогом. Перечисляются преемники последнего — Сир, Ор и Филис (по Манефону, Сосис — Осирис, Хор и Фулис) и даются греческие названия пяти планет, которые, возможно, тоже рассматривались Манефоном как имена паидревнейших правителей-богов (Кронос — Сатурн, Зевс — Юпитер, Арес — Марс, Афродита — Венера, Гермес — Меркурий). В том же духе эллинистических представлений и мифов рассказывается также о завоеваниях великого воителя Состроса (Сезостриса — Сенусерта), о мудрости «мужа дивного и мудрого» Ермиса Тревеликого (т. е. Гермеса Трисмегиста, с которым в эпоху эллинизма отождествлялся древнеегипетский бог мудрости Тот) и о каком-то фараоне Нарaxe, царствовавшем якобы после Состроса. При этом в рассказе о завоеваниях Состроса в переводе сохранена даже ссылка И. Малалы на Геродота. Что же касается хроники Георгия Амартола, александрийского монаха, то она была полностью переведена на славяно-русский язык в середине XI века и пользовалась большим успехом. Считают, что эта хроника была самым популярным историческим произведением в древнерусской литературе.

Георгий Амартол не только передает библейские истории и подробно рассказывает об исторических событиях римско-византийского времени, но и сообщает многие другие историко-культурные и этнографические сведения. Среди них много сведений и о Египте, что, видимо, не случайно, учитывая александрийское происхождение Георгия Амартола. В хронике можно найти, например, довольно подробное изложение истории завоевания Египта Александром Македонским, распада его империи после его смерти, истории птолемеевского Египта. Но особенно привлекает

Георгия Амартола древнеегипетская религия. Поэтому он неоднократно останавливается на ее основном отличии: многобожии и поклонении животным (козлам, овцам, змеям, рыбам, крокодилам и др.) и растениям, идолам с головами животных, солнцу, луне, звездам, Нилу. Отмечается и тот любопытный факт, что древнеегипетские города поклонялись различным богам («мемфисцы веровали в быка, волкоградцы — в волка, львоградцы — в льва...» и т. д.). Георгий Амартол не оставляет без внимания и культы Аписа, Исиды и Осириса (последние в славяно-русском переводе названы «Ис и Осир», т. е. почти совсем по-египетски!), а также подробно описывает культ Сераписа в Александрии и его храм.

Из хроник можно было узнать и о некоторых природных особенностях Египта, и прежде всего о реке «Гион, зовемой Нил», и о ее разливах. Русский читатель мог даже ознакомиться по хронике с описанием крокодила...

Из культурно-исторических особенностей древних египтян Георгий Амартол упоминает их удивительную письменность («грамоту иероглоуфиискою» — в славяно-русской передаче) и считает египтян первыми землемерами.

Наконец, в какой-то мере Георгий Амартол указывает на влияние египетской цивилизации на античную, говоря, что Анаксагор, Пифагор, Платон и Плутарх побывали в Египте и беседовали с египетскими «премудрыми».

Одно из первых упоминаний Древнего Египта в русской литературе можно найти в замечательном памятнике древнерусского летописания начала XII века «Повести временных лет», рассказывающей об истории Руси IX—XII веков. Но, как известно, во вводной части, где определяется, «откуда пошла Русская земля», летописец связывает русскую историю с мировой и поэтому излагает прежде всего библейские легенды, начиная от «всемирного потопа» и разделения стран света между сыновьями Ноя. Среди «полуденных» (южных) земель, отошедших к Хаму, на первом месте он называет «Еюпет», а затем также упоминает «реку Гео-ну, зовемую Нил». В дальнейшем летописцем пересказываются многие библейские истории, связанные с упоминанием Египта, в частности о пребывании евреев в Египте и их исходе оттуда. Нет сомнения, что источником этих сведений являлись библейские книги и византийские хроники, в особенности хроника Георгия Амартола, но любопытно, что в некоторых случаях наши древние летописцы искали культурно-исторические «славяно-египетские» параллели. Так, например, в Ипатьевском списке «Повести временных лет» (текст под 1114 годом) сохранено сопоставление, сделанное древнерусским переводчиком хроники И. Малалы, Гестаста и Гелиоса (т. е. древнеегипетских богов Птаха и Ра) с русскими божествами Сварогом и Дажьдбогом.

Таким образом, уже в период сложения древнерусского государства на Русь проникали сведения о далекой южной стране, одной из родоначальниц человеческой цивилизации.

К сожалению, у нас нет данных о посещениях русскими людьми Египта в это время, а также в период феодальной раздробленности XII—XIII веков, если не считать сообщения в Никоновской летописи под 1001 годом, что Владимир отправил «гостей своих» как послов в некоторые страны, в том числе и в Египет, посмотреть их земли и обычаи.

Лишь с момента начала борьбы за объединение русских земель вокруг Москвы и образования русского централизованного государства в XIV—XV веках на Руси появляются новые сведения о Египте. Но они носят несколько иной характер, чем прежде, так как являются результатом не только чтения книг, но и личных впечатлений от путешествий в Египет русских людей — торговцев, паломников, государственных служащих, — путешествий, которые можно документально зафиксировать с XIV века.

И все же следует указать на то, что и в это время в русской литературе уже были книги историко-географического содержания, в которых встречались упоминания о Древнем Египте. Это прежде всего хронографы и космографы.

Первые русские хронографы, своего рода энциклопедии всемирной истории, появились уже в XI веке (это так называемые «Хронограф по великому изложению», «Еллинский летописец» и др.). Но особенное распространение они получают с начала XVI века, когда в хронографы включается русская история. Основным источником этих хронографов служили библейские книги, византийские хроники, русские и южнославянские летописи. Хронографы являлись очень важным видом литературы, далеко выходящим за рамки перечисления исторических событий. В них можно встретить пересказы античных мифов и эпоса, легенд, преданий, философско-теологические и культурно-исторические отступления, географические и даже астрономические, биологические и ботанические справки и многое другое.

Кое-что (к сожалению, немного) русские книжники могли прочитать в хронографах и о

Древнем Египте. Характерен в этом отношении «Хронограф 1512 года». В него были включены сведения о Египте не только из Библии, но и из византийских хроник XII века Константина Манассии и Иоанна Зонары. Так; уже в самом начале хронографа можно было узнать о реке Геон — Ниле и «первом» из четырех морей — Черном, или Египетском. В разделе о «рассеянии языков» нашло место объяснение арабского названия Египта («другой внук Хамов Месрем поселился в стране Египетской, и по его имени Египет называется»). В разделе «О родословии по потопе» по хронике К. Манассии говорится о религии египтян, поклонявшихся птицам, козлам, собакам, крокодилам и «пегому волу» с отличительными признаками на языке, теле и лбу. Упоминается и легендарный египетский царь Сосист-рий. Подробнее всего, разумеется, даны сведения о Египте во время Александра Македонского и Птолемея.

То же самое относится и к космографиям— описаниям стран.

В них помимо чисто географических сведений можно было найти сведения культурно-исторические, например, что «египтя-но же издавна к мудрости тщательны и земледельцы и звездочетцы». В так называемой «76-главной космографии», составленной в середине XVII века, в главе «О египетском царстве» дается много интересных деталей о Египте, например, перечисляются «славнейшие» города Древнего Египта (Сиене — Асуан, Тебе — Фивы, Гелиополис — Гелиополь, Менф — Мемфис и др.).

Однако подлинно новые сведения о Египте, как было отмечено выше, появляются на Руси в результате путешествий русских людей. Вначале их сообщения о Египте носят, конечно, очень краткий характер. Они описывают только современный им Египет, лишь пересказывая некоторые библейские легенды, связанные с историей Древнего Египта. Тем не менее постепенно начинает складываться более или менее полное представление прежде всего о природных условиях, в которых развивалась древняя цивилизация, о некоторых культурно-этнографических особенностях, о расстояниях между городами и т. п.

Так, около 1370 г. во время своего путешествия на Ближний Восток в Египте побывал паломник Агрений из Смоленска. В его «Хождении» среди указаний на расстояния между различными городами на пути его следования можно встретить измерения продолжительности пути в днях к Египту и внутри его между Каиром (Егуптом) и Александрией («от Иерусалима до Газы 3 дни, от Газы до Егупта 12 дни; от Егупта до Александрия 6 дни...»).

В начале шестидесятых годов XV века во время своего второго паломничества на Ближний Восток (1461-1462) Египет посетил инок Варсанофин из Киева (или из-под Киева). По пути из Константинополя через Крит и Кипр он попал в Дамият (совр. Думьят, Дамьетта) и оттуда вверх по Нилу отправился в «град Егупет», т. е. в Каир. В Каире Варсанофий пробыл 6 недель. За это время он, без сомнения, хорошо осмотрел Каир и его окрестности. Но его заметки носят крайне лаконичный характер. Небезынтересно его краткое, видимо, первое в русской литературе описание Каира и Нила: «Град же Егупет стоит великий на ровне месте, под горою. Под него же течет река из раю — златострунный Нил, и другое имя реце Геон. И поперек града есть 2 мили, а в длину 12 миль». Нил, по всей видимости, особенно поразил Варсанофия, и он еще раз возвращается к нему, называя его снова «златострунным»: «Великая же река златоструны Нил течет от полуденныя страны на полунощь в Белое (т. е. Средиземное.— *Н. П.*) море под Дамияты». Варсанофий мельком сообщает, что он видел «лютото зверя», т. е., видимо, крокодила, и поражается финиковыми пальмами, на которых, по его словам, «растет мед дивий». Наконец, у Варсанофия встречается первое на Руси упоминание о пирамидах и распространенное тогда определение их назначения как житниц Иосифа. Для Варсанофия Старый Каир — это «старый Мисюрь». Он точно определяет местоположение пирамид против этой части города («житницы Иосифа Прекраснаго за рекою за Нилом противу старово Мисюря»).

В 1522 году Египет посетил казначей великого князя Михаил Гиреев. Он пробыл в «Египте граде велицем» довольно долго — 40 дней. Но М. Гиреев не оставил записей своих наблюдений. Сохранился лишь очень небольшой пересказ, сделанный кем-то другим, его повествования о современном ему Каире.

Следующее путешествие в Египет, о котором остались краткие записи, связано с именем купца Василия Познякова. Он был родом из Смоленска, но занимался торговыми делами в Москве. В 1558 году по повелению Ивана Грозного Василий Позняков с сыном был включен в состав посольства на Ближний Восток с указанием «обычай во странах тех писати». В октябре 1558 года посольство покинуло Москву. После долгого и трудного пути и различных злоключений посольство достигло Константинополя, а потом отправилось в Александрию. Лишь через год, в октябре 1559 года, посольство оказалось в Каире, где пробыло всего четыре дня. Естественно, за это

короткое время Василий Позняков многого не увидел. На обратном пути он остановился на неделю в Александрии и оттуда вместе с посольством отбыл на Синай. В декабре 1559 года посольство снова вернулось в Александрию, откуда и отправилось на родину. Таким образом, в Египте Василий Позняков находился очень недолго, но все же в своих «Хождениях» он описал Каир, который в это время находился в состоянии упадка. «А старой Египет (Старый Каир.— В. II.) ныне пуст,— пишет он,— немного в нем живут старых египтян и цыганов; а турки и христиане не живут. А город был каменной да развалился, токмо одне врата стоят целы...» Интересно и его описание пустыни, окружающей Египет, в сравнении с «пустынями» на Руси: «Не наши же там пустыни: в их пустынях нету ни лесу, ни травы, ни людей, ни воды. И идохом пустынею три дня и не видехом ничтоже, точию песок един да камене».

Но не из «Хождения купца Василия Познякова» черпал любознательный читатель Московской Руси сведения о Ближнем Востоке и Египте, а из описания странствований Трифона Коро-бейникова. На популярность его «Хождения» указывают более 200 дошедших до нас рукописных списков и более 40 печатных изданий.

Действительно, дворцовый дьяк Трифон Коробейников входил в состав двух посольств в Константинополь и на Восток при Иване Грозном и Федоре Ивановиче в 1582 и 1593 годах. Однако именно в Египте Трифон Коробейников никогда не был. В его «Хождение» сведения о Египте были перенесены переписчиками из «Хождения» Василия Познякова. Поэтому в нем можно встретить и уже цитированные строки о Старом Каире («А город был каменной...» и т. д.) и о пустыне («не наши пустыни...» и т. д.).

Но при составлении «Хождения Трифона Коробейникова» переписчики пользовались и другими источниками. Например, в «Хождении» можно найти подробное описание страуса, отсутствующее у Василия Познякова: «...птица струфокамил или струц: высоту человеку в плеча; а глава у нее аки утечья, а у ног копыта на двое, а ноги долги, аки у журавля, а крыле у нее что кожаные; а ходит по земле, а летает мало, хто ея роздразнит, и она бьет ногою копытом, каменей».

Первым, кто посетил Египет после смутного времени, был купец Василий Яковлев Гагара, уроженец Плеса. До своего путешествия на Ближний Восток он жил в Казани, откуда вел торговлю с Востоком. В хождение он отправился в лето 7142 года, т. е. в 1634 году. В отличие от его предшественников его путь в Египет лежал через Тбилиси, Ереван, Ардаган, Каре, Алеппо, Дамаск, Иерусалим. Лишь в конце декабря 1635 года В. Гагара оказался в Египте. Там он пробыл три месяца и две недели. Обрато Гагара возвращался через Болгарию и Молдавию и, видимо, в мае 1637 г. прибыл в Москву, где был незамедлительно пожалован царем Михаилом Федоровичем званием «московского гостя».

«Хождение» В. Гагары отличается от указанных выше двумя особенностями: описание Египта в нем более полное, чем Святой земли и других мест Ближнего Востока, и в нем мало пересказов библейских сказаний.

Более подробно, чем инок Варсанофий, В. Гагара описывает пирамиды, около которых он, без сомнения, побывал. «Да во Египте же,— пишет он,— за рекою Нилею, а по-гречески Геон, зделаны полаты велми велики и страшны, аки горы сильные; а от реки Нили б поприщ. А стоят на горе; а зделаны четвероугольны, а верхи у них как башни...»

В другом списке «Хождения» имеется интересное добавление, что «верхи у них шатровые».

Нет сомнения, что В. Гагара разделял существовавшее тогда мнение, что, во-первых, пирамиды построены евреями во время их пребывания в Египте и, во-вторых, что по своему назначению они являлись житницами. По поводу последнего он пишет: «А вход у тех полат зделаны по стене, как мощно человеку итти со пшеницею, одному бы вверх итти, а другому-де насупротив». Гагара пишет и о причине постройки пирамид фараоном: «А того ради ставил он на горе полаты, понеже писанно, что Египту от воды потопленну бысть».

Видимо, Василию Гагаре удалось побывать дальше других русских путешественников — около Фаюмского озера. Там он увидел устрашившее его зрелище — обнаженные ветром от песка мумии какого-то древнего кладбища. «Да близ того же езера,— описывает он,— выходят из земли кости человечьи... головы, и руки, и ноги, и ребра шевелятца, уподобися живым, а головы с волосами, а бываюут наруже поверх земли».

Если почти за двести лет до Василия Гагары инок Варсанофий первый из русских людей упомянул пирамиды, то Василий Гагара оставил первое описание знаменитого Гелйопольского обелиска в Эль-Матарие, воздвигнутого в XX иске до н. э. в древнем Оне (Гелиополе): «А под Египет же приезжаючи, за 5 поприщ стоит камень четвероуголен, верх востр, вышина 12 сажен, а кругом 4 сажени, а называют турки Фараоновым камнем, и подписано на его Фараоново имя». В этом описании

любопытны и приведенные размеры обелиска, и замечание о содержании иероглифической надписи на нем.

Не могли не поразить В. Гагару некоторые природные особенности долины Нила и его животного мира. «А та река Геон с Волгу»,— образно сравнивает он Нил с великой русской рекой, откуда пришел сам. Не менее образно пишет он и о непроходимых пустынях, окружающих Египет: «И ко Египту идучи, путь истомен: возле пещаноо море, и тем путем человеку пешему итти нелзе солнечного ради жжения и жажды водные...»

Подробно и не без юмора В. Гагара описывает крокодила — «лютого зверя», о котором инок Варсанофий лишь упоминает: «Да в той же в Геон реке есть зверь, имянуем коркодил, а живет в той реке в воде; а голова у него что у сома, а ноги аки у человека, и естество такоже, а хвост у того зверя аки у сома плеск, а но видению тот зверь аки змия ехидна... аще же постижет человека, то снесает до смерти. А рот у того зверя аки у лягуши, а кожа на нем аки рыба чешуя, а величиною коркодил сажени а две».

Лет через пятнадцать после Василия Гагары при царе Алексее Михайловиче на Ближний Восток в длительное путешествие отправился видный церковный и государственный деятель того времени Арсений Суханов. Он относился к служилому классу Московского государства, был сыном мелкопоместного провинциального дворянина Тульской губернии. Из-за бедности ему пришлось уйти в монастырь. Несколько лет Арсений Суханов провел в Голутвином монастыре в Коломне. Здесь он получил хорошее образование и принял монашество. Затем он переехал в Москву, где благодаря своей образованности и личным качествам занимал различные высокие должности в церковной и государственной иерархии.

Итак, в феврале 1651 года Суханов отправился в путешествие, имея задачу собрать сведения о положении греческой церкви на Востоке. Но будучи человеком любознательным, он далеко вышел за рамки этой задачи, о чем свидетельствует его «Проскинитарий» («Поклонник»), содержащий интересные заметки о городах, в которых он побывал, и их достопримечательностях, о нравах жителей и природных условиях.

Много места в «Проскинитарий Арсения Суханова» уделено Египту. В середине августа 1651 года Суханов прибыл в Александрию, которая поразила его воображение как остатками прежнего великолепия, так и современной ему разрухой. «Александрия,— отмечает Арсений Суханов,— град пречудный зданием; нет такого ни единого града, якоже он был украшен; а ныне пуст, не многие люди живут по воротам вокруг града, а середка града вся порожня; палаты все обвалились».

Из древних памятников Александрии А. Суханов подробно останавливается на знаменитых александрийских обелисках — так называемых «иглах Клеопатры». «Да внутрь града Александрии без числа много стоит столбов каменных высоких и средних,— продолжает он свое повествование,— и мелких мраморных, из единого камня выточенных, круглых, а не составленных. Из Белого (Средиземного.— Я. П.) моря затон велик зашел до самой стены города; тут врата к морю великия; у тех ворот внутри града — сажень с пять овраг, и стоит столб дивный из единого камня из-сечен; четверогранен, в высоту будет сажень с двенадцать, а на нем письма вырезаны кругом от низа и до верха, неведомо какия: сабли, луки, рыбы, головы челоуечьи, руки, ноги, топорки, а инаго и знать нельзя, видимая и невидимая; а сказывают, будто некоторая мудрость учинена. А другой столб недалече от того, таков же слово в слово, качеством и количеством, токмо повалился, лежит па боку. А сказывают, те два столба поставлены над гробом храброго воина царя Александра Македонского, один-де у головы, а другой у ног»².

Следует отдать должное наблюдательности и точности А. Суханова даже в отношении мелких деталей, например внешнего вида иероглифов.

Не могла не поразить А. Суханова и «колонна Помпея»³, которая и сейчас украшает Александрию. В «Проскинитарий» можно найти и ее подробное описание: «Да за градом па поле, от града Александрии сажень с 300 или больше, был двор некий великий; здание большое, палаты стоят дивны, иныя целы, а иныя повалились. Тут же близко стоит столб дивнее всех столбов и есть в высоту сажень 15; кругом якобы токарною работою выточен, един камень, порфиривиден цветом, стоит как стопочка есть, ни покривился никуда».

Уместно заметить, что если инок Варсанофий первый из русских людей упомянул в своем «Хождении» пирамиды, а Василий Гагара — Гелиопольский обелиск, то Арсению Суханову принадлежит подобная же заслуга в отношении «игл Клеопатры» и «колонны Помпея».

На него, конечно, произвели большое впечатление и пирамиды — «два фараоновы столпы, яко горы деланные», которые он увидел издали, подплывая к Каиру. Затем при более подробном ознакомлении с Каиром и его окрестностями он указывает на их назначение как на царские

гробницы и пытается описать их внешний вид: «Во Египте же за рекою Нилом, идеже столпы древние фараоновы могилы учинены великаго дива, яко горы учинены; снизу широки, а сверху заострены».

Много внимания уделяет А. Суханов современному ему Каиру, о котором пишет, что «Египет место велико и многолюдно, подобен Царьграду». Его даже интересует сопоставление разных названий Каира, которые он толкует так: «Мисирь арапским языком, Египет — по грецку, Каир — по латыне».

Читателя середины XVII века могло привлечь в «Поклоннике» А. Суханова и многое другое, например яркие словесные зарисовки струфокамила — страуса и крокодила, разлива Нила, который он наблюдал в Решите (Розетте), и, наконец, традиционное сравнение одного из рукавов Нила с русской рекой, на этот раз с Окой: «По обе стороны реки берега ровные, а вода иолая, с берегами ровна, шириною яко Ока под Серпуховым или под Коломною, а инде и уже».

В 1653 году А. Суханов снова был послан на Восток, на этот раз для приобретения книг. Из своей поездки он привез в Москву 498 рукописных и печатных книг. Среди них были не только книги религиозного содержания, но и словари, книги по философии, медицине, а также сочинения Страбона, Геродота и Плутарха, из которых, как известно, можно было почерпнуть много ценных сведений о Египте.

Одна любопытная деталь: под конец жизни Арсений Суханов был управляющим Печатным двором в Москве — центром русского книгопечатания.

Заключая наш обзор путешествий русских людей допетровской Руси в Египет, следует назвать еще одно, правда, вынужденное, но в результате которого появилось на свет так называемое «Описание Турецкой империи». Его, как полагают, составил Ф. Ф. Дорохин из Ельца, который попал в плен к крымским татарам, затем был продан туркам и пробыл в Османской империи около 12 лет — с 1662 по 1674 год. Несмотря на свое подневольное положение, во время своих скитаний по городам и областям Турции и подвластным ей территориям он делал «в тайном и сокровенном сокрытии» записи своих наблюдений. Будучи военным, Дорохин главным образом интересовался вопросами военно-географического порядка. Поэтому он тщательно описывал рельеф местности, городские укрепления, состав и количество населения, его занятия, боеспособность гарнизонов и т. п. В Египте Ф. Ф. Дорохин побывал в Каире, Вулаке, Думьяте, Ра-шиде (Розетте), Абукире, Александрии. В «Описании» не упоминаются древние памятники Египта, но дается хорошее представление о географическом положении египетских городов, расстоянии их друг от друга в днях пути, о разделении Нила на два рукава ниже Каира, о тогдашнем состоянии «града Египта» и «града Александрии».

Продолжателем дела русских путешественников XIV—XVII веков по Ближнему Востоку и Египту и в то же время представителем уже новой, бурной эпохи Петра I явился Василий Григорович-Барский. Он родился в 1701 году в Киеве в семье мелкого торговца, но к занятиям отца склонности не имел, так как с ранних лет был «любопытен» ко всяким наукам. Однако Киевскую Академию В. Григорович-Барский по болезни окончить не смог и в 1723 году, оставив отчий дом, отправился в далекое странствие. Таким образом, в отличие от своих предшественников на Руси В. Григорович-Барский не был ни купцом, ни церковным, ни государственным деятелем, а только «имел охоту видеть чужие страны». Он был истинным пилигримом: странствовал без денег, живя подаянием и останавливаясь на ночлег в богадельнях. Сперва его путь лежал на запад, через Львов, Будапешт, Вену, Венецию в Рим и Неаполь. В марте 1725 года в Венеции ему удалось устроиться на корабль, который плыл в Грецию, а оттуда он попал на Ближний Восток, где скитался около 25 лет, тщательно записывая свои наблюдения и впечатления. Лишь в 1747 году В. Григорович-Барский вернулся в Киев, где вскоре скончался. В течение 40 лет его «Странствования» ходили в списках, а в 1778 г. по распоряжению князя Г. А. Потемкина-Таврического была напечатана первая часть его труда. В конце XVIII — начале XIX века «Странствования Василия Григоровича-Барского» пользовались большим успехом. К 1819 году они выдержали шесть изданий.

Ценным дополнением к тексту «Странствований» явились 137 сохранившихся рисунков, которые выполнил сам В. Григорович-Барский, проявив недюжинный талант художника. Среди них можно найти любопытные панорамы Рахита (Рашида, Розетты), Каира, Александрии и изображения «иглы Клеопатры» и «колонны Помпея».

В Египет В. Григорович-Барский попал морским путем в июле 1727 года. После кратковременного пребывания в Абукире и Рашиде он отправился в Каир, где прожил более восьми месяцев. Среди его записей можно обнаружить много интересных сведений о

достопримечательностях Каира, его улицах и базарах, о Ниле. Разумеется, он с восторгом пишет о «рукотворных горах» - пирамидах, отмечает три высочайших. Прикидывая размеры одной из них в стопах (футах), он определяет ее высоту в 500 стоп (т. е. примерно в 150 метров); должно быть, речь здесь идет о пирамиде Хуфу. На назначение пирамид В. Григорович-Барский придерживается старого взгляда как на прибежище для фараона во время наводнения Нила.

В 1730 году В. Григорович-Барский снова попадает в Египет, но на этот раз задерживается дольше в Александрии «ради видения достойных в ней вещей ветхих». Этому посвящена особая глава «О граде Александрии». В ней содержится самое подробное, пожалуй, описание в русской литературе того времени древнего города и его памятников. При этом, как мы говорили, оно было дополнено удачными рисунками. Со слов других он приводит размеры «столпа Помпея» (высота 122 стопы, толщина 12 стоп), а примерную высоту и толщину «игл Клеопатры» он прикинул сам (соответственно 10 сажений и 11 нядей). Особенно его поразили иероглифические знаки, вырезанные на поверхности обелисков. Сравнивая их с письменами других народов, он указывает, что они не похожи ни на еврейские, ни на греческие, ни на латинские буквы, но находит внешнее сходство между одним иероглифом и русской буквой «живете». Его воспроизведение некоторых знаков на одной из сторон обелиска очень точно (даже более точно, чем через сто лет в «Описании Египта»), и надпись можно читать. Впрочем, по сравнению с современной фотографией этой надписи нижняя часть ее не была дана В. Григоровичем-Барским, так как обелиск в его время был снизу засыпан песком.

В. Григорович-Барский заключает собой славный ряд русских людей XIV—XVIII веков, которые оставили о Египте записи своих наблюдений, довольно широко знакомившие любознательного читателя с Египтом.

Наш рассказ о проникновении в Россию сведений о древней стране пирамид был бы не полон, если бы мы не упомянули об интересе русских людей к различным «Путешествиям» иноземцев. К таким следует отнести прежде всего «Похождение» польско-литовского князя Николая-Кшиштофа Радзивилла, крупного вельможи при дворе королей Сигизмунда II Августа и Стефана Батория. Свое путешествие он совершил в 1582—1584 годах, т. е. почти одновременно с Трифоном Коробейниковым, но в отличие от последнего ему удалось побывать в Египте. Его «Похождение» было написано в форме писем приятелю. В первой четверти XVII века оно было переведено на русский язык и ходило на Руси во множестве списков. Такой успех «Похождения» был понятен, учитывая изобилие интереснейших подробностей истори-ко-этнографического и географического порядка, а также живость изложения. Из обильного материала о Египте, который имеется у Н.-К. Радзивилла, особенно выделяются его некоторые наблюдения. Так, он совершил поездку на западный берег Нила напротив Каира. Ссылаясь на античных авторов, он замечает, что здесь некогда стоял Мемфис, но, кроме небольшой части с юга и пирамид, от него ничего не осталось. Он утверждает, что в это время сохранилось 17 «пирамидес», из которых три большие. Н.-К. Радзивилл побывал даже внутри и на вершине Великой пирамиды. Внутри он осмотрел две камеры, в одной из которых заключен саркофаг. Его чрезвычайно поразили огромные каменные блоки, из которых сложена Великая пирамида: по его измерениям, три локтя в ширину и длину и более полутора локтей в высоту каждый. До вершины пирамиды он добрался за полтора часа и обнаружил там квадратную площадку со стороной в десять локтей, т. е. примерно 6 метров. Сейчас, через 400 лет, сторона этой площадки уже 10 метров!

Н.-К. Радзивилл коротко рассказывает и о двух других больших пирамидах и Сфинксе. Со слов других он передает, что там, где некогда находилась южная часть Мемфиса, в его время можно было еще увидеть две огромные поваленные статуи, каждая в 20 локтей высоты. Можно не сомневаться, что речь идет о двух статуях Рамсеса II: одна из них находится там до сих пор, а другая с 1955 г. украшает привокзальную площадь в Каире.

Посетил Н.-К. Радзивилл также несколько гробниц около пирамид и даже в одной из них спустился по веревке в шахту. Его рассказ об увиденных мумиях крайне интересен, а кроме того, он, видимо, один из первых описал (причем довольно точно) так называемые «ушебти», которых было много в гробницах. «Болваны те, — находим мы в переводе на русский язык этого места, — суть из глины лазоревой, или темновишневой, долги на палец, некоторые же и менши, и так суть сделаны, яко дети малые повитые, Египетскими словы подписаны». В Александрии сильное впечатление на Н.-К. Радзивилла произвели, конечно, и «колонна Помпея», и обелиск, и величественные развалины нескольких древних «зело украшенных» чертогов. Хотелось бы также отметить, что читатель «Похождения» получал яркое представление о природе Египта, некоторых характерных растениях и животных.

Другой перевод на русский язык «Похождения» Н.-К. Радзивилла был напечатан в Петербурге в 1787 году. В эти же годы в нескольких изданиях увидели свет «Хождения» Трифона Коробейникова и «Странствования Василья Григоровича-Барского». И это не случайность, а показатель характерного явления для России середины XVIII века: резко возрастает число образованных и читающих людей и интерес к отечественной и западноевропейской научной и научно-популярной литературе, в том числе к историко-географической. В прежнем русле «Хождений» в 1794 году было издано, например, «Путешествие Мартына Баум-гартена, немецкой империи дворянина и кавалера, в Египет, Аравию, Палестину и Сирию», которое тот совершил в 1507 году, т. е. почти триста лет назад. Без сомнения, переводчика привлекали яркие описания путевых приключений автора и его впечатления от увиденного.

И все же «Хождения», «Проскинтарии», «Странствования» и т. п. русских и зарубежных путешественников, в которых древнему Египту основного внимания не уделялось, уже не могли удовлетворить возросшие запросы русского образованного читателя второй половины XVIII века. Многие из них пользовались, конечно, в подлиннике! сочинениями штгшмх писателей и трудами западноевропейских нутешстшмшнкон и ученых. Но для более широкого круга читателей возникли иностию трудности, вызванные двумя причинами: во-первых, мечтанием языков и, во-вторых, невозможностью приобрести редкие и дорогие книги. Чтобы восполнить этот пробел, Петербургская Академия наук предприняла грандиозное мероприятие. В 1749—1762 годах в прекрасном переводе известного поэта и переводчика В. К. Тредиаковского был выпущен в свет в десяти томах труд французского историка и педагога Шарля Роллопа «Древняя история об египтянах, о карфагенянах, об ассирианах, о вавилонянах, о мидянах, персах, о македонянах и о греках...» Хотя этот труд можно определить всего лишь как компиляцию, русский читатель впервые, пожалуй, получал более или менее полное представление об истории стран древнего Востока на уровне знаний того времени.

Древнему Египту была посвящена вся первая книга «Древняя история об египтянах», в которой повествование было доведено до завоевания Египта персами. На основании сообщений Геродота, Диодора Сицилийского, Страбона, Плиния и других античных авторов в ней давалась развернутая и живая картина природных условий, в которых обитали древние жители долины Нила, их нравов и обычаев и, разумеется, часто фантастическая, «история об египетских царях».

А следом за этим гигантским трудом Академией наук были изданы (основные тогда) первоисточники для воссоздания истории древнего мира. В 1763—1764 гг. в переводе будущего президента Академии наук Андрея Нартова вышла в свет «История» Геродота (под названием «Повествование Иродота Аликарнасско-го»), а в 1774—1775 гг. в шести томах — «Историческая библиотека» Диодора Сицилийского в переводе Ивана Алексеева.

Ценным дополнением, оживляющим античные представления о Древнем Египте, явилась книга французского просветителя и ориенталиста Константина Франсуа Вольно, появившаяся во Франции в 1787 г. после четырехлетнего пребывания автора в Сирии и Египте. Уже в 1791—1793 гг. она вышла в русском переводе в Москве под названием «Путешествие Волнея в Сирию и Египет, бывшее в 1783, 1784 и 1785 годах». Основное внимание в ней было, конечно, уделено политическим и социальным институтам этих стран, находившихся под гнетом Османской империи, но многие страницы были посвящены великому прошлому народов Египта и Сирии. К. Ф. Вольне с его острым критическим умом и философскими убеждениями эпохи Просвещения указывает и на некоторые негативные стороны этого прошлого. В главе «О развалинах и пирамидах» русский читатель обнаруживает и такое утверждение: «Лабиринты, храмы и сии пирамиды с огромным своим зданием показывают более рабство народа, мучимого до крайности своеюравием своих господ, нежели дух просвещенных и любящих художества граждан».

Кроме того, в 80—90-х годах XVIII века в русских периодических изданиях публикуется большое число статей, связанных с различными аспектами культуры Древнего Египта, а также появляются монументальные справочные издания, например «Исторический словарь», «Новый исторический словарь», в которых можно было получить краткую справку и о древнеегипетской истории, культуре и религии на уровне современной науки. Даже пятитомный «Словарь географический, или описание Царств, Областей, Городов, Епархий, Герцогств, Маркграфств...» (1791 г.) включает в статьи о Египте и его городах историко-культурные подробности. Можно упомянуть и первый опыт русского энциклопедического словаря «Пространное поле, обработанное и плодоносное, или Всеобщий исторический оригинальный словарь...». Его составление начал упомянутый выше переводчик Диодора Сицилийского Иван Алексеев. Он предполагал издать его в 12 томах, но в 1793—1794 годах вышли только первый том и первая часть второго тома (буквы А

и Б). В целом современники по разным причинам признали этот опыт не очень удачным, но, без сомнения, темы некоторых статей, связанных с Древним Египтом, отражали запросы читателей того времени, например «Александрия», «Бальсамирование» (т. е. бальзамирование), «Бумага писчая» (где «египетской бумаге из папира» посвящен отдельный параграф). К таким справочным изданиям вполне можно отнести капитальное сочинение анонимного автора, полностью посвященное Египту: «Статистическое, географическое и топографическое описание Египта, собранное из новейших и наилучших известий разных путешествий» (1795). В предисловии отмечено, что для воссоздания полной картины в сочинении использованы труды огромного числа авторов. Среди них можно встретить имена Дж. Гривса, Ф. Нордена, Р. Покока, К. Нибура, Дж. Брюса, К. Ф. Вольне и многих других, и даже арабских историков.

Несмотря на название книги, в ней много внимания уделяется и «историческому описанию» Египта, и прежде всего древнего. Одна из глав так и называется «О древностях и зданиях». Особо следует отметить последнюю главу — «Разделение Египта и описание мест», которая в то время свободно могла служить путеводителем и с этой точки зрения небезынтересна даже сейчас.

Эта книга как бы естественно завершает круг источников (как мы видим, довольно обширный и разнообразный), из которых во второй половине XVIII века русские читатели могли пополнить свои знания о Древнем Египте. Этот поток информации обусловил в конце 80-х годов XVIII века появление первых сочинений русских авторов на египтологические сюжеты. Следует, правда, сразу же оговориться, что они в это время носят чисто умозрительный характер. Так, в 1783 году появилась книга директора Петербургской учительской семинарии Ивана Коха «Опыт истолкования иероглифов и надписей», в которой автор высказывает предположение о звуковом характере египетских иероглифов, а годом позже его же «Опыт изъяснения сфингов», т. е. попытка истолкования надписей на сфинксах. В это же время некто Василий Полетика издал свое эссе «Опыт разсуждения о первоначальных делах мира, о Древнем Египте, об Ассирианах, о Мидянах и о Персах» (1788). Пожалуй, самым примечательным являлось его исходное положение о великом значении древнеегипетской культуры. «Спя то прекрасная страна,— пишет он,— как говорят писатели, первым гнездом была просвещенного рода человеческого». Оценивая в целом количество и уровень источников сведений о Древнем Египте в «предъегиптологический» период в России, т. е. к началу XIX века, можно с полным правом присоединиться к восторженным словам упомянутого выше Ивана Алексея: «Дожили и мы, благосклонный читатель, до того вожделенного времени, когда каждый уже на своем природном языке может иметь изрядную библиотеку, состоящую из книг хороших, сколько сочиненных, столько переведенных».

Таким образом, в течение многих столетий русские люди питали самый горячий интерес к Древнему Египту, накапливая постепенно из разных источников сведения о великой культуре и истории древнейшей цивилизации долины Нила. Это и явилось той духовной основой, на которой в России в начале XIX века могли появиться повальное увлечение «египетским стилем» в искусстве и египетскими древностями, правильная оценка значения находки Розеттского камня, самый живой отклик на великое открытие Ж. Ф. Шампольона и признание его заслуг и, наконец, русская и советская египтология.

Н. С. Петровский

ФИВАНСКИЙ ГОРОД МЕРТВЫХ

В книге В. Замаровского «Их величества пирамиды» увлекательно повествуется о том, какие замечательные гигантские погребальные сооружения — пирамиды — воздвигали для себя фараоны Древнего и Среднего царств. Сообразно с расположением политических центров Египта в эти эпохи пирамиды создавались в северной части страны в районе Мемфиса и Фаюма. В Египте имеется, однако, еще один район, буквально переполненный гигантскими памятниками древней архитектуры и множеством великолепных гробниц,— район Фив, центра 4-го верхнеегипетского нома и столицы Египта в период его наивысшего политического могущества, достигнутого им в эпоху Нового царства. Об огромном мире гробниц, раскинувшемся за Нилом в западной части Фив, нам и хотелось бы теперь рассказать.

Захолустный район Египта в эпоху Древнего царства, Фивы приобрели политическое значение с того времени, когда (примерно в 2100 году до н. э.) их князья из так называемой XI династии,

победив в упорной и длительной борьбе гераклеопольских фараонов, стали верховными владыками всего Египта. Однако подлинного могущества фиванские фараоны достигли позднее, в эпоху Нового царства, после того как воинственные правители Фив из XVII династии, изгнав из страны чужеземцев-гиксосов, позволили Египту стать (в правление фараонов XVIII—XX династий) самой могущественной державой древнего Ближнего Востока второй половины II тысячелетия до н. э. Именно в это время на восточном берегу Нила были воздвигнуты гигантские храмовые ансамбли Парники и Луксора, посвященные богам Фив, и прежде всего Амону-Ра, а на восточном берегу привольно раскинулся огромный город мертвых, состоявший из нескольких некрополей и множества заупокойных храмов и гробниц, принадлежавших фараонам, их женам, детям, вельможам и частным лицам различного общественного статуса.

Фиванский город мертвых стал «заселяться» в так называемый 1-ый переходный период — между эпохами Древнего и Среднего царств. В настоящее время известны два захоронения этих смутных лет (№ 185, 186), одно из которых принадлежит фиванскому номарху Ихси (№ 186) и располагается в некрополе Эль-Хоха к югу от прекрасных храмов в ущелье Дейр-эль-Бахри. Всего в фиванском городе мертвых насчитывается 13 некрополей, разбросанных по холмам, предгорьям, ущельям гористого плато на западном берегу Нила, иротянувшихся с северо-востока на юго-запад на несколько километров вдоль края плодородной земли. Вот эти некрополи:

- I. Некрополь Интефа.
- II. Некрополь Ментухотепов II и III.
- III. Некрополь Ментухотепа V.
- IV. Некрополь XII—XIII династий.
- V. Некрополь XVII династии.
- VI. Некрополь Дра абу-ль-Негга.
- VII. Некрополь Асасиф.
- VIII. Некрополь Эль-Хоха.
- XI. Некрополь Шейх Абд эль-Гурна.
- X. Некрополь Гурнет Мураи.
- XI. Некрополь Дейр-эль-Медине.
- XII. Царский некрополь в «Долине царей».
- XIII. Царский некрополь в «Долине цариц».

I. Самый древний некрополь Интефа, относящийся ко времени правления князей и первых фараонов Фив из XI династии, располагается у северного края фиванского города мертвых недалеко от современного поселения Гурна на равнине, которую феллахи называют «Эт-тариф» («Конец»). Здесь было обнаружено множество посвященных стел, стоявших первоначально у стен гробниц и хранящихся сейчас во многих музеях мира. На большинстве стел упоминается имя «Интеф», любимое в княжеской семье предков будущих фараонов XI династии. Имя это определило и современное название некрополя, простирающегося у края пустыни в длину примерно на 1200 метров, а в ширину — на 500—600 метров. Захоронения этого некрополя имеют вид или расположенных на равнине удлиненных ям — могил, или слегка врытых в грунт гробниц так называемого скального типа. Поскольку местность эта не имеет крутых горных выступов, то для гробниц скального типа приходилось отрывать в твердой почве углубленный в нее на 3—4 метра открытый передний двор, задняя стена которого образовывала переднюю сторону гробницы, чьи внутренние помещения устраивались в толще холма. Прямоугольные отверстия в этой стене вели из переднего двора во внутренние помещения гробницы, которая казалась как бы обрамленной с передней стороны столбообразными колоннами, образующими открытую галерею. Обычно на боковых сторонах переднего открытого двора также вырубались проходы в боковые помещения, что создавало впечатление, будто бы передний двор был с трех сторон окружен колоннадой. Арабы называют этот тип гробницы «сафф», что означает «ряд». Из почти 100 гробниц подобного типа в некрополе Интефа выделяются три гробницы своими огромными размерами. Их открытые передние дворы достигают в ширину 60—70 метров, а углублены они в грунт на 5—7 метров. Длина переднего двора самой большой гробницы — 250 метров. Позади подобных удлиненных передних дворов на склоне холма возвышались когда-то небольшие кирпичные пирамиды, от которых О. Мариетт в 1860 году обнаружил лишь жалкие остатки. Есть основание полагать, что эти три захоронения с наиболее крупными передними дворами принадлежали трем первым фараонам XI династии: Интефу I, Интефу II и Ментухотепу I. В погребальной камере под пирамидой Интефа I О. Мариетт обнаружил интересную стелу, изображавшую фараона вместе с его пятью охотничьими собаками.

В холмистых возвышенностях вокруг гробниц первых фараонов XI династии расположились погребения их придворных. И позднее, уже после того как Ментухотеп II и Ментухотеп III создали новый некрополь в Дейр-эль-Бахри, некоторые высокопоставленные лица из царского окружения продолжали строить в древнем некрополе Интефа свои гробницы. Простых людей хоронили здесь и позднее.

II. Некрополь Ментухотепов II и III занимает южную сторону ущелья в Дейр-эль-Бахри, примыкая с юга к рядом расположенному, но построенному гораздо позднее великолепному храму царицы Хатшепсут. Название ущелья, которое по-арабски означает «Северный монастырь», идет от коптского монастыря, находившегося здесь в раннехристианский период.

Новый некрополь своей величием должен был соответствовать изменившемуся положению правителей Фив, ставших фараонами всего Египта. Сооружать этот некрополь начал Ментухотеп II, но завершил все строительные работы Ментухотеп III, которому удалось создать архитектурный ансамбль исключительной красоты и грандиозности, сочетавший в себе гробницу и заупокойный храм, старые и новые архитектурные формы, определившие облик и возникшего немного севернее примерно через 400 лет сказочно прекрасного храма царицы Хатшепсут.

К некрополю Ментухотепов II и III от кромки плодородной земли на востоке протянулась на запад величественная дорога шириной 33 метра, обрамленная и древности с обеих сторон стеной и аллеями тamarисков, в тени которых стояли царские статуи. Дорога заканчивалась просторным двором, который на западе упирался в галерею, образованную двумя рядами перекрытых сверху четырехугольных каменных колонн. Широкий пандус в центре этой галереи вел на первую террасу, на которой стояло святилище. Основная часть святилища с трех сторон была окружена галереей из двух рядов перекрытых сверху четырехугольных колонн, а в самом центре святилища находилась массивная база для возвышавшейся над нею пирамиды, окруженная 140 колоннами такого же типа. Все колонны были перекрыты сверху. К западу от колоннад первой террасы располагался открытый двор, также окруженный колоннами. В центре этого двора начинался вход в подземную погребальную камеру Ментухотепа III, а позади открытого двора простирался огромный гипостильный зал с 80 колоннами в виде восьмиугольных каменных столбов, а еще далее святая святых... всего сооружения, упиравшегося на крайнем западе в обрывистый склон крутой скалы. В то время как Ментухотеп III поместил свою погребальную камеру под открытый двор за пирамидой, первый строитель комплекса Ментухотеп II создал ее непосредственно под основанием пирамиды. В погребальных камерах обоих Ментухотепов нашли лишь пустые саркофаги. Некоторых своих гаремных дам Ментухотеп II распорядился похоронить вместе с собой под пирамидой, повелев создать для них небольшие капеллы, которые позднее были разрушены Ментухотепом III при перестройке всего архитектурного комплекса.

Придворные обоих Ментухотепов стремились быть погребенными рядом со своими владыками. Наилучшим образцом подобных погребений, которых известно около 40, может считаться гигантская гробница Ахтоя — визиря Ментухотепа III (№ 311), состоявшая из широкой, поднимавшейся в гору дороги, обнесенной кирпичной стеной открытого переднего двора, упиравшегося в скальную стену, и внутренних покоев гробницы, высеченных в толще горы. В четырехугольном помещении капеллы, где стояла статуя умершего, стены были покрыты плитами из известняка, на которые были нанесены замечательные росписи. Росписи покрывали и длинный ход из капеллы в погребальную камеру, где стоял саркофаг, изображая то, что окружало Ахтоя при жизни: его одежду, оружие, украшения, его любимые блюда из мяса, хлеба, овощей, фруктов и различные лакомства, перечень которых приведен тут же на стене. Все это должно было магически ожить и порадовать покойного в его гробнице, так же как радовало при жизни в его доме за праздничным столом.

Особое место среди погребений некрополя Ментухотепов II и III в Дейр-эль-Бахри занимают находящиеся здесь гробницы массовых захоронений около 60 павших воинов, доставленных, по-видимому, прямо с поля брани, с торчащими в их телах дротиками, ненабальзамированных и даже не в гробах.

На протяжении многих веков, вплоть до времени Рамессидов, сохранялась память о Ментухотепе III как о фараоне, придавшем фиванскому городу мертвых особый блеск. Во многих гробничных текстах Ментухотеп III упоминается среди наиболее почитаемых старых царей. Очень популярный фиванский «Праздник долины», известный еще Диодору, развился из торжественного ритуала заупокойного культа Ментухотепа III, когда священная барка со статуями Амона и Ментухотепа III переправлялась через Нил с восточного берега на западный, доставлялась в заупокойный храм Ментухотепов в Дейр-эль-Бахри, а затем возвращалась на восточный берег в

храм Ментухотепа III в Карнаке. (В. Замаровский предлагает другую трактовку некрополя Ментухотепов. См. стр. 322—326).

III. Некрополь Ментухотепа V — последнего представителя XI династии — расположен в узком ущелье к югу от некрополя Ментухотепов II и III в Дейр-эль-Бахри и к юго-западу от некрополя на холмах Шейх Абд эль-Гурна. Здесь были произведены гигантские строительные работы, в ходе которых оказались перемещенными около 80000 кубометров скального известняка. По-видимому, в некрополе Ментухотепа V замышлялось создание такого же грандиозного заупокойного гробнично-храмового комплекса, какой существовал в некрополе Ментухотепов II и III в Дейр-эль-Бахри. Однако все работы были приостановлены и не завершены, несомненно, в связи со сменой династии. После того как визирь Ментухотепа V Аменемхет стал фараоном Аменемхетом I и основателем новой, XII династии, столица Египта была переведена на север страны в город Иттауи. Царский двор покинул Фивы, и потому некрополь Ментухотепа V был заброшен. Недостроены были и огромная гробница фараона и гробницы его вельмож.

IV. Некрополь XII—XIII династий в Фивах был невелик в связи с тем, что царский двор отныне пребывал в новой северной резиденции, а фараоны сооружали себе пирамиды по древнему обычаю недалеко от своей столицы Иттауи. Небольшое число захоронений этого времени создавалось главным образом в старых некрополях XII династии в районе Дейр-эль-Бахри. Несколько более крупных погребений с широкими передними дворами и колоннадой появилось в эти годы на некоторых возвышенностях в районе Шейх Абд эль-Гурна. По своей структуре они напоминают гробницы в некрополе Интефа. Небольшой комплекс захоронений времени XII династии возник на холмах к юго-востоку от Дейр-эль-Бахри. Простые люди использовали эту местность, которая, по-видимому, считалась священной, для сооружения здесь своих маленьких капелл, где помещались их статуи и стелы с почитательными надписями. Единственным значительным погребением времени XII династии, возникшем у восточного края Шейх Абд эль-Гурна, была гробница Интефокера (№ 60) — визиря Сонусерта I. Гробница эта своей величиной и совершенством фресок превзошла все другие захоронения вельмож, которые до этого создавались в фиванском городе мертвых. Эта гробница начиналась длинным коридором в толще скалы, а завершалась широкой квадратной капеллой, у заднего края которой открывалась вертикальная шахта, которая вела в погребальную камеру. На стенах гробницы были изображены различные трудовые процессы: пахота, сев, охота, ловля рыбы и птиц, хлебопечение, пивоварение, а также религиозные сцены: перевозка умершего в его гробницу и вкушение им жертвенных даров.

В позднее время (XXI—XXIII династий) район некрополей в Дейр эль-Бахри стал излюбленным местом захоронения многих фиванских жрецов и жриц. Здесь были погребены Неждемт, жена фиванского правителя — «первого жреца» Лиона — Херихора, и их потомки: Пиноджем I, Пиноджем II, Масахарта, а также их родственники и приближенные.

V. Некрополь фараонов XVII династии — победителей гиксосов — протянулся узкой полосой у восточного края холмов Дра абу-ль-Негга, соприкасаясь на севере с началом дороги в «Долину царей» и некрополем Интефа, а на юге примыкая к дороге, которая вела в Дейр-эль-Бахри к заупокойному комплексу Ментухотепов II и III. Погребения этого некрополя, разрушенные и разграбленные еще в древности, в эпоху Нового царства, очень плохо сохранились. Они имели когда-то вид небольших, но сравнительно высоких кирпичных пирамид, которые не содержат внутри никаких помещений, создаваемых обычно в скале под пирамидой или у ее восточного края. Из этих помещений вертикальная шахта или спуск со ступеньками вели в погребальную камеру, в которой находился саркофаг, иногда вырубленный в скале. Только два из этих саркофагов были найдены на своих местах. Остальные еще в древности были разрушены или спрятаны в тайниках, где их нашли уже в понос время. Все эти саркофаги весьма своеобразны по своему внешнему виду, так как напоминают фигуру человека, покрытого перьями. Арабы обозначают этот тип саркофагов словом «риши». Подобные саркофаги были типичны для переходного периода от Среднего царства к Новому, а в погребениях частных лиц использовались и при первых фараонах XVIII династии. В таком саркофаге был похоронен и Тутанхамон. Мумии царей XVII династии изготавливались так, что в новое время их находили обычно уже рассыпавшимися. В их сопроводительном погребальном инвентаре большое место занимает оружие. Две мумии царей из этой династии были обнаружены с диадемами на голове. В тайнике в Дейр-эль-Бахри в гробнице царицы Инхапи вместе с мумиями многих великих фараонов Нового царства была найдена мумия фараона Секененра, который первым сразился с гиксосами и погиб в бою. На его голове видны глубокие раны, все тело его скорчено, набальзамировано, по-видимому, в большой спешке.

В гробнице царицы Яххотеп — супруги Секененра и прародительницы фараонов XVIII

династии, а также в гробнице ее сына Камоса были найдены богатые клады драгоценных ювелирных изделий, которые сейчас занимают видное место в зале сокровищ Каирского музея.

Соответствуя бурному времени борьбы с гиксосами, в некрополе XVII династии (у его южного края) имеются массовые захоронения павших воинов. В северной части этого некрополя у начала дороги в «Долину царей» Фл. Питри нашел непо потревоженное погребение одной знатной дамы, чья мумия покоилась в саркофаге, который в настоящее время может считаться лучшим образцом саркофагов типа «риши».

Все пять некрополей, о которых мы рассказали выше, относятся к числу наиболее древних фиванских кладбищ. Остальные восемь возникли позднее, в эпоху Нового царства, и именно они определили характерный облик фиванского города мертвых. Из них два некрополя являются царскими — «Долина царей» (Biban el-moluk) и «Долина цариц» (Biban el-harim). Другие шесть некрополей наполнены гробницами частных лиц, в основном вельмож—приближенных фараонов XVIII—XX династий. (Захоронения более позднего времени также разбросаны по некрополям частных лиц.)

В шести некрополях частных лиц, протянувшихся с севера на юг через весь фиванский город мертвых, к середине 30-х годов нашего столетия была зарегистрирована 371 гробница. (Сейчас известно 409 гробниц.) Из них к эпохе Нового царства относятся 326 захоронений (173 гробницы принадлежат современникам фараонов XVIII династии, а 153 — современникам фараонов Рамессидов (XIX—XX династии)), 7 гробниц принадлежит приближенным фараонов XXI и XXII династий, 3 гробницы восходят ко времени господства эфиопских фараонов (XXV династия), а 19 гробниц — к Саисской эпохе (XXVI династия). Кроме того, в шести фиванских некрополях частных лиц было выявлено еще 16 гробниц разного времени. Помимо подсчитанных выше крупных захоронений (в основном вельмож), в фиванском городе мертвых имеется множество мелких погребений, притаившихся повсюду среди холмов, от горных кряжей, ущелий и пустынь на западе до полосы плодородной земли на востоке у берега Нила. Это погребения представителей низших социальных слоев. Их мумии укладывались в узкую яму, над которой согласно древнему обычаю насыпался небольшой холм из песка и гальки, иногда облицованный кирпичами, и ставился надгробный камень с именем покойного. Подобные захоронения имеются во всех некрополях Фив, к описанию которых мы теперь переходим.

VI. Некрополь Дра абу-ль-Негга — самый северный из шести некрополей частных лиц, который мы, дабы не нарушать общий порядок перечисления всех некрополей фиванского города мертвых, обозначим индексом VI, получил свое название от имени мусульманского святого Абу-ль-Негга (буквально «Дра Абу-ль-Негга», по-арабски означает «Рука Абу-ль-Негга»), в честь которого в этом районе сооружена маленькая мечеть. Высеченные в холмах Дра абу-ль-Негга скальные гробницы протянулись цепью с севера на юг, начиная от дороги, ведущей от заупокойного храма Сети I в районе современной деревушки Гурна, до долины Асасиф. Здесь расположены гробницы таких крупных вельмож, как Тетики (№ 5) — «сына царя и правителя южного города» (т. е. Фив), Тота (№ 11), Ментухерхопшефа (№ 20), Небамуна (№ 24), Симута (№ 142) — начальника строительства храма Амо-на-Ра в Карнаке. Все они были современниками фараонов XVIII династии — Хатшепсут или Тутмоса III. Из числа приближенных фараонов XIX династии здесь были погребены: Бакенхонсу (№ 35) — «первый жрец» Амона-Ра при Рамсесе II, Небуненеф (№ 157) — другой «первый жрец» Амона, возглавивший фиванское жречество в самом начале царствования Рамсеса II, визирь Рамсеса II Ха и «царский сын Куша» Сетау (№ 289) — также современник Рамсеса II. Известна только одна гробница более позднего времени, принадлежащая начальнику царских писцов Бекенмуту (№ 160).

VII. Некрополь Асасиф расположен в широкой котловине, протянувшейся от южного края Дра абу-ль-Негга на запад до горного кряжа, отделяющего ее от ущелья Дейр-эль-Бахри. Арабское название местности «Асасиф» означает примерно: «Ведущие друг к другу подземные пути». Здесь находится лишь одна гробница вельможи прсмени XVIII династии Харуфа (№ 192)—«начальника дома» царицы Тейи, жены Аменхотепа III и матери Эх-натона. Изображения из этой гробницы имеют большое историческое и художественное значение. В эпоху XIX династии здесь воздвигли свои гробницы несколько чиновных лиц (в том числе жрецов) второго ранга.

Большое значение некрополь Асасиф приобрел в позднее время, когда в нем были погребены некоторые вельможи эфиопской и саисской эпох (XXV и XXVI династии). Так, в Асасифе находятся гробницы Ментуемхета (№ 34) — четвертого жреца Амона и фактического правителя Фив при эфиопском фараоне Тахарке и гробницы нескольких управителей хозяйств верховных фивапских жриц, так называемых «супруг бога»—Харуа (№ 37), Ше-шенка (№ 27), Иби (№ 36),

Падинейта (№ 197), Пбеса (№ 279).

Верхняя разрушенная наземная кирпичная часть гробницы Пбеса с высокими стенами, пилонами, широкими дворами и кирпичным сводом во многом определяет характерный облик асасифского некрополя. Культовые помещения и погребальная камера этой гробницы высечены глубоко в скале, образуя настоящий подземный лабиринт переходов. Некоторые подземные залы гробницы Пбеса украшают колоннады. Рельефы и надписи на стенах подземных зал, колонн и переходов близки изображениям из гробниц Древнего и Среднего царств. Оригинальный мотив — производственный процесс сбора меда.

VIII. Некрополь Эль-Хоха (буквально по-арабски «Холм пчелиных сот») примыкает с юга к некрополю Асасиф. Во второй половине периода правления фараонов XVIII династии здесь соорудили свои гробницы многие высокопоставленные лица: Пуимра (№ 39) — «второй жрец» Амуна при Тутмосе III, Ипуки (№ 181) — скульптор времен Аменхотепа III, Усерхет (№ 47) — начальник гарема Аменхотепа III.

Погребения в некрополе Эль-Хоха, относящиеся к эпохе Рамессидов, не представляют особого интереса за исключением гробницы Неферренпета (№ 178) — управляющего сокровищницей Амона-Ра при Рамсесе II.

IX. Некрополь Шейх Абд эль-Гурна расположен южнее некрополя Эль-Хоха и западнее заупокойных храмов Тутмоса III и Аменхотепа II. Некрополь этот раскинулся на возвышенности, на одной из вершин стоит гробница местного мусульманского святого Абд эль-Гурна, именем которого и назван некрополь. Все многочисленные погребения некрополя Шейх Абд эль-Гурна сгруппированы в трех районах, из которых два района уже в новое время были окружены невысокими стенами. Многие высокопоставленные приближенные Тутмоса III и Аменхотепа II нашли здесь свое последнее упокоение. В частности, тут были погребены все визири этого периода, периода наивысшего политического могущества Египта: Яхмос (№ 83), его сын Усер (№ 61), его племянник и наследник Рехмира (№ 100), в гробнице которого сохранился наиболее полный текст так называемой «Инструкции визирию», визири Аменемопо (№ 29) и Хепу (№ 06). Здесь же находятся гробницы визиря Ухпатона Рамосо (№ 00) и визиря Сети I и Рамсеса II Пассра (№ 100). В некрополе Шейх Абд эль-Гурна были погребены верховные жрецы Амона-Ра, современники Хатшепсут и Тутмоса III — Хапусенеб (№ 67) и Менхеперра-сепеб № 86). Фаворит царицы Хатшепсут Сенмут соорудил свою гробницу на вершине одного из холмов Шейх Абд эль-Гурна, с которого хорошо виден величественный ансамбль возведенного им для Хатшепсут заупокойного храма в Дейр-эль-Бахри. Исключительный интерес представляет гробница Аменемхеба (№ 85) — военачальника Тутмоса III, чьи надписи красочно дополняют военные анналы его господина, повествующие о походах в Азию. В надписях рассказывается, например, о том, как «Аменемхем взял в плен при Кадете двух знатных горожан, за что был награжден орденами „Льва“ и „Двух мух“; как во время большой охоты на слонов он спас жизнь фараону; как в новом сражении при Кадете царь последнего прибегнул к уловке — пустил кобылицу навстречу египетским колесницам, в которые запряжены были жеребцы, рассчитывая этим расстроить ряды египтян, и как он, Лемемхем, соскочил с колесницы, подбежал к кобылице, распорол ей живот и отрезал хвост, который и принес с торжеством царю; как отборное египетское войско, предводимое Аменемхемом, пробило брешь в стенах Кадета и город был взят штурмом». (В. Бузескул. Открытия XIX и начала XX века в области истории древнего мира. Часть I. Восток. Пг., 1923, с. 45).

X. Некрополь Гурнет Мураи, отделенный ущельем от некрополя Шейх Абд эль-Гурна, расположен на самом южном холме фиванского города мертвых. Здесь в настоящее время находится селение феллахов, получившее, как и некрополь, название от имени местного мусульманского святого Сиди Мураи, чья гробница находится на вершине холма. Наиболее интересным погребением этого некрополя, несомненно, является гробница современника Эхнатона и Тутанхамона, «царского сына Куша» Хеви (№ 40) с прекрасными росписями, рассказывающими о его служебной деятельности в далекой южной провинции Египта. Многие гробницы некрополя Гурнет Мураи находятся в печальном состоянии, так как они были заняты под жилье феллахами.

XI. Некрополь Дейр-эль-Медине занимает холм немного западнее Гурнет Мураи. Название некрополя по-арабски означает «Городской монастырь» — в память о монастыре, который в христианскую эпоху занял храм цтолемеевского времени, воздвигнутый на вершине холма.

Некрополь Дейр-эль-Медине занимает особое место среди прочих фиванских некрополей, поскольку здесь были погребены почти исключительно люди одного определенного социального слоя — ремесленники фиванских царских некрополей, чернорабочие, каменотесы и художники, вырубавшие в скалах и украшавшие царские погребения в «Долине царей» и в «Долине цариц», а

также погребения вельмож во всех прочих некрополях. Лишь в позднее, саисское время здесь были погребены некоторые верховные фиванские жрецы. И сейчас в Дейр-эль-Медине находят остатки хижин, в которых жили эти простые «люди отрядов» царского города мертвых, именуемые в надписях из их захоронений «слугами места правды». Множество осколков известняка с черновыми записями, сделанными ремесленниками в процессе сооружения гробниц, а также посвячительных стел и папирусов различного содержания было найдено в Дейр-эль-Медине. В поисках защиты эти скромные труженики, создавшие все великолепие фиванского города мертвых, обращались в своих надписях с молитвами и просьбами чаще всего не к великим богам Египта, а к местным божествам-покровителям — к так называемому Амуну врат, к богине-кошке, к богине-ласточке, к богине Мерет-Сегер («Любящей молчание»), которой была посвящена гора Эль-Корн, возвышающаяся над «Долиной царей», к азиатским божествам Решефу и Кадету, но чаще всего к особенно любимому обожествленному Аменхотепу I и к его матери Яхмос-Нефертари. По-видимому, поселок фиванских ремесленников в Дейр-эль-Медине был создан в царствование Аменхотепа I, за что этот фараон и был признан его покровителем. Погребения, часто семейные, которые устраивали себе ремесленники на склонах холмов в некрополе Дейр-эль-Медине, подразделяются на два типа — на пирамидные и скальные гробницы. В пирамидных через ворота в двух-башенном пилоне можно было пройти в широкий передний двор, окруженный кирпичной стеной. Здесь обычно устраивался маленький садик с прудом и цветником. За передним двором прямо на земле или на высокой платформе поднималась небольшая, полая внутри кирпичная пирамида. Из переднего двора вертикальная шахта вела в расположенную в скале под пирамидой погребальную камеру, в которой размещались саркофаги с мумиями членов одной семьи. Стены культовых помещений покрывались рисунками, изображавшими погребальные церемонии и пребывание покойного в потустороннем мире.

В так называемых скальных гробницах в Дейр-эль-Медине, при сохранении общности плана с пирамидными, характерным отличительным признаком было использование пирамиды как чисто декоративного элемента всего погребального сооружения. Маленькая кирпичная, полая внутри пирамида имела здесь чисто декоративное значение, не была связана с помещениями гробницы, находившимися далеко в глубине скалы. Пирамида стояла над вырубленным в скале передним залом и была увенчана маленьким известняковым наконечником (нирамидионом) с изображением умершего, поклоняющегося солнцу.

XII. Центральное место в фиванском городе мертвых бесспорно занимают великолепные захоронения фараонов эпохи Нового царства и их родственников, сконцентрированные в двух царских некрополях, расположенных в трех отдаленных западных горных ущельях. Для древних египтян «Долина царей» была «Великим священным некрополем миллионов лет фараона на западе Фив», а «Долина цариц» — «Великими местами царских детей, царских жен, царских матерей, находящихся в месте красоты».

Все царские захоронения в «Долине царей» и в «Долине цариц» возникли после того, как в самом начале эпохи Нового царства фараон Аменхотеп I, нарушив древний обычай, первым отделил свою гробницу от заупокойного храма. Отныне заупокойные храмы сооружались отдельно от гробниц вдоль границы пустыни и плодородной земли у берега Нила. Мы не знаем ни гробницы, ни заупокойного храма основателя XVIII династии Яхмоса I. Следующий фараон Аменхотеп I и его мать царица Яхмос-Нефертари построили свои заупокойные святилища в северной части фиванского города мертвых недалеко от возвышенностей некрополя Дра абу-ль-Негга. Отодвигаясь далее к югу, воздвигли свои заупокойные храмы остальные фараоны XVIII династии: Тутмос I и Хатшепсут (в Дейр-эль-Бахри), Тутмос III, Аменхотеп II, Тутмос IV, Аменхотеп III, Эя. Второй представитель новой, XIX династии Сети I для строительства заупокойного храма себе и своему отцу Рамсесу I опять выбрал район современного поселка Гурна, в начале пути в «Долину царей». Рамсес II основал свой заупокойный храм (Рамессеум) значительно южнее, между заупокойными храмами Аменхотепа II и Тутмоса II. (В районе Рамессеума известны захоронения фиванских жрецов и жриц времени XXI—XXV династий). Мернептах — сын Рамсеса II — велел построить себе заупокойный храм еще южнее, а фараон XX династии Рамсес III воздвиг свой заупокойный храм и дворец на южном крае фиванского города мертвых в Мединет-Абу, где в позднее время возник поселок Джеме. Греки назвали этот район по некоторому созвучию со словом «Джеме» «Тебай», т. е. «Фивы». Заупокойные храмы обособлялись от гробниц для того, чтобы сделать последние труднодоступными для грабителей, которые уже к началу эпохи Нового царства смогли разорить множество гробниц как царей, так и их приближенных.

Путь к царским гробницам в «Долине царей» был длинным и сложным. Он начинался от заупокойного храма Сети I в районе Гурна между некрополями Интефа и Драбу-ль-Негга, обходил с севера и запада ущелье Дейр-эль-Бахри и завершался в узком горном ущелье главного северо-восточного ответвления «Долины царей», над которым господствует пирамидообразная вершина горы Эль-Корн. Голые, лишенные какой-либо растительности отвесные скалы, окружающие ущелье, опаленное лучами безжалостного солнца, глубокая тишина, нарушаемая только воем гиен и шакалов,— все это создает здесь ощущение величественного одиночества, подобающего месту, где господствовала смерть. На южном конце этого ущелья, притаившись за обломками обвалившихся скал, начинается потайной вход в гробницу Тутмоса I (№ 38) — первого фараона, повелевшего создать для себя здесь свое последнее убежище. Строителем гробницы Тутмоса I был архитектор Инени; пытаясь обезопасить гробницу от грабителей, он проводил все работы тайно, так, что, по словам надписи, в его гробнице «никто ничего не видел и никто ничего не слышал».

По-видимому, гробницу сооружали военнопленные, которые по завершению всех работ были умерщвлены. Все предосторожности Инени оказались, впрочем, бесполезными. Мумия Тутмоса I недолго покоилась в своем саркофаге и в своей гробнице. По непонятным причинам дочь Тутмоса I царица Хатшепсут вскоре после погребения извлекла мумию своего отца из роскошного саркофага, изготовленного из красного песчаника, и перенесла в другой саркофаг и в другую гробницу, которая первоначально предназначалась для нее. Возможно, Хатшепсут хотела освободить гробницу Тутмоса I для мумии своего брата и супруга Тутмоса II. Сама Хатшепсут соорудила для себя две гробницы — одну в «Долине царей» (№ 20), а другую — в ущелье Вади Сик-лет Такат Заид недалеко от «Долины царей». Для Аменхотепа III и Эйи — последних фараонов XVIII династии — гробницы были построены не в главном северо-восточном ответвлении «Долины царей», а в ее более отдаленной юго-западной части, по-видимому, для того, чтобы сделать эти захоронения более скрытными и недоступными для грабителей. Все, меры предосторожности оказались, однако, тщетными. Гробницы Аменхотепа III и Эйи были разграблены еще в древности, как были разграблены и захоронения всех последующих фараонов-Рамессидов, соорудивших свои гробницы в главном северо-восточном ответвлении «Долины царей». В конце концов почти неразграбленной в «Долине царей» по счастливой случайности оказалась только одна гробница Тутанхамона (№ 62), и лишь потому, что вход в нее был засыпан строительным мусором при сооружении гробницы Рамсеса VI (№ 9).

Все царские гробницы в «Долине царей» строились в основном по двум структурным планам, один из которых был характерен для захоронений фараонов XVIII династии, а другой — для захоронений фараонов-Рамессидов (XIX—XX династии).

Первый структурный план получил свое окончательное развитие в гробнице Тутмоса IV (№ 43), которая отличается от более древних царских погребений в «Долине царей» тем, что ее ведущие в погребальную камеру длинные, вырубленные в толще горы переходы со ступенчатыми спусками поворачиваются под прямым углом к первоначальному направлению не один раз, как это наблюдается в гробницах Тутмоса III (№ 24) и Аменхотепа II (№ 35), а два раза. Этот двойной поворот привел к появлению перед погребальной камерой небольшого дополнительного зала. Как и в других захоронениях подобного типа, в гробнице Тутмоса IV имеются различные помещения, некоторые из которых украшены колоннами.

Второй структурный план характеризуется вытянутостью по одному направлению всех внутренних переходов и залов гробницы. Этот план был использован при создании гробницы Эйи и в погребальных сооружениях фараонов-Рамессидов. По-видимому, возникновение этого структурного плана было обусловлено влиянием амарнской религиозной реформы с ее культом солнечного диска Атона, поскольку основным функциональным предназначением такого плана было открытие прямого пути для солнечных лучей, проникавших в гробницу. Типичным примером захоронения подобного типа может считаться гробница Сети I (№ 17) — наиболее крупная из всех погребений в «Долине царей». Длинный, вытянутый в прямую линию ход и ступенчатые спуски этой гробницы проводят к четырехколонному залу, который ступенчатым спуском соединен с другим двухколонным залом, откуда начинается второй прямой ход, параллельный первому, к которому он примыкает вплотную, но немного смещен влево. Этот второй ход приводит, минуя ступенчатые спуски и шестиколонный зал, в погребальную камеру. Смысл параллельных ходов к гробнице Сети I разъясняется настенными изображениями. Если в первом ходе, куда попадали солнечные лучи, представлены сцены, показывающие поклонение фараона солнечному божееству Горахте, а также Атуму, то во втором параллельном ходе, куда

солнечные лучи уже не проникали, изображено жертвоприношение фараона богам подземного мира — Анубису и Осирису. Два параллельных хода в гробнице Сети I демонстрируют, таким образом, переход умершего фараона из солнечного мира живых в мрачный мир мертвых. Подобная же сдвоенность центрального хода была осуществлена и при строительстве гробницы Рамсеса III (№ 11), но не была реализована при строительстве захоронений более поздних Рамсесидов. Что касается изображений и текстов в погребальных комплексах фараонов, то следует прежде всего отметить, что они, за исключением некоторых сцен в гробницах Эйи (№ 23) и Рамсеса III (№ 11) и в отличие от очень жизненных, мирских изображений в захоронениях вельмож, посвящены исключительно религиозной теме. Здесь представлены сцены и тексты религиозного и ритуально-магического характера, которые должны были помочь умершему фараону благополучно миновать все препоны мрачной «страны без возврата» во время его плавания по подземному Нилу в солнечной ладье бога Ра.

XIII. Скажем теперь несколько слов о некрополе в «Долине цариц» — «Месте красоты» или «Вратах гарема».

«Долина цариц» располагается в горном ущелье в южной части фиванского города мертвых в двух километрах к западу от храма Рамсеса III в Мединет-Абу и производит сильное впечатление своеобразной красотой своего ландшафта. Первые захоронения членов царских семей в «Долине цариц» были созданы еще во времена фараонов XVII династии (здесь находятся погребения Яхмоса, дочери Секенепра и какого-то принца из той же династии). Своего расцвета ятот некрополь достиг в эпоху Рамсесидов, когда в нем были погребены: жена Рамсеса I Сатра (№ 38), жена Рамсеса II Нефертари Меретшут (№ 06), три дочери Рамсеса II — Небеттауи (№ 60), Меритамун (№ 68), Бент-Анат (№ 71), жопа Рамсеса III Исис (№ 51), его сыновья — Парахерунемеф (№ 42) и Сетхерхопшеф (№ 43), сыновья Рамсеса VIII Хаемуас (№ 44) и Амунхерхопшеф (№ 55), а также дочь Рамсеса IX Дуатентопет (№ 74). Из всех этих погребений наибольший интерес представляет гробница первой жены Рамсеса II Нефертари Меренмут (№ 66) — как величиной, так и обилием прекрасных росписей.

Обширный город мертвых, раскинувшийся к востоку от Нила, был составной частью Фив, но имел свою администрацию и многочисленный обслуживающий персонал: жрецов, ремесленников, стражников. Строгие меры применялись для обеспечения сохранности гробниц. Однако соблазн завладеть их сказочными сокровищами был столь велик, что, несмотря на страх перед мстостью грозных богов и не менее грозных служителей закона, почти все гробницы в конце эпохи Нового царства были разграблены и осквернены. Как это происходило, хорошо рассказывается в папирусах, содержащих протоколы допросов обвиняемых по делам о разграблении гробниц и храмов при последних фараонах-Рамсесидов. В конце концов администрация фиванских некрополей признала свое бессилие в борьбе с грабителями, решила попробовать спасти хотя бы мумии фараонов и для этого стала перемещать их в особые тайники. Темными, безлунными ночами, в строжайшей тайне и при соблюдении всех возможных мер предосторожности саркофаги с мумиями великих царей Египта извлекались из их гробниц и перемещались в другие гробницы и тайники. В итоге уже примерно через 500 лет после создания фиванского города мертвых ни одна мумия фараонов эпохи Нового царства (за исключением мумий Аменхотепа II и Тутанхамона) не покоилась в своей погребальной камере, все они оказались перемещенными или в особый тайник в гробнице царицы Инхапи (№ 320) в Дейр-эль-Бахри, или в подземные залы погребения Аменхотепа II (№ 35) в «Долине царей».

Тайник в Дейр-эль-Бахри сначала обнаружили феллахи в середине 70-х годов прошлого века, а в 1881 году Эмиль Бругш и Гастон Масперо. Мумии 13 фараонов открыл в гробнице Аменхотепа II в 1898 году Виктор Лоре. Все они были доставлены в Каирский музей, где сейчас можно увидеть под стеклом в простых деревянных гробах почти всех великих фараонов Египта эпохи Нового царства: и страшно изуродованного в бою с гиксосами Секененра, и грозного завоевателя Тутмоса III, и величественного старика Рамсеса II, и столь прославленного в наши дни Тутанхамона, чью почти неразграбленную гробницу нашли в «Долине царей» в 1922 году.

Что касается самого фиванского города мертвых, то он приходил в запустение и разрушался вместе с упадком города Фивы. Многие опустевшие гробницы вельмож в позднее время использовались под вторичные захоронения (в особенности в районе некрополей Дейр-эль-Бахри и Асасиф). Когда греческий историк Диодор в 57 году до н. э. побывал в Фивах, в некрополях древнего города еще насчитывалось 47 царских погребений времени XI, XVII и XXI династий, но ни одно из них не находилось в «Долине царей». Страбон, посетивший Фивы в 24—20 годах до н. э., упоминает 40 «достойных осмотра» гробниц, и в том числе 25 царских захоронений. С распространением в Египте

христианства в фиванских некрополях поселились монахи. Древние храмы и гробницы стали приспособляться под монастыри, а христианские фанатичные отшельники принялись ревностно уничтожать «мерзостные» языческие изображения.

Восторжествовавший ислам продолжил процесс разорения фиванских некрополей. В некоторых гробницах поселились феллахи со своими верблюдами, буйволами, козами, собаками и различным скарбом.

Проснувшийся в новое время в Европе интерес к фараоновскому Египту стимулировал возникновение особого промысла феллахов, которые принялись отыскивать древние храмы и гробницы и продавать туристам обнаруженные ценности, нередко разрушая то, что пощадило время. Фиванский город мертвых превратился в место сомнительной деятельности приезжавших в Египет авантюристов, торговцев древностями и просто грабителей. Только в XIX веке с развитием египтологической науки фиванские некрополи стали охраняться египетским государством. Началось систематическое обследование гробниц, их регистрация и изучение, что привело к открытиям, обогатившим нас новыми знаниями о великой культуре древнего Египта, значение которой для становления всей человеческой цивилизации трудно переоценить.

Первое издание русского перевода настоящей книги вышло в 1981 г. под редакцией Н. С. Петровского.

И. А. Стучевский

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

1 Лудольфово число — приближенное значение числа π . Было вычислено голландским математиком Лудольфом ван Цейленом до 32-го верного десятичного знака. Поэтому иногда число π называют Лудольфовым числом.— *Здесь и далее примеч. ред.*

Глава I

1 Теокалли — ацтекское название пирамиды-храма.

2 Геродот. История. В девяти книгах. Перевод Г. А. Стратановского. Л., 1972, с. 11.

3 Левантийское море — часть Средиземного моря между о-вом Кипром и Азиатским побережьем.

4 Геродот. История, т. 91, 103.

5 Там же, с. 88.

6 Там же, с. 126.

7 Там же, с. 127.

8 Там же, с. 108.

9 Там же, с. 119.

10 Там же с. 120.

11 Там же, с. 120, 121.

12 Там же, с. 122-123.

13 Там же, с. 120.

14 Там же.

15 Там же.

16 Там же, с. 118.

17 Страбон. География. В 17 книгах. Перевод Г. А. Стратановского. Л., 1964, с. 745.

18 Кроме «Абидосского» и «Саккарекого» царских списков существует еще «Карнакский» список царей, обнаруженный в 1825 году на стене Кариакского храма в Фивах.

19 Геродот. История, с. 120.

Глава II

1 Причиной сравнительно легкого завоевания Египта арабами являлась прежде всего ненависть угнетенного населения Египта к Византии.

Глава III

1 Нимрод — по библейскому сказанию, правнук Ноя, прославившийся как «сильный зверолов». Далука — согласно арабской средневековой исторической традиции, царица Древнего Египта, время правления которой было столь блестящим, что немногие цари могли с ней сравняться. Возможное историческое лицо,

с которым ее меняю сопоставить,— это царица Хатшепсут. Сопоставление с Клеопатрой менее убедительно, так как Далуку относят к Древнему, а не к птолемеевскому Египту.

2 Кампо-Формио — итальянская деревня, вблизи которой 17 октября 1797 года был подписан мир между Францией и Австрией в результате победоносной для Франции войны.

Глава IV

1 Главной целью похода Наполеона на Восток являлось уничтожение колониального могущества Англии в Индии, путь к которой лежал через Египет.

2 Офтальмия — гнойное воспаление оболочек глаза.

3 Бильгарциоз — тяжелое заболевание кишечника, мочевого пузыря, почек, печени, вызываемое особым рода глистами. Заражение происходит их личинками, развивающимися в нильской воде, каналах и болотах. Названо по имени врача Т. Бильгарца, открывшего в 1858 году возбудителя болезни.

4 О большом интересе Наполеона к Египту также свидетельствуют его описания походов в Египет и Сирию, которые он продиктовал, находясь в ссылке на о-ве св. Елены (см.: В. Я. Г о л а н т. Египет в экономико-географическом описании Наполеона Бонапарта.— «Палестинский сборник», вып. 3(36), 1968, с. 137—150).

5 Нет сомнения, что Гораполлон знал древнеегипетскую письменность. Поэтому значение многих иероглифов он указывает правильно, но объяснения дает иногда самые фантастические, в духе современного ему понимания иероглифов как аллегорических и символических знаков. Так, он правильно сообщает, что изображение зайца обозначает слово «открывать», но неверно объясняет причину этого тем, что «заяц всегда держит глаза открытыми». На самом деле знаком зайца передавали две согласные: «в» и «н». Такие же согласные звуки входили в состав слова «открывать». Именно поэтому изображением зайца можно было писать слово «открывать».

6 В античный период существовали и другие сведения об иероглифическом письме. Так, например, Плутарх (I—II века н. э.) в трактате «Об Осирисе и Исиде» (§ 56) сообщает, что египетский алфавит состоял из 25 знаков.

7 Галабея — одежда феллаха-мужчины; длинная (до лодыжек) рубаха из хлопчатобумажной ткани с широкими рукавами, без воротника и пояса.

8 Скарабеи — распространенные в Древнем Египте изображения священного жука из камня, глазированного фаянса, смолы, служившие амулетами и украшениями.

9 Стоунхендж — крупнейшая мегалитическая постройка у г. Солсбери в Англии.

10 Первым египетским египтологом и археологом следует, без сомнения, считать Ахмеда Камала (1845—1923). Он был учеником Г. Бругша, работал в Службе древностей Египта и в Египетском музее. Произвел огромное количество изысканий и археологических раскопок по всему Египту. А. Камаль является автором многочисленных работ.

Глава V

1 В древнем Египте никогда не было замкнутых каст — ни касты специалистов, которые якобы «ревниво охраняли свои знания», ни касты «земельной аристократии».

2 Основным древнеегипетским названием Египта было Кемет, т. е. «Черная (страна)». Египтяне называли так свою страну по темному цвету плодородной почвы Нильской долины в отличие от названия пустыни— «Красная». Птах — главный бог Мемфиса, покровитель ремесел и искусств.

3 Рамсес II не потерпел поражения в битве с хеттами под Кадешем. Ни хетты, ни египтяне не смогли одолеть друг друга, в результате чего хеттская коалиция не смогла продвинуться дальше на юг к границам Египта, а египтяне — на север.

4 Монт — бог войны в образе человека с головой сокола, увенчанной перьями, обрамляющими солнечный диск. Почитался в Фивах и Южном Оне (Ермонте). Сет — согласно мифу об Осирисе, носитель злого начала и всяческого беспорядка. Баал («господин», «владыка») — древнейшее общесемитическое божество, почитавшееся в Финикии, Палестине и Сирии как бог плодородия, вод, войны и т. п. В период Нового царства его культ проник и в Египет. При этом Баал часто приравнивается к Сету.

5 Критикуя теорию об «азиатском» или «семитском» происхождении древних египтян», следовало бы указать на то, что древние египтяне по языку являлись частью народов, говоривших на родственных языках одной большой «семито-хамитской» или «афразийской» языковой семьи, в которую наряду с древнеегипетским языком входили языки многочисленных родственных по своему происхождению народов Африки и Азии — берберийские, кушитские и семитские. Наличие в древнеегипетском языке лексических элементов, близких к языкам ливийско-берберийской, кушитской и семитской групп по этой причине совершенно естественно.

6 Семито-хамитские языки сейчас также называют языками афразийской семьи.

7 Список египетских слов, заимствованных другими языками, можно было бы значительно расширить. Они прежде всего относятся к топонимике (Египет, Ливия, Асуан, Асьют и др.) и ономастике (например, ныне уже архаичные имена в русском языке: Пафнутий, Пахом, Онуфрий, Псой).

8 В классический период иероглифов, которые передавали один согласный звук, было 36 (для 24

согласных), знаков для передачи комбинаций двух согласных было до 200, и трех — согласных знаков — до 150 (см.: Н. С. Петровский. Звуковые знаки египетского письма как система. М., 1978, с. 79).

9 По-видимому, «Мени» было личным именем царя, называвшегося иначе «Гор-Боец». По мнению Ю. Я. Перепелкина, Мени (Менее) был первым «летописным», или историческим, фараоном и потому древняя традиция, известная Манефону, признала его первым фараоном объединенного Египта. Что касается Нармера, то в настоящее время его уже не отождествляют с Мени, поскольку его считают верхнеегипетским правителем так называемой «нулевой» династии, попытавшимся покорить Нижний Египет еще до Мени.

10 Рассуждения автора о причинах падения Древнего царства носят умозрительный и гипотетический характер. При этом автор не указывает на очень важное и ясно различимое явление в конце Древнего царства: усиление местной ломовой знати, поддерживаемой немущими свободными слоями населения, приведшее к распаду страны на отдельные самостоятельные номы.

11 Распад единого государства на отдельные области губительно отразился на положении всего Египта. В стране началась хозяйственная разруха, голодные годы следовали один за другим. Цари VII—VIII мемфисских династий не имели реальной силы. В Египте началась борьба за новое объединение страны. Ее возглавили правители IX династии из Гераклеополя. На юге Египта в борьбу вступили правители Фиванского нома (XI династия). В борьбе XI династии из Фив и X династии из Гераклеополя победителями оказались в конце концов фиванцы.

12 Бронза в Египте появляется с XII династии.

13 Важно иметь в виду то обстоятельство, что после падения могущества XII династии Египет распался не на номы, как после Древнего царства, а на царства, центром которых были Фивы (XIII династия), Ксоис в западной части Дельты (XIV династия). Гиксосы (XV—XVI династии) закрепились на востоке Дельты с центром в городе Аварисе и владели оттуда Мемфисом и окружающими землями. Весь Египет гиксосы захватить не смогли, хотя один из гиксосских царей сделал попытку захватить Фивы.

14 Основным смыслом всей реформаторской деятельности Аменхотепа IV (Эхнатона) было стремление фараона-деспота максимально укрепить, организационно и идеологически, свою ничем не ограниченную власть. Для этого он истреблял представителей старой служилой аристократии, опиравшихся на идеологический авторитет многочисленных религиозных культов Египта (и прежде всего самого влиятельного культа Фиванского Амона-Ра) и окружал себя новыми, всем ему обязанными людьми, которые стали послушными исполнителями его воли.

Абсолютно ничем не подтверждается допущение, что Аменхотеп IV (Эхнатон) погиб «в результате дворцового заговора».

15 Цари XIX-й династии происходили не из города Джанета (Таниса), а скорее были как-то связаны с древним городом Ава-рисом в восточной Дельте, где они основали свою резиденцию Пер-Рамсес, топографически не тождественный Джанету (Танису).

16 «Народы моря» — индоевропейские племена ликийцев, ахеев, тирренцев, сицилийцев, сардинян, т. е. народы гомеровского эпоса.

17 Херихор не провозгласил своего сына преемником трона. После смерти Рамсеса XI, пережившего Херихора, фараоном всего Египта стал считаться правитель Таниса Несубанебджед (Смен-дес), сын же Херихора Пианх, также, по-видимому, умерший ранее Рамсеса XI, никогда не обладал царским титулом (в отличие от Херихора).

18 Херихор не присвоил царский титул после смерти Рамсеса XI, поскольку сам умер до кончины последнего Рамсессида. Царями всего Египта, унаследовавшими трон от Рамсеса XI, стали правитель Таниса Несубанебджед (Смендес) и его потомки. Что касается потомков Херихора, то они правили Верхним Египтом в качестве верховных фиванских жрецов, породнившись с династией, основанной Несубанебджедом (Смендесом). Лишь некоторые из потомков Херихора присвоили себе царский титул, и потому Манефон имел основание не считать царственной династией потомков Херихора.

19 Автор ошибается, «почти весь Ближний Восток» захватил не Камбиз, а его отец — Кир II.

20 Качественным переворотом в развитии экономической и социальной структуры общества следует считать смену социально-экономической формации. Однако концом Древнего Египта обычно считают время включения долины Нила в империю Александра Македонского, когда Египет органически вошел в систему эллинистическо-римского мира.

Глава VI

1 Религия древних египтян в принципе однотипна с религиями других древних народов, и о ней не стоит говорить как о какой-то исключительной.

2 Девятка богов — божественная эннеада божеств Она (Гели-ополя): Ра-Атум, Шу, Тefнунт, Геб, Нут, Осирис, Исида, Сет, Нефтида.

3 Геродот. История, с. 101—103.

4 Бенбенет — камень-фетиш солнца.

5 Комплексы богов (тройки, восьмерки, девятки), которые действительно возникали в религиозных системах различных храмовых центров древнего Египта, были порождены не стремлением жрецов «обеспечить свои храмы богами со всеми основными функциями», но главным образом желанием

служителей культа (их творческой элиты) создать определенную систему во взаимосвязях различных богов друг с другом, желанием внести определенную ясность в запутанную картину древнеегипетского многобожия.

6 Хотя учение Христа распространилось в Египте действительно быстро, многие древние религиозные представления египтян не исчезли бесследно, но продолжали сохраняться в трансформированном виде и в рамках христианства. В частности, на христианский культ девы Марии (и его иконографию) повлиял культ (и иконография) древней Исиды, а евангельская притча о нищем Лазаре полностью заимствована из древнеегипетского фольклора.

7 В так называемой «Песне арфиста» — поразительном литературном произведении древнего Египта, записывавшемся даже на стенах гробниц, отражены настроения скепсиса в отношении традиционных взглядов на посмертное существование человека. В этом произведении говорится о том, что роскошные гробницы не спасают от забвения, тогда как мудрость умершего человека делает его вечно существующим. Только в атом истинное бессмертие, которого невозможно добиться дорогим погребением.

8 Геродот. История, с. 105.

9 Древний мир. Изборник источников по культурной истории Востока, Греции и Рима. Под ред. проф. Б. А. Тураева и И. Н. Бородина. Ч. I. Восток. М., 1915, с. 10.

10 Древние египтяне верили в магическое воздействие произнесенного слова. Поэтому даже виновный надеялся на оправдание при отрицательном ответе на вопрос о его виновности. Поэтому «Книга мертвых» (сборник ритуально-магических текстов эпохи Нового царства) предписывала каждому умершему на суде Осириса давать только отрицательные ответы на все вопросы.

11 Элизиум — в античной мифологии загробный мир на западном конце земли, куда попадают праведники.

12 Гедонизм — одно из древнегреческих этических учений, которое считало наслаждение главной целью жизни.

Глава VII

1 «Секед» — отношение высоты пирамиды к половине стороны основания. В этой задаче вычисляется высота пирамиды по стороне и «секед», а в других задачах на пирамиды в папирусе Ринда (№ 56, 58, 59) находят «секед» путем деления высоты пирамиды на половину стороны основания.

2 О закаливании меди древними египтянами нет никаких сведений. Медь делали более твердой с помощьюковки (Х. А. К и н к. Как строились египетские пирамиды. М., 1967, с. 34).

3 Все трактовки социальных терминов и классовых взаимоотношений древнего Египта обосновываются устаревшими данными.

4 К. Маркс. Капитал. Т. I.— К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 23, с. 521.

Глава VIII

1 Вавилон — греческая передача названия древнеегипетского селения Пер-Хапи-эн-Он («Дом Хапи Она») в XIII нижнеегипетском номе, вызванная, видимо, некоторым созвучием с названием легендарного Вавилона на Евфрате.

2 Г о н е й м. Потерянная пирамида. М., 1959, с. 34.

3 Геродот. История, с. 109.

4 Г о н е й м. Потерянная пирамида, с. 107—108.

5 Т а м же, с. 93.

6 Т а м же, с. 102.

7 Т а м же, с. 29.

8 Жатва (или Засуха) — третье время древнеегипетского года, длившееся с середины марта до середины мая.

Глава IX

1 Геродот. История, с. 121.

2 Гигин — римский писатель I века н. э. Кассиодор — римский писатель, историк и государственный деятель остготского государства (VI век н. э.).

Глава X

1 Собственно, сейчас уже три, ибо в декабре 1976 г. вход в эту последнюю пирамиду открыла экспедиция Чехословацкого египтологического института Карлова университета во главе с М. Вернером. В ближайшее время начнется ее обследование.

2 Здесь следует упомянуть о последних сенсационных открытиях в Абусире древнейших папирусов с иератическими текстами. Они раскрывают сложную систему различных внутривхрамовых взаимоотношений, осуществлявшихся в Абусире под контролем царской администрации.

3 К сожалению, большинство египетских названий созвездий и звезд не поддается отождествлению с нашими, например, созвездий Бегемотица, Скорпион, Павиан, звезды Монт и др.

4 Рамессеум — огромный храм, построенный Рамсесом II на западном берегу Нила против Фив в честь бога Амона.

5 Перевод части «Текстов пирамид» (§ 1—300) на русский язык был впервые осуществлен учеником Б. А. Тураева А. Л. Коцейевским (А. Л. Коцейевский. Тексты пирамид. Т. I. Одесса, 1917).

Глава XI

1 Фата-моргана — разновидность миража.

2 Лабиринт — заупокойный храм Аменемхста III в Фаюмской области. По остаткам и описаниям можно судить, что лабиринт представлял собой большое одноэтажное здание площадью свыше 70 тыс. кв. м с многочисленными залами, переходами и подземными помещениями. Геродот, который посетил лабиринт и оставил его описание, считал, что «лабиринт превосходит самые пирамиды». Судя по замечанию Страбона, что «каждому ному был отведен предназначенный ему зал», можно полагать, что лабиринт был создан как воплощение единства и сплоченности государства.

3 Г. Картер. Гробница Тутанхамона. М., 1959, с. 42.

Глава XII

1 К а б а л а — тайное и мистическое учение в иудаизме, основанное на символическом истолковании Ветхого завета.

2 Гномон — древнейший вид астрономического инструмента.

3 Армагеддон — по Библии, название места, где должна произойти последняя битва между силами добра и зла во время Страшного суда.

4 Нострадамус (1505—1566) — врач и астролог при дворе французского короля Карла IX. Занимался составлением гороскопов.

5 Научно-беллетристических произведений (англ.).

Источники сведений о древнем Египте в России в XI—XVIII веках

1 З. Г о н е и м. Потерянная пирамида. М., 1959; Ж. Ф. Л а у э р. Загадки египетских пирамид. М., 1966.

2 «Иглы Клеопатры» были воздвигнуты в Гелиополе во времена Тутмоса III, но при Августе в 19 году н. э. были переправлены в Александрию. В прошлом веке обелиски увезли из Египта. Один из них — упавший на бок — в 1872 году был перевезен в Лондон и установлен на берегу Темзы у моста Ватерлоо. Другой с 1881 года находится в Центральном парке в Нью-Йорке.

3 Так называемая «колонна Помпея» (высота 26,85 м) на самом деле не имеет отношения к Помпею. Она была поставлена в 302 году в честь императора Диоклетиана.

ЛИТЕРАТУРА

В чешском (1975) и словацком (1977) изданиях этой книги В. Замаровский прилагает список литературы в основном на западноевропейских и чешском языках. Для настоящего перевода представляется целесообразным дать краткий перечень научных и научно-популярных книг по египтологии, изданных на русском языке, который, разумеется, ни в коей мере не исчерпывает всей литературы. Например, почти нет указаний на отдельные статьи в наших журналах и сборниках. В указанных книгах читатель найдет дополнительные сведения о книгах и статьях по различным разделам египтологии.

Авдиев В. И. Военная история Древнего Египта. Т. I—II. М., 1948—1959.

Антес Р. Мифология в Древнем Египте.— «Мифологии древнего мира». М., 1977, с. 55—121.

Бикерман Э. Хронология древнего мира. М., 1975.

Богословский Е. С. «Слуги» фараонов, богов и частных лип М, 1979.

Брэстед Д. Г. История Египта с древнейших времен до персидского завоевания. Т. I—II. М., 1915.

Б у з е с к у л В. П. Открытия XIX и начала XX века в области истории древнего мира. Т. I. Пг., 1923.

- Всемирная история. Т. I. М., 1955.
- Геродот. История. В девяти книгах. Пер. Г. А. Стратановского. Л., 1972.
- Го н е й м З. Потерянная пирамида. М., 1959.
- История Древнего Востока. Под ред. В. И. Кузищина. М., 1979.
- Картер Г. Гробница Тутанхамона. М., 1959.
- Кацнельсон И. С. Тутанхамон и сокровища его гробницы. М., 1976.
- К е р а м К. Боги, гробницы, ученые. М., 1960.
- К и н к Х. А. Древнеегипетский храм. М., 1979.
- К и н к Х. А. Египет до фараонов. М., 1964.
- К и н к Х. А. Как строились египетские пирамиды. М., 1967.
- Коростовцев М. А. Религия Древнего Египта. М., 1976.
- Коцейковский А. Л. Тексты пирамид. Т. I. Одесса, 1917.
- Культура Древнего Египта. М., 1976.
- Л а у э р Э. Ф. Загадки египетских пирамид. М., 1966.
- Лившиц И. Г. Ж.-Ф. Шампольон. О египетском иероглифическом алфавите. Л., 1950.
- Лирика Древнего Египта. Пер. А. Ахматовой и В. Потаповой. М., 1965.
- Масперо Г. Египет. М., 1915.
- Масперо Г. Во время Рамзеса и Ассурбанипала. I. Египет. М., 1916.
- М а т ь е М. Э. Искусство Древнего Египта. Л., 1961.
- М а т ь е М. Э. Во времена Нефертити. М., 1965.
- М о р э А. Во времена фараонов. М., 1913.
- Норов А. Путешествие по Египту и Нубии в 1834—1835 гг. Ч. I—II. СПб., 1840.
- Перепелкин Ю. Я. Переворот Амен-Хотпа IV. Ч. I. М., 1967.
- Перепелкин Ю. Я. Тайна золотого гроба. М., 1968.
- Перепелкин Ю. Я. Кэйе и Семнех-керэ. К исходу солнцепо-клоннического переворота в Египте. М., 1979.
- П е р м и н о в П. В. Улыбка сфинкса. М. 1985.
- Петровский Н., Белов А. Страна Большого Хапи. 2-е изд. Л., 1973.
- Петровский Н., Матвеев В. Египет — сын тысячелетий. Л., 1959.
- Плутарх. Об Осирисе и Исиде. Пер. Н. Н. Трухиной.— «Вестник древней истории». 1977, № 3, с. 245 и сл.; 1977, № 4, с. 229 и сл.
- «Повесть Петеисе III». Древнеегипетская проза. Пер. М. А. Коростовцева. М., 1978.
- Поэзия и проза Древнего Востока.— Библиотека всемирной литературы. Т. I. М., 1973.
- Савельева Т. Н. Как жили египтяне во времена строительства пирамид. М., 1971.
- Сказки и повести Древнего Египта. Пер. И. С. Кацнельсона и Ф. Л. Мендельсона. М., 1956.
- Сказки и повести Древнего Египта. Пер. и комм. И. Г. Лившица. Л., 1979.
- С т р а б о н . География. В 17-ти книгах. Пер., статья и комм. Г. А. Стратановского. Л., 1964.
- Струве В. В. Творческий путь Ф. Шампольона.— «Вестник древней истории». 1948, № 1, с. 139—150.
- Стучевский И. А. Рамсес II и Херихор. Из истории древнего Египта эпохи Рамесидов. М., 1984.
- Т у р а е в Б. А. История Древнего Востока. Т. I—II. Л., 1935.
- Фараон Хуфу и чародеи. Сказки, повести, поучения Древнего Египта. М., 1958.
- Фингарет С. И. Искусство Древнего Египта в собрании Эрмитажа. Л., 1970.
- Флиттнер И. Д. В стране пирамид. М.— Л., 1936.
- Франк-Каменецкий И. Г. Памятники египетской религии в Фиванский период. Ч. I. М., 1917; Ч. II. М., 1918.
- Хрестоматия по истории Древнего Востока. Под ред. В. В. Струве и Д. Г. Редера. М., 1963.
- Хрестоматия по истории Древнего Востока. Под ред. М. А. Коростовцева, И. С. Кацнельсона, В. И. Кузищина. Ч. I. М., 1980.

Чабб М. Здесь жила Нефертити. М., 1961.

Элебрахт Петер. Трагедии пирамид. 5000 лет разграбления египетских усыпальниц. М., 1984.